
ГАЛЬФРИД
МОНМУТСКИЙ
ИСТОРИЯ БРИТТОВ
ЖИЗНЬ МЕРЛИНА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

GALFRIDUS MONEMUTENSIS

HISTORIA BRITONUM

VITA MERLINI

ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ

ИСТОРИЯ БРИТТОВ

ЖИЗНЬ МЕРЛИНА

Издание подготовили

А. С. БОБОВИЧ, А. Д. МИХАЙЛОВ,

С. А. ОШЕРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1984

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

А. Д. МИХАЙЛОВ

Г $\frac{4703000000-054}{042(02)-84}$ без объявления

ИСТОРИЯ БРИТТОВ

1. Часто и помногу о многом про себя размышляя, я наткнулся мыслью и на историю королей Британии и подивился тому, что, помимо упоминания об их правлении в давние времена, которое содержится в обстоятельных трудах Гильдаса и Беды [1], я не нашел ничего о королях, живших до воплощения Иисуса Христа, ничего об Артуре [2] и многих других после воплощения Христова, хотя свершенные ими деяния достойны славы вовеки и многие народы их помнят и о них повествуют [3], как если бы они были тщательно и подробно описаны.

2. И вот когда я думал об этом и стремился доискаться причины этого, архидиакон Оксенфордский Вальтер [1], муж отменно сведущий в искусстве красноречия и в иноземной истории, предложил мне некую весьма древнюю книгу на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку, в прекрасном изложении рассказывалось о правлении всех наших властителей начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадвалладром, сыном Кадваллона. Поддавшись его увещеванию и не собирая в чужих садах сладкозвучных слов, но довольствуясь деревенским слогом и собственным пером, я постарался перевести сочинение это на латинский язык. Ведь, заполнив страницы высокопарными выражениями, я нагнал бы на читающих скуку, поскольку им пришлось бы дольше задерживаться на раскрытии значения слов, чем на понимании хода событий.

3. Итак, Роберт, правитель Клавдиоцестрии [1], прими благосклонно этот ничтожный мой труд, дабы при твоем просвещенном содействии, под твоим присмотром он был исправлен и преобразован настолько, чтобы все могли счесть его не проистекшим от Гальфрида Монмутского, но творением тонкого вкуса твоей Минервы [2], и о нем говорили, что он создан тем, кого породил преславный король англов [3] Генрих [4], кого философия обучила свободным наукам [5], кого прирожденная доблесть в ратных деяниях поставила во главе воинов, из-за чего остров Британия ныне, в наши дни, обретший в тебе как бы второго Генриха, приветствует тебя от глубины души.

4. Приложи усилие и ты, Галеран, правитель Меллента [1], вторая опора нашего королевства, чтобы это произведение, над которым потрудились мы оба и которое ныне предается гласности, воссияло возможно ярче. Ведь тебя, отпрыска знаменитейшего королевского рода Карла [2], мать Философия, приняв в свое лоно, наставила в глубокомысленных науках своих, а затем дабы ты прославился в ратном деле, направила в стан королей, где, превзойдя отвагой своих сотоварищей, ты под руководством отца постиг, как внушать страх врагам и быть оплотом для своих. Итак, будучи для своих надежным оплотом, возьми и меня, твоего почитателя,

составившего эту книгу для утехи твоей, под свое покровительство, дабы, покоясь под сенью столь могучего древа, я мог пред завистниками и порицателями уверенно извлекать сладостные звучания из свирели музы моей.

5. Британия, прекраснейший из островов, лежит в западном Океане, между Галлией и Ибернией [1], простирается на восемьсот миль в длину и на двести в ширину и с неубывающим плодородием доставляет смертным все, в чем они испытывают нужду. Обильная всякого рода металлами, она обладает широко раскинувшимися полями, а также холмами, пригодными для богатого урожаями земледелия, на которых благодаря щедро родящей почве в подобающее им время вызревают всевозможные земные плоды. Обладает она и полными самым различным зверем лесами, в которых на прогалинах и перемежающихся с ними пастбищах для домашних животных произрастают травы и цветы различной окраски надсляют медом прилетающих сюда пчел. Обладает она и лугами, зеленеющими в прелестных местах на склонах вздымающихся высоко в небо гор, и прозрачными родниками на них, которые сверкающими потоками струятся с легким журчанием, навевая сладостную дремоту тем, кто прилег на их берегах. Орошают остров также озера, богатые рыбою реки, и от южных его побережий, откуда отплывают корабли в Галлию, протягиваются, как три руки, три знаменитых реки, а именно Темза, Сабрина и Хумбер, по которым из заморских стран тем же водным путем доставляют товары. Некогда украшали остров двадцать, даже двадцать восемь значительных городов, из коих иные лежат в развалинах в опустошенной местности, тогда как другие и посейчас нерушимые, заключают в себе воздвигнутые различным святым прекрасные храмы с башнями, вознесенными на огромную высоту, и в эти храмы стекаются толпы верующих мужчин и женщин, смиренно, в согласии с христианским учением взывающих к господу. Наконец, обитает на острове пять народов, а именно: норманны, бритты, саксы, пикты и скотты [2]. Исконные его обитатели бритты некогда занимали земли от моря до моря, пока бог не покарал их за надменность и им не пришлось отступить под натиском пиктов и саксов [3]. Нам остается еще разъяснить, каким образом и откуда прибыли бритты, дабы впредь к этому не возвращаться.

6. По окончании Троянской войны Эней, спасаясь после падения Трои с сыном Асканием, прибыл на корабле в Италию [1]. Радушно принятый там царем Латином, он возбудил против себя ненависть Турна, царя рутулов [2], и с ним сразился. В этом поединке Эней одержал верх над Турном и, убив его, овладел царством Италией и получил в жены Лавинию, дочь Латина. По кончине Энея облеченный царскою властью Асканий основал Альбу [3] на Тибре и породил сына, имя коему было Сильвий. Последний, поддавшись соблазнам тайной любви, вступил в связь с племянницей своей бабки Лавинии [4], и девушка от него зачала. Когда об этом узнал Асканий, его отец, он повелел своим прорицателям установить, младенцем какого пола беременна девушка. Дознавшись истины, прорицатели объявили, что в чреве у нее мальчик, которому суждено умертвить своего отца и свою мать, и что, обойдя изгнанником многие земли, он достигнет в конце концов вершины славы. Это прорицание не обмануло

их. Ибо когда наступил срок родов, женщина произвела на свет мальчика и, рожая его, умерла. Его отдали на попечение повивальной бабке и нарекли Брутом.

Впоследствии, по прошествии трех пятилетий, подросток сопровождал как-то отца на охоте и убил его нечаянно выпущенной в него стрелой. Ибо когда слуги погнали на них стадо оленей, Брут, стараясь поразить дичь, пронзил своего родителя насмерть, попав ему в грудь.

7. По смерти отца Брут подвергся изгнанию из Италии, ибо все родичи были возмущены столь непостижимым его злодеянием. Покинув родину, он достиг областей Греции и набрел на потомков Гелена [1], сына Приама, которые, пребывая во власти царя греков Пандраса, томились у него в рабстве. Ведь после разрушения Трои Пирр, сын Ахилла, привел с собою названного Гелена и с ним вместе многих других закованных в цепи и, дабы отмстить на них гибель отца, приказал держать их в заточении. Установив древнее родство, Брут остался среди троянцев. Он настолько возблистал своими воинскими деяниями и своей доблестью, что привлек к себе бо́льшую любовь царей и властителей, чем кто-либо иной из юношества этой земли. Был он между мудрыми мудр, между воинственными воинствен, и сколько бы золота или других драгоценностей ни захватывал, отдавал все без остатка воинам. И среди всех народов распространилась слава о нем, и троянцы начали стекаться к нему, умоляя, чтобы он их возглавил в борьбе за избавление от рабства. Они утверждали, что это легко достижимо, ибо численность их в стране многократно выросла, так что их ныне насчитывается семь тысяч, исключая малых детей и женщин. Кроме того, в Греции пребывает благороднейший юноша по имени Ассарак [2], который сочувствует им, ибо мать у него троянка, и возлагает на них величайшие надежды, считая, что с их помощью он сможет противостоять утеснениям греков. Его собственный брат оспаривал у него три крепости, которые подарил ему, умирая, отец. Этот брат вознамерился отнять их у Ассарака на том основании, что тот был рожден от наложницы; сам же он был грек и по отцу и по матери и по этой причине привлек царя и остальных греков на свою сторону.

Убедившись, что у Ассарака изрядное число воинов, и обозрев его крепости, открытые перед ним для осмотра, Брут увереннее уступил настояниям троянцев.

8. Итак, поставленный над ними вождем, он созывает отовсюду троянцев и укрепляет города Ассарака. Затем он с Ассараком и со всем множеством последовавших за ними мужчин и женщин занимает поросшие лесами горные склоны. Оттуда он направил царю следующее послание:

«Пандраса, царя греков, приветствует Брут, вождь последних уцелевших троянцев.

Так как было жестокой несправедливостью обращаться в царстве твоем с народом, происходящим от преславного колена Дарданова [1], поиному, чем того требовала ничем не запятнанная знатность его, он укрылся в лесной глуши. Он предпочел кормиться подобно зверям мясом и травами, наслаждаясь свободой, чем, ублажая себя всевозможными яствами, оставаться и впредь порабощенным тобою. Если сказанное

оскорбляет величие твоей мощи, то вину за это нельзя возлагать на нас,— напротив, нас должно понять и простить, ибо всякому узнику свойственно стремление возвратить себе былое достоинство. Итак, проникшись к нам милосердием, соблаговоли даровать нам утраченную свободу и дозволь, чтобы мы обитали в лесах, которые заняли, желая сбросить с себя ярмо рабства. В противном случае снизойди хотя бы к тому, чтобы мы с твоего разрешения беспрепятственно удалились к чужеземным народам».

9. Пандрас, однако, ознакомившись с этим посланием, чрезвычайно подивился тому, что те, кого он почитал своими рабами, прониклись столь великой дерзостью, что обращаются к нему с подобными требованиями. Созвав на совет своих приближенных, он принял решение собрать войско, дабы покарать беглецов. Но когда проходил через город Спаратин[1] в глухие места, где, как он полагал, укрывались троянцы, с тремя тысячами воинов выступил Брут и внезапно напал на ничего не опасавшегося Пандраса. Ибо, услышав о приближении царского войска, Брут вошел предыдущею ночью в названный город, чтобы напасть врасплох на дурно вооруженных и беспорядочно двигавшихся врагов. И вот, устремившись на них, троянцы яростно кидаются в бой и стараются их одолеть. Греки сразу смешавшись, разбегаются во все стороны и во главе со своим царем торопятся переправиться через протекавшую поблизости реку Акалон[2]. Но, переправляясь через нее, попадают в стремнину и терпят превеликое бедствие. Бегущих врагов настигает Брут и истребляет настигнутых, частью в волнах, частью на берегу, тесня их везде и радуясь их гибели и в воде, и на суше.

Заметив это, безмерно опечаленный Антигон, брат Пандраса, удержал своих дрогнувших воинов и, собрав их в отряд, стремительно бросился на все более ожесточающихся троянцев: он почитал за лучшее погибнуть, сопротивляясь, чем, обратившись в позорное бегство, утонуть в илистых омутах. Итак, наступая сомкнутым строем, он увещевает своих сотоварищей мужественно сопротивляться и изо всех сил сражается смертоносным оружием. Но от этого ему было немного, а то и вовсе никакой пользы, ибо троянцев защищали доспехи, тогда как на его людях их не было. Итак, наиболее отважные из воинов Антигона упорно дрались, нанося ничтожные потери врагам, но так и не смогли их сломить; они были почти полностью перебиты, Антигон и его друг Анаклет захвачены в плен.

10. Одержав решительную победу, Брут укрепил оборону города, оставив в нем шестьсот воинов, и двинулся в глушь лесов, где троянский простой народ был преисполнен надежды, что он его защитит. А Пандрас, удрученный своим бегством и пленением брата, той же ночью постарался собрать своих разбежавшихся кто куда воинов и на заре нового дня подошел с вновь собранным войском к городу, дабы его осадить. Он считал, что здесь заперся Брут и тут же находятся Антигон и остальные пленные. Итак, подступив к стенам крепости и обследовав ее местоположение, он распределил свое войско на несколько отрядов и расставил их повсюду вокруг города. Он также распорядился, чтобы одни из них пре-

пятствовали осажденным выйти из города, другие занимались отведением рек в новые русла, третьи — частыми ударами таранов и других стенобитных орудий рушили кладку городских стен. Беспрекословно выполняя царские повеления, осаждающие стремились нанести осажденным как можно больший урон. С наступлением ночи были отобраны те, кто выдавался своею отвагой, и им было приказано стеречь от внезапного нападения лагерь и внутри него шатры воинов, пока те, истомленные дневными трудами, будут покоиться в них, погруженные в сон.

11. Но осажденные, стоя на возвышении стен, стараются изо всех сил противопоставить свои ухищрения ухищрениям неприятеля и, осыпая его то дротиками, то пылающими серными факелами, сражаются, защищая себя в едином порыве. Однако когда враги, построившись черепахой [1], стали подрывать крепостную стену, а также принялись забрасывать осажденных греческим огнем [2] и обливать их кипящей водой, тем пришлось податься назад. Наконец, истощенные недостатком съестных припасов и истомленные ежедневными схватками, они отправили к Бруту гонца, умоляя его поспешить им на помощь. Ведь они опасались, как бы им, доведенным до полного истощения, не пришлось оставить противнику город. Брут, всем сердцем желая их выручить, мучился сомнениями, ибо не располагал таким числом воинов, какое требовалось для сражения в поле. И вот он надумал, применив хитрость, проникнуть глухою ночью в неприятельский лагерь и, обманув часовых, перебить объятых сном вражеских воинов. Но так как он понимал, что это невыполнимо без согласия и помощи кого-либо из греков, он призвал к себе Анаклета, друга Антигона, и, обнажив меч, сказал ему так: «Достославный юноша, и тебе и Антигону придет конец, если ты не согласишься в точности выполнить мою волю в том, что я тебе предпишу. Я хочу этой ночью проникнуть в греческий лагерь, дабы неожиданно учинить в нем побоище. Но я опасаюсь, как бы несущие стражу, распознав нашу уловку, не помешали осуществлению моего замысла. И так как при таком обороте дела пришлось бы прежде сразиться с ними, я желал бы при твоем участии их обмануть, чтобы увереннее напасть на всех остальных. Ты же, умело выполняя мое поручение, отправившись во втором часу пополуночи в стан осаждающих и усыпив кого-либо из них лживыми уверениями, скажешь ему, что извлек из моей темницы и привел с собой Антигона и, укрыв в кустах, оставил его в лощине возле лесной опушки, ибо идти далее он не в силах, так как его движениям мешают ножные кандалы. Затем ты поведешь обманутых тобою туда, где начинается лес, как будто за тем, чтобы они помогли Антигону, а я прибуду туда же с вооруженными воинами, готовый умертвить завлеченных тобою греков».

12. Видя перед собой меч, готовый его поразить, Анаклет, охваченный страхом пока произносились эти слова, клятвенно обещал исполнить приказание Брута, если ему и Антигону будет дарована жизнь. Итак, по заключении этого договора, Анаклет во втором часу ночи направился по указанному ему пути к стану осаждающих. Приблизившись к лагерю, он наткнулся на затаившихся в укрытиях часовых, которые стали его допрашивать, чего ради он здесь оказался и не проник ли сюда как лазутчик.

Он же, притворившись, что безмерно обрадован встречей с ними, ответил им так: «Я пришел сюда отнюдь не как предатель моего народа, но потому, что, ускользнув из темницы троянцев, пробрался к вам умолять отправиться вместе со мною к вашему Антигону, вырванному мной из заточения, в котором он томился у Брута. Но так как Антигон обессилел от тяжелых ножных кандалов, я оставил его, притаившегося в кустах, на опушке леса невдалеке отсюда, а сам устремился на розыски кого-либо из вас, чтобы привести к нему тех, кто бы его избавил от них». Часовых, однако, одолевали сомнения, правдив ли его рассказ, но тут подошел один человек, которому он был знаком и который, поздоровавшись с ним, сообщил своим сотоварищам, кто он такой. И они, нисколько после этого не колеблясь, поспешно призвали своих отсутствовавших товарищей и все вместе последовали за ним до лесной опушки, где, как он утверждал, скрывается Антигон. И пока они продвигались среди кустов, нежданно-негаданно появляется Брут с толпой вооруженных и, кинувшись на пришедших с Анаклетом и сразу же охваченных страхом греков, учиняет беспощадное их избиение. После этого он продвинулся к лагерю осаждающих и тут разделил своих воинов на отряды, чтобы каждый из них, остерегаясь выдать себя и не поднимая шума, проник в назначенную ему часть лагеря и, оказавшись там, воздерживался от открытого нападения, пока он сам со своими людьми не захватит царский шатер, о чем оповестит их рожком.

13. Кроме того, он им дал наставление, как именно им следует действовать, после этого воины стали потихоньку проникать во вражеский лагерь и, притаившись в указанных им местах, начали ждать условного знака. И Брут не замедлил его подать, очутившись перед шатром Пандраса, куда он жаждал ворваться. Услышав рожок, все сразу же обнажают мечи, вбегают в палатки и кидаются к ложам спящих[1]. Троянцы без передышки осыпают их несущими смерть ударами, не щадя никого, и обходят весь лагерь, оставляя за собой груды трупов. От стонов умирающих пробуждаются все остальные и, увидев возле себя забрызганных кровью убийц, цепенеют от ужаса, словно овцы, захваченные врасплох волками. Никто из греков не надеялся на спасение, так как у них не было ни времени, ни возможности взяться за оружие или даже броситься в бегство. Безоружные среди вооруженных, они устремляются туда, куда их гонит неприятельский натиск, но отовсюду на них кидаются враги, беспощадно их уничтожая. Кому полуживому удавалось ускользнуть от вражеского меча, тот из-за торопливости, порожденной безудержным стремлением поскорее уйти от опасности, разбивался на скалах или находил себе гибель в чаще кустарника, испуская дух вместе с вытекавшей из тела кровью. Иной, прикрытый только щитом или каким-либо другим доспехом и подгоняемый страхом смерти, натыкался на те же скалы и, торопясь найти для себя укрытие, падал во мраке ночи и при падении ломал себе руки иль ноги. С кем не случилось подобного, тот, не зная куда пуститься бежать, тонул в текущих поблизости речках. Едва ли кто-либо выбрался отсюда совсем невредимым, не испытав каких-нибудь бедствий. Горожане, узнав о прибытии своих соплеменников, высыпали за

крепостные стены, и этим только усугубили происходившее кровопролитие.

14. А Брут, добравшись, как сказано выше, до царского шатра, сохранил жизнь захваченному царю и не замедлил заковать его в цепи. Он полагал, что, оставив царя в живых, достигнет большего, чем если его умертвит, и добьется того, чего страстно желал. Между тем возглавляемый им отряд не прекращал уничтожать врагов, так что ту часть лагеря, которая досталась на его долю, он полностью истребил и опустошил. За этим делом его воины провели целую ночь, а когда с первым светом зари открылось, сколько полегло тут народу, Брут, исполненный величайшего ликования, дозволил своим сотоварищам на поле битвы обирать трупы погибших, сколько им вздумается. Затем он вместе с плененным царем вступает в город, намереваясь дождаться, когда победители распределят между собой захваченную вражескую казну. После того, как с этим было покончено, он восстановил крепость и повелел предать погребению мертвых. Вслед за чем, собрав вместе свои отряды, отвел их в леса, торжествуя победу, которая наполнила души всех ликованием. Тут преславный вождь созвал старших годами и обратился с вопросом к ним, что, по их мнению, следует потребовать от Пандраса, ибо, пребывая в их власти, тот уступит любому их требованию, лишь бы ему дали свободу. Но они, руководствуясь различными побуждениями, выражали различные пожелания, причем иные советовали потребовать от царя часть его царства, дабы в ней поселиться, тогда как другие — дозволения уйти из его пределов, захватив с собою все, что может понадобиться в пути. Так как они долгое время не могли преодолеть свои разногласия, поднялся один из них по имени Мемприций и, испросив тишины, сказал слушавшим его так: «Что же вы колеблетесь, достопочтенные старцы, не решаясь выбрать то, чего, как я полагаю, требует ваше благо? Если вы хотите для себя и для ваших потомков вечного мира, нужно истребовать от царя лишь одного, а именно дозволения покинуть его владения. Ибо, если вы оставите жизнь Пандрасу, заключив с ним договор о предоставлении вам части Греции и пожелав остаться среди данайцев, вы никоим образом не сможете наслаждаться длительным миром, ибо братья, сыновья, племянники тех, кого вы вчера облекли на гибель, будут жить вперемешку с вами или окажутся соседями вашими. Неизменно памятуя о гибели своих родичей, они будут питать к вам вечную ненависть и, раздраженные даже какой-либо безделицей, постоянно стремиться вам отомстить, тогда как вы, располагая меньшим числом людей, не будете обладать достаточной силой, чтобы противостоять стольким недругам. А уж если дело дойдет до открытого столкновения, то тут их численность с каждым днем станет возрастать, тогда как ваша — неминуемо уменьшаться. Итак, я почитаю за лучшее, чтобы вы потребовали у царя его перворо́дную дочь, которую зовут Инногеной, предназначив ее нашему вождю в жены, а вместе с нею золото и серебро, корабли и зерно, и все то, что будет необходимо нам в нашем странствии. И если нам удастся добиться этого, мы с царского дозволения отправимся искать пристанища среди других народов».

15. После того как этими и подобными им словами он закончил свою речь к соплеменникам, все они выразили ему свое одобрение и стали на-

стойчиво домогаться, чтоб Пандраса поставили перед ними и, буде он не примет их требований, предали самой мучительной смерти. Немедленно царя привели и поставили на помост, возвышавшийся над всеми присутствовавшими, после чего ему объявили, каким пыткам он будет подвергнут, если не выполнит того, что ему прикажут. На это он ответил следующим образом: «Так как враждебные боги предали в ваши руки и меня и брата моего Антигона, мне надлежит подчиниться вашему требованию, дабы мы не лишились жизни, если бы вам довелось выслушать наш отказ — ведь в вашей власти сохранить ее нам или отнять. Но ведь нет, по-моему, ничего драгоценнее жизни, ничего сладостнее, и неудивительно, что я готов отдать за нее все, что ее сохранит. И хотя мне не по сердцу повиноваться вашим приказам, я нахожу для себя утешение в том, что отдаю мою дочь в жены юноше столь великой доблести, который, как указывает его несомненное, проявляющееся во всем благородство, а также гласит известная молва, происходит из рода Приама[1] и Анхиза[2]. Ведь какой иной троянский изгнанник мог бы вызволить из оков рабства столь многих и столь великих мужей? Кто вместе с ними мог бы оказать сопротивление царю греков или со столь малыми силами вступить в бой с таким множеством вооруженных и в сражении одолеть и захватить в плен их царя? Итак, раз столь выдающийся юноша смог столь доблестно противоборствовать мне, я отдаю ему мою дочь Инногену, отдаю золото и серебро, корабли, зерно, вино и оливковое масло, и все то, что, по вашему разумению, вам понадобится в пути. Но если, отказавшись от первоначального замысла, вы пожелаете остаться с греками, я предоставлю вам для заселения третью часть моего царства. Буде все же вы на это не согласитесь, я на деле осуществлю мои обещания и, чтобы вы в этом не сомневались, останусь у вас заложником, пока не исполню всего».

По заключении этого соглашения победители отправляют гонцов по всему побережью Греции, дабы собрать корабли. После того как они были собраны в числе трехсот четырнадцати, на них грузят всякого рода съестные припасы. Дочь Пандраса выдают замуж за Брута. И как того требовало присущее ей высокое положение, царь одаряет ее золотом и серебром. По завершении всех этих дел царю возвращают свободу, а троянцы с попутным ветром отплывают из его государства. Инногена, стоя на возвышающейся над всем кораблем корме, не раз лишалась чувств на руках у Брута; она горько рыдала, проливая потоки слез и скорбя, что покидает родных и родину, и не отводила от берега глаз, пока он был виден. Брут старался ее успокоить, расточая ей ласки; то он сжимал ее в горячих объятиях, то дарил ей горячие поцелуи и не отступался от этого до тех пор, пока ее, истомленную долгим плачем, не одолел благодатный сон.

16. Тем временем задули попутные ветры, и через два дня и одну ночь они подошли к одному острову, носящему название Леогеция[1], и пристали к нему. Этот остров в давние времена был разорен морскими разбойниками, и с той поры никто не селился на нем. Дабы разведать, нет ли там все же каких-либо жителей, Брут направил туда триста воинов. Не найдя на острове ни души, они убили в лесах и на горных склонах повстречавшихся им различных диких зверей. Они набрели также

на какой-то безлюдный город, где обнаружили храм Дианы[2], в котором изваянье богини снисходило к ответам, если кто решался его о чем-либо спросить. Неся на себе добытую дичь, троянцы возвращаются к кораблям и сообщают своим сотоварищам, каковы этот остров и город на нем. Они принялись убеждать вождя посетить храм и, поднеся дары, вопросить божество этого места, какая земля доставит им надежное пристанище. И так как это предложение было одобрено всеми, Брут, взяв с собой прорицателя Гериона и двенадцать старейших возрастом, отправился к храму со всем необходимым для жертвоприношения. Прибыв туда, они, обернув вокруг головы повязки[3], сложили по старинному обычаю перед входом в святилище три очага, предназначенные для трех божеств[4], а именно для Юпитера, Меркурия и Дианы, и каждое из них почтили подобающей ему жертвой. Стоя у жертвенника богини и держа в правой руке священную чашу, полную вина и крови белоснежной оленухи, сам Брут, подняв лицо к изваянию божества, нарушил молчание следующими словами:

Дебрей богиня лесных, вепрей дубравных погибель,
Коей открыты пути в темных просторах небес,
В безднах подземных миров! Открой нам судьбы изволенье:
В землях каких обитать ныне ты нам повелишь?
Место такое назначь, где вечно чтить тебя буду,
Дев хороводы ходить будут вкруг храмов твоих.

Повторив это девять раз сряду, он четырежды обошел вокруг алтаря, вылив вино из чаши в огонь, после этого он возлег на шкуре оленухи, разостлав ее у подножия алтаря. Затем, уступив одолевшей его дремоте, он, наконец, уснул. Шел тогда третий ночной час, когда смертных сковывает целительный сон. И Бруту привиделось будто богиня стоит перед ним и вещает:

Там, где солнца закат, о Брут, за царствами галлов,
Средь Океана лежит остров, водой окружен.
Остров тот средь зыбей гигантами был обитаем,
Пуст он ныне и ждет, чтоб заселили его
Люди твои; поспеши — и незыблемой станет твердыней,
Трою вторую в нем дети твои обретут.
Здесь от потомков твоих народятся цари, и подвластен
Будет этим царям круг весь земной и морской.

Пробужденный этим видением, вождь усомнился, был ли то сон или живая богиня указала страну, куда надлежит отплыть. Собрав своих сотоварищей, он подробно рассказал им обо всем, что приключилось с ним спящим.

17. Проникшись бесконечною радостью, все увещевают его вернуться на корабли и, пока ветер благоприятствует, как можно поспешнее направиться под парусами на запад, на поиски предуказанного богинею острова. И, нимало не мешкая, они возвращаются к остальным своим сотоварищам и выходят в открытое море. Проборроздив водную гладь, путники после тридцатидневного плавания достигли берегов Африки, все еще не зная, куда обратить носы своих кораблей. Затем они подошли к Алтарям

Филистимлян и к Озеру Солеварен и проплыли мимо областей Руссикады и гор Азары[1]. Тут странники подверглись величайшей опасности, так как на них напали морские разбойники. Одержав, однако, над ними победу, они обогатились их добычею и награбленным ими. Переправившись затем через реку Мальва[2], они пристали к берегам Мавритании[3]. Побуждаемые нехваткой продовольствия и питьевой воды, троянцы сошли с кораблей и, разбившись на отряды, опустошили эту страну от края до края. Нагрузив захваченным свои корабли, они направились к Геркулесовым столбам[4], и здесь перед ними предстали морские чудища, именуемые сиренами[5], которые, окружив корабли, едва их не утопили. Они все же ускользнули от них и вошли в Тирренское море[6]. Здесь на самом побережье наткнулись они на четыре колена потомков троянских изгнанников, бежавших вместе с Антенором[7] из Трои. Их вождь, прозывавшийся Коринеем[8], муж скромный, благоразумный и проницательный, отличался выдающейся доблестью и такой же отвагой. И если ему случалось встретиться в единоборстве с каким-либо гигантом, он одолевал его с такой легкостью, словно тот был еще неокрепшим мальчиком. Установив общность происхождения и древность своего родства с местными жителями, новоприбывшие объединились с Коринеем и возглавляемым им народом, который по имени своего вождя впоследствии стал называться корнубиями и во всех битвах и стычках Брута неизменно, прежде других, оказывал ему помощь. Затем они все прибыли в Аквитанию[9] и, войдя в устье Лигера[10], бросили там якоря. Здесь они провели неделю и разведали, как расположено это королевство.

18. Правил тогда в Аквитании Гоффарий Пикт[1], король этой страны. Когда до него дошла весть об иноземцах, которые на множестве кораблей прибыли в пределы его государства, он послал к ним гонцов, дабы те их спросили, привезли ли они с собой мир или войну. Королевские гонцы, направляясь на розыски чужестранного флота, встретили Коринея, который сошел на сушу с двумястами мужей, дабы поохотиться в чаще лесов. Вступив с ним в разговор, гонцы обратились к нему с вопросом, с чьего разрешения он проник в королевские рощи и убивает тут дичь. Ведь издавна установлено, что никто не смеет ее поражать без особого повеления государя. На это Кориней им ответил, что никому ничьего разрешения на охоту вовсе не требуется, и один из королевских гонцов, по имени Имберт, раздраженный услышанным, бросился на Коринея и из изогнутого своего лука выпустил, метя в него, стрелу. Кориней от нее уклонился, стремительно подскочил к Имберту и его же луком размозжил ему голову.

Остальные же аквитанцы сразу же разбежались, едва ускользнув от руки Коринея, и сообщили Гоффарию об убийстве его приближенного. Опечаленный вождь пиктавов немедленно собрал огромное войско, дабы отмстить за смерть своего посла. А Брут, узнав о подходе этого войска, укрепляет свои корабли и, повелев, чтобы женщины и малые дети оставались на них, сам со всеми теми, кто полон сил, выступает навстречу врагу.

Наконец, оба войска сошлись, и началась жестокая сеча. И когда уже бо́льшая половина дня миновала во взаимном смертоубийстве, Кориней

ощутил стыд, что аквитанцы все еще продолжают отчаянно сопротивляться, а троянцы все не могут их победить. И вот, преисполнившись доблести, он увлек своих на правую сторону поля сражения и, составив отряд, учинил стремительный натиск на неприятеля, и, ворвавшись в гущу врагов сомкнутым строем, не переставал их разить, пока со своими проникшими в тыл неприятеля воинами не принудил его обратиться в бегство. После потери меча в сумятице боя Фортуна снабдила Коринея обоюдоострой секирой, которою всякого, до кого мог дотянуться, он разрубал надвое сверху донизу. Отваге и доблести этого мужа дивился Брут, дивились подчиненные Коринея, дивились также враги. А он, потрясая секирой перед толпою бегущих, не меньший ужас сеял в них такими словами: «Куда вы бежите, трусы? Куда бежите, слабые духом? Вернитесь, о вернитесь и сразитесь один на один с Коринеем! О позор! Столь многие тысячи бегут от меня одного! Впрочем пусть оправданием вашего бегства послужит то, что вас преследую я, Кориней, который столько раз неизменно обращал в бегство тирренских гигантов, который множество раз низвергал их в Тартар».

Услышав это, оборачивается некий военачальник врагов по имени Сугард и ведя за собой триста воинов бросается на Коринея, но тот, прикрывшись щитом от его удара и не забыв о секире, которой был вооружен, но размахнувшись ею, обрушил ее на верхушку шлема Сугарда и надвое разрубил оглушенного противника сверху донизу. Устремившись вслед за тем и на других его воинов, он принимается вращать своею секирой и, беспощадно их истребляя, неутомимо носится между ними и, уклоняясь от направленных на него ударов, не перестает поражать врагов: иному вместе с кистью отрубает он руку, иному отделяет лопатки от туловища, иному одним ударом сносит голову с плеч, иному отсекает голени со ступнями. Все бросаются на него одного, а он один на них всех. Увидев происходящее, Брут, движимый любовью к этому доблестному мужу, спешит с отрядом к нему на помощь. И тут начинают раздаваться крики на разных наречиях, здесь наносятся частые удары мечами, здесь обе стороны яростно истребляют друг друга. Вскоре, однако, троянцы одерживают решительную победу и обращают в бегство короля Гоффария вместе с его пиктавами.

19. Едва уйдя от погони, тот посетил различные области Галлии, дабы обеспечить себе поддержку родни и друзей. В то время в Галлии было двенадцать королей, правивших независимо друг от друга. Благожелательно встретив Гоффария, они единодушно обещают ему изгнать из пределов Аквитании вторгшихся в нее чужеземцев. А Брут, обрадованный описанной выше победой, одаряет сотоварищей доспехами павших и, одарив, снова объединяет их в отряды, после чего ведет за собой по стране, чтобы, перебив ее обитателей, заполнить свои корабли их богатствами. Горящими головнями Брут поджигает со всех сторон их города и извлекает укрытые там в тайниках сокровища; он также опустошает поля, безжалостно истребляет знатных и простой люд, стремясь уничтожить несчастный народ до последнего человека. И вот, намереваясь подвергнуть подобному разорению почти всю Аквитанию, он прибывает в то место, где теперь

расположен город Туронов[1], который, как свидетельствует Гомер, он позднее выстроил. И так как местность показалась ему подходящей для основания укрепления, он здесь разбивает для себя лагерь, чтобы в случае нужды в нем можно было укрыться. Надо сказать, что его тревожили опасения, как бы сюда не явился Гоффарий в сопровождении королей и галльских военачальников с огромным числом вооруженных, дабы вступить с ним в сражение. Покончив с разбивкой лагеря, он прождал тут Гоффария двое суток, уповая на свою рассудительность и на отвагу бывшей у него в подчинении молодежи.

20. А Гоффарий, получая известия о пребывании на его землях троянцев, не прекращал двигаться ни ночью ни днем, пока не увидел поблизости лагерь Брута. Заметив над ним тревожное зарево, он, слегка усмехнувшись, разразился такими словами: «О, горестная судьба! Безвестные беглецы расположились лагерем в моем королевстве! Вооружайтесь мужи, вооружайтесь и наступайте на врага сомкнутыми рядами! Еще немного, и мы захватим евнухов этих, словно овец, и распродадим схваченных по всему нашему королевству».

Итак, все, кого он с собою привел, облеклись в доспехи и вооружились и, разделенные на двенадцать сильных отрядов, начали наступать на врагов. Навстречу им, расставив своих в должном порядке, бесстрашно устремляется Брут, заранее указав своим воинам как им надлежит действовать, каким образом нападать и обороняться. В разразившейся схватке сначала возобладали троянцы, учинившие врагам жесточайшее избиение. Тех пало тогда около двух тысяч. Остальные, как бы совсем обезумев от страха, ударились в бегство. Но успех в конце концов обычно приходит к тому, у кого больше людей. И вот галлы, располагая тройным превосходством в воинах, хотя вначале и понесли поражение, придя в себя и собравшись с силами, отовсюду устремляются на троянцев и, одолев их, заставляют укрыться в лагере. Одержав победу, они обложили лагерь осадою, решив не уходить до тех пор, пока загнанные в него не подставят свои шеи для рабских цепей, либо погибнут там в невыносимых мучениях, изнуренные длительным голодом.

Между тем следующей ночью Кориней и Брут устроили совещание, причем первый из них заявил, что хочет этой же ночью, отыскав какую-либо лазейку, выйти из лагеря и притаиться до наступления дня в близлежащем лесу; когда же Брут выступит на рассвете, чтобы сразиться с врагами, он, Кориней, со своими воинами кинется на неприятеля с тылу и вступит с ним в схватку. Этот замысел Коринея пришелся по душе Бруту. А тот, искусно выполняя свое намерение, вышел из лагеря с тремя тысячами воинов и укрылся в чаще лесов. Когда занялся следующий день, Брут распределил своих сотоварищей по отрядам и, открыв лагерные ворота, выступает готовый к бою. Немедленно на него кидаются галлы и затевают с ним битву. С обеих сторон погибают многие тысячи мужей, нанося смертельные раны друг другу, ибо здесь никто не щадит противника. Был среди дерущихся некий троянец, племянник Брута по имени Турн, сильней и отважней которого, за исключением Коринея, не было никого. Он один, действуя только мечом, истребил шестьсот враже-

ских воинов. Но все же раньше, чем ему подобало, он погиб, убитый множеством навалившихся на него галлов. Его именем будет назван впоследствии город Тур, ибо он был именно тут погребен. И вот когда оба стана особенно яростно бились, нежданно-негаданно появился Кориней и ударил по врагу с тыла. Это воодушевило выступивших из лагеря, и они теснят неприятеля с другой стороны и стараются его уничтожить. А галлы, ошеломленные раздавшимися за их спинами кликами людей Коринея и сочтя, что на них идет большее число воинов, чем их было в действительности, торопятся покинуть поле сражения. Троянцы же неотступно преследуют их и, преследуя, поражают насмерть; и не перестают поражать до тех пор, пока не одержали победы. А Брута, хотя такое полное торжество над врагом и доставило ему величайшую радость, удручает все же печальная мысль, что численность его сотоварищей с каждым днем уменьшается, тогда как численность галлов неуклонно растет. Одолеваемый по этой причине сомнениями, дóлжно ли продолжать биться с ними, он в конце концов предпочел, пока бóльшая часть его воинов все еще невредима и, окрыленные победой, они преисполнены бодрости, отплыть на своих кораблях к тому острову, который предуказало ему божество. И, не мешкая, он с согласия подчиненных прибыл к своему флоту, погрузил на суда богатую добычу, которую успел захватить, и взошел на них со всеми своими людьми. Плывя с попутными ветрами к обетованному острову, он пристал, наконец, к Тотонскому побережью [1].

21. На острове, который назывался тогда Альбионом [1], не жил никто, кроме немногих гигантов. Тем не менее его чарующие глаз человеческий дивные земли, обилие рек, богатых рыбой, его нетронутые леса внушили как самому Бруту, так и его спутникам страстное желание поселиться на нем. Обойдя несколько областей, троянцы прогнали обнаруженных ими гигантов, укрывшихся в горных пещерах, и распределили между собой всю страну, поставив правителя над каждою ее частью. Они начинают возделывать пашни и строить жилища, так что короткое время спустя ты мог бы счесть этот остров землею, обитаемой испокон веков. Наконец, Брут по собственному имени нарекает его Британией, а своих сотоварищей бриттами; ведь ему хотелось в этих названиях запечатлеть навсегда свое имя. Отсюда и язык народа, который прежде прозывался троянским или исковерканным греческим, впоследствии стал именоваться бриттским. Что касается Коринея, то ту долю королевства, которую ему даровал жребий, он назвал по собственному своему имени Коринеей [2], последовав в этом примеру вождя, а свой народ коринейским. Располагая возможностью выбрать по своему усмотрению любую область на острове, он предпочел именно эту, которая либо потому, что составляет как бы отросток корня Британии, либо из-за искажения имени Коринея, именуется ныне Корнубией. Его больше всего прельщало, что тут он сможет бороться с гигантами, которые здесь были в таком изобилии, как ни в одной из распределенных между его сотоварищами областей. Среди этих гигантов был один особенно отвратительный, которого звали Гоемагог [3]. Двенадцати локтей ростом, он был наделен такой силой, что в одно мгновение вырывал из земли мощный дуб со всеми корнями, точно он был всего лишь

ореховый куст. Однажды, когда Брут устроил в гавани, где впервые высадился на землю Британии, праздник в честь богов, Гоемагог с двадцатью гигантами истребил в беспощадной схватке множество бриттов. Но бритты, сбежавшись, наконец, отовсюду, взяли верх над гигантами и перебили их всех, кроме Гоемагога. Брут повелел сохранить ему жизнь, желая посмотреть на борьбу между этим гигантом и Коринеем, который неудержимо жаждал вступить в единоборство с этим чудовищем.

Итак, Кориней, преисполненный величайшего ликования, препоясавшись для борьбы и отложив оружие в сторону, вызывает Гоемагога на состязание в силе и ловкости. В начале схватки одолевает то Кориней, то гигант, и, сжимая друг друга в железных объятиях, они оглашают воздух своим учащенным дыханием. Вскоре, однако, стиснув Коринея изо всей силы, Гоемагог сломал ему три ребра, два справа и одно слева. Тогда Кориней, распалившись гневом, собрал все свои силы, взвалил Гоемагога на плечи и как можно быстрее, насколько ему позволял вес его ноши, устремился к берегу моря. Затем, взобравшись на вершину скалы, он распрямился, напрягся и сбросил в море вышеупомянутое, несущее гибель чудовище, которое держал на плечах. И гигант, падая с одной крутой скалы на другую, растерзанный на тысячу кусков, рухнул в воду, замутив ее своей кровью. Это место, названное в память падения гиганта со скалы, и поныне именуется Прыжком Гоемагога[4].

22. Покончив с разделом королевства, Брут загорелся неудержимым желанием выстроить город. Стремясь осуществить это намерение, он обошел вдоль и поперек всю страну, чтобы найти подходящее для этого города место. Подойдя к реке Темзе, он прошел вдоль ее берегов и обнаружил пригодное для воплощения своего замысла место. Итак, он основал город и тут же назвал его Новою Троей. И этим именем вновь основанный город назывался впоследствии долгие годы, пока, наконец, по причине искажения этого наименования не стал Триновантом[1]. Однако позднее Луд, брат Кассибеллана[2], который сражался с Юлием Цезарем, захватил в свои руки кормило власти и окружил этот город мощными крепостными стенами, а также башнями поразительно искусной постройки. И он повелел, чтобы город отныне носил в его честь название Каерлуд, что означает город Луд. Из-за этого позднее между ним и Неннием, его братом, возникла величайшая распря, ибо Нenний не мог примириться с тем, что Луд хочет предать забвению самое слово Троя. Поскольку историк Гильдас достаточно подробно поведал об этой распре, то я предпочел не распространяться о ней, дабы никому не казалось, что моим низменным слогом я осквернил так превосходно рассказанное столь даровитым писателем. Итак, после того, как вышеназванный вождь основал вышеназванный город, он по праву победителя предоставил его своим людям для заселения и дал им законы, дабы между ними царили мир и согласие.

В Иудее правил тогда священник Илий, и захваченный филистимлянами кивот Завета[3] пребывал в их руках. В Трое после изгнания потомков Антенора правили сыновья Гектора[4]. В Италии правил Сильвий Эней, сын Энея[5], дядя Брута, третий из рода Латика.

23. Брут познал Инногену, супругу свою, и она родила ему трех прославленных сыновей, имена коих были Локрин, Альбанакт и Камбр. После того, как отец их на двадцать четвертом году по прибытии на остров Британию переселился из этого мира в иной, они погребли его внутри основанного им города и, разделив его королевство между собой, удалились каждый к себе. Локрин, старший из них, владел серединой острова, которая позднее была названа по его имени Лоегрией [1]; Камбр — той частью его, которая лежит за рекой Сабриной и ныне зовется Валлией [2], а ранее долгое время прозывалась по его имени Камбрией, из-за чего народ этой области на бриттском языке называет сам себя Камбро; наконец, младший брат Альбанакт получил под свою руку страну, которая на нашем языке прозывается ныне Скоттией и которой он по имени своему присвоил имя Альбании [3].

24. Они долгое время правили в нерушимом мире и таком же согласии, как вдруг в Альбании высадился повелитель гуннов Хумбер и, вступив в сражение с Альбанактом, его умертвил, а народ этой страны принудил бежать к Локрину. Последний, когда до него дошла весть об этом, объединился со своим братом Камбром и, собрав всю подвластную ему молодежь, выступил навстречу повелителю гуннов и столкнулся с ним возле реки, ныне носящей название Хумбер [1]. Сойдясь с повелителем гуннов в битве, он обратил Хумбера в бегство, и тот, достигнув реки, утонул в ее водах, оставив ей свое имя. А победитель Локрин разделил доставшуюся от врагов добычу между своими воинами, не удержав для себя ничего, кроме золота и серебра, обнаруженных на кораблях пришельцев.

Но удержал он для себя и трех дев поразительной красоты. Прекраснейшая из них была дочерью одного из германских королей; вышеупомянутый Хумбер похитил ее вместе с двумя другими, опустошив королевство ее отца. Ее звали Эстрильдой, и была она так хороша, что нелегко отыскалась бы какая иная, способная идти в сравнение с нею; тело ее превосходило своей белизной прославленную слоновую кость, свежевыпавший снег и любую лилию. И вот Локрин, воспылав к ней любовью, возжаждал возлечь с нею на ложе и сочетаться с ней браком. Когда Коринея известили об этом, он распалился безмерным негодованием, ибо Локрин уговорился с ним ранее, что возьмет за себя его дочь. Итак, потрясая секирой, Кориней предстал пред королем и сказал ему так: «Вот как отплачиваешь ты мне, Локрин, за бессчетные раны, которые я получил, служа твоему отцу, когда он затевал битвы с неведомыми народами! Вот как отплачиваешь ты мне, отвергая мою дочь и вступая в супружество с какою-то чужестранкой! Но не пройдет это тебе безнаказанно, и порукой тому сила, которой наделена вот эта моя десница, на берегах Тирренского моря лишившая радости жизни столь многих гигантов». Возглашая это все снова и снова, он потрясал секирой, как бы собираясь поразить ею Локрина, чего, однако, не допустили друзья их обоих. Уняв Коринея, они принудили Локрина исполнить обещанное. Итак, Локрин взял в жены дочь Коринея по имени Гвендолена [2], не забывая вместе с тем и о своей страсти к Эстрильде [3]; соорудив подземелье под городом Триновантом, он поместил ее там, поручив прибли-

женным окружить затворницу должным почетом и преданно ей служить. Он желал хотя бы втайне вкусить от нее любовные наслаждения. Ибо, страшась Коринея, не смел открыто держать ее при себе, и, как сказано выше, скрыв ото всех, посещал ее целых семь лет, причем никто об этом не был осведомлен, кроме отмеченных особым его доверием приближенных. Ведь отправляясь к ней, он всякий раз утверждал, будто хочет совершить в одиночестве жертвоприношение своим личным богам. Таким образом, внушив некоторым ложное о себе представление, он побудил их превозносить его за мнимое благочестие. Между тем Эстрильда зачала от Локрина и родила девочку поразительной красоты, которую назвала Хабрен. Зачала также и Гвендолена, которая родила мальчика, нареченного именем Маддан. Отданный на попечение деда своего Коринея, он усердно усваивал его наставления.

25. В дальнейшем, по смерти Коринея, Локрин покинул Гвендолену и провозгласил Эстрильду королевой. А Гвендолена, распалившись негодованием, отбыла в Корнубию и, созвав молодежь со всего королевства, начала тревожить Локрина вооруженными нападениями. Наконец, войска обоих сошлись и вступили в сражение близ реки Стуры [1], где Локрин, пронзенный стрелой, распростился с радостью, которая дарует нам жизнь. После его гибели королева Гвендолена, неистовая и яростная, как и ее отец, взяла в свои руки кормило правления. Эстрильду и ее дочь Хабрен она приказала бросить в реку, которая ныне зовется Сабриной [2], и по всей Британии разослала указ, предписывавший называть эту реку по имени девушки. Она хотела, очевидно, обеспечить ей таким образом вечную память, ибо та родилась от ее супруга; вот почему эта река на языке бриттов носит название Хабрен, но по причине искажения обычно зовется Сабриной.

После убийства Локрина Гвендолена царствовала пятнадцать лет, он же — десять. Увидев, что ее сын Маддан достиг уже зрелого возраста, она вручила ему бразды правления, пожизненно сохранив за собою лишь область Корнубию.

В Иудее правил тогда пророк Самуил [3]; был еще жив Сильвий Эней, а Гомер почитался прославленным ритором и поэтом.

26. Маддан взял жену, которая родила ему двух сыновей, Мемприция и Малима, и в мире и тщании правил своим королевством в течение сорока лет. После его кончины между вышеназванными его сыновьями возник спор о верховной власти, ибо и тот и другой желали самолично владеть всем островом. И вот Мемприций, страстно стремясь удовлетворить свои чаяния, вступил в переговоры с Малимом, якобы намереваясь восстановить между ними согласие, но, воспламененный огнем предательства, убил его во время переговоров. Захватив затем власть над всем островом, он стал творить такое насилие, что обрекал на смерть почти каждого из знатнейших. Он возненавидел также всех своих кровных родичей и, опасаясь, как бы кто из них не свергнул его и не увенчал себя королевской короной, стремился или силой, или коварством их всех уничтожить. Покинув свою жену, которая была матерью достославного юноши Эбраука, он предался содомии, предпочитая естественному соитию проти-

воестественный блуд. Наконец, на двадцатом году своего царствования он отстал на охоте от спутников и забрел в какую-то лощину среди холмов, где был окружен и разорван в клочья собравшимися во множестве прожорливыми волками.

Тогда в Иудее царем был Саул[1], в Лакедемоннии[2] — Эврисфей.

27. После гибели Мемприция власть в Британии взял в свои руки его сын Эбраук, муж могучего сложения и поразительной силы, и тридцать девять лет стоял у кормила правления. После Брута он первым направил свои корабли к границам Галлии и, затеяв войну, изнурил эти края убийством мужей и насилиями, чинимыми в городах, после чего возвратился с победою, обогащенный несметным количеством золота и серебра. Кроме того, за рекой Хумбер он основал город, который по своему имени назвал Каерэбраук[1], то есть город Эбраука.

В Иудее тогда царствовал царь Давид[2], в Италии — Сильвий Латин, пророками в Израиле были Гад, Натан и Асаф. Эбраук основал поблизости от Альбании город Алклуд[3] и укрепление на горе Агнед[4], которое ныне называется Замком дев, а также Скорбной горой. Было у него двадцать сыновей, родившихся от двадцати его жен, и тридцать дочерей. Вот имена его сыновей: Брут Зеленый щит, Маргадуд, Сизилий, Регин, Морвид, Бладуд, Ягон, Бодлоан, Кинкар, Спаден, Гауль, Дардан, Элдад, Ивор, Кангу, Гектор, Керин, Руд, Ассарак, Буель; а вот имена его дочерей: Глойгин, Игногин, Оудас, Гвенлиан, Гаурдид, Ангарад, Гвенлодое, Тангустель, Горгон, Медлан, Метаель, Оурар, Майлуре, Камбреда, Раган, Гаель, Экуб, Нест, Хейн, Стадуд, Гладус, Эбрейн, Бланган, Абаллак, Ангаес, Галаес (тогда самая красивая из всех девушек Британии и Галлии), Эдра, Анор, Стадиальд, Эгрон. Их всех отец отправил в Италию к Сильвию Альбе, который царствовал после Сильвия Латина. Там они были выданы замуж за знатных троянцев, разделять ложе с которыми не желали латинянки и сабинянки[5]. Его сыновья под предводительством своего брата Ассарака повели корабли в Германию и, покорив с помощью Сильвия Альбы ее обитателей, захватили все это царство.

28. Брут, прозванный Зеленым щитом, остался при отце и, овладев после него властью, правил в течение двенадцати лет. Ему наследовал его сын Леил, почитатель мира и справедливости. Воспользовавшись процветанием своего королевства, он построил в северной части Британии город, назвав его по своему имени Каерлеилом[1].

Тогда Соломон[2] начал в Иерусалиме возводить храм господень; тогда же туда прибыла, дабы вкусить от его премудрости, царица Савская[3], и тогда занял престол своего отца Альбы Сильвий Эпит.

Прожил Леил после того, как унаследовал королевство, двадцать пять лет, но стал под конец править вяло и нерадиво. И так как его равнодушие к делам государственным все усиливалось, в царстве бриттов внезапно разгорелась междоусобная распря.

29. После него тридцать девять лет правил его сын Руд Гудибрас. Возвратив народ из междоусобной розни к согласию, он основал Каеррейнт[1], то есть Кантуарию. Основал он и Каергвейнт[2], то есть Гвинтонию, а также укрепление на горе Паладур, которое ныне именуется Сеф-

тонией [3]. Когда там возводилась стена, заговорил, как рассказывают, орел [4], чьи слова, если бы я считал достоверными, то не преминул бы среди всего прочего сообщить их потомству.

Тогда царствовал Капис, сын Эпита, и пророчествовали Аггей, Амос, Иов, Иоиль и Азария [5].

30. Наследовал Гудибрасу его сын Бладуд, который правил затем двадцать лет. Он основал город Каербадум, который ныне называется Бад [1], и устроил в нем горячие бани для общего пользования. Он препоручил их покровительству богини Минервы, в чьем храме поместил неугасаемые головни, которые никогда не превращались в золу, но, остывая, становились каменными глыбами.

В те времена Илия [2] молился о том, чтобы не проливался на землю дождь, и дождя не было три года и шесть месяцев.

Король Бладуд был человеком больших дарований. Он научил Британию колдовству и был тароват на всевозможные выдумки, пока не попытался, изготовив для себя крылья, воспарить высоко в небо [3], но упал в Триновант на храм Аполлона и разбился так, что от него ничего не осталось.

31. После гибели Бладуда королем становится сын его Леир [1], который шестьдесят лет достойно правил страной. Он основал город на реке Соре [2], который на языке бриттов называется Каерлеир [3], а на языке саксов Лереестрией. Провидение отказало ему в потомстве мужского пола и одарило его только тремя дочерьми, каковые звались Гонорильей, Регау и Кордейлой Отец питал к ним, и в особенности к младшей Кордейле, редкостную любовь, и так как к нему уже стала приближаться старость, решил отдать им свое королевство и сочетать их браком с такими мужьями, которые, взяв их за себя, стали бы вместе с тем и властителями его государства.

Однако чтобы определить, какая из них достойна получить лучшую часть его королевства, он посетил каждую из них в отдельности, стараясь дознаться, которая любит его больше других. Когда он задал свой вопрос Гонорилье, та, призвав в свидетели богов-небожителей, заявила, что он ей намного дороже души, обитающей в ее теле. На что отец обратил к ней такие слова: «Раз ты чтишь мою старость превыше жизни своей, я выдам тебя, дражайшая дочь, за юношу, какого бы ты для себя ни избрала, дав ему за тобою третью часть королевства Британии». Регау, которую он вслед за тем посетил, желая снискать отцовское благоволение, последовала примеру сестры и на его вопрос, поклявшись, ответила, что она любит его, как никого на всем свете и что сверх этого ей сказать нечего. Поверив и этой, отец обещал наделить ее столь же высоким положением, как первородную дочь, и устроить ее замужество, дав за нею другую треть своего королевства. Младшая дочь Кордейла, понимая что отца покорили льстивые уверения старших сестер, пожелала его испытать и порешила ему ответить иначе, чем те: «Существует ли где, отец мой, такая дочь, которая могла бы мнить о себе, будто она любит отца более, чем отца? Не думаю, чтобы где-нибудь отыскалась такая, которая посмела бы подобное утверждать, если только ее к этому не побуждает намерение за лживыми словами

скрыть правду. До сих пор я всегда любила тебя как отца, да и теперь мое чувство сохраняется во мне неизменным. А если ты домогаешься от меня чего-либо большего, то будь неколебимо уверен в моей любви и привязанности и прекрати расспросы свои. Ведь ты сто́ишь столько, сколько заключаешь в себе, и столько же любви я питаю к тебе». Выслушав это, отец, сочтя, что она высказалась от всего сердца и с полною искренностью, вознегодовал и не преминул высказать все, что накопилось в его душе. «Так как ты выказала столько презрения к моей старости и отказываешь мне в той любви, какою любят меня твои сестры, я также отвергну тебя, и в отличие от них ты не получишь ни частички моего королевства. Впрочем, я не хочу сказать, поскольку ты моя дочь, что не выдам тебя, если представится случай, за чужестранца. Но я твердо говорю тебе, что не стану стараться выдать тебя замуж с таким же почетом, как выдам твоих сестер, ибо, хотя я до этого дня любил тебя больше, чем их, ты любишь меня менее, чем они».

И он, не мешкая, по совету своих приближенных выдал двух вышеназванных дочерей за двух властителей, а именно Корнубии и Альбании, предоставив им немедленно лишь половину острова и оставляя после своей кончины все королевство Британию. Случилось в последующем так, что король франков[4] Аганипп, прослышав о редкостной красоте Кордейлы, немедленно отправил к королю Леиру послов, прося отдать ее ему в жены. Отец, все еще упорствуя в гневе, о котором упоминалось выше, ответил, что охотно отдаст дочь за него, однако без земли и без денег, ибо все свое королевство со всем золотом и серебром он уже подарил Гонорилье и Регау, сестрам девушки, которую сватает Аганипп. Когда Аганиппа известили об этом, распаленный любовью к девушке, он снова отправил к королю Леиру гонцов, заявив, что золота и серебра, а также другого добра у него у самого предостаточно, ибо ему принадлежит одна треть Галлии, и что он берет за себя Кордейлу, дабы иметь от нее наследников. Наконец, по заключении должного соглашения, Кордейла отсылается в Галлию и становится женой Аганиппа.

Спустя много времени, когда Леира стала одолевать старость, восстали против него те властители, коим он вместе с дочерьми отдал Британию. Они отняли у него королевство и королевскую власть, которую вплоть до этого он мужественно и со славою удерживал за собой. После того как между ним и детьми произошло примирение, один из них по имени Маглаун, властитель Альбанский, принял его к себе и вместе с ним сорок воинов, дабы, живя у него, Леир не претерпевал унижения. Однако после двухлетнего пребывания Леира у зятя его дочь Гонорилья возмутилась многочисленностью находившихся при нем воинов, которые затевали ссоры с ее управителями, домогаясь от тех более щедрой выдачи им месячины. Посему по уговору со своим мужем она повелела отцу довольствоваться отныне двадцатью подчиненными ему воинами, отослав прочь всех остальных.

Разгневанный этим Леир, покинув Маглауна, отправился к Хенвину, властителю Корнубии, за которого в свое время выдал вторую дочь Регау. И хотя тот принял его с почетом, не миновало и года, как между

его челядью и королевскими воинами возникли раздоры. Распалившись по этой причине негодованием, Регау велела отцу отослать всех сотоварищей за исключением пятерых, которые по-прежнему оставались бы в его подчинении.

Впоследствии ее вконец раздосадованный этим отец возвратился к своей перворожденной дочери, рассчитывая, что сможет склонить ее к снисходительности и она предоставит приют и ему, и всем его воинам. Но она отнюдь не стала терпимее и поклялась небожителями, что примет его только в том случае, если, расставшись с прочими, он удовольствуется одним-единственным воином. При этом она упрекала его за то, что, будучи стариком и ничего за душой не имея, он хочет пребывать у нее с такой многочисленной свитой. И так как она ни в чем не уступила его настояниям, он в конце концов ей подчинился и, позабыв о своих двухстах в былое время телохранителях, остался у нее только с одним. Однако постоянно предаваясь воспоминаниям о своем былом величии и проклиная бедственное положение, в котором он оказался, король Леир стал помышлять о своей младшей дочери за морем и о том, чтобы к ней обратиться. Но он сомневался, пожелает ли она хоть в чем-нибудь его поддержать, поскольку он выдал ее столь бесславно, как рассказано выше. Все же, не желая пребывать и дальше в столь тягостном унижении, он переправился в Галлию. Но, переправляясь на корабле, он увидел, что его знатные спутники относятся к нему с явным пренебрежением, и, проливая слезы и горько рыдая, разразился такими словами: «О неумолимая череда судеб, шествующих привычною поступью по предуказанному пути! Зачем вы некогда пожелали даровать мне шаткое счастье, если, утратив его, мысленно возвращаться к нему много мучительнее, чем подвергаться преследующим тебя бедствиям? Ведь воспоминание о тех временах, когда, окруженный многими тысячами воинов, я то и дело низвергал городские стены и разорял земли врагов, удручает меня много больше, чем нынешнее мое убожество, которое позволило тем, кто валялся в моих ногах, покинуть меня в беспомощности и немощи. О, преследующий меня рок! Придет ли когда-нибудь день, в который я смогу полной мерою воздать тем, кто бежал от меня, бросив среди моих злосчастий и в нищете? О дочь Кордейла, до чего справедливы слова, которыми ты ответила, когда я спросил, какую любовь ты питаешь ко мне. Ведь ты сказала тогда: „Ты стоишь столько, сколько заключаешь в себе, и столько же любви я питаю к тебе". Стало быть, пока у меня было то, что я мог раздавать тем, кто был друзьями не мне, а моим дарам, я казался чего-то стоящим. И они любили не меня, а более щедроты мои. Ибо не стало этих щедрот, и их тоже не стало. Но с каким лицом, дражайшая дочь, посмею я обратиться к тебе с просьбою о поддержке, если, раздраженный приведенными выше твоими словами, я вознамерился выдать тебя замуж хуже, чем старших твоих сестер, которые после всех благодеяний, что я им оказал, допускают, чтобы я был бесприютен и нищ?»

Неотрывно думая обо всем этом и твердя про себя подобное, он прибыл в Карицию[5], где жила его дочь. Решив выждать за городом, он послал к Кордейле гонца, дабы тот сообщил ей о бедственном положении,

в котором он оказался, о том, что ему нечего есть и нечем прикрыть свою наготу, и что он взывает к ее милосердию. После того, как гонец поведал ей обо всем, растроганная Кордейла горько заплакала и спросила, сколько воинов состоит при ее отце. Посланный на это ответил, что при нем нет никого, кроме единственного оруженосца, который вместе с ним дожидается за пределами города. Тогда она собрала все бывшее под руками золото и серебро и, вручив их вестнику, наказала ему проводить отца в другой город, устроить его там, больного и немощного, омыть, одеть как подобает и всячески холить. Она повелела также, чтобы при отце находилось сорок отлично одетых и снаряженных воинов и чтобы он сообщил о своем прибытии королю Аганиппу и дочери лишь после того, как все ее распоряжения будут исполнены.

Вестник, вернувшись к царю Леиру, проводил его в другой город и укрывал его там, пока не выполнил всего приказанного Кордейлой.

Вскоре, как только Леир облачился в пышное царское одеяние и обзавелся свитой, он сообщил Аганиппу и своей дочери, что изгнан зятьями из королевства Британии и прибыл к ним с тем, чтобы при их поддержке собраться с силами и вернуть себе свое государство. И они, выйдя к нему навстречу со своими советниками и приближенными, приняли его с должным почетом и вручили ему власть над всей Галлией, пока не восстановят его в прежнем достоинстве.

Между тем Аганипп разослал гонцов по всей Галлии, распорядившись собрать вооруженных надлежащим образом воинов, дабы, предоставив своему тестю Леиру потребную помощь, добиться возвращения ему его королевства Британии. По исполнении этого, взяв с собой дочь, Леир переправил в Британию множество собранных в Галлии воинов и, сразившись с зятьями, одержал верх над ними. Затем, восстановив свою власть над всеми своими былыми подданными, он на третий год умер. Умер и Аганипп, король франков. А Кордейла, дочь Леира, взяв в свои руки бразды правления, погребла отца в подземелье, которое приказала соорудить под рекой Сорой, в городе Легецестрии [6]. Это подземелье было посвящено двуликому Янусу [7] Все городские ремесленники приступили к работам над этим сооружением, которое было завершено лишь по прошествии года, накануне торжеств в честь упомянутого божества.

32. После того как Кордейла в течение пяти лет в мире правила государством, ее принялись беспокоить племянники, сыновья ее старших сестер, состоявших в супружестве с Маглауном и Хенвином, а именно Марган и Кунедагий. Оба юноши славились своей выдающейся доблестью, причем первый, то есть Марган, был рожден от Маглауна, тогда как Кунедагий — от Хенвина. После смерти своих отцов они унаследовали принадлежавшие им владения, досадуя, что власть над всею Британией принадлежит женщине. Итак, собрав отряды, они восстали против королевы и упорствовали в своей жестокости, а, разорив несколько областей, начали затевать битвы с самой государыней и, захватив ее в плен в последней из них, заключили в темницу, где, удрученная потерею королевства, она наложила на себя руки. Засим юноши поделили между собою остров, причем та часть, что лежит за Хумбером и расстилается по на-

правлению к Катанезии [1], отошла к Маргану, а ту, что на другой стороне реки простирается к солнечному заходу, получил Кунедагий.

Спустя два года к Маргану явились такие люди, которым смута в государстве была по душе, и, подстрекая его, стали ему нашептывать, что для него, старшего возрастом, стыд и позор не быть единодержавным властителем всего острова. Распаленный этими их словами и многим другим, он вторгся со своим войском в земли, принадлежавшие Кунедагию, и начал опустошать их огнем и мечом. Итак, разгорелась война, и Кунедагий, напав на Маргана со всем своим многочисленным войском, учинил немалое кровопролитие и обратил его в бегство, после чего стал гнаться за ним по пятам, переходя из области в область, наконец, настиг его и расправился с ним на земле Камбрии, в месте, которое после убийства Маргана вплоть до наших дней называется среди местных жителей по его имени, то есть Марганом. Одержав победу, Кунедагий сосредоточил в своих руках единоличную власть над всем островом и тридцать три года со славою удерживал ее за собой.

Тогда пророчествовали Исайя и Осия [2] и в одиннадцатый день от майских календ братьями-близнецами Ремом и Ромулом основан был Рим [3].

33. В дальнейшем после кончины Кунедагия ему наследовал его сын Риваллон, юноша удачливый и миролюбивый, который старательно управлял своим королевством. Это в его времена три дня сряду падал кровавый дождь и люди мерли от налетевших во множестве мух [1].

После него на престол вступил его сын Гургустий, за ним Сизилий; после этого Яго, племянник Гургустия; за ним Кинмарк, сын Сизилия, а после него Горбодугон. У последнего было два сына, одного из коих звали Ферреукс, другого Поррекс. Когда их отец начал стареть, между ними возникла распря, кому из них унаследовать отцовское королевство. Поррекс, превосходя брата в алчности, вознамерился убить Ферреукса, подстроив ему западню. Тому это стало известно, и, спасаясь от Поррекса, он переправился в Галлию. Воспользовавшись поддержкою короля франков Суарда, он возвратился, однако, в Британию и сразился с братом. В этом бою были убиты Ферреукс и все многочисленные его подчиненные. Вскоре их мать, которую звали Юдон, получив достоверное известие о гибели сына, впала в безутешное горе и прониклась ненавистью к его убийце. Ведь она любила убитого больше, чем оставшегося в живых. Смерть этого сына до того распалила в ней гнев, что ее охватило безудержное желание отомстить его брату. Итак, выждав время, когда тот погрузился в сон, она вместе со своими служанками на него нападает и разрывает на куски. По этой причине народ долгое время страдал от междоусобных распрей, и королевство побывало в руках у пятерых королей, которые чинили друг другу неисчислимые бедствия.

34. В наступившее вслед за тем время выдвинулся отличавшийся доблестью юноша, которого звали Дунваллон Молмуций. Был он сыном Клотена, короля Корнубии, и своей красотою и смелостью превосходил всех британских властителей. Унаследовав после кончины отца власть над своею землей, он восстал против Пинерра, короля Лоегрии, и в состояв-

шейся между ними битве его убил. Затем вступили в соглашение между собой Рудаук, король Камбрии, и Статерий, король Альбании, которые, заключив договор, повели свои войска в земли Дунваллона, с тем чтобы подвергнуть разграблению дома и пашни. Выступив навстречу им с тридцатью тысячами мужей, Дунваллон завязал с пришельцами бой. И когда бились уже бо́льшую часть дня, Дунваллон, которому не удавалось одолеть неприятеля, выделил шестьсот отважнейших юношей и приказал им подобрать доспехи погибших врагов и надеть их на себя[1]. Да и сам он, сбросив те, что были на нем, поступил точно так же, после чего вклинился во главе своих в ряды наступавших вражеских воинов, ведя себя так, точно его люди принадлежат к их числу. Подобравшись, наконец, к тому месту, где пребывали Рудаук и Статерий, он повелел своим подчиненным учинить на них нападение. Это было исполнено, и тут погибли оба упомянутых выше короля и многие вместе с ними. Опасаясь, однако, как бы не пасть от рук своих, обманутых вражескими доспехами, в которые он был облачен, Дунваллон возвращается к своим воинам и сбрасывает с себя чужое. Затем снова берется за оружие, увещевает своих кинуться на врагов и яростно нападает на них. Одержав над ними решительную победу, он их рассеивает и обращает в бегство, вслед за чем вторгается во владения вышеназванных погибших королей, захватывает их города и крепости и подчиняет своей власти народ. Покорив весь остров, он велит изготовить для себя золотой королевский венец и восстанавливает на острове былое единодержавие.

Он дал бриттам законы, которые прозвали Молмутовы и которые до сих пор блюдутся у англов[2]. Среди прочих издал он и тот, о котором писал много позже блаженный Гильдас, а именно, что городам и храмам богов предоставляется право убежища, что всякий укрывшийся в них беглец или преступник становится недосягаемым для своего преследователя. Он распространил этот закон также на дороги, ведущие к вышеупомянутым храмам и городам, и на достояние проживающих вдоль них земледельцев.

В дни его правления не стало нападений разбойников, прекратились беспощадные грабежи, исчезли насильники. По миновании сорока лет после возложения на себя королевской короны Дунваллон скончался и был погребен в городе Триноване, поблизости от храма Согласия, возведенного им самим в закрепление тех законов, которые он издал.

35. После смерти Дунваллона два его сына, а именно Белин и Бренний, стремясь занять отцовский престол, прониклись величайшей враждой друг к другу. Ведь каждый из них добивался возложения на себя королевской короны. После длительных препирательств, которыми они были распалены, в их спор вмешались друзья того и другого и помирили братьев. Было решено поделить между ними королевство с тем, чтобы к Белину вместе с верховной властью над островом отошли Лоегрия и Камбрия, а также Корнубия; будучи старшим братом, он требовал на основании принятого у троянцев обычая предоставления ему по наследству королевского сана. И Бренний как младший, уступив брату, удовольствовался Нортанумбрией[1] от Хумбера до Катанезии. Заключив на этих

условиях договор, они в течение пяти лет управляли страной в мире и заботясь о поддержании справедливости. Но так как к благополучному течению дел неизменно норовит примешаться раздор, появились некие сочинители вздорных выдумок, которые, придя к Бреннию, сказали ему: «Неужто ты настолько погряз в бездействии, что терпишь главенство над собой Белина, хотя отец и мать у вас общие и знатностью вы нисколько не различаетесь? К тому же ты выказал редкостную доблесть во многих боевых схватках, ведь это тебе столько раз удавалось оказывать стойкое сопротивление вождю морианов Хеульфу [2], приходившему на своих кораблях к нашей земле и изгнанному тобой из твоих пределов. Расторгни договор, который только позорит тебя, и возьми себе в жены дочь норвежского короля Эльсингия [3], дабы обеспечить себе с его помощью упущенный тобой сан». Совратив этим и многим иным душу юноши, они подчинили его своей воле; и, приплыв в Норвегию [4], он женился на королевской дочери, как его научили вышеупомянутые льстецы.

36. Между тем когда обо всем происшедшем стало известно брату, он воспылал негодованием, ибо Бренний действовал, не испросив предварительно его разрешения и против него. По этой причине Белин вторгся в Нортанумбрию, захватил города этой области и поставил в них свои воинские отряды. А Бренний, узнав, из слухов, как поступил его брат, собрал большую силу норвежцев и, посадив их на суда, отплыл в Британию. Когда он благополучно и с попутным ветром бороздил водную гладь, на него напал, преследовавший его по пятам король данов Гуитлак [1], пылавший любовью к девушке, увезенной Бреннием; безмерно опечаленный этим, он снарядил корабли и войско и стремительно понесся на парусах вдогонку за Бреннием. Между ними произошло морское сражение, и Гуитлаку удалось захватить корабль, на котором находилась упомянутая девушка, набросив на него крючья и притянув к своим кораблям. После этого, когда они сражались, сходясь здесь и там посреди моря, внезапно обрушились встречные ветры и разражается свирепая буря, которая рассеивает суда противников и, рассеяв их, относит к различным местам побережья. И вот король данов, гонимый силою ветров, после пятидневного плаванья, не зная в какую страну он занесен своенравной случайностью и одолеваемый из-за этого опасениями, пристает вместе с девушкой к Нортанумбрии. Когда об этом проведали местные жители, они задержали обоих и доставили к Белину, поджидавшему на берегу прибытия брата. Вместе с кораблем Гуитлака туда же прибило три других корабля, один из которых принадлежал к флотилии Бренния. Установив, чьи это суда, Белин чрезвычайно обрадовался, сочтя происшедшее большою удачею для себя, ибо горел желанием отомстить брату.

37. По происшествии нескольких дней, собрав свои разбредшиеся корабли, Бренний прибыл в Альбанию. Когда до него дошла весть о пленении Гуитлаком его невесты и прочих, а также о том, что брат в его отсутствие захватил Нортанумбрию, он отправил к нему гонцов и потребовал возвращения упомянутой области и его нареченной. В противном случае, заявлял он клятвенно, он опустошит остров от моря до моря и убьет брата, буде ему доведется сойтись с ним в единоборстве. Когда

Белина оповестили об этом, он наотрез отказал Бреннию в том, чего тот домогался и, собрав всех воинов, какие только были на острове, вступил в Альбанию, намереваясь сразиться с Бреннием. А тот, узнав, что его требования отвергнуты и что родной брат со всем своим войском идет на него, устремился навстречу ему, продвигаясь по лесу, который называется Калатерий [1], чтобы затеять с ним бой. Расположившись друг против друга на поле, каждый из них распределил своих людей по отрядам, и, сойдясь в рукопашной схватке, они начали битву. В этот день они сражались упорно и долго, ибо с обеих сторон бились воины несравненной доблести. Много крови пролилось в станах противников, так как оружие в могучих руках дерущихся поражало насмерть. В рядах нападающих раненые валились, точно хлеба под серпами жнецов. Наконец, бритты одолевают, норвежцы бегут беспорядочной толпой к кораблям, и Белин, преследуя их, истребляет бегущих, никому не давая пощады. В этом сражении пало пятнадцать тысяч человек и вышло из него невредимыми не более тысячи. А Бренний, едва добравшись до судна, на которое его привела судьба, устремился к берегам Галлии. Остальные, приплывшие с ним вместе в Британию, искали убежища там, куда забросил их случай.

38. Поскольку победа досталась Белину, он созвал в Эборак [1] всех выдающихся мужей своего королевства, дабы принять сообща решение, как надлежит поступить с данским королем. Тот сообщил из темницы, что готов отдать ему данское королевство и ежегодно выплачивать дань, буде он дозволит ему живым и невредимым выйти со своей подругой на волю. Сообщил он и о том, что эти свои слова закрепит договором, обеспеченным клятвою и заложниками. Когда же Белин созвал знатных и объявил им об этом, все единодушно посоветовали ему согласиться на условия Гуитлака. Итак, он эти условия принял, и Гуитлак, освобожденный из темницы со своею подругой, возвратился в Данию.

39. В дальнейшем, убедившись в том, что никто в Британии ему ни в чем не оказывает сопротивления, и укрепив свою власть от моря до моря, Белин подтвердил изданные отцом законы. Больше всего он старался, чтобы города и ведущие к городам дороги пребывали в таком же мире, какой установил Дунваллон. Впрочем, касательно дорог обнаружились разногласия, потому что было неясно, за какими именно из дорог дóлжно особенно наблюдать. И король, желая устранить из своего закона даже незначительную неясность, созвал ремесленников со всего острова и приказал им проложить дорогу из щебня и камня, которая протянулась бы во всю длину острова от Корнубского моря до Катанезского побережья и, прямая как стрела, вела бы к лежащим вдоль нее городам. Он приказал также проложить и другую дорогу, которая протянулась бы поперек его королевства от города Меневии [1], раскинувшегося у Деметского моря [2], до гавани Гамона [3], ведя ко всем расположенным вдоль нее городам, и сверх того еще две боковые дороги, ведущие к некоторым другим городам. Затем он объявил, что ответственность за благочиние и порядок на них он берет на себя [4], и приказал докладывать ему о любом совершенном на этих дорогах насилии, так как дела подобного рода подлежат его личному разбирательству. Если кто пожелает узнать подробнее

указы этого рода, пусть обратится к Молмутовым законам, переведенным историком Гильдасом с бриттского на латинский язык, а королем Альфредом — с латинского на англосаксонский [5].

40. В то время как Белин в мире и спокойствии правил своим государством, его брат Бренний, высадившись, как сказано выше, на побережье Галлии, терзался душевной тревогой. Он тяжко переживал свое изгнание из пределов родины и невозможность вернуться туда, дабы возвратить себе утраченное достоинство. Не зная, что предпринять, он посетил, сопровождаемый лишь двенадцатью воинами, всех галльских властителей. Повествуя о своем несчастии каждому из них по отдельности, он, не добившись ни от кого помощи, прибыл, наконец, к Сегину, вождю аллоброгов [1], и был им с почетом принят. Задержавшись у названного вождя, он до того пришелся ему по душе, что из числа его приближенных не было ни одного, кого он почитал бы больше, чем Бренния, ибо во всех делах, как во время мира, так и в боевых действиях, тот неизменно обнаруживал прямоту и честность, из-за чего вождь и проникся к нему отеческою любовью. Ведь он был пригож собою, строен, высокого роста, искусен, как должно, в охоте и обучен обращению с ловчими птицами. И поскольку вождя связала с ним столь крепкая дружба, он порешил соединить его брачными узами со своей единственной дочерью и, буде у него самого не родится потомок мужского пола, завещать после своей кончины государство аллоброгов ему и своей дочери для совместного владения им. В случае если у него все же родится сын, он обещал предоставить Бреннию помощь, дабы тот мог двинуться на бриттское королевство, и в этом заверял его не только сам вождь, но и все подвластные ему витязи, так как и они прониклись к нему великою дружбой. И вот девушку без промедления отдают в жены Бреннию, первые люди страны становятся его подданными и ему передается королевский престол. После всего этого меньше чем через год пришел последний день жизни вождя, и он покинул наш мир. Тогда Бренний не преминул подчинить своей воле первых людей страны, которых прежде влекла к нему дружба, щедро одаряя их из сокровищницы вождя, неприкосновенной со времен предков, и, что́ в глазах аллоброгов было еще важнее, обильно угощая их отменными яствами [2], ибо двери его были всегда открыты для всех.

41. Внушив всем таким образом добрые чувства к себе, он принялся размышлять, как бы ему отомстить своему брату Белину. Когда он поделился своими думами с подданными, все как один заявили ему о своей готовности отправиться с ним, на какое бы королевство он ни пожелал их повести. И вот, собрав без промедления огромное войско, он заключил соглашение с галлами, чтобы они пропустили его по своим землям и он мог спокойно пойти войной на Британию. Затем, подготовив флот на побережье неустрийцев [1] и выйдя в море с попутным ветром, он пристал к острову. Когда молва о прибытии Бренния дошла до его брата Белина, тот, собрав молодежь со всего своего королевства, поспешил навстречу ему, дабы вступить с ним в сражение. Но когда стоящие друг против друга были уже почти готовы кинуться в бой, мать братьев, которая пребывала еще в живых, торопливо устремилась вперед, пробираясь через

боевые порядки. Звали ее Конвенна, и она жаждала хотя бы взглянуть на сына, которого так давно не видела. Когда же, пошатываясь и спотыкаясь, добралась она до того места, где он стоял [2], она обвила руками его шею и осыпала его поцелуями, о чем столь долго мечтала. Затем, обнажив свою грудь, она сказала ему, прерывая свою речь рыданиями: «Вспомни, сынок, вспомни эту самую грудь, которую ты сосал во младенчестве, вспомни о чреве твоей матери, где творец всего сущего создал тебя человеком из того, что не было человеком, и откуда благодаря ему ты появился на свет, истерзав меня родовыми схватками. Памятуя о страданиях, которые я из-за тебя претерпела, уступи моим мольбам, прости своему брату и смири свой распалившийся гнев: ведь тебе не подобает гневаться на него, поскольку он не нанес тебе никакого бесчестия. А если ты станешь ссылаться на то, что он, и никто иной, изгнал тебя из пределов родины, то, рассмотрев как должно, чем это все увенчалось, ты никоим образом не обнаружишь того, что сочтешь несправедливостью. Ведь он прогнал тебя не для того, чтобы ты был унижен, а для того, чтобы ты узрел лучшие времена. Подвластный ему, ты владел только меньшею долею королевства, а, утратив ее и обретя для себя королевство аллоброгов, стал равен ему могуществом. Итак, что же он с тобой сделал, если не возвысил тебя, нищего и обездоленного князька, до державного государя? Добавь к этому, что раздор между вами был вызван не им и что начало ему положил ты сам, так как, опираясь на помощь короля норвежцев, вознамерился восстать против брата». Тронутый тем, что она, плача, высказала ему, он, смирившись душой, уступил мольбам матери и, сняв с себя шлем, направился вместе с нею к Белину. А тот, увидев что Бренний идет к нему со спокойным и дружественным лицом, поспешил отбросить оружие, стиснуть его в объятиях и облобызать. Тут же, забыв о вражде, они стали друзьями и, разоружив свои войска, вошли в Тринований. В соответствии с принятым ими решением они стали готовить войско, чтоб совместно повести его в земли Галлии и взять под свою руку все ее области.

42. Итак, по истечении года они переправились в Галлию и принялись опустошать ее земли [1]. Когда молва об этом распространилась среди населявших ее племен, собрались все вожди франков и сразились с пришельцами. Но так как Белин с Бреннием одержали над ними победу, отряды франков, рассыпавшись, бросились в бегство. Бритты и аллоброги, взяв верх над врагами, не прекращали преследования бегущих, пока не захватили в плен франкских вождей и не принудили галлов сдаться. Укрепив затем пострадавшие от войны города, они в течение года завоевали все галльские земли.

43. Впоследствии, окончательно покорив Галлию, они со всем своим многочисленным войском двинулись на Рим и стали разорять по всей Италии как города, так и крестьян. Были в Риме тогда два консула, Габий и Порсенна, которым была вручена вся власть в стране. Увидев, что им не сдержать натиска Белина и Бренния, они, с согласия сенаторов, прибыли к тем, предлагая союз и дружбу. Привезли они с собою и множество различных даров из золота и серебра и обещали выплачивать

ежегодно дань, если их оставят в покое и предоставят владеть своим. Итак, получив от римлян заложников, короли прекратили военные действия и отвели свое войско в Германию. Так как они стали и там утеснять народ, римляне устыдились своего упомянутого договора с королями и, снова проникшись отвагой, выступили на помощь германцам. Когда об этом стало известно Белину и Бреннию, те, придя в ярость, придумали, как им справиться с тем и другим народом. Ведь в Германию хлынуло такое множество италийцев, что это их устрашило. В соответствии с принятым ими решением Белин с бриттами остался в Германии с намерением принудить врагов сразиться, тогда как Бренний со своими войсками подступил к Риму, дабы покарать римлян за нарушение договора. Когда это стало известно римлянам, те, покинув германцев и стремясь воротиться в Рим, поторопились обойти Бренния стороной и оставить его позади себя. Белин, как только узнал об этом, поднял свое расположившееся на ночь войско и поспешно выступил с ним в поход; достигнув какой-то долины, по которой врагам предстояло пройти, он укрылся в ней и стал дожидаться их появления. На следующий день, на рассвете, подошли к этому месту, держась избранного ими пути, также и италийцы и, заметив в долине сверкание вражеского оружия, исполнились недоумения, сочтя, что там находится Бренний и галлы-сеноны[1]. Заметив противника, Белин внезапно обрушился на него и принялся его истреблять. Застигнутые врасплох римляне, продвигавшиеся ко всему без доспехов и беспорядочно, уклонились от битвы, сразу же обратились в бегство и очистили поле сражения. Преследуя их, Белин не переставал беспощадно истреблять беглецов, пока не опустилась ночная тьма и не прекратила резню. Одержав эту победу, Белин двинулся на сближение с Бреннием, который уже третий день осаждал Рим. Вслед за тем их войска объединились, и осаждающие стали отовсюду бросаться на приступ, без устали разбивать таранами стены и, чтобы внести в неприятельский стан еще больше смятения, поставили перед городскими воротами несколько виселиц, пригрозив осажденным, что если те не сдадутся, то будут повешены выданные ими заложники. Но римляне, однако, продолжали упорствовать и, подавив в себе жалость к своим сыновьям и родичам, по-прежнему мужественно оборонялись. Порою они разбивали осадные орудия бриттов своими иного устройства или такими же, порою, применяя все виды метательного оружия, отражали осаждающих от крепостных стен. Обозленные этим братья, распалившись неистовым гневом, приказали повесить на глазах у родных и близких двадцать четыре заложника из наиболее знатных. А римляне, сопротивлявшиеся еще ожесточеннее прежнего, взбодрились из-за прибытия к ним гонцов от консулов Габия и Порсенны, извещавших, что следующим днем они придут им на выручку, и решили выйти из города и в открытом поле сразиться с врагами. И пока они разумно и осмотрительно располагали свои отряды, появляются вышеназванные консулы, успевшие собрать разбежавшихся воинов и готовые к бою. Двигаясь плотными рядами, они внезапно напали на бриттов с аллоброгами и, поддержанные своими согражданами, сразу же причинили противнику немалый урон. Белин и Бренний, став свидетелями столь внезапно нане-

сенного их сотоварищам поражения и чрезвычайно этим обеспокоенные, принялись увещевать своих воинов и строить их в боевые порядки; неоднократно кидаясь на римлян, они принудили тех отойти. Когда число павших с обеих сторон достигло нескольких тысяч, победа досталась, наконец, братьям. После гибели Габия и взятии в плен Порсенны, они захватили город и роздали своим соотечественникам припрятанные горожанами богатства.

44. После разгрома римлян Бренний остался в Италии, неслыханно утесняя народ. Поскольку Римская история повествует о некоторых его поступках и о том, чем все это кончилось, я счел излишним останавливаться на этом, дабы не растягивать и не распространять мое сочинение, повествуя об уже рассказанном до меня другими. Что касается Белина, то он возвратился в Британию и до самой смерти спокойно правил своей страной. Он подновил городские здания всюду, где они обветшали, и построил новые города. Среди прочих он поставил город на реке Оске[1] близ Сабринского моря[2], который, долгое время называвшийся Каеруском[3], стал столицей Деметии. После прихода римлян это название, однако, забылось, и указанный город стали именовать Городом Легионов, каковое наименование находит свое объяснение в том, что тут обыкновенно зимовали римские легионы. Он также соорудил в городе Тринованте на берегу Темзы ворота великолепной работы, которые жителями этого города с той поры именуются Белинесгата. Еще он воздвиг башню поразительной величины, а у ее подножия — гавань, удобную для пристающих сюда кораблей. Он строго следил за соблюдением отцовских законов во всем своем королевстве, неустанно заботясь о беспристрастном отправлении правосудия. В дни своего правления он споспешествовал народу накопить такие богатства, какими, насколько известно, тот в прошлом никогда не владел и не будет владеть в последующем. Наконец, по миновании последнего дня, похитившего у него жизнь, тело его сожгли, а пепел после сожжения поместили в золотую погребальную урну, которую весьма искусно установили на вершине вышеупомянутой башни в городе Тринованте.

45. Королевство Белина унаследовал его сын Гургуинт Барбтрук, муж разумный и скромный. Во всем своем поведении подражая отцу, он чтил справедливость и мир. Тем не менее если соседи все же его тревожили нападениями, то он по примеру отца проникался отвагой, вступал с ними в жестокие битвы и приводил врагов к должному повиновению. Среди всего прочего случилось и так, что король данов, который при жизни отца Гургуинта платил тому дань, стал уклоняться от подобающих ему взносов и отказывать в должном повиновении; тогда, не стерпев этого, Гургуинт повел свои корабли на Данию и, сокрушив в жесточайших битвах ее обитателей, умертвил короля и снова водрузил на эту страну былое ярмо зависимости.

46. Возвращаясь после одержанной победы на родину, Гургуинт у Оркадских островов[1] наткнулся на тридцать полных мужчинами и женщинами судов[2], и когда он осведомился, по какой причине они прибыли в эти края, к нему явился их вождь по имени Партолоим и, поч-

тительно обратившись с приветствием, испросил у него мира и благорасположения. Он рассказал, что был изгнан из пределов Испании и в поисках пристанища скитается по этим морям. Он умолял также предоставить ему для поселения хоть малую частицу Британии и тем самым избавить его от необходимости слоняться по неприютным морским просторам; ведь уже миновало полтора года, как, изгнанный за пределы родины, он вместе со спутниками бороздит Океан. Когда Гургуинт Барбтрук узнал, что они прибыли из Испании и прозываются баскленэами, а также в чем состоит их просьба, он отправил с ними своих людей на остров Ибернию, который тогда был совершенно необитаем, и дозволил им поселиться на нем. Впоследствии они там укоренились и размножились и поныне все еще обитают на этом острове. А Гургуинт Барбтрук, окончив в мире дни своей жизни, был погребен в Городе Легионов, который после кончины своего отца он постарался украсить строениями и крепостными стенами.

47. После него корону бриттского королевства возложил на себя Гвителин, который на протяжении всей своей жизни правил благожелательно и всегда мягко. Была у него преславная жена по имени Марция, сведущая во всех науках. Среди многого и неслыханного, открытого ею своим умом, она придумала также закон, который бритты назвали Марциевым. Король Альфред среди прочего перевел его на англосаксонский и нарек Меркенелаге [1]. И когда век Гвителина пришел к концу, он завещал королевство упомянутой выше королеве и ее сыну, которого звали Сизилием.

Был Сизилий тогда семилетним мальчиком, и не подобало, чтобы королевством правил столь несмышленый ребенок. По этой причине его проницательная и высокоумная мать закрепила за собой власть над всем островом, а после того, как сама покинула этот свет, обретший корону Сизилий взял бразды правления в свои руки. После него королевская власть перешла к его сыну Кимару, от которого ее унаследовал брат последнего Даний.

48. По кончине Дания королем Британии стал Морвид, его сын от наложницы Тангустелы. Этот был бы славен своей исключительной доблестью, не запятнай он ее невероятной жестокостью. Распаленный гневом, он никому не давал пощады и убивал всякого, у кого обнаруживал чрезмерно много оружия. Он был пригож собою и щедр на раздачи, и во всем королевстве не было столь сильного человека, который мог бы, сойдясь с ним в борьбе, устоять против него.

В его время некий король морианов с большой дружиной высадился в Нортанумбрии и принялся разорять эту область. Собрав молодежь со всех подвластных ему земель, Морвид устремился навстречу врагам и с ними сразился. Одержав победу, он никому не дал пощады; ибо приказал провести перед ним всех захваченных, дабы, убивая их друг за другом, насытить свою жестокость. Когда же его одолела усталость и он прекратил эту бойню, им было тут же отдано распоряжение содрать с остальных заживо кожу, а затем сжечь их в огне. Посреди этих и подобных им свирепых деяний, его постигла беда, положившая конец его кровожадности. Со стороны омывающего Ибернию моря выбрался на сушу дикий

зверь неслыханной свирепости и прожорливости, который непрестанно пожирал обитателей побережья. Молва об этом достигла ушей Морвида, и он один вышел на зверя и вступил с ним в единоборство. Когда он понапрасну извел все свои стрелы и копья, это чудовище накинулось на него и, разверзши пасть во всю ширь, проглотило его, точно малую рыбку.

49. После Морвида осталось пятеро сыновей; унаследовал же отцовский трон его первенец по имени Горбониан. В те времена не было никого, кто бы превосходил его в любви к справедливости и правосудию, никого, кто бы так заботился о своих подданных. Его неуклонным правилом было оказывать должный почет богам и творить праведный суд над простым народом. Во всех городах британской державы он обновлял храмы богов и возводил множество новых. Во все дни его правления на остров стекались такие богатства, каких никогда не знали соседние государства. Он побуждал крестьян к занятию сельским хозяйством, защищая их от произвола господ. Молодых воинов он щедро одарял золотом и серебром, так что ни у кого не было надобности чинить другому насилие. Среди этих и многих других деяний, внушенных ему врожденною его добротой он, отдав должное естеству человеческому, переселился из этого мира в иной и был погребен в городе Тринованте.

50. После него королевский венец переходит к его брату Артгаллону, который ни в чем не походил на своего предшественника. Всех знатных он норовил принизить, а незнатных возвысить и, накапливая бесчисленные сокровища, обездолить богатых.

Витязи государства, не пожелавшие сносить это дольше, восстали против него и свергли. Вслед за тем они возвысили его брата Элидура, прозванного впоследствии Добрым за милосердие, которое он выказал брату. Ибо, обладая королевскою властью уже на протяжении пяти лет, он повстречал, охотясь в Калатерском лесу, того самого из своих братьев, который был низложен. Тот побывал у нескольких иноземных правителей, от которых добивался, но тщетно, поддержки, дабы вернуть себе утраченный трон. И так как терпеть постигшую его бедность ему дольше было невмочь, он возвратился в Британию, сопутствуемый всего десятью воинами. Направляясь к тем, кого с давних пор числил своими друзьями, Артгаллон проходил упомянутым выше лесом, когда с ним неожиданно для себя повстречался его брат Элидур. Увидев Артгаллона, Элидур устремился к нему, обнял брата и многократно облобызал, и поскольку его уже давно глубоко огорчало жалкое состояние, в котором находился Артгаллон, он вместе с ним отправился в город Алклуд и укрыл его у себя во дворце. После этого, притворившись больным, он разослал гонцов по всему своему королевству, дабы те передали подвластным ему правителям его повеление прибыть в Алклуд и предстать перед ним. Когда все вызванные прибыли в город, где он лежал, якобы на одре болезни, им было отдано распоряжение, чтобы каждый из них входил к нему в спальный покой по отдельности и в полном безмолвии. При этом он утверждал, что одновременная беседа со многими, если они нагрянут целой толпой, повредит его голове. Поверив ему, всякий последовал его приказанию, и они вошли во дворец не сразу, а один за другим. Элидур повелел слу-

гам, которые были тут наготове, хватать входивших к нему по-одному посетителей и рубить им головы, если они откажутся снова признать Артгаллона своим королем. Так он поступал с каждым входившим к нему и, внушив им таким образом страх, заставил всех смириться с восстановлением Артгаллона на королевском престоле. Добившись своего, Элидур повез Артгаллона в Эборак, где, сняв корону со своей головы, возложил ее на голову брата. Отсюда и возникло его прозвище Добрый, ибо он проявил, как указано выше, свою доброту, отдав брату престол. После этого Артгаллон правил десять лет, переборов свойственные ему вначале пороки. Теперь в противоположность тому, как поступал некогда, он стал принижать незнатных и возвеличивать родовитых, так как считал, что каждому следует воздавать должное и всегда и везде соблюдать справедливость. Наконец, изнуренный недугом, он умер и был погребен в городе Каерлеире.

51. Элидура вторично возводят на королевский престол и восстанавливают в прежнем достоинстве. Но если он сам в свое время относился к Горбониану, своему старшему брату, с подобающими благожелательностью и почтительностью, то двое его продолжавших здравствовать братьев, а именно Югений и Передур, собрав отовсюду вооруженных сообщников, нападают на него и сражаются с ним. Одержав победу, они схватили его и заперли в башне города Тринованта, приставив к ней стражу. После этого братья разделили надвое королевство, причем ту его часть, которая простирается от реки Хумбера к западу, жребий определил Югению, а вторую, со всей Альбанией,— Передуру. По прошествии семи лет Югений скончался, и все королевство стало принадлежать Передуру. Увенчанный королевской короной, он правил впоследствии милостиво и скромно, так что правление его, по общему мнению, выгодно отличалось от правления его братьев-предшественников, и никто не вспоминал больше об Элидуре. Но так как смерть никого не щадит, она внезапно похитила и Передура. Перед Элидуром тотчас же открываются двери темницы, и его в третий раз сажают на королевский трон. Процарствовав определенное ему время, творя благо и праведный суд, он в конце концов покинул наш мир, оставив своим преемникам пример кротости и доброты.

52. После смерти Элидура королевская корона перешла к сыну Горбониана — Регину, который был мудр и рассудителен, видя в дяде образец для себя. Предав забвению насилие и своеволие, он не допускал, сострадая народу, нарушения правосудия и ни разу не сошел со стези справедливости. После него королем стал Марган, сын Артгаллона. И этот, следуя во всем примеру отца, правил бриттами, соблюдая умеренность и спокойствие. За ним королем был провозглашен его брат Энниаун, который, обращаясь с народом совсем по-иному, на шестом году своего правления был низложен. Поправ правосудие, он предпочел самоуправство, которое и явилось причиною его отрешения от престола. Вслед за ним был поставлен королем родич его Идваллон, сын Югения. Наученный происшедшим с Энниауном, он чтил право и справедливость. Ему наследовал Рунон, сын Передура, а Рунону — Геронций, сын Элидура. После Геронция правил его сын Кателл. После Кателла — Коилл. После Коилла — Поррекс. Пос-

ле Поррекса — Херин. У последнего было три сына, а именно Фульгенций, Элдад и Андрагий, каковые все правили один за другим. Затем королем стал Уриан, сын Андрагия. Потом Элиуд. За коим последовал Элидаук. Затем Клотен. Затем Гургунций. Затем Мериан. Затем Бледудон. Затем Кап. Затем Оэн. Затем Сизилий. Затем Бледгабред. Этот превосходил всех когда-либо живших на свете певцов как в сочинении музыки, так и в игре на всех инструментах, вследствие чего был прозван богом жонглеров. Вслед за ним правил его брат Артинаил. После Артинаила — Элдол, коему наследовал Редион, а тому — Редеркий. Затем правил Самуил Пениссел. Затем Пир. Затем Капоир. Затем сын Капоира Клигвеилл, муж во всех поступках своих благоразумный и скромный и пекшийся превыше всего о строжайшем соблюдении правосудия.

53. Вслед за ним вступил на престол его сын Илий, правивший на протяжении сорока лет. У него было три сына: Луд, Кассибеллан и Нений. По кончине отца королевский венец перешел к старшему из его сыновей, а именно к Луду. Прославленный градостроитель, он восстановил крепостные стены Тринованта и окружил его множеством башен. Он также повелел жителям этого города возвести в нем такие дома и различные строения, чтобы ни в каком, даже отдаленнейшем королевстве не было города, где можно было бы обнаружить дворцы, прекраснее этих. Был он человеком воинственным и обожавшим задавать пиршества, и хотя владел весьма многими городами, больше всех любил Триновант и преобладающую часть года предпочитал проводить именно в нем; вот почему этот город был переименован впоследствии в Каерлуд [1], каковое название, будучи искажено, превратилось в Каерлудейн, а в дальнейшем, из-за вытеснения одним языком другого, в Лундене и, наконец, Лундрес, что случилось уже по прибытии к нам иноземцев, покоривших нашу страну [2]. После кончины Луда тело его было предано погребению в вышеназванном городе, у тех самых ворот, которые и посейчас в память его именуются на наречии бриттов Портлуд, а по англосаксонски — Лудесгата. У него было два сына Андрогей и Тенуанций, и так как по причине своего малолетства они не могли управлять государством, на трон вместо них возводится брат Луда Кассибеллан. После того как он был увенчан короной, Кассибеллан выказал такую доблесть и щедрость, что слава о нем проникла в самые отдаленные царства. В конце концов получилось так, что единодержавную власть над всем государством он присвоил себе и не отдал ее племянникам. Однако Кассибеллан, сострадая им, не захотел вконец обездолить юношей, но предоставил им значительную часть острова. Город Триновант с наместничеством Кантией [3] он пожаловал Андрогею, а наместничество Корнубию — Тенуанцию. Сам же, обладая королевским венцом, отдавал распоряжения им и всем другим правителям острова.

54. Между тем, как упоминается в римской истории [1] Юлию Цезарю после покорения Галлии довелось оказаться на побережье рутенов. Разглядев оттуда остров Британию [2], он осведомился у окружающих, какая это страна и какое племя ее населяет. Смотря на океан и услышав название этого королевства и как зовется обитающий на нем народ, Цезарь воскликнул: «У нас, римлян, клянусь Геркулесом, и у бриттов течет в

жилах та же самая кровь, ибо свое начало мы ведем от общего корня. После разрушения Трои Эней стал нашим родоначальником, родоначальником бриттов — Брут, сын Сильвия, происходившего от Аскания, сына Энея. Но если не заблуждаюсь, они очень отстали от нас — ведь им неведомо военное дело, так как они обитают посреди океана, вне нашего мира; их будет нетрудно принудить платить нам дань и оказывать безоговорочное повиновение римской державе. Поэтому нужно прежде всего, пока мы не переправились к ним и на них не напали, предложить им изъявить, подобно другим народам, покорность сенату и готовность вносить нам надлежащие подати, дабы мы не оказались в необходимости проливать кровь наших сородичей, что было бы кощунственным оскорблением, наносимым нами Приаму, общему нашему пращуру». Изложив все это в своем послании к Кассибеллану, Цезарь отправил его королю бриттов, а тот, исполнившись негодования, ответил на него следующими словами:

55. «Кассибеллан, король бриттов, Гаю Юлию Цезарю. Поразительна, Цезарь, алчность народа римского, который жаждет присвоить все золото и серебро, какое только ни есть на свете, и которому никак не стерпеть, что, обитая за пределами мира, посреди грозных опасностей океана, мы до этой поры спокойно владели достоянием нашим. Но золотом и серебром он отнюдь не довольствуется; он домогается, чтобы, позабыв о свободе, мы беспрекословно подчинились ему и навеки стали его рабами. Ты навлек на себя, Цезарь, позор, ибо черты благородства, общие у бриттов и римлян, идут от Энея, и оба народа связывают несомненные узы родства, которым подобало бы обеспечить между ними крепкую дружбу. И для нас желанна она, а не рабство, ибо мы приучены скорее одаривать ею других, чем возлагать на них ярмо рабства. Мы настолько привыкли располагать свободой, что для нас совершенно непостижимо, как это возможно выносить рабство. Если бы сами боги вознамерились лишить нас свободы, то и тогда мы бы приложили все силы, чтобы ее отстоять. Итак, да будет тебе, Цезарь, ведомо, что мы станем отчаянно биться за нее и за наше королевство, если ты, как пригрозил, вторгнешься на остров Британию».

56. Ознакомившись с этим посланием, Гай Юлий Цезарь готовит свой флот и ожидает попутных ветров, дабы добиться того, чего он потребовал от Кассибеллана. И вот, когда подул нужный ветер, он поднял на своих судах паруса и вместе со своим войском достиг устья Темзы. Челны с его воинами уже причалили к берегу, и Кассибеллан со всеми своими полчищами двинулся им навстречу и, подойдя к укреплению Доробелл [1], держит там с военачальниками и знатью королевства совет, как бы отбросить с побережья врагов. Был с ним Беллин, командовавший его войсками и настолько влиятельный, что все королевство управлялось, в сущности, по его указке; были тут и два племянника Кассибеллана — Андрогей, правитель триновантов, и Тенуанций, правитель Корнубии, а также три зависимых от Кассибеллана короля — Кридиок, король Альбании, Гвейтает — Венедотии [2] и Бритаель — Деметии. Все они, стремясь поднять в остальных боевой дух, настойчиво убеждали Кассибеллана напасть не-

медля на лагерь Цезаря и выбить его оттуда, пока о.. не успел захватить какой-нибудь город или укрепление. Ибо если он завладеет крепостями их королевства, говорили они, изгнать его окажется делом куда более трудным; ведь у него будет тогда, где отсиживаться со своими воинами. И так как все согласились с этим, бритты устремляются к тому берегу Темзы, на котором Цезарь разбил свой лагерь и поставил палатки. Там, как только противники построились в боевой порядок, бритты вступили в рукопашную схватку с римлянами, отвечая на дротики дротиками и на удары ударами. Тотчас же здесь и там стали валиться раненые, пораженные оружием в те места, что всего важнее для жизни. Кровь умирающих заливает землю, как если бы внезапно поднявшийся южный ветер изрыгнул на нее поглощенные им океанские воды. И вот когда воины обеих сторон стремительно неслись друг на друга, случай столкнул Ненния и Андрогея, возглавлявших кантийцев и граждан города Триновантa, с римским отрядом, при котором находился неприятельский полководец. Когда они сошлись, когорта полководца была почти полностью рассеяна, а бритты сомкнутым строем продвигались вперед. И когда между ними и римлянами закипела жаркая сеча, случай свел Ненния с Юлием. Бросаясь на него, Ненний безмерно радовался, что на его долю выпало счастье нанести хотя бы один удар такому знаменитому мужу. Заметив над своей головой меч Ненния, Цезарь, накрывшись щитом, отвел от себя удар и, обнажив свой меч, изо всей силы обрушил его на шлем Ненния. Подняв свой меч, он собрался повторить удар, дабы поразить насмерть бритта, но тот в предвидении этого заслонился щитом, в котором и застрял меч Юлия, соскользнувший с большою силой со шлема Ненния. И так как набежавшие отовсюду воины помешали противникам в сумятице общего боя продолжить единоборство, римскому полководцу так и не довелось извлечь свой меч из щита Ненния. А тот, завладев описанным образом мечом Цезаря, отбросил в сторону тот, которым был вооружен и, вытащив из своего щита застрявший в нем меч, спешит кинуться с ним на врагов. На кого бы он с ним ни обрушивался, тому он либо отсекал голову, либо наносил рану такого рода, что у него не оставалось ни малейшей надежды выжить. И вот ему, рассвирепевшему и неистовому, попадается под руку трибун Лабиен[3], которого он убивает в первом же столкновении. Наконец, по миновании большей части светлого времени, после стремительных бросков бриттов, отважно кидавшихся на пришельцев, победа, по божьему изволению, досталась им, и Цезарь, потерпев поражение, укрывается со своими в лагере и на судах. Той же ночью, собрав всех своих, он полностью перешел с ними на корабли, радуясь, что отныне его лагерь — владения бога Нептуна. И так как его приближенные отсоветовали ему упорствовать и продолжать военные действия, он, поддавшись их увещаниям, возвратился в Галлию.

57. Возликовав из-за нанесенного неприятелю поражения и совершив благодарственные молебствия богу, Кассибеллан созвал соучастников одержанной им победы и щедрой рукой, сообразно заслугам и доблести каждого, их одарил. Но вместе с тем его не покидали печаль и тревога, потому что жизнь его брата Ненния держалась на волоске. Поразил же его

Юлий в описанной выше схватке, нанеся ему неисцелимую рану. На пятнадцатый день после битвы он был похищен неумолимою смертью и переселился из нашего мира в иной; погребли его в Тринованте у северных городских ворот. Устроители его по-королевски пышного погребения положили вместе с ним в каменный саркофаг меч Цезаря, который тот, сражаясь с Реннием, вонзил в его щит. Этот меч прозывался Желтою Смертью [1], ибо никто из пораженных им не выжил.

58. Итак, Юлий отбыл и пристал к галльскому побережью, а галлы между тем, желая избавиться от его владычества, замышляют поднять восстание. Они считали Юлия настолько ослабленным, что перестали его страшиться. Повсюду упорно держался слух, что все море кишит судами Кассибеллана, пустившимися в погоню за беглецами. Проникшись по этой причине небывалой до того дерзостью, галлы стали помышлять об изгнании Цезаря из своих пределов. Поняв это, Юлий не пожелал затевать войну с неизвестным исходом против мужественного народа, но открыл доступ к своей казне некоторым из знати, чтобы, осыпав кое-кого дарами, задобрить их и укротить. Он сулит простому народу свободу, потерявшим имущество — возвратить утраченное, рабам — также свободу. Кто, приводя в ужас своей львиной свирепостью, отнимал до этого у них все до последнего, тот, став теперь кротким ягненком и смиренно блея, радуется, что может возместить все ранее отнятое. И он не переставал расточать лесть и ласки, пока не усмирил всех и не восстановил утраченное могущество. Но не проходило ни одного дня без того, чтобы Цезарь не вспоминал о своем бесчестье и о победе бриттов.

59. По истечении двухлетия Юлий снова готовится выйти в море и, переправившись через пролив, отмстить Кассибеллану. Узнав об этом, тот повсюду укрепил свои города, восстановив их разрушенные стены, и разместил вооруженных воинов в некоторых гаванях. Особое внимание уделил он руслу Темзы у города Триноланта, к которому Цезарь намеревался приплыть, и вбил в дно реки железные, покрытые свинцом колья толщиной в бедро человека, с тем чтобы причинить повреждения напоровшимся на них кораблям Юлия. Собрав также всю молодежь острова, он разместил ее в ожидании прибытия неприятеля в укрепленных станах на морском побережье.

60. А Юлий между тем, приготовив все, что находил нужным, вышел в море с неисчислимым множеством воинов, горя давним желанием разгромить победивший его народ. И он несомненно нанес бы ему поражение, если бы смог подойти к суше, сохранив свой флот целым и невредимым. А вышло так, что, когда он направлялся к названному городу, его корабли, внезапно напоровшись на колья, о которых было упомянуто выше, претерпели великое бедствие, из-за чего утонуло до тысячи человек, а поднявшаяся с приливом река поглотила суда с пробитыми днищами. Когда об этом оповестили Цезаря, он, свернув как можно поспешнее паруса, поторопился повернуть к берегу. Едва спасшиеся от столь страшной опасности выбрались на сушу одновременно с ним. Наблюдая за происходящим с берега, на котором стоял, Кассибеллан радуется большому числу утонувших, но печалится, что прочие уцелели. Подав знак своим воинам,

он нападает на римлян. Но римляне, хоть и подверглись тяжким испытаниям в реке, оказавшись на твердой земле, мужественно сопротивлялись натиску бриттов. Огражденные, словно крепостною стеной, своей доблестью, они уничтожили немало врагов, однако сами понесли при этом более чувствительные потери, чем те. Ибо римляне истощили свои силы в воде, и лишь немногие могли биться с противником. Что касается бриттов, то, становясь с каждым часом сильнее из-за притока воинов, они обладали теперь тройным численным превосходством над римлянами. Поэтому когда изнуренные римляне ослабели, бритты взяли над ними верх. Убедившись, что его одолели, Цезарь вместе с немногими устремляется на корабли и, принеся обеты богам, обретает для себя убежище в море. Дождавшись попутного ветра, он поднял на своих судах паруса и достиг берега морианов. Здесь он заперся в башне, которую воздвиг в месте, прозывавшемся Однея[1], перед своим последним походом в Британию; ведь он не был убежден в верности и постоянстве галлов и опасался, как бы они и на этот раз не задумали восстать против него, что однажды уже случилось, когда бритты принудили его к поспешному отступлению, о чем было рассказано выше. Вот почему Цезарь и возвел эту башню как надежный оплот для себя, в котором он сможет обороняться от возмутившегося народа, если бы тот снова попытался против него восстать.

61. А Кассибеллан, вторично разгромив римлян и по этой причине преисполнившись ликования, повелел особым указом, чтобы все родовитые бритты острова собрались с женами в городе Тринованте, дабы должным образом вознести благодарственные молитвы отчим богам, даровавшим им победу над столь прославленным полководцем. И когда все поторопились туда прибыть, они, совершая жертвоприношения разного рода, принялись предавать закланию домашних животных. Там было принесено в жертву сорок тысяч коров[1] и сто тысяч овец, а также огромное количество всяческой птицы, подсчитать которое невозможно, и кроме того тридцать тысяч отловленных в лесах различных диких зверей. Воздав богам должный почет, собравшиеся стали услаждать себя, как это принято, оставшимися после жертвоприношений яствами. Наконец, в свободное от пиршеств дневное или ночное время они развлекались различными играми. И вот в разгар этих игр случилось, что два знатных юноши, один племянник короля, другой — военачальника Андрогея, заспорили между собой, за кем из них осталась победа в борьбе. Королевского племянника звали Ирeглас, его соперника — Квелин. После многочисленных оскорблений, которыми они успели осыпать друг друга, Квелин схватился за меч и отсек королевскому племяннику голову. Это убийство взбудоражило двор, и молва о случившемся достигла Кассибеллана. Взволнованный гибелью своего родича, Кассибеллан повелел Андрогею доставить убийцу Квелина ко двору, дабы тот предстал перед ним и держал ответ за содеянное: тотчас же будет приведен в исполнение приговор, вынесенный сановниками Квелину, дабы Иргелас не остался неотомщенным, если был убит беспричинно. Не зная в точности, что у короля на уме, Андрогей ответил, что у него самого есть собственный двор и что там подобает рассматривать обвинения, выдвинутые кем бы то ни было против его людей; посему, если он решит

воздать Квелину по делам его, то в соответствии с древними установлениями выполнит это у себя в городе Тринованте. Не добившись своего, Кассибеллан пригрозил Андрогею, поклявшись железом и пламенем разорить его земли, если тот не подчинится его приказанию. Разгневанный Андрогей решительно отклонил это требование. Тогда разгневанный в свою очередь Кассибеллан не замедлил вторгнуться во владения Андрогея. Тот через своих родичей и друзей ежедневно обращался к королю и настойчиво домогался, чтобы он обуздал свой гнев, но, поскольку никак и ничем не мог укротить его ярость, стал размышлять над тем, как бы оказать ему подобающее сопротивление. Наконец, лишившись всякой надежды, он решил обратиться за помощью к Цезарю и направил ему следующее послание: «Андрогей, властелин триновантов, приветствует Гая Юлия Цезаря, которому в прошлом желал погибели, а ныне желает благополучия. Я сожалею, что сражался против тебя, когда ты бился с моим королем. Если бы я воздержался от военных действий против тебя, ты одолел бы Кассибеллана, проникшегося после своей победы такой надменностью, что настойчиво стремится изгнать меня, благодаря которому он победил,— изгнать из моих владений. Так ли полагается вознаграждать за заслуги? Я сделал его всесильным, а он намеревается лишить меня силы. Я его вторично возвел на престол, а он жаждет меня низложить. Так как мы с тобою были врагами, я, не задумываясь, даровал ему все это. Призываю в свидетели небожителей; я ничем не заслужил его гнева; разве что кто-нибудь скажет, будто он мною и вправду, заслужен, так как я отказался выдать моего племянника, которого он хотел несправедливо осудить на смерть. Чтобы тебе стало понятнее настоящее мое заявление, сообщу тебе суть этого дела. Случилось так, что, радуясь нашему торжеству, мы совершали молебствия в честь отчих богов. После того как нами были завершены подобающие жертвоприношения и обряды, наша молодежь занялась состязаниями и играми. Среди всех этих увеселений наши племянники — мой и короля,— побуждаемые примером других, затеяли борьбу и, так как мой племянник осилил своего противника, тот, распалившись ничем не оправданным гневом, кинулся на него, размахивая мечом. Уклонившись от удара, мой родич схватил своего соперника за руку, в которой тот держал меч, чтобы обезоружить его, но королевский племянник упал на острие своего собственного меча и, пронзенный им, испустил дух. Когда об этом сообщили королю, тот повелел мне выдать моего племянника, намереваясь покарать его за смертоубийство. И так как я воспротивился этому, он со всеми своими полчищами вторгся в мои владения, принеся неисчислимые бедствия. Вот почему, взывая к твоему милосердию, я обращаюсь к тебе за поддержкой, дабы при твоей помощи я восстановил себя в прежнем достоинстве, а ты благодаря мне овладел Британией. Нисколько не сомневайся в сказанном мною, ибо тут нет и тени предательства. Ведь смертные так устроены, что после вражды становятся порою друзьями и, испытав позор бегства, торжествуют порою победу».

62. Прочитав это послание, Цезарь выслушал совет своих приближенных не начинать похода в Британию лишь на основании словесного при-

глашения одного из вождей, пока ему не будут предварительно выданы такие заложники, располагая которыми он может приступить к этому с большей уверенностью. Андрогей немедленно прислал к нему своего сына Сцеву вместе с тридцатью знатными юношами из своих кровных родственников и близких. Получив заложников, Цезарь проникся должной уверенностью, посадил на суда своих воинов и прибыл с попутным ветром в гавань Рутупа[1]. Между тем Кассибеллан приступил к осаде города Тринованта, опустошая окрестные владения и земли. Узнав о прибытии в Британию Юлия, он снял с Тринованта осаду и поспешил навстречу римскому полководцу. Достигнув долины близ Доробернии[2], он увидел своими глазами, как римское войско разбивает в ней лагерь и ставит палатки. Римлян привел туда Андрогей, чтобы отсюда они скрытно подступили к городу Тринованту. Сразу заметив приближение бриттов, римляне тотчас же берутся за оружие и строятся в боевые порядки. В противоположном стане также вооружаются и также расходятся по отрядам. Что касается Андрогея, то он с пятью тысячами воинов укрылся в ближнем лесу, дабы в подходящее время неожиданно и стремительно броситься на Кассибеллана и его сотоварищей и тем оказать помощь Цезарю. Итак, сблизившись кое-где, противники не замедлили метнуть друг в друга смертоносные дротики и обнажить разящие насмерть мечи. Толпы сражающихся сталкиваются в ожесточенной схватке, и потоками льется кровь. С обеих сторон, точно осенние листья с деревьев, валятся наземь раненые. И вот когда бритты яростно наседали на римлян, вдруг выходит из лесу Андрогей и кидается с тылу на те отряды Кассибеллана, от которых зависел исход всей битвы, и эти отряды, ослабленные незадолго перед тем бросившимися на них спереди римлянами и сзади теснимые соплеменниками, оказались не в состоянии устоять перед противником. Воины Кассибеллана были рассеяны и, обратившись в бегство, покинули поле сражения. Невдалеке от того места высилась одинокая гора со скалистой вершиной, густо заросшей орешником. Туда, не устояв, и бежал со своими воинами опрокинутый неприятелем Кассибеллан. Заняв вершину этой горы, он мужественно оборонялся и наносил большие потери врагу — и уничтожал преследователей. А наседали на него полчища римлян и Андрогея, рубившие его убегающих воинов. Поднявшись на гору вслед за ними, враги многократно кидались на них, но не могли сломить. Скалы на этой горе и крутизна вершины ее служили бриттам надежной защитой, и, устремляясь на врагов сверху, они во множестве их истребляли. Цезарь окружил эту гору с наступлением ночи и держал ее в осаде всю ночь, преградив неприятелю все пути к отходу. Ибо он загорелся желанием одолеть короля голодом, раз не мог его одолеть оружием.

О, поразительный в ту пору был народ Британии, дважды изгнавший из пределов своих покорителя всего круга земного! Перед кем не мог устоять целый мир, перед тем неколебимо стояли даже бежавшие от него, готовые принять смерть за родину и свободу. И вот что им в похвалу, повествуя о Цезаре, сочинил Лукан:

В страхе он тыл показал британцам, к которым стремился[3].

Кассибеллан, которому вместе с его людьми нечего было есть, к исходу второго дня устрашился, как бы голод не вынудил его сдаться и стать узником Цезаря. И вот он поручил передать Андрогею, чтобы тот помирил его с Юлием, дабы достоинство племени, в котором он был рожден, не потерпело урона из-за его пленения. Велел Кассибеллан передать ему и о том, что он не совершил ничего такого, чтобы Андрогей желал его смерти, хотя и доставил ему беспокойство. Услышав это от вестников, Андрогей воскликнул: «Не подобает уважать государя на войне кроткого как ягненок, а в мирное время свирепого точно лев. О боги небес и земли, ныне меня молит мой властелин, который ранее только приказывал! Неужто жаждет примирения с Цезарем и готов ему покориться тот самый, кого ранее Цезарь жаждал склонить к примирению? И соответственно он принужден был обратиться к тому, кто изгнал столь знаменитого полководца из его королевства, сочтя, что лишь он, Андрогей, может опять посадить его на престол. Пусть его суждение обо мне, который некогда был во всем послушен ему, а теперь способен это свершить, окажется справедливым. Итак, неразумие движет тем, кто отталкивает от себя соратников, благодаря которым одержал верх, нанося им обиды и оскорбления. Ведь доставшаяся такому вождю победа принадлежит не ему, но тем, кто, добиваясь ее, не жалел своей крови. И все же если смогу, я помирю его с Юлием, ибо за нанесенную мне Кассибелланом обиду я уже полною мерой ему отомстил, а сострадание велит мне услышать его призыв».

63. Вслед за тем Андрогей поспешил к Юлию и, обняв колени его, обратился к нему с такими словами: «Ты уже полною мерою воздал Кассибеллану, теперь прояви к нему сострадание. Нужно ли тебе от него еще что-нибудь, кроме того, чтобы, изъявив покорность, он платил дань римской державе?» И так как Цезарь ничего не ответил, Андрогей добавил: «Ведь я обещал тебе, Цезарь, лишь то, что по одолении Кассибеллана постараюсь подчинить твоему господству Британию. Так вот: Кассибеллан побежден, и Британия с моей помощью подчинена твоей воле. Чего я еще не исполнил? Создателю всего сущего неугодно, чтобы я равнодушно взирал, как моего властелина, молящего меня о сострадании и должным образом воздающего мне за нанесенное оскорбление, заключают в оковы. Пока я жив, убить Кассибеллана не так-то легко и просто, и я не постыжусь оказать ему помощь, если ты не последуешь моему совету».

Обеспокоенный угрозами Андрогея, Цезарь смягчился и заключил соглашение с Кассибелланом, обязавшимся ежегодно выплачивать дань. Эта дань, которую тот клятвенно обещал ежегодно вносить, состояла в трех тысячах фунтов чистого серебра. Затем Юлий и Кассибеллан, помирившись, обменялись дарами. Цезарь провел зиму в Британии, а с приходом весны переправился в Галлию. В последующем, собрав отовсюду воинов всякого рода и племени, он отбыл в Рим, выступив против Помпея[1]. По истечении семи лет Кассибеллан скончался и был погребен в Эбораке.

64. Кассибеллану наследовал правитель Корнубии Тенуанций, брат Андрогея, ибо сам Андрогей вместе с Цезарем отправился в Рим. По увенчании королевской короной Тенуанций тщательно управлял своим государством. Был он мужем воинственным и неукоснительно соблюдал

правосудие. После него вершин королевской власти достиг его сын Кимбелин[1], воин решительный, которого воспитал и одарил оружием император Август. Этот Кимбелин состоял в такой дружбе с римлянами, что, имея возможность не вносить им дани, все же ее исправно выплачивал.

В эти дни родился господь наш Иисус Христос, драгоценная кровь которого искупила род человеческий, опутанный до того времени оковами бесов.

65. У Кимбелина после того, что он уже десять лет правил Британией, родились два сына, старшего из которых звали Гвидерием, младшего Арвирагом[1]. По завершении жизни отца кормило правления перешло к Гвидерию. И так как он отказался выплачивать дань, которую требовали от него римляне, в Британию прибыл Клавдий[2], тогдашний их император. Вместе с ним прибыл и главнокомандующий его войском по имени Лелий Гамон, по чьим предначертаниям проводились сражения, когда они разражались. Высадившись у города Порцестрии[3], он начал возводить у его ворот осадные стены и запер в нем его жителей. Он задумал принудить их, изнуренных голодом, сдаться, а буде они не сложат оружия, беспощадно расправиться с ними.

66. Когда стало известно о прибытии Клавдия, Гвидерий, собрав воинов со всех концов своего королевства, двинулся с ними на римлян. В завязавшейся битве он с величайшей отвагой начал разить врагов и самолично, своим мечом истребил большее их число, чем истребили его главные силы. Клавдий уже отступал к кораблям, римляне уже были почти что рассеяны, когда коварный Гамон, сбросив свои доспехи, облачился в бриттские и как самый что ни на есть настоящий бритт стал биться с римлянами. Он принялся побуждать бриттов кинуться вслед за ним в наступление, суля им скорую победу над неприятелем. В свое время он изучил их язык и нравы, потому что вырос в Риме среди бриттских заложников. Затем он мало-помалу подобрался к месту, где находился король бриттов, и, улучив мгновение, сразил его, ничего такого не опасавшегося, вонзив в него меч. Смешавшись с толпою вражеских воинов, он вслед за тем присоединился к своим, доставив им преступным образом завоеванную победу. Но Арвираг, брат Гвидерия, увидев, что тот погиб, поспешно снял собственные доспехи и, облачившись в доспехи павшего государя, повсюду призывал бриттов не поддаваться, как если б то был сам Гвидерий. Не зная о его гибели, бритты, подбодряемые увещаньями Арвирага, стойко сопротивлялись, упорно дрались и наносили немалые потери противнику. В конце концов римляне, распавшись на две беспорядочные толпы, позорно покинули поле боя. Император с одною из этих толп искал спасения на кораблях, Гамон же — в лесу, так как по недостатку времени не мог добраться до кораблей. Арвираг, предполагая, что Клавдий бежит вместе с Гамоном, поспешил устремиться за последним по пятам и не переставал гнать его до тех пор, пока не настиг беглецов на морском берегу, который ныне называется по имени того же Гамона Гамтонией[1]. Там была гавань, удобная для захода кораблей, и в ней стояли купеческие суда. Когда Гамон уже собрался подняться на одно из них,

на него неожиданно кинулся Арвираг и тут же его убил. Эта гавань с того времени и до сего дня именуется Гамоновой гаванью.

67. Между тем Клавдий, собрав своих, устремился на вышеупомянутый город, который звался тогда Каерперисом[1], а теперь Порцестрией. Разрушив его крепостные стены и подавив сопротивление жителей, он погнался за Арвирагом, уже успевшим занять Гвинтонию. По этой причине Клавдий обкладывает этот город осадой и, прибегнув к различным осадным орудиям, пытается им овладеть. Арвираг, обнаружив, что он со всех сторон окружен, сплотил в один отряд все свои силы и, открыв ворота, выступил за пределы города, чтобы сразиться с противником. И когда он уже приготовился завязать с ним бой, Клавдий присылает к нему гонцов, предлагая заключить соглашение: дело в том, что император опасался отваги короля и храбрости бриттов и предпочитал подчинить их, взывая к их рассудительности и мудрости, чем затеяв с ними борьбу, исход которой сомнителен. Итак, Клавдий сообщал Арвирагу о своем желании покончить с раздорами и посулил свою дочь ему в жены, буде он признает главенство Рима над королевством Британией. Старейшие возрастом бритты советуют Арвирагу прекратить военные действия и удовлетвориться посулами Клавдия. При этом они добавляли, что, покорившись римлянам, он нисколько не покроет себя позором, ибо те захватили власть над всем миром. Успокоенный этими и подобными соображениями, Арвираг внял советам своих и подчинился императору Клавдию.

68. Вскоре Клавдий послал в Рим за дочерью[1] и с помощью Арвирага подчинил своей власти Оркадские и другие близлежащие острова. По миновании зимы возвратились из Рима посланные вместе с дочерью императора и вручили ее отцу. Девушку звали Гевиссой, и была она так прекрасна, что приводила в восхищение всякого, взглянувшего на нее. Связав себя с нею брачными узами, король воспламенился такой пылкой любовью к ней, что стал ставить ее превыше всего на свете. Желая отметить место, где сочетался с ней браком, он подсказал Клавдию мысль воздвигнуть там город, который служил бы напоминанием будущим поколениям об этом событии. Клавдий прислушался к его пожеланиям и повелел выстроить город, который по его имени был наречен Каерглоу[2], то есть Глоуцестрия, и который стоит и поныне между Камбрией и Лоегрией на берегу Сабрины. Некоторые утверждают, однако, что его название происходит от имени военачальника Глоя, родившегося от Клавдия в этом городе и к которому после Арвирага перешло управление наместничеством Камбрийским. Построив город и усмирив остров, Клавдий вернулся в Рим; власть над близлежащими островами он препоручил Арвирагу.

В это самое время апостол Петр основал антиохийскую церковь[3] и, возвратясь после этого в Рим и будучи в нем епископом, послал евангелиста Марка в Египет проповедывать им же составленное Евангелие.

69. По отбытии Клавдия Арвираг исполнился решимости и отваги, начал перестраивать города и крепости и так прибирать к рукам народ своего королевства, что стал страшен королям даже отдаленных земель. Вскоре он возгордился, проникся пренебрежением к римской власти, не захотел дольше подчиняться сенату и предоставил себе полную волю во

всем. Узнав об этом, Клавдий направил в Британию Веспасиана[1], наказав ему унять Арвирага и снова подчинить его Риму. И вот когда Веспасиан подошел к гавани Рутупа, навстречу ему выступил Арвираг и воспрепятствовал тому войти в гавань. Он привел с собою такое множество воинов, что римляне устрашились и не посмели сойти на берег. Итак, Веспасиан отошел от названной гавани и, снова подняв паруса, пристал к Тотонскому побережью. Высадившись там, он подступил к Каерпенхуелгойту[2], или по-иному Эксонии, с намерением обложить этот город осадою. Осада длилась уже неделю, когда сюда вместе с войском подошел Арвираг и затеял сражение. В этот день и то и другое войско понесло большие потери, не добившись, однако, победы. Следующим утром при посредничестве королевы Гевиссы вожди обеих сторон пришли к соглашению и отослали своих соратников в зимние лагери. По миновании зимы Веспасиан возвратился в Рим, а Арвираг остался в Британии. С приближением старости он стал уважительно относиться к сенату римскому и в мире и спокойствии править своим государством, а также укреплять издавна установленные законы и издавать новые, щедро одаряя всякого доблестного и честного человека из служивших ему. Добрая слава о нем распространилась по всей Европе, его уважали и остерегались римляне, так что в Риме о нем говорили больше, чем о каком-либо ином властителе. Вот почему Ювенал упоминает в своей книге о некоем слепом, который, когда речь зашла о пойманной камбале, сказал Нерону такие слова[3]:

Ты полонишь другого царя: с колесницы британской,
Верно, слетит Арвираг[4].

На войне не было никого неустрашимей его; в мирное время — никого мягче, добродушнее, тароватее. По завершении дней его жизни, он был погребен в Клавдиоцестрии, в том самом храме, который он посвятил императору Клавдию.

70. Королевский престол после него перешел к его сыну Марию, мужу редкостного благоразумия и такой же мудрости. Позднее в правление этого Мария некий король пиктов по имени Родрик, прибыв с большим флотом из Скифии[1], высадился в северной части Британии, которая зовется Альбанией, и принялся разорять эту страну. Собрав свой народ, Марий пошел против Родрика и, вступив с ним в битву, убил его и одержал решительную победу. В память своего торжества над врагами он поставил впоследствии камень в том краю, который по его имени нарекли Вестмарией[2], и надпись на этом камне все еще напоминает о нем. После гибели Родрика Марий всем его прибывшим вместе с ним и потерпевшим поражение воинам предоставил для поселения в ней часть Альбании, которая называется Катанезией. Была эта земля пустынной, и никто ее испокон веку не обрабатывал. И так как пришельцы, у которых не было жен, стали домогаться у бриттов, чтобы те отдали за них своих дочерей и родственниц, возмущенные этим бритты наотрез отказались сочетать своих женщин браками с ними. Тогда же, встретив отказ бриттов, они переправились на остров Ибернию и, обзаведясь там женами, привезли их с собою, и благодаря народившемуся от них потомству увеличили свою

численность. Но об этом лишь мимоходом, так как я не предполагал излагать их историю или историю скоттов, которые ведут свой род от этих чужестранцев и дочерей Ибернии[3]. А что касается Мария, то, установив нерушимый мир на всем острове, он неуклонно стремился поддерживать добрые отношения с римским народом и исправно выплачивал дань, какая была на него наложена. Следуя примеру отца, он также пекся о том, чтобы в его государстве царили мир, правосудие, законы, добропорядочность и честность.

71. Когда же срок его жизни истек, кормило правления взял в свои руки его сын Коилл. Этот с младенчества был взращен в Риме, сроднился с римскими нравами и поддерживал тесную дружбу с римлянами. И он тоже вносил римлянам дань, избегая препирательств и споров с ними, ибо видел, что весь мир покорствует им и что все страны, все края, все земли подчиняются их господству. Итак, платя все, что требовалось, он мирно владел своей собственностью. Никто из королей британских никогда не относился с большей уважительностью к знати своего королевства, предоставляя ей пребывать в мире и благоденствии и постоянно осыпая ее дарами.

72. У Коилла был единственный сын по имени Луций. Увенчанный королевской короной после кончины отца, он настолько подражал всем его благим начинаниям и поступкам, что всякому представлялось, будто пред ним сам Коилл.

Стремясь заранее обеспечить себе существование в ином мире, он отправил послание папе Элевтерию с ходатайством о принятии его в лоно христианства[1], ибо душу его озарили многие чудеса, явленные у различных народов новообращенными христианами. И вот, воспылав любовью к истинной вере, он достиг исполнения благочестивых своих устремлений.

Благословенный первосвященник, узнав о чаяниях Луция, направил к нему двух ученейших богословов, Фагана и Дувиана[2], которые, проповедуя воплощение слова господня, смыли с Луция скверну святым крещением и обратили его ко Христу. Вскоре люди из разных народов наперебой друг за другом последовали примеру короля и, очищенные в той же купели, приуготовили для себя царство небесное. Благословенны вышеназванные ученые богословы, ибо, искоренив язычество на всем острове, они посвятили единому богу и его святым храмы, которые были основаны в честь неисчислимых богов, и привели в эти храмы толпы новообращенных христиан. Тогда в Британии насчитывалось двадцать восемь жрецов и три верховных жреца, власти которых подчинялись прочие служители культа и верующие. Всех их эти провозвестники слова божия вырвали из цепей идолопоклонства и там, где были жрецы, поставили на их место епископов[3], а на место верховных жрецов — архиепископов. Верховные жрецы пребывали в трех знаменитейших городах государства, а именно в Лондоне, Эбораке и Городе Легионов, который, как свидетельствуют древние стены и здания, стоял на реке Оске в Гламоргантии[4]. Этим трем архиепископствам после изничтожения суеверия подчиняются двадцать восемь епископств, а последним — многочисленные приходы. Эборакскому архиепископству подведомственны Дейра[5] и Альбания, которых от Лоегрии

отделяет большая река Хумбер; лондонскому архиепископству — Лоегрия и Корнубия. Эти две области отделяет Сабрина от Камбрии, то есть Валлии, находящейся на попечении архиепископства Города Легионов [6].

Устроив все это, присланные папой Фаган и Дувиан воротились в Рим, и святейший папа одобрил совершенное ими. После его одобрения они вернулись в Британию с многочисленными сопровождающими, через поучение коих бритты вскоре по их прибытии укрепились в Христовой вере. Их имена и сообщение о содеянном ими можно отыскать в книге, написанной Гильдасом и носящей заглавие «О победе Аврелия Амброзия» [7]. Рассказанное Гильдасом в столь блистательном его сочинении нет ни малейшей нужды повторять, к тому же слогом неизмеримо более низменным.

73. Между тем преславный король Луций, убедившись, что почитание христианства в его королевстве распространилось и закрепилось, и горячо радуясь этому, владения и угодья, принадлежавшие прежде языческим храмам, передал ради лучшего их использования в собственность церквам истинно верующих. И так как этим церквам требовалось воздать как можно больший почет, он предоставил им сверх того обширные земли и многочисленные усадьбы, освободив их от всех и всяких повинностей. Среди этих и прочих согласных с его замыслами деяний он расстался с бренною жизнью в городе Клавдиоцестрии и достойно погребен в церкви первого архиепископства в год от рождества господа нашего сто пятьдесят шестой. После себя он не оставил отпрыска, который ему бы наследовал; вот почему вслед за его кончиной среди бриттов возникла распря, и римское владычество пошатнулось.

74. Когда сообщение об этом достигло Рима, в Британию был направлен сенатор Север [1] с двумя легионами, дабы они в ней восстановили былое господство римлян. Вскоре после того, как Север там высадился, он вступил в сражение с бриттами, причем одну их часть одолел, а остальных, кого не смог подчинить, беспокоил жестокими схватками, так что в конце концов принудил их пройти через Скоттию и удалиться в Альбанию. Эта часть бриттов, которой предводительствовал Фульгенций, храбро сопротивлялась и часто наносила очень большие потери как своим соплеменникам, так и римлянам. Фульгенций добился поддержки со стороны некоторых островных народов и вследствие этого не раз одерживал верх в боях. Не без труда отражая его нападения, римский полководец приказал насыпать между Дейрой и Альбанией вал [2], дабы пресечь попытки Фульгенция прорваться на юг. Возложив издержки на области бриттов, римляне протянули упомянутый вал от моря до моря, и он долгое время спустя преграждал доступ врагам. А Фульгенций, которому было более невмоготу сопротивляться Северу, переправился в Скифию, чтобы, получив помощь от пиктов, восстановить свое положение [3]. Он собрал всю молодежь этой страны, вернулся на многих судах в Британию и осадил Эборак. Когда известие об этом распространилось среди населения острова, большинство бриттов, покинув Севера, ушли к Фульгенцию. Но Север из-за всего этого не отказался от своих замыслов; он созвал римлян и тех бриттов, которые были ему привержены, пробился из осажденного города и вступил в бой с Фульгенцием. Отважно сражаясь, как и множество

его воинов, он был убит[4], а Фульгенций смертельно ранен. Север погребен в Эбораке, удержанном его легионами.

75. Север оставил после себя двух сыновей, Бассиана и Гету[1], причем Гета родился от матери римлянки, а Бассиан — от бриттки. По смерти Севера римляне, оказав предпочтение Гете, потому что он был чистокровным римлянином, посадили его на королевский престол. Бритты, напротив, провозгласили своим королем Бассиана, ибо со стороны матери он был их соплеменником. По этой причине между братьями разгорелась борьба. Гета был убит, и королевскою властью овладел Бассиан.

В то время был в Британии некий юноша из простого народа, которого звали Караузий[2]. Выказав свою воинскую доблесть во многих схватках и столкновениях, он прибыл в Рим и обратился с ходатайством разрешить ему, неся на кораблях дозорную службу, охранять от набегов чужестранцев морское побережье Британии. Он сулил, что, если ему будет это дозволено, он добудет столько добра и богатств, что римское государство приобретет от этого много больше, чем если бы ему было отдано все королевство Британия. Караузию удалось обмануть сенат своими посулами и достигнуть того, чего домогался, и он возвратился в Британию с указами за подобающими печатями. Вскоре, собрав корабли, он привлек к себе множество горячих и доблестных юношей, вышел в море и обошел на своих кораблях все побережье королевства, и его прибытие вызывало волнения и будоражило местное население. По пути он подходил к близлежащим островам, опустошал на них нивы, разорял города и поселки, отбирал у жителей все их достояние. И так как он занимался всем этим, к нему во множестве стекались любители поживиться чужим, и вскоре его войско стало настолько значительным, что никакой соседний властитель не мог бы перед ним устоять. По этой причине преисполнившись чванства, он внушал бриттам, чтобы те поставили его над собой королем, а он, перебив и уничтожив под корень римлян, избавит весь остров от засилья чужестранцев. Добившись своего, он сразился немедленно с Бассианом, убил его и взял кормило правления в свои руки. Что касается Бассиана, то его предали пикты, которых их вождь Фульгенций, брат его матери, привел с собою в Британию. Ибо, хотя им надлежало поддержать Бассиана, подкупленные обещаниями и дарами Караузия, они покинули Бассиана и накинулись на его воинов, недавних своих сотоварищей. Те, приведенные в замешательство, так как перестали понимать, кто их соратник, кто враг, поспешно рассеялись, и победа досталась Караузию. Одержав верх и став самодержцем, он поселил пиктов в Альбании, где, смешавшись с бриттами, они навсегда и остались[3].

76. Когда в Рим пришло сообщение о набеге Караузия, сенат поручил Аллекту[1], дав ему три легиона, уничтожить злодея и восстановить в Британии римскую власть. Аллект без промедления прибыл туда и сразился с Караузием, убив которого, завладел королевским престолом. Затем он учинил беспощадное избиение бриттов, так как, изменив римскому государству, они примкнули к Караузию. Глубоко возмущенные этим, те провозгласили своим королем правителя Корнубии Асклепиодота[2] и в полном единодушии двинулись вслед за Аллектом, вызывая его на битву.

Находился Аллект тогда в Лондоне и совершал торжественные молебствия отчим богам. Узнав о подходе Асклепиодота, он прервал жертвоприношения, выступил за пределы города и, всеми своими силами обрушившись на врагов, завязал с ними ожесточеннейшее сражение. Одолел в нем все же Асклепиодот, который, рассеяв отряды римлян, принудил их к бегству и, безостановочно преследуя их по пятам, умертвил многие тысячи неприятельских воинов, а также короля Аллекта. И поскольку победа досталась врагам, Ливий Галл, помощник Аллекта, увел в город всех уцелевших римлян и, заперев городские ворота, принялся укреплять башни и прочие защитные сооружения, надеясь таким образом отбиться от Асклепиодота и избежать неминуемого поголовного истребления. Но Асклепиодот, узнав о происходящем в неприятельском стане, не мешкая, обложил осадою город и уведомил правителей всех областей Британии, что Аллект и многие тысячи римлян убиты, что он, Асклепиодот, обложил осадою Галла и что обращается к своим соплеменникам с призывом поторопиться ему на подмогу. Ведь вовсе нетрудно, как он утверждал, всю породу римскую начисто изгнать из Британии, если общими силами будут сокрушены осажденные в Лондоне римляне. Откликнувшись на этот его призыв, явились деметы и венедоты, дейры и альбаны, и всякий, кто родом был бритт. Когда все они предстали перед вождем, тот приказал изготовить бесчисленное множество осадных орудий и с их помощью снести крепостные стены города Лондона. Всякий сильный и смелый повиновался этому распоряжению, и они бесстрашно пошли на приступ. Вскоре крепостные стены были разрушены и, устремившись в проломы, бритты принялись за истребление римлян. А те, увидев, что их непрерывно уничтожают, призвали Галла заявить Асклепиодоту, что он и они сдаются и молят его о милосердии, о том, чтобы он выпустил их живыми. Ведь почти все воины перебиты, кроме одного легиона, который все еще продолжает кое-как драться. Вняв их настояниям, Галл со всеми своими сдался Асклепиодоту, и хотя тот связал себя словом, что пленные будут помилованы, туда нахлынули венедоты и, собравшись толпой, в течение дня всех сдавшихся римлян обезглавили внутри города на берегах потока, который позднее по имени римского военачальника был наречен на языке бриттов Нантгалимом, а на языке саксов — Галаброком [3].

77. Одолев римлян, Асклепиодот с одобрения народа возложил на себя королевский венец. В дальнейшем он в мире и соблюдая должное правосудие правил страной на протяжении десяти лет и обуздал свирепость грабителей и мечи кровожадных разбойников. В дни его правления императором Диоклетианом было начато преследование христиан [1], так что христианство, которое во времена короля Луция открыто и беспрепятственно исповедовалось на острове, было искоренено почти полностью. В Британию явился некто Максимиан Геркулий [2], главнокомандующий войсками вышеназванного властителя; по распоряжению этого Максимиана были разорены все церкви, а все обнаруженные в них священные книги сожжены на городских площадях; были перебиты также достопочтенные священнослужители со всей своей паствой, так что они плотной

толпою, обгоняя друг друга, торопились в безмятежное царство небесное, точно в свои собственные жилища.

И явил нам свое милосердие господь бог, который в пору преследований, сотворив для нас по своему изволению величайшее благо, возжег лучезарные светильники святых мучеников, дабы бриттский народ не заблудился в непроницаемой мгле темной ночи. Гробницы этих страдальцев и места, где они претерпели муки, и ныне вселяли бы в души созерцающих их ослепительное сияние веры в Создателя, когда бы чужестранцы своим зловещим насилием не отняли их у соплеменников наших. Среди страстотерпцев обоего пола, с величайшей неколебимостью духа пребывавших в Христовом воинстве, должно назвать Альбана Веруламского [3], а также Юлия и Аарона, граждан Города Легионов [4], из коих Альбан, охваченный рвением к истинной вере, сначала укрыл у себя в доме своего исповедника Амфибала [5], за которым гнались преследователи и которого они вот-вот должны были схватить, а затем, обменявшись с названным Амфибалом одеждою, принял за него смерть, уподобившись в этом Христу, положившему душу свою за агнцев своего стада. Прочие два, чьи тела были растерзаны с неслыханною жестокостью, вознеслись без промедления в мученических венцах к вратам небесного Иерусалима.

78. Между тем на короля Асклепиодота восстал Коель, правитель Каерколуна [1], то есть Колецестрии и, сразившись с ним, умертвил его и увенчал себя королевской короной. Когда римский сенат получил об этом известие, сенаторы обрадовались смерти короля, который везде и во всем препятствовал владычеству римлян. Помня о том, сколько урона причинила им утрата королевства Британии, они отрядили туда сенатора Констанция [2], который ранее покорил им Испанию и больше, чем кто-либо иной, потрудился ради возвеличения римского государства. Когда Коель, вождь бриттов, узнал о предстоящем его прибытии, он побоялся вступать с ним в вооруженные столкновения, потому что, как утверждала молва, ни один властитель не в силах устоять перед ним. Итак, как только Констанций причалил к острову, Коель направил к нему послов и, попросив мира, пообещал покориться римлянам при условии, что королевство Британия будет сохранено за ним и его не принудят нести какую-либо иную повинность, кроме уплаты обычной дани. Получив это послание, Констанций удовольствовался предложениями Коеля и, приняв от него заложников, заключил с ним соглашение. Затем по прошествии месяца наитягчайший недуг одолел Коеля и спустя неделю его умертвил. После кончины Коеля Констанций возложил на себя королевский венец и взял в жены его дочь, которую звали Еленой [3]. Красотою своей она превосходила всех девушек этой страны, и нельзя было найти ни одну другую, которая, по общему мнению, играла бы искуснее, чем она, на музыкальных инструментах и была бы осведомленнее в свободных науках. Кроме нее у Коеля, ее отца, не было никого, кто мог бы занять после него королевский престол, вот почему он позаботился дать ей такое образование, чтобы по кончине его она могла справиться с управлением государством. Итак, Констанций сочетался с нею на брачном ложе, и она родила ему сына, которого назвала Константином [4]. Через одиннадцать лет

смерть унесла в Эбораке Констанция, и королевская власть перешла к его сыну. Спустя немногие годы после возведения того на престол, он стал обнаруживать величайшую доблесть, выказывать львиную неукротимость, вершить среди своих подданных праведный суд, пресекать жадность разбойников и обуздывать свирепость правителей, стараясь повсеместно укрепить мир.

79. В Риме был в то время самодержавный властитель по имени Максенций[1], который норовил принизить всякого знатного, всякого выдающегося своей доблестью гражданина и, чиня над ними насилия, всячески утеснял государство. И так как укрыться от его свирепости было негде, подвергшиеся от него гонениям стали устремляться к Константину в Британию, и тот гостеприимно их принимал. Наконец, когда таких беглецов скопилось у него великое множество, они пробудили в нем ненависть к вышеназванному злодею-правителю и часто обращались к нему с речами такого рода: «Доколе ты будешь сносить, что мы терпим бедствия и пребываем в изгнании, о Константин? Ныне только ты один в силах прогнать Максенция и вернуть нам все то, что мы потеряли. У какого еще государя, кроме короля Британии, столько храбрых и несокрушимых воинов и такое обилие золота и серебра? Мы обращаемся к тебе со слезной мольбою, верни нам наши владения, верни жен и детей наших, пойди с войском и с нами на Рим». Побуждаемый этими и подобными настояниями, Константин, подступив к Риму, взял его приступом[2] и стал единоличным властителем всего мира[3]. При нем находились три дяди Елены, а именно Иоелин, Трагерн, а также Марий, которых он возвел в сенаторское достоинство.

80. Между тем против римских проконсулов, которым было поручено управление островом, восстал вождь гевиссеев Октавий[1], и, расправившись с ними, овладел королевским престолом. Получив сообщение о случившемся, Константин отправил в Британию дядю Елены Трагерна[2], дав ему под начало три легиона и поручив восстановить на острове господство римской державы. Прибыв туда и пристав к берегу близ города, по-бриттски называемого Каерперис, Трагерн напал на него и спустя два дня его захватил. Когда весть об этом распространилась повсюду, король Октавий стянул вооруженные силы со всего острова и столкнулся с Трагерном поблизости от Гвинтонии, на поле, именуемом по-бриттски Майзуриан[3], и, вступив с ним в битву, одержал решительную победу. Трагерн, потеряв множество воинов, отошел к кораблям и, взойдя на них, направился морем в Альбанию, и принялся опустошать эти края. Когда об этом уведомили короля Октавия, тот, спешно собрав свое войско, двинулся на Трагерна и в области, которая именовалась Вестмариаланда, сразился с ним, но на этот раз был разбит и бежал. А Трагерн, увидев, что он побеждает, пустился преследовать Октавия по пятам и не оставлял его в покое до тех пор, пока не отнял у него всех подвластных ему городов вместе с королевским венцом. Удрученный утратой королевства, Октавий переправился на кораблях в Норвегию, рассчитывая добиться помощи от короля Гунберта[4]. Одновременно он наказал своим приближенным не жалеть усилий ради умерщвления Трагерна. Приверженный Октавию,

как никто другой, правитель Вольного города [5] не замедлил исполнить его пожелание. И вот когда Трагерн как-то покинул Лондон, этот преданный сторонник Октавия, укрывшись с сотнею воинов в поросшей лесом долине, по которой Трагерну предстояло проехать, подстерег его здесь, внезапно напал на него и убил, хотя Трагерн и был окружен спутниками. Когда весть об этом дошла до Октавия, он возвратился в Британию и, рассеяв римлян, снова занял королевский престол. В короткое время он выказал столько доблести и прибрал к рукам столько золота и серебра, что никого более не страшился. С этой поры и вплоть до времен Грациана и Валентиниана [6] он безмятежно правил королевством Британией.

81. Наконец, сломленный старостью, желая снискать расположение окружающих, Октавий обратился с вопросом к своим советникам, кого из его потомства они хотели бы видеть своим королем после того, как судьба положит предел его дням. У него была только дочь, тогда как сына, который унаследовал бы его королевский престол, он не имел. Некоторые его советники находили, что было бы лучше всего отдать эту дочь вместе с королевством за знатного римлянина, дабы бритты впредь наслаждались прочным и нерушимым миром. Другие, однако, считали, что королевский трон надлежит завещать его племяннику Конану Мериадоку, а его дочь связать брачными узами с властителем какой-либо другой державы, дав за нею золото и серебро. Пока они обсуждали это между собой, прибыл правитель Корнубии Карадок и предложил пригласить сенатора Максимиана, с тем чтобы выдать за него королевскую дочь и одновременно вручить ему самодержавную власть над Британией, благодаря чему они обеспечат себе вечный мир с Римом. Этот Максимиан наполовину был бриттом [1], так как его отцом был Иоелин, о котором упоминалось выше и который был дядей матери Константина; мать его была чистокровною римлянкой; с обеих сторон он происходил от королей. И Карадок уверял, что если его предложение будет принято, их страна будет наслаждаться устойчивым миром, так как Максимиан, по его словам, происходя от императоров и вместе с тем от родовитых бриттов, имеет бесспорные права на Британию. Узнав о совете, преподанном правителем корнубийцев, возгорелся негодованием королевский племянник Конан, всей душой жаждавший завладеть престолом и поэтому взбудораживший весь двор. Но Карадок, никоим образом не желавший отступиться от своих чаяний, послал в Рим своего сына Маурика, дабы тот рассказал Максимиану о положении дел. Маурик был отлично сложен, прямодушен, отважен и то, что находил правильным, отстаивал, если ему возражали, пустив в ход оружие. Явившись к Максимиану, он был принят тем как подобало и с бóльшим почетом, чем его сотоварищи. В ту пору между Максимианом и двумя императорами, Грацианом и его братом Валентинианом, пылала ожесточеннейшая вражда [2], так как те отказали Максимиану в третьей части империи, чего он домогался. И вот увидев, что Максимиан обойден и унижен обоими императорами, Маурик сказал ему так: «Чего ради, Максимиан, опасаться тебе Грациана, когда перед тобой открыт путь, пойдя по которому, ты сможешь отнять у него империю. Отправься со мною на остров Британию, и ты овладеешь там коро-

левским венцом; король Октавий, обессилев от преклонного возраста и утомления, ничего иного не жаждет, как отыскать кого-нибудь, кому бы он передал свое королевство. Мужского потомства у него нет, и он обратился к своим приближенным, спрашивая у них совета, кого избрать мужем своей единственной дочери, отдав ему вместе с нею и королевство. Во исполнение просьбы этого государя его витязи, порешив, что королевство и королевскую дочь подобает вручить тебе, послали меня сюда, дабы я тебя об этом оповестил. Если, прибыв со мной в Британию, ты сможешь осуществить этот замысел, то при изобилии в ней золота и серебра, при великом множестве находящихся там смелых воинов ты обретешь возможность вернуться в Рим и, прогнав императоров, подчинить его своей воле. Ведь именно так поступили родич твой Константин и многие наши короли, достигшие вершин власти».

82. Убежденный речью Маурика, Максимиан отбыл в Британию, захватывая по пути города франков и в них тьму золота и серебра и набирая повсюду воинов для своего войска. Затем выйдя в Океан, он с попутным ветром прибыл в Гавань Гамона. Когда королю сообщили об этом, тот совсем растерялся от страха, ибо счел, что на него идет враждебное войско. Призвав к себе своего племянника Конана, он приказал ему собрать всех боеспособных мужей острова и двинуться с ними навстречу врагам. Конан без промедления собрал молодежь со всего королевства и подошел к Гавани Гамона, где Максимиан поставил свои шатры. Узнав о приближении такого сильного войска, он проникся тревогой, так как колебался, что ему предпринять. Максимиан располагал лишь незначительным количеством воинов и опасался как того, что их слишком мало, так и того, что они недостаточно боеспособны, не надеясь при этом, что ему удастся уклониться от битвы. Итак, он призвал старейших возрастом, а также Маурика и стал совещаться с ними, как следует действовать, чтобы избегнуть неминуемой гибели. На это Маурик сказал: «Нам не под силу биться со столь отважными воинами, да и прибыли мы в Британию не для того, чтобы её покорить оружием. Пока мы не узнаем королевских намерений, нужно заявить, что мы жаждем мира и испрашиваем разрешения на временное пребывание здесь. Давайте скажем, что мы посланы императорами [1] с поручениями к королю, и давайте хитроумными и искусно подобранными словами успокоим и смягчим этот народ».

И так как все одобрили предложения Маурика, тот, взяв с собой двенадцать знатнейших, убеленных сединами и отличавшихся мудростью старцев, во главе их направился с оливковыми ветвями в руках навстречу Конану. Бритты, увидев мужей почтенного возраста, несущих в знак мира оливковые ветви в руках, оказывают им достойный прием и беспрепятственно их пропускают, дабы они могли без помех пройти к военачальнику королевских сил. Вскоре представ перед Кананом Мериадоком, пришедшие обратились к нему с приветствием от имени императоров и сената и сообщили, что Максимиан прислал их к королю Октавию, дабы передать ему поручения Грациана и Валентиниана. На это Конан спросил: «А почему вместе с вами прибыло так много сопровождающих? Послам обычно присущ другой облик; более того, так выглядят скорее явившие-

ся из чужой страны враги, замышляющие напасть и творить насилия». Тогда Маурик ответил следующим образом: «Не подобает, чтобы столь выдающийся муж, не имея при себе надлежащего числа спутников, навлекал на себя презрение и бесславие, в особенности если к тому же он ненавистен многим властителям из-за римского господства над целым миром и из-за подвигов своих предков. Ибо, если бы при нем не было должной охраны, его, возможно, убили бы недруги римского государства. С миром явился он и ищет он мира, что подтверждается всеми его поступками. Ведь со дня прибытия нашего мы вели себя так, что никого ничем не обидели. Как мирные люди мы покупали все, в чем нуждались, и за все тут же расплачивались, ничего силою не отбирая». И когда Конана все еще одолевали раздумья, предпочесть ли мир или начать военные действия, прибыл правитель Корнубии Карадок и прочие сановные люди и уговорили Конана уважить столь смиренную просьбу и не затевать войны. И хотя Конан предпочел бы сразиться, тем не менее, отложив оружие в сторону и не нарушив мира, он доставил Максимиана в Лондон к королю и разъяснил ему, как обстоят дела.

83. Затем властитель Корнубии Карадок, взяв с собою своего сына Маурика, распорядился удалить всех присутствовавших и сказал королю следующее: «То, о чем так долго мечтали истинно преданные тебе и беспрекословно послушные твоей воле, по промыслу божьему, наконец-то, осуществилось ко благу твоих потомков. Ведь ты велел твоим приближенным дать совет, как тебе следует поступить с твоей дочерью и твоим государством, поскольку из-за своего возраста ты стал ныне настолько немощным, что больше не в состоянии править своим народом. Одни ответили, что королевский венец, по их мнению, нужно передать твоему племяннику Конану, а твою дочь достойным образом выдать замуж куда-нибудь за море, ибо они опасаются, как бы, если властителем бриттов станет иноязычный пришелец, это не повело к истреблению их сограждан. Другие советовали завещать престол дочери и какому-нибудь нашему знатному соплеменнику, который после твоей кончины унаследовал бы его у тебя. Большинство, однако, решительно высказалось за то, чтобы ты призвал кого-нибудь из венценосного римского рода и отдал ему твою дочь вместе с королевской короной. Благодаря этому, как они утверждали, воспоследует прочный и устойчивый мир, ибо римская мощь будет бриттам защитою и оплотом. И вот господь явил тебе милость, прислав сюда юношу, происходящего из римского рода и вместе с тем от крови бриттских властителей, за которого, мой совет тебе, ты и отдай безотлагательно твою дочь. А если бы тебя одолели сомнения, какие доводы мог бы ты привести против того, чтобы он получил британский престол? Ведь он кровный родственник Константину и внук Коеля, нашего государя, дочери коего Елене по наследственному праву, чего мы не можем оспаривать, принадлежало королевство Британия [1]». Выслушав Карадока, Октавий не стал ему возражать и с общего согласия отдал Максимиану дочь свою и королевский венец. Не хватает слов, чтобы изобразить, до чего это возмутило Конана Мериадока, который удалился в Альбанию и принялся набирать там войско, намереваясь не оставлять в покое Максимиана.

Набрав многочисленных воинов, он переправился через реку Хумбер, опустошая земли по обоим ее берегам. Когда об этом известили Максимиана, он во главе всех своих сил поторопился навстречу Конану, сразился с ним и его одолел. Однако Конан не успокоился и, снова набрав отряды, угрожал разорить всю страну. Тогда Максимиан вторично выступил против него и сразился с ним в нескольких битвах, иногда беря над ним верх, иногда терпя неудачу. И так как один другому нанес тяжелый урон, они с одобрения своих друзей заключили между собою мир.

84. Прошло пять лет. Максимиан возгордился из-за бесчисленного количества серебра и золота, что ни день к нему притекавших, и, подготовив множество кораблей, собрал всех боеспособных мужей Британии. Ему мало было королевства Британии, он рвался захватить также Галлию. И вот, переправившись через пролив, он высадился сначала в королевстве Арморика[1], что ныне зовется Бретанью, и принялся беспокоить франков. Тогда, выйдя ему навстречу под начальством Инбалта, те вступили с ним в бой, но, разбитые почти на всем поле битвы, ударились в бегство. Пали и сам вождь Инбалт, и пятнадцать тысяч собранных со всего королевства воинов, которых он с собою привел. Нанеся столь сокрушительное поражение неприятелю, Максимиан возликовал, так как обрел уверенность, что из-за гибели стольких мужей легко подчинит себе всю эту страну. Итак, вызвав к себе Конана и слегка улыбаясь, он сказал ему так: «Вот мы и покорили одно из сильнейших королевств Галлии и можем надеяться овладеть и всеми другими. Поспешим же захватить города и крепости прежде, чем молва о такой опасности, достигнув остальной Галлии, побудит взяться за оружие все населяющие ее народы. Ведь если нам удалось овладеть этим королевством, я не сомневаюсь, что и всю Галлию мы также подчиним нашей власти. Итак, не сокрушайся, что королевство островной Британии, хотя ты и рассчитывал на него, тебе пришлось отдать в мои руки, ибо все, что ты там потерял, я тебе возмещу в этой стране: я возведу тебя на престол этого королевства, и тут будет вторая Британия, которую, изгнав местных жителей, мы заселим нашими соплеменниками. Нивы этой страны плодородны, ее реки изобилуют рыбой, ее леса на редкость красивы, ее пастбища превосходны, и, на мой взгляд, нет на свете земли привлекательнее». В ответ на это Конан, склонив голову, изъявил свою благодарность и обещал повиноваться Максимиану и сохранять ему верность, покуда жив.

85. После этого, приведя в боевую готовность отряды, они пошли на Редон[1] и в тот же день его взяли. Прослышав о жестокостях бриттов и о гибели павших, местные жители поспешно бежали, покинув своих жен и детей. Их примеру в городах и поселках последовали другие, так что продвижению бриттов не стало больше помех. А те, куда бы ни приходили, истребляли всех, принадлежавших к мужскому полу, щадя только женщин. Наконец, опустошив все области и уничтожив всех мужчин до последнего, они поставили своих воинов в городах и поселках, а также и в возведенных ими в разных местах передовых укреплениях. Весть о жестокости Максимиана распространилась по остальным областям Галлии, и такой страх охватил всех вождей и властителей, что у них осталась

надежда лишь на богов,— быть может, боги услышат смиренные их обеты. Повсюду они оставляли сельскую местность, уходя в города и поселки, а также туда, где могли укрыться в надежном убежище. Максимиан, убедившись, что все галлы перед ним трепещут, осмелел еще больше и, щедро расточая в своем войске дары, спешит увеличить его численность. Всякого рода, кто, на его взгляд, умел добывать чужое, он привлекал к себе золотом или серебром и не упускал случая осыпать другими подарками.

86. Благодаря этому он набрал такое множество воинов, какого, по его расчетам, было достаточно, чтобы завоевать всю Галлию. Он немного умерил свою жестокость, до поры до времени сдерживая себя, дабы, успокоив захваченное им королевство, впоследствии заселить его исключительно бриттами. И он распорядился отобрать на острове сто тысяч человек бриттов из простого народа и отослать их к нему, и еще набрать тридцать тысяч воинов, дабы, оставаясь на родине, они обороняли ее от вражеских поползновений. Когда все это было исполнено, он распределил доставленных к нему бриттов среди всех племен Арморианского королевства и, создав тут вторую Британию [1], отдал ее под начало Конану Мериадоку. Сам же со своими соратниками двинулся на остальную Галлию и, проведя там ожесточеннейшие сражения, ее покорил, как равным образом и Германию, одержав верх во всех без исключения битвах. Столицей своей империи он повелел считать город треверов [2] и распалился таким гневом на двух императоров, Грациана и Валентиниана, что один был им умерщвлен, а другого он принудил бежать из Рима [3].

87. Между тем Конана и арморианских бриттов непрерывными набегами тревожили галлы и аквитаны. Отражая их нападения и отвечая им тем же, он мужественно защищал порученную ему страну. Когда же, наконец, победа окончательно склонилась на его сторону, он задумал дать своим соратникам жен, дабы те им народили наследников, которые вечно владели бы этой землей. Но, стремясь никоим образом не допустить смешения с галлами, он повелел, чтобы с острова Британия прибыли женщины, с каковыми его воины вступили бы в браки. Итак, он отправил в островную Британию гонцов к правителю Корнубии Дионоту, унаследовавшему ее после брата своего Карадока, дабы тот позаботился об осуществлении этого замысла. Был же этот Дионот знатен и чрезвычайно могуществен, и Максимиан поручил ему править всем островом, пока был занят вышеописанными делами. У Дионота была дочь поразительной красоты, которая звалась Урсулой и которой пленился Конан.

88. И вот Дионот, выслушав гонца Конана и стремясь исполнить его поручение, собрал в различных своих областях одиннадцать тысяч знатных девушек [1], а из прочего звания и простого народа еще шестьдесят тысяч и повелел всем им прибыть в город Лондон. Он приказал также доставить туда со всего побережья острова множество кораблей, дабы переправить к вышеупомянутым воинам их будущих жен. Хотя в столь многолюдном сборище нашлось немало таких, кому это пришлось по душе, однако бо́льшему числу девушек из тех, которые были сильнее привязаны к родине и родителям, не хотелось их покидать. Возможно не было недостатка и в тех, которые, предпочитали остаться девственницами, чем

вступить в брак, были готовы скорее завершить свои дни как придется, чем таким путем достигнуть богатства. И каждой, чтобы достигнуть желанного, нужны были особые, благоприятствующие ей обстоятельства.

По приведении флота в готовность, женщины взошли на суда, которые по реке Темзе вышли в открытое море. Были подняты паруса, чтобы идти к Арморике, но вдруг загудели встречные ветры и вскоре рассеяли всю флотилию. Море швыряло и разбивало суда, и их бо́льшая часть затонула; те же, которые ускользнули от гибели, пристали к островам чужеземцев, и все находившиеся у них на борту были или перебиты неведомым племенем островитян, или проданы ими в рабство. Они наткнулись также на нечестивое войско Гвания и Мелги, которые по приказанию Грациана проливали потоки крови, истребляя обитателей побережья, а также Германии. Гваний был королем гуннов, Мелга — пиктов, и Грациан их привлек к себе и отправил в Германию [2], дабы они не оставляли в покое тех, кто поддерживал Максимиана. И вот, бесчинствуя на побережье, они натолкнулись на вышеупомянутых девушек, высадившихся на сушу в этих краях. Пораженные их красотой, они пожелали развлечься с ними. Но так как девушки отказали им в этом, негодяи на них набросились и большинство этих девушек безжалостно умертвили. В дальнейшем нечестивые вожди пиктов и гуннов, Гваний и Мелга, державшие сторону Грациана и Валентиниана, узнав, что в Британии совсем не осталось войск, поспешили отплыть туда, пополнив число своих воинов обитателями лежащих поблизости островов, и высадились в Альбании. Затем, сколотив отряды, они вторглись в эту страну, в которой не было ни правителя, ни защитников, и принялись истреблять беспомощных простолюдинов. Ведь Максимиан, как сказано выше, увел с собой всех, каких только можно было найти, доблестных юношей, оставив лишь безоружных и простодушных крестьян. И когда вышеназванные Гваний и Мелга увидели, что те почти не отваживаются сопротивляться, они стали безбоязненно уничтожать и непрестанно опустошать, словно то были овечьи загоны, их города и области. Получив известие об этом бедствии, Максимиан послал своего земляка Грациана с двумя легионами, дабы тот оказал помощь королевству Британии. Прибыв на остров, эти легионы сразились с вышеуказанными врагами и, разгромив их в ожесточенной битве, принудили удалиться в Ибернию. Между тем сторонниками Грациана был убит в Риме Максимиан, как были убиты или рассеяны бритты, которых он с собою привел. Кому удалось спастись, те пробрались к своим соотечественникам в Арморику, которая тогда уже называлась второю Британией или Бретанью [3].

89. Посланный Максимианом в Британию Грациан, прослышав об его убийстве, овладел королевским венцом и провозгласил себя повелителем бриттов. Вскоре он стал так утеснять народ, что простолюдины, собравшись толпой, кинулись на него и его умертвили. Когда весть об этом дошла до других государств, из Ибернии вернулись вышеназванные враги [1], приведя с собою скоттов, норвежцев, данов, и предали все королевство огню и мечу от моря до моря. Из-за этого нашествия и нестерпимых насилий, чинимых пришельцами, в Рим отправляют с посланиями гонцов,

слезно моля о присылке воинов для пресечения неприятельских злодеяний и обещая, если враги будут прогнаны прочь, пребывать впредь и вечно в неукоснительном подчинении Риму. В ответ на это послание, не помня былого зла, снаряжают легион, который, будучи перевезен по океану в Британию, вступает в битву с врагами. Перебив огромное их количество, он изгнал всех пришельцев из пределов страны и избавил порабощенный народ от невыносимых мучений. Римляне повелели бриттам построить между Альбанией и Дейрой стену от моря до моря, дабы, возведенная всем населением для сдерживания пришлых врагов, она устрашала тех и служила защитою местным жителям. Была же Альбания вконец разорена набегами чужеземцев, и все вторгавшиеся в нее всякий раз находили здесь надежное для себя пристанище. Итак, собрав общественные и личные средства, бритты приступают к работе и заканчивают упомянутую стену [2].

90. Между тем римляне заявили, что в дальнейшем они никоим образом не смогут предпринимать столь трудные и длительные походы и из-за бродячих разбойничьих шаек подвергать опасностям на суше и море свои боевые значки, свое столь славное и закаленное войско, а посему пусть бритты, обучившись владеть оружием и мужественно сражаясь, всеми силами самостоятельно защищают свою землю, имущество, жен и детей и, что важнее всего перечисленного, свою свободу, и, дабы те прислушались к этому увещанию, и приказали всем боеспособным мужчинам острова явиться в Лондон, так как сами они готовятся вернуться в Рим. И когда все, кому надлежало, прибыли в Лондон, обратиться к ним с речью было поручено лондонскому архиепископу Гветелину [1], который сказал нижеследующее: «Хотя выступить здесь перед вами повелели мне власть имущие, я принужден разразиться скорее стенаниями, чем возвышенной речью; ведь я глубоко скорблю о постигших вас всех сиротстве и немощности после того, как Максимиан обнажил эту страну, начисто лишив ее воинов и молодежи [2]. Вы же были всего лишь последышами, скопищем, толпою, неискушенной в военном деле, людьми, никогда не знавшими каких-либо иных занятий, кроме обработки полей, торговли, ремесел. Когда же на вашу страну нападали иноземные завоеватели, они принуждали вас, блуждающих словно овцы без пастуха, покидать ваши овчарни, и так продолжалось, пока римская мощь не возвращала вас снова в ваши владения. Ужели вы вечно будете уповать лишь на чужую поддержку и не возьмете в свои руки щитов, мечей, копий против грабителей, которые никоим образом не могли бы осилить вас, когда бы не ваши вялость и косность? Римлянам уже опостылело постоянно пускаться в путь, который им нужно преодолеть, чтобы вместо вас сойтись с неприятелем. Они предпочитают скорее лишиться дани, которую вы им вносите, чем подвергаться и впредь таким же, как ныне, превратностям на суше и на море. Что же дальше? Если в те времена, когда в нашем королевстве насчитывалось достаточно воинов, вы были безоружной и беззащитной толпой, то неужто вам теперь мнится, будто в вас не осталось ничего человеческого? Разве люди появляются из материнского чрева с предуказанной им заранее участью и от поселянина не рождается воин и от воина поселянин? Воин, бывает, происходит и от мошенника и мошенник от воина. А раз

дело обстоит таким образом, и любой и всякий может быть отпрыском любого и всякого, то я отнюдь не считаю, что в вас не осталось человеческих качеств. А раз вы по-прежнему люди, то и ведите себя, как полагается людям, воззовите к Христу, дабы он вложил в вас отвагу, и отстаивайте вашу свободу».

По окончании речи Гветелина народ разразился громкими криками, которые свидетельствовали о том, что он преисполнился внезапно обуявшей его отвагой.

91. После этого римляне настойчиво призывают к стойкости боязливый народ и оставляют ему наставников, дабы те обучили его пользоваться оружием. Они также велят возвести по берегу моря на южной оконечности острова, где находились их корабли, ибо отсюда, как опасались, вероятнее всего были нашествия чужестранцев, расположенные на некотором расстоянии друг от друга дозорные башни, дабы наблюдать с них за морем. Но легче превратить коршуна в ловчего сокола, чем землепашца в обученного владению оружием воина, и кто хочет вложить в поселян глубокие знания, тот мечет жемчуг пред свиньями. И как только римляне, распрощавшись с намерением когда-либо вернуться сюда, отплыли с острова[1], с кораблей снова высаживаются укрывавшиеся в Ибернии вышеназванные Гваний и Мелга, а также премерзкие ватаги скоттов, пиктов, норвежцев, данов и прочих, приведенных ими с собой; и захватывают всю Альбанию до самой стены. Узнав об уходе из Британии римлян и о возвращении сотоварищей, их былые сообщники принимаются за привычное дело — терзать и грабить страну. В связи с этим на стене повсюду ставят землепашцев, никудышных, скованных страхом вояк, неспособных по этой причине даже искать спасения в бегстве и к тому же расслабляемых дни и ночи отупляющей и нелепой бездеятельностью. Между тем враги, пользуясь шестами с крючьями, непрестанно стаскивают со стен этих горемычных защитников, которые сваливаются на землю и расшибаются. Кого постигала такая гибель, те своей преждевременной смертью и своим быстрым концом были по крайней мере избавлены от того, чтобы присутствовать при неотвратимых и ужасных мучениях их братьев и чад.

О божественное возмездие за прошлые преступления, о безумие Максимиана, отнявшего у страны столько доблестных воинов! Будь они и сейчас в наличии, не нашлось бы народа, которого они не прогнали бы прочь. И, бесспорно, так это и было, пока они оставались на родине. Ведь и отдаленные королевства пребывали тогда в зависимости от них, и они спокойно и уверенно оберегали Британию. А теперь дела обстоят именно так, как неизбежно случается, когда оборона государства возлагается на землепашцев. К чему распространяться об этом? Короче говоря, покинув города и высоко вознесенную стену, они снова обрекают жителей страны на безоглядное бегство, на скитания еще более безнадежные, чем обычно, на чинимые врагами преследования, на еще более беспощадные побоища. И точно хищные волки, напавшие на овец, терзают горемычный люд пришельцы-грабители. Злосчастные остатки бриттов обращаются к могущественному мужу римской державы Агицию с нижеследующим посланием: «Агицию, трижды консулу, горестное стенание бриттов». В немногих сло-

вах пожаловавшись на свою участь, они добавляют: «Море оттесняет нас к чужеземцам, а чужеземцы — к морю. Из-за этого нам не миновать гибели: или нас поглотит пучина, или нас всех перережут». Но не добившись поддержки, опечаленные послы возвращаются вспять и оповещают своих соотечественников о выслушанном ими отказе.

92. И вот, поразмыслив, архиепископ лондонский Гветелин переправился в Малую Британию, или Бретань, прозывавшуюся в ту пору Арморикой или Летавией, дабы испросить у своих соплеменников помощь. Властвовал тогда в этой стране Альдроен [1], четвертый государь после Конана, получившего это королевство от Максимиана, как уже указано выше. Этот Альдроен, увидев перед собою столь почтенного мужа и оказав ему почетный прием, спросил у него о причине прибытия. Гветелин ответил ему: «Твоему величию ведомы и способны вызвать у тебя слезы те бедствия, что претерпели мы, бритты, твои соотечественники, из-за Максимиана, обездолившего наш остров, поскольку он забрал с собой наших воинов и повелел им заселить то королевство, которым ты нынче владеешь и да будешь и впредь владеть в нерушимом мире. Ведь на нас, обнищавших последышей ваших, ополчились жители всех разбросанных поблизости островов, и они до того опустошили наш изобиловавший всяческими богатствами остров, что всем его обитателям больше невмочь поддерживать себя никакой иной пищей, кроме той, которую доставляет им их охотничья ловкость, и не было никого, кто вышел бы отразить пришельцев, так как у нас не осталось людей, исполненных силы и доблести. А римлянам надоело нянчиться с нами, и они отказали нам в помощи. Итак, лишенные всякой другой надежды, мы взываем к твоему состраданию, умоляя взять нас под защиту и оградить предназначенное тебе государство от вторжения иноземцев. Кого же другого, по твоему разумению, подобает увенчать короною Константина, а также Максимиана, когда ею были увенчаны твои деды и прадеды? Снаряди суда и приди: я передаю в твои руки королевство Британию». На это Альдроен сказал: «Было время, когда я бы не отказался принять остров Британию, если бы кто-нибудь мне его предоставил, ибо я не считаю, что где-нибудь существует страна более плодородная, пока там царят мир и спокойствие. Однако ныне, когда ее раздирают бедствия, она стала менее привлекательной и внушает неприязнь как мне, так и другим государям. Сверх всего прочего, злокозненное господство римлян настолько ее принизило, что никто, обитая в ней, не может рассчитывать на сохранение в неприкосновенности своего достоинства, ибо, обремененный рабским ярмом, всякий неминуемо утратит свободу. Кто бы не предпочел обладать немногим, но при этом пользоваться свободой, чем, утопая в роскоши, влачить на себе ярмо рабства? Королевством, которое ныне подчинено моей воле, я владею, окруженный почетом и не обязанный подчиняться кому бы то ни было. И оно мне милее и предпочтительнее всех прочих именно потому, что я им управляю, ни от кого не завися. Впрочем, поскольку правом на остров располагали уже мои деды и прадеды, отдаю тебе брата моего Константина и две тысячи воинов, дабы, если так будет угодно господу, он освободил твою родину от нашествия иноземцев и стал ее венценосцем. Ведь

у меня есть брат, нареченный вышеупомянутым именем, который опытен в воинском деле, а также отличается доблестью и другими добрыми качествами. Я не премину предоставить тебе его с вышеназванным числом воинов, если ты на это согласен. Что же касается бо́льшего их количества, то тут следует, на мой взгляд, удовольствоваться указанной численностью, ибо с каждым днем со стороны галлов возрастает угроза и мне». Едва он закончил свое ответное слово, как архиепископ осыпал его благодарностями и, призвав Константина, приветствовал его так: «Христос побеждает, Христос царствует, Христос господствует. Вот грядущий король опустошенной Британии. Да пребудет с нею Христос; вот наш оплот, упование наше и наша радость».

Что же дальше? Короче говоря, на побережье были снаряжены суда, в различных областях государства набраны воины и переданы Гветелину.

93. После того как все приготовления были закончены, суда вышли в море и вошли в Тотонскую гавань. Без промедления новоприбывшие собрали юношей, какие еще оставались на острове, и, вступив в битву с врагами, в воздаяние за заслуги святого мужа, одержали над ними победу. Вслед за тем прежде рассеянные и разобщенные бритты стеклись отовсюду в Трицестрию, где на народном собрании провозгласили Константина своим королем и возложили на его голову королевский венец. Ему также дали рожденную в знатном римском семействе супругу, которую вырастил и воспитал архиепископ лондонский Гветелин. Познав ее, Константин породил трех сыновей, которых звали Константом, Аврелием Амброзием и Утерпендрагоном. Константа, своего первенца, Константин отослал в Винтонию, в церковь Амфибала[1], дабы тот постригся в монахи. Двух остальных, а именно Аврелия и Утера, он отдал на воспитание Гветелину. По прошествии десяти лет к королю явился какой-то пребывавший у него в подчинении пикт и, измыслив, будто ему нужно переговорить с ним с глазу на глаз, уединился с Константином в кустах и, когда никого вокруг не было, ударом ножа поразил того насмерть.

94. По умерщвлении Константина между знатными возгорелся спор, кого возвести на королевский престол. Итак, одни настаивали на том, что государем должен стать Аврелий Амброзий, другие — что Утерпендрагон, третьи называли их наиболее близких родичей. Наконец, поскольку разногласиям не было видно конца, Вортегирн, глава гевиссеев[1], всеми силами домогавшийся трона, пришел к монаху Константу и сказал ему так: «Отец твой скончался, а твоих братьев из-за их возраста нельзя возвести на престол, и я не вижу в твоем роду такого, кого народ мог бы провозгласить королем. Если пожелаешь последовать моему совету и увеличишь мои владения, я сумею внушить народу, чтобы он возвел тебя на престол, и хотя твой орден воспротивится этому, я тем не менее совлеку с тебя монашеский сан». Услышав это, Констант проникся превеликою радостью и, поклявшись, обещал Вортегирну все, чего тот хотел. Итак, Вортегирн взял Константа с собой и, доставив его в королевском одеянии в Лондон и не испросив, можно сказать, одобрения у народа, возвел на престол. Архиепископ Гветелин в ту пору уже скончался, и не было никого, кто посмел бы помазать Константа на царство, ибо тот был связан иноческим

обетом. Но Констант не отступился по этой причине от королевской короны, и вместо епископа на его голову своими руками возложил ее Вортегирн.

95. Провозглашенный королем Констант отправление правосудия во всем государстве препоручил Вортегирну, да и сам всецело следовал его советам и наставлениям, ничего не предпринимая без его указания. Происходило же это вследствие неспособности Константа разбираться в государственных делах: ведь в монастыре его обучали совсем иному, чем управление государством. Установив это с несомненною очевидностью, Вортегирн стал подумывать, как бы возвести на престол себя самого. Ведь он жаждал этого превыше всего. Он явственно видел, что наступает такое время, когда ему будет легко и просто добиться желаемого. Ведь все государственные дела были полностью предоставлены на его усмотрение, и Констант, именовавшийся государем, был в действительности лишь тенью властителя. Он ни с кого ничего не требовал, ни с кого не взыскивал, и ни соотечественники, ни соседи нисколько его не страшились. Два его брата, Утерпендрагон и Аврелий Амброзий, и тот и другой еще малые дети, не могли из-за своего возраста быть возведены на престол. К тому же старейшие возрастом царедворцы к несчастию уже скончались, и в живых остался лишь Вортегирн, единственный, как казалось, дальновидный, сведущий, высокоумный сановник. Почти все остальные были мальчики или юноши; их отцы и дядья погибли в недавних битвах; и теперь, несмотря на свою неопытность, они занимали почетные должности. Памятуя обо всем этом, Вортегирн принялся размышлять, как бы ему хитрее и неприметнее для окружающих свалить монаха Константа и занять его место. Однако он предпочел подождать, пока в должной мере не подчинит своей воле различные племена и народности и не добьется их дружеского расположения. И вот он принялся настойчиво просить у Константа, чтобы тот выделил ему из своей казны средства, необходимые для достодолжной его охраны и для укрепления городов, ссылаясь на то, что ближайшие соседи островитяне, как утверждает молва, жаждут напасть на Британию. Добившись этого, он повсюду расставил своих людей, дабы те следили за соблюдением ему верности в подвластных им городах. Наконец, приступая к осуществлению заранее обдуманного предательства, Вортегирн явился к Константу и заявил, что тому надлежит увеличить численность своего войска, дабы надежнее сопротивляться намеревающимся напасть врагам. На это Констант заметил: «Разве не поручил я всего твоему попечению? Итак, поступай как знаешь, лишь бы это было мне не во вред». Вортегирн в ответ сказал так: «Мне сообщили, что пикты хотят наслать на нас данов и норвежцев, дабы те возможно сильнее потревожили нас. Поэтому я бы одобрил и счел наиполезнейшим привлечь кое-кого из пиктов к твоему двору, чтобы те явились как бы посредниками между тобою и соплеменниками. Ибо если соответствует истине, что пикты замышляют поднять восстание, то они раскроют тебе уловки и хитрости своих соотечественников, и ты легче сможешь их избежать». Таково было тайное предательство мнимого друга. Ведь он посоветовал это не на благо Константу, но хорошо зная, что пикты — племя крайне

непостоянное и готовое на любое преступление: их, опьяненных или распалившихся гневом, можно легко восстановить против короля, так что, не долго раздумывая, они тут же его умертвят, а если это произойдет, ему, Вортегирну, откроется доступ к королевскому трону, о чем он так часто мечтал. И вот, послав гонцов в Скоттию, он пригласил оттуда сотню воинов пиктов и включил их в состав личной охраны короля; вновь принятых пиктов он привечал как никого из их сотоварищей и щедро одаривал, снабжая их сверх всякой меры яствами и хмельными напитками, так что для них он сам был подлинным государем. Обожая его, они распевали на улицах: «Вортегирн достоин верховной власти, достоин скипетра королевства Британии, а Констант их недостоин». Вортегирн между тем все больше и больше старался покорить и привлечь этих пиктов к себе. И, добившись их любви и привязанности, он напоил их допьяна и сообщил им о том, что вынужден покинуть Британию, дабы увеличить свое достояние; при этом он утверждал, будто незначительных средств, какими он ныне располагает, никак не достаточно для выплаты жалованья и пятидесяти воинам. Затем, как бы глубоко опечаленный, он удалился в собственные покои, покинув их в королевском дворце в самый разгар попойки. Обнаружив, что он ушел, пикты глубоко огорчились и сочли его слова истинной правдой. Они принялись шептать друг другу на ухо: «Чего ради дозволяем мы этому иноку жить? Чего ради не убиваем его, дабы Вортегирн овладел королевским престолом? Кто же другой, как не он, унаследует трон Константа? Ведь Вортегирн достоин и власти и королевского сана, он, непрерывно обогащающий нас, достоин любого достоинства».

96. Вслед за этим, ворвавшись в опочивальню Константа, они набросились на него [1] и, расправившись с ним, отнесли его голову Вортегирну. Увидев ее, тот, словно охваченный скорбью, горько заплакал, тогда как в действительности никогда прежде не бывал так преисполнен радости. Призвав тем не менее горожан Лондона (ибо все это случилось в названном городе), он приказал заковать в железа предателей и закованных обезглавить, ибо они осмелились совершить столь мерзкое злодеяние. Были в народе такие, которые считали бесспорным, что это предательство задумал сам Вортегирн и что пикты порешили Константа не иначе, как по его повелению. Были, впрочем, и те, кто нисколько не сомневался, что Вортегирн к этому злодеянию не причастен. Дело осталось невыясненным, но воспитатели Аврелия Амброзия и Утерпендрагона, малолетних братьев убитого, бежали с ними в Малую Британию или Бретань, опасаясь, как бы Вортегирн не умертвил и обоих детей. Там их принял к себе король Будиций [2] и в подобающем им почете взрастил.

97. А Вортегирн, не зная во всей Британии никого, кто мог бы с ним сравняться могуществом, и обойдя остальных сановников, возложил на себя королевский венец. Когда о его коварстве повсюду стало известно, против него восстали народности разбросанных поблизости островов, приведенные в Альбанию пиктами. Возмущенные казнью своих сотоварищей, погибших из-за случившегося с Константом, пикты жаждали отомстить за них Вортегирну. А его, помимо этого, тревожил урон, который ежедневно

терпело в боях его войско. Тревожил еще и страх перед Аврелием Амброзием и его братом Утерпендрагоном, коих, как сказано выше, увезли от него в Малую Британию или Бретань. До его ушей ежедневно доходили бесконечные толки о том, что те уже выросли в зрелых мужей, что они построили весьма многочисленный флот и помышляют о возвращении в королевство, на которое имеют неоспоримое право.

98. Между тем к побережью Кантии подошли три циулы[1] — так зовутся у нас военные корабли,— полные вооруженных воинов, над которыми начальствовали два брата, Хорс и Хенгист. Вортегирн находился тогда в Доробернии, ныне прозываемой Кантуарией, в каковом городе весьма часто бывал, так как он пришелся ему по душе. Когда ему доложили о прибытии на больших кораблях неизвестных мужей высокого роста, он даровал им мир и повелел привести их к нему. Те предстали перед ним, и он устремил взор на двух братьев, ибо они выделялись среди всех остальных благородной внешностью и красотой. Оглядев и всех прочих, Вортегирн спросил, из какой страны они родом и какая причина привела их в его королевство. Тогда Хенгист, отвечая ему от имени всех остальных (ибо он превосходил брата и годами и разумом), сказал так: «Благороднейший король этого края, произвела нас земля Саксония, одна из земель Германии. А мы прибыли сюда, дабы изъявить нашу покорность тебе или какому-нибудь другому властителю. Ведь мы изгнаны с родины и не почему-либо иному, как потому, что этого требовал обычай нашего королевства[2]. А обычай у нас таков, что когда обнаруживается избыток жителей, из разных частей страны собираются вместе правители и велят, чтобы юноши всего королевства предстали пред ними. Затем они по жребию отбирают наиболее крепких и мужественных, дабы те отправились на чужбину и там добывали себе пропитание, избавив таким образом родину от излишних людей. И вот, так как у нас в стране снова обнаружилось чрезмерное количество обитателей, собрались и на этот раз наши правители и, бросив жребий, отобрали эту молодежь, которую ты лицезришь пред собою, вслед за чем повелели ей подчиниться издревле установившемуся обычаю. А нас кровных братьев,— я зовусь Хенгистом, а он Хорсом — наши вожди поставили ее предводителями, ибо мы происходим из рода вождей. И вот, повинуясь нерушимым от века законам, мы вышли в море и ведомые богом Меркурием достигли твоего государства». Услышав имя Меркурия, король поднял голову и спросил, какую религию они исповедуют. На это Хенгист ответил: «Мы чтим отчих богов — Сатурна, Юпитера и прочих правящих миром, но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом[3]. Наши предки посвятили ему день четвертый недели, который и посейчас зовем по его имени воденесдей[4]. После него чтим мы богиню, самую могущественную из всех и носящую имя Фреи[5], которой те же прародители наши посвятили шестой день недели, и по ее имени мы зовем его Фридей»[6]. На это Вортегирн отозвался такими словами: «Ваша вера (которую подобает скорее считать суеверием) глубоко печалит меня. Что же касается прибытия вашего, то оно меня весьма радует, ибо либо бог, либо кто иной привело вас ко мне в самое время, в трудную для меня пору. Ведь меня отовсюду теснят мои недруги,

и если вы разделите со мной тяготы битв, я удержу вас в моем государстве, окружу вас почетом и пожалую всевозможными дарами и пашнями». Чужеземцы подчинились ему и, скрепив соглашение договором, остались при королевском дворе. Между тем выступившие из Альбании пикты собрали очень сильное войско и принялись разорять северные области острова. Когда Вортегирна оповестили об этом, он собрал своих воинов и, переправившись через Хумбер, двинулся навстречу противнику. Затем, когда бритты сошлись с врагами вплотную, начался ожесточеннейший бой. При этом воинам Вортегирна почти не пришлось сражаться, так как присутствовавшие здесь саксы бились столь доблестно, что немедленно обратили в бегство врагов, которые прежде обыкновенно одолевали бриттов.

99. Одержав благодаря саксам победу, Вортегирн щедро их одарил, а также пожаловал Хенгиста, их предводителя, обширнейшими полями в области Линдезея [1], чем удержал при себе и его самого, и его соратников. Хенгист, будучи мужем просвещенным и хитрым, удостоверившись, что король дружески к нему расположен, сказал ему следующее: «Владыка, твои недруги беспокоят тебя отовсюду, и лишь немногие из твоих подданных питают к тебе привязанность. Все тебе угрожают и твердят о том, что привезут Амброзия из Арморики, чтобы, свергнув тебя, возвести его на престол. Итак, буде тебе угодно, давай пошлем гонцов в нашу страну и призовем из нее воинов, дабы увеличить нашу численность в предстоящих нам битвах. Но я бы обратился к твоей милости с одной просьбой, когда бы не опасался встретить отказ». Вортегирн отозвался на это словами: «Ну что же, отправь в Германию от себя гонцов и оттуда призови кого хочешь, а также проси у меня чего пожелаешь и не опасайся отказа». Склонив голову и выразив свою благодарность, Хенгист произнес: «Ты обогатил меня обширными поместьями и полями, однако не даровал мне почета, каковой мне приличествует, как потомку вождей. Поэтому, среди прочих твоих даров, надлежало бы пожаловать меня еще каким-нибудь городом либо крепостью, дабы среди сановников твоего королевства я возвысился и занимал видное положение. Надлежало бы также присвоить мне звание правителя области или какое-либо иное, подобающее рожденному в знатности». На это Вортегирн возразил: «Я не вправе расточать вам такие дары, ибо вы чужеземцы, и к тому же язычники, и я все еще не настолько узнал ваши нравы и ваши обычаи, чтобы приравнять вас к моим соплеменникам; даже смотри я на вас, как на своих сограждан, я бы все же не стал расточать вам пожалования, о которых ты говоришь, так как сановники государства ополчились бы против этого». Тогда Хенгист сказал ему так: «Дозволь мне, слуге твоему, выделить на подаренной тобою земле небольшое пространство, для обведения коего со всех четырех сторон хватит одного единственного ремня, дабы я воздвиг там убежище, которое, если понадобится, меня приютит. Ведь я тебе предан, был предан и буду предан, и, храня нерушимую преданность, стану жить в нем по своему усмотрению». Тронутый речью Хенгиста, король внял его просьбе и повелел ему отправить гонцов в Германию, дабы вызванные оттуда воины безотлагательно явились ему на помощь. И вот, отправив посоль-

ство в Германию, Хенгист взял бычью шкуру и, нарезав ее полосками, соединил их в один ремень. Затем с чрезвычайною осмотрительностью выбрав скалистое место, он отметил его ремнем и на очерченном участке приступил к возведению замка, который, будучи возведен, получил название от ремня, так как именно им было отмерено для него место; позднее по-бриттски его стали называть Каеркаррей, по-саксонски — Танекастре, а на латинском языке мы зовем его Замком Ремня [2].

100. Между тем из Германии возвратились послы и привели с собой восемнадцать судов, полных отборными воинами. Привезли они с собою и дочь Хенгиста, которую звали Ронуэн и красота которой, по общему мнению, была несравненна. После прибытия вышеназванных Хенгист пригласил к себе короля Вортегирна, дабы показать ему и новое здание и новых, только что доставленных из Германии воинов. Приехав сюда частным образом, король похвалил столь быстро построенный замок и удержал у себя на службе вновь набранных воинов. Когда закончилось королевское пиршество, из своего покоя вышла девица, неся в руках полный вина золотой кубок. Вслед за тем, приблизясь к королю, она, преклонив колена, сказала: «Lauerd king, wasseil!» [1]. А он, увидев лицо девицы, был восхищен его прелестью и тут же воспылал к ней любовью. Затем он спросил толмача, что́ сказала девица и что́ ему должно ответить. Толмач объяснил: «Она назвала тебя властителем, королем и еще добавила слово, которое в их речи употребляется как приветствие. А тебе подобает произнести ей в ответ «Drincheil!». Произнеся «Drincheil!», Вортегирн повелел девушке пригубить первой, а затем, приняв кубок из ее рук, поцеловал ее и выпил его до дна. С того дня и поныне в Британии существует обычай, состоящий в том, что пьющий, передавая кубок своему сотрапезнику, восклицает «Wasseil!», а тот, кому предстоит выпить после него, отвечает «Drincheil!» [2]. Вортегирн, опьянев от всевозможных хмельных напитков — причем в сердце его вселился сам сатана — пленился девицей и потребовал ее у отца. Повторяю, сам сатана вселился в сердце властителя, ибо, являясь христианином, он возжаждал соединиться с язычницей. Хенгист, будучи человеком себе на уме и узрев воочию легкомыслие государя, спросил совета у своего брата Хорса и у прочих старших годами своих присутствовавших тогда у него соотечественников, как следует отнестись к требованию короля. Все в один голос посоветовали одно и то же: отдать девушку в жены королю и потребовать от него взамен область Кантию. Вскоре девушка была выдана за Вортегирна, а область Кантия даже без уведомления об этом ее наместника Горангона, который властвовал в ней, была пожалована Хенгисту. Итак, король в ту же ночь взял в жены язычницу, которая сверх всякой меры ему понравилась. Из-за этого весьма скоро вспыхнула враждебность к нему со стороны сановников государства и его сыновей, которые родились у него в первом браке и которых звали Вортимер, Катигерн, Паскент.

В это время прибыли святой Герман, епископ Автизиодорнский и Луп Трекаценский [3], дабы возвестить бриттам слово господне. Ведь их христианство подверглось порче, как из-за язычников, которых король водворил между ними, так и из-за пелагианской ереси [4], яд которой отравлял

их многие дни. Благодаря проповеди этих святых мужей и многим ежедневно ими творившимся чудесам было восстановлено между бриттами исповедание истинной веры. Чрез эти чудеса многое явил людям господь, о чем столь блистательным образом поведал в своем сочинении Гильдас [5].

101. После того как девушка была выдана за короля, Хенгист сказал ему так: «Отныне я для тебя отец, и подобает, чтобы именно я был впредь твоим первым советником, ибо всех своих недругов ты сможешь сломить только благодаря доблести моих соотечественников. Итак, давай вызовем из Германии еще моего сына Окту, а также его двоюродного брата Эбиссу — ведь оба они выдающиеся воители. Дай им земли в северной части Британии поблизости от стены между Дейрой и Скоттией; они будут сдерживать напор чужеземцев, а ты будешь пребывать в нерушимом мире по эту сторону Хумбера». Вортегирн одобрил совет Хенгиста и повелел саксам вызвать из Германии всех, кто на их взгляд способен быть ему в помощь. Итак, в Германию послали гонцов, и вскоре оттуда прибыли Окта, Эбисса и Кердих с тремя сотнями кораблей, полных вооруженными воинами, которых король принял с отменным радушием и щедрой рукой одарил. Благодаря им Вортегирн стал одолевать своих недругов и из всех битв выходить победителем. Хенгист, между тем, понемногу вызывал из Германии все новые корабли и с каждым днем увеличивал численность своих сотоварищей. Приметив это и опасаясь, как бы те, набравшись сил, не захватили власти над ними, бритты обратились к королю с настоятельной просьбой изгнать саксов из пределов королевства. Не подобает, говорили они, чтобы язычники общались и перемешивались с христианами, ибо это запрещается христианским законом. Да и прибыло их такое великое множество, что коренных жителей это уже страшит. Теперь, право, не распознать, кто язычник, а кто христианин, ибо язычники сочетались браками с дочерьми и родственницами христиан. Приводя подобные доводы, они убеждали короля не удерживать саксов в стране, чтобы те предательским образом не возобладали над коренным населением острова. Но Вортегирн колебался следовать их совету, так как, страстно любя жену, отдавал саксам предпочтение перед всеми другими народами. Когда бритты удостоверились в этом, они покинули Вортегирна и, обуянные гневом, единодушно провозгласили своим королем сына его Вортимера, который, во всем потворствуя им, принялся изгонять из страны чужестранцев, биться с ними и подвергать их жестоким преследованиям. Он сразился с ними четырежды [1] и во всех битвах одержал верх; в первый раз на реке Дервент [2]; во второй — у брода Эписфорд [3], где сошлись в единоборстве Хорс и Катигерн, второй сын Вортегирна, и оба в нем пали, нанеся друг другу смертельные раны; в третий — битва произошла на морском берегу [4], и враги, трусливо укрывшись на своих кораблях, обратились в бегство и прибыли на остров Танет [5], где нашли для себя пристанище. Но Вортимер настиг их и там и ежедневно тревожил морскими сражениями, и так как им стало невмоготу выдерживать дольше натиск противника, они послали короля Вортегирна, во всех боях находившегося в их стане, к сыну его Вортимеру, прося дозволения беспрепятственно покинуть вышеупомянутый остров и отплыть

в Германию. И пока происходили переговоры по этому поводу, саксы внезапно взошли на свои циулы и, покинув в Британии жен и детей, возвратились в Германию.

102. Победив саксов, Вортимер стал возвращать своим подданным отнятые у них владения, всячески их привечать, возвеличивать и по указанию святого Германа обновлять церкви. Но добрые качества Вортимера навлекли на него ненависть дьявола, который, вселившись в сердце его мачехи Ронуэн, подстрекал ее к умерщвлению пасынка. И та, смешав все, какие только ни существуют, яды, дала ему выпить отраву из рук одного его приближенного, которого подкупила бесчисленными дарами. Проглотив отраву, этот знаменитый воитель ощутил тут же такую слабость, что не осталось ни малейшей надежды на его исцеление. Тогда он немедленно распорядился, чтобы все его соратники тотчас явились к нему и, объявив им о том, что ему приходит конец, распределил между ними золото и серебро, а также все, что было накоплено его предками. Плачущих и рыдающих он утешал, говоря, что всякой плоти предуказан тот путь, на который ему предстоит ступить. Он увещевал храбрых и воинственных юношей, которые в проведенных им битвах обычно дрались рядом с ним, дабы, защищая родину, они старались оберечь ее от вражеского вторжения. Призывая их прежде всего к безмерной отваге, он повелел воздвигнуть ему медную пирамиду и поместить ее в той самой гавани, где обычно высаживались на сушу саксы, а тело его, после кончины, уложить в гроб, поставленный на вершину упомянутой пирамиды, с тем, чтобы, увидев его усыпальницу, чужестранцы, повернув вспять, отплывали в Германию. Он говорил, что никто из них не посмеет подойти к берегу, узрев его усыпальницу. О безмерная доблесть этого мужа, который жаждал и после смерти устрашать тех, кто трепетал перед ним живым!

Но по его кончине бритты нарушили этот наказ, ибо погребли усопшего в городе Тринованте.

103. После смерти Вортимера на престол снова вступил Вортегирн, который, сдавшись на просьбы жены, отправил гонцов к Хенгисту в Германию и поручил тем передать ему, чтобы он воротился в Британию, правда, как частное лицо и с немногими спутниками, потому что он, Вортегирн, опасается, как бы, буде он поступит иначе, между чужестранцами и его соотечественниками не вспыхнул снова раздор. А Хенгист, прослышав о смерти Вортимера, набрал триста тысяч вооруженных воинов и, подготовив флот, возвратился в Британию. Но когда Вортегирна и правителей королевства уведомили о прибытии такого множества саксов, они, возмущенные этим, сошлись на совет и постановили сразиться с ними и прогнать их от берегов острова. Дочь Хенгиста через своих вестников сообщила отцу об этом решении, и он тотчас же впал в раздумье, как ему в этих обстоятельствах лучше всего поступить. Измыслив множество различных уловок, он избрал между ними одну, дабы притворным миролюбием обмануть жителей королевства. Итак, он направил послов к королю и приказал ему возвестить, что привез такое множество мужей не для того, чтобы они вместе с ним остались навсегда в королевстве бриттов, а также отнюдь не затем, чтобы учинить их стране какое-либо наси-

лие. Однако была все же причина, по которой он их привез, ведь он полагал, что Вортимер жив и поэтому намеревался со своими людьми его отразить, буде тот начал бы против него военные действия, но теперь, узнав о его кончине, он не колеблясь предоставит себя и своих соплеменников в распоряжение Вортегирна, дабы тот удержал в своем королевстве такое количество их, какое сочтет желательным, а тем, кого признает излишними, дозволил немедленно вернуться в Германию; кроме того, если Вортегирну будет угодно, он, Хенгист, просит его назначить день и место, где они могут встретиться и переговорить обо всем. Когда это передали королю, он возрадовался душой, так как ему было не по сердцу, чтобы Хенгист отбыл с острова. В конце концов, он повелел, чтобы собственные его земляки и саксы встретились в день майских календ [1], который уже приближался, близ монастыря Амбрия, дабы там потолковать обо всем вышеуказанном.

104. После того как обе стороны изъявили на это согласие, Хенгист, затаив новый коварный замысел, приказал своим подчиненным запастись длинными ножами и спрятать их у себя в сапоге, и когда бритты спокойно приступят к переговорам, он, Хенгист, громко произнесет «Nimed oure saxes!» [1], после чего всякий сакс, будучи наготове, смело накинется на стоящего рядом бритта и, вытащив нож, тотчас его поразит. Настал назначенный день, и все собрались в указанный город и приступили к переговорам о заключении мира. И вот, когда Хенгист счел, что наступил час, удобный для осуществления его злодейского замысла, он воскликнул: «Nimed oure saxes» и, ухватившись за Вортегирна, удержал его за полу плаща. Услышав условленные слова, саксы вытащили ножи и, напав на стоящих рядом ничего не подозревавших бриттских правителей, убили около четырехсот шестидесяти человек, тела коих святой Элдад [2] впоследствии по христианскому обряду предал земле недалеко от Каеркарадока [3], который называется ныне Салисберией, на кладбище близ монастыря аббата Амбрия [4], некогда основавшего эту обитель. Ведь все бритты явились сюда без оружия, считая, что речь пойдет лишь о заключении мира. Вот почему саксы, прибывшие туда ради предательского деяния, смогли с такой легкостью убить безоружных.

105. Однако злодеяние это все же не прошло для язычников безнаказанно; многие из них были умерщвлены при попытке зарезать обреченных ими на смерть, ибо, защищаясь подобранными с земли камнями и кольями, бритты поражали ими коварных предателей. Среди присутствовавших тут бриттов был и правитель Клавдиоцестрии Элдол [1], который, увидев предательские действия саксов, схватил случайно подвернувшийся кол и использовал его для самозащиты; кого только он мог им настигнуть, тому, нанося удары, он переламывал члены и отправлял его незамедлительно в Тартар; одному он расшибал голову, другому переламывал руки, третьему — спину, многим — голени и сеял вокруг себя невообразимый ужас. И он удалился оттуда не прежде, чем перебил своим колом семь десятков мужей. Но так как сопротивляться такому множеству саксов ему было невмочь, он скрылся от них и достиг своего города. С обеих сторон пали многие, но победа все же досталась саксам. Ведь бритты, ничего не пред-

видя, прибыли сюда безоружными, из-за чего почти не имели возможности сопротивляться. И хотя саксы совершили нечестивое дело, они, тем не менее, не пожелали убить Вортегирна, но, непрестанно грозя ему смертью, связали его по рукам и ногам, требуя для себя в обмен на его жизнь города и крепости. Он уступил им все, чего они домогались, лишь бы его отпустили живым. После того, как свои уступки он подтвердил клятвенно, с него сняли оковы, и саксы прежде всего захватили Лондон. Вслед за тем, они заняли Эборак и Линдоколин[2], а также Винтонию и принялись разорять все области государства. Они нападали на жителей, точно волки на покинутых пастухом овец. Наблюдая повсюду такие бедствия, Вортегирн удалился в Камбрию, не зная, что же ему предпринять против столь нечестивого племени.

106. Призвав затем своих прорицателей, он с ними посовещался и повелел им наставить его, что ему подобает делать. Они ответили, что, раз он лишился всех своих крепостей, ему надлежит построить для себя мощную башню, дабы он располагал ею как своею твердыней. Осмотрев несколько мест в поисках подходящего для возведения башни, он прибыл, наконец, к горе Эрир[1] и, собрав туда отовсюду работников, приказал воздвигнуть там башню. Собранные ради этого каменотесы и каменщики принялись класть ее основание. Но все, что они наработали за день, назавтра поглощала земля[2], так что они никак не могли взять в толк, куда девались плоды их трудов. Когда Вортегирна уведомили об этом, он снова обратился к своим прорицателям, дабы те разъяснили причину происходящего. А они на это ответили, что ему следует разыскать юношу, у которого нет и не было никогда отца, и, разыскав такового, предать его смерти, дабы кровью убитого окропить щебень и камни. Они утверждали, что через это будет обеспечена устойчивость основания башни. Немедленно во все области государства рассылают гонцов, чтобы те отыскали подходящего человека. Прибыв в город, который позднее был назван Каермердином[3], они, заметив у городских ворот увлеченных игрой юношей, подошли к ним. Усталые с дороги, они присели возле ристалища, собираясь узнать, не отыщется ли среди них тот, кто им нужен. По миновании большой части дня, между двумя юношами, которых звали Мерлин и Динабуций, вспыхнула ссора. И вот в разгар их препирательств Динабуций крикнул Мерлину: «Что ты равняешь себя со мною, глупец? Тебе далеко до меня. Ведь я и со стороны отца и со стороны матери происхожу из королевского рода, а кто ты, никому неведомо, ибо нет у тебя отца». Услышав эти слова, гонцы встрепенулись и стали расспрашивать окружающих, кто этот юноша. Те ответили, что кому он обязан рождением неизвестно, а его мать — дочь короля Деметии и проживает в их городе среди монахинь в церкви святого Петра.

107. Получив эти сведения, гонцы поторопились к правителю города и от имени их короля потребовали доставить к ним Мерлина с матерью. Правитель, узнав о возложенном на них поручении, направил Мерлина с матерью к Вортегирну, дабы тот поступил с ними по своему усмотрению. И когда их привели перед королевские очи, государь принял мать Мерлина с должной почтительностью, так как знал, что она происходит от знат-

ных родителей. Затем он начал ее расспрашивать, от кого зачала она Мерлина. Та ответила: «У тебя живая душа и живая душа у меня, владыка мой король, но я, и вправду, не знаю, от кого я его понесла. Мне ведомо только то, что однажды, когда я находилась вместе со своими приближенными в спальном покое, предо мной предстал некто в облике прелестного юноши [1] и, сжимая в цепких объятиях, осыпал меня поцелуями; пробыв со мною совсем недолго, он внезапно изник, точно его вовсе и не было. Позднее он многократно обращался ко мне с речами, когда я бывала одна, но я его ни разу не видела. И он долгое время посещал меня таким образом, как я рассказала, и часто сочетался со мною, словно человек во плоти и крови, и покинул меня с бременем в чреве. Да будет ведомо твоей мудрости, что по-иному я не сходилась с этим юношей, породившим моего сына». Пораженный король приказал вызвать к нему Мауганция, дабы тот разъяснил, возможно ли то, о чем поведала женщина. Доставленный к Вортегирну Мауганций, выслушав все по порядку, сказал ему так: «Из книг наших философов и многих исторических сочинений я узнал, что немало людей появилось на свет именно так. Ибо, говоря о божестве Сократа, Апулей сообщает [2], что между луной и землей обитают бесплотные духи, которых мы именуем инкубами. Частично они обладают естеством человека, частично — ангелов и, когда пожелают, присваивают себе человеческое обличие и сочетаются с нашими женщинами. Один из них, быть может, и предстал пред этою женщиной и породил в ней вот этого юношу».

108. Внимательно выслушав Мауганция, Мерлин подошел к королю и сказал: «Для чего меня и мою мать доставили к тебе и сюда привели?» Вортегирн ответил: «Мои прорицатели подали мне совет разыскать человека, появившегося на свет без отца и окропить его кровью мою постройку, дабы она обрела устойчивость». Тогда Мерлин молвил: «Прикажи твоим прорицателям явиться сюда, и я изобличу их в том, что они измыслили ложь». Озадаченный тем, что сказал юноша, король повелел прорицателям явиться безотлагательно и сесть перед Мерлином, и тот обратился к ним с такими словами: «Не разумея, что́ препятствует устойчивости основания начатой башни, вы заявили королю, будто нужно обрызгать щебень моею кровью. Но скажите, что по-вашему сокрыто под основанием? Ведь под ним находится нечто мешающее его устойчивости». Оробевшие прорицатели промолчали. Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием [1], проговорил: «Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не дает башне должной опоры». Когда это было исполнено, под землей действительно оказалось озеро, в котором и крылась истинная причина неустойчивости основания башни. Вслед за тем Амброзий-Мерлин подошел к прорицателям и сказал: «Ответьте мне, лживые вы льстецы, что находится на дне озера?» Не промолвив ни слова в ответ, они промолчали, словно немые. «Распорядись, властитель, спустить озеро по канавкам, и ты увидишь на его дне два полых изнутри камня и в них двух спящих драконов». Король поверил и этому предвещанию юноши, ибо все, что тот говорил об озере, полностью оправдалось, и приказал его осушить, пора-

женный больше, чем всем остальным самим Мерлином. Да и все окружающие были поражены его мудростью и сочли, что в нем обитает божественный дух.

109. Я еще не дошел до этой части моего изложения, как из-за распространившейся повсюду молвы о Мерлине меня стали побуждать мои современники и, в особенности, епископ линкольнский Александр[1], муж величайшего благочестия и премудрости, предать пророчества этого юноши гласности. Ни во всем духовенстве, ни между мирянами не было никого, кому так стремились бы угодить все те, кого неизменная доброта и благосклонная щедрость епископа Александра склоняли к повиновению его воле. И вот, решив удовлетворить его пожелание, я перевел упомянутые пророчества и отослал их ему вместе со следующим посланием.

110. «Преосвященный Александр Линкольнский, преклонение перед твоей беспорочностью повелело мне перевести с бриттского языка на латинский пророчества Мерлина прежде, чем я довел до конца мой рассказ о деяниях бриттских королей. Ведь я предполагал завершить его раньше, а упомянутые пророчества привести впоследствии, дабы, занятый одновременно тем и другим, мой ум не запамятовал некоторых подробностей. Однако будучи убежден в снисходительности, каковой подарит меня твой свободный от надменности тонкий разум, я окунул в чернила мое чуждое велеречию незатейливое перо и по-простецки, не мудрствуя, перевел эти пророчества с неизвестного тебе языка. И немало меня удивляет, что ты соизволил поручить этот труд перу жалкому и убогому, хотя бразды твоей власти держат у тебя в подчинении такое множество более просвещенных и более искусных мужей, которые в состоянии обласкать слух Минервы твоей наслаждением, проистекающим от более возвышенных строк. И опережая философов нашего острова, заявляю, что ты единственный, в чем не обинуюсь признаться, мог бы превзойти всех остальных, бряцая на твоей исполненной вдохновения лире, когда бы твое высокое предназначение не призывало тебя к совершенно иным трудам. По этой причине тебе и было угодно, чтобы Гальфрид Монмутский прогнусил прорицание это на своей дудке, причем его жалким потугам ты отнюдь не отказываешь в твоем благосклонном внимании, и, буде он передал что-либо беспорядочно и ошибочно, исправь его промахи, прибегнув к розге твоих Камен[1], и придай переведенному им стройное и правильное звучание».

111. Вортегирн, король бриттов, сидел на берегу осушенного озера, из которого вышли внезапно два дракона, один белый, а второй — красный. Сойдясь вплотную друг с другом, они вступили в ожесточенную схватку, извергая из ноздрей языки пламени. Одолевал белый дракон, и он уже прогнал красного до самого края озера, но тот, раздосадованный, что белый дракон берет над ним верх, бросился на него, и заставил противника податься назад. И пока они бились подобным образом, король повелел Амброзию-Мерлину разъяснить, что предвещает эта битва драконов. И тот, обливаясь слезами, исполнился пророческого наития и возгласил:

112. «Горе дракону красному[1], ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет призванных тобой саксов,

тогда как красный — исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом. Горы Британии сравняются с ее долами, и реки в долах ее станут струиться кровью. Почитание истинной веры иссякнет и взорам предстанут развалины господних церквей [2].

И все же вера, гонимая и утесняемая, в конце концов возьмет верх и устоит перед свирепостью иноземцев. Придет на подмогу и вепрь из Корнубии [3] и своими копытцами растопчет их выи. Господству его подпадут на океане лежащие острова, и он овладеет Галльскими лесами и рощами. Вострепещет дом Ромулов [4] пред его свирепостью, и будущее римской державы станет сомнительным. Уста народов станут его прославлять, и его деяния доставят пищу повествователям. После него будет еще шесть венценосцев [5], но затем воспрянет германский змий.

Возвеличит его водный волк в сопровождении африканских лесов [6]. Снова иссякнет вера, и переместятся епархии. Лондонский епископат украсит собой Доробернию, и седьмой эборакский пастырь будет собирать вокруг себя толпы в Арморике [7]. Меневия облачится в мантию Города Легионов [8], и онемеет проповедник-просветитель Ибернии [9] из-за чада, растущего в материнском чреве. Будет низвергаться кровавый дождь, и свирепый голод изнурит смертных. Красный дракон будет охвачен скорбью, претерпевая все это, но, перестрадав, снова окрепнет.

Тогда белого дракона постигнут бедствия, и в садах его рухнут здания. Погибнут семь венценосцев и один из них будет причислен к лику святых [10]. Материнские чрева будут иссечены, и младенцев извлекут из них недоношенными. Случится великое истребление сынов человеческих, дабы восстали из праха исконные обитатели острова. Кто это свершит, того облекут бронзовым мужем [11], и он на таком же коне долгие годы будет стеречь врата Лондона.

Затем красный дракон вернется к прежним делам своим и примется упорно вредить себе самому. И вот обрушится мщение вседержителя, ибо всякое поле обманет упования земледельцев. Смерть накинется на людей и произведет опустошения среди всех народов. Пощаженные ею покинут родные края и станут засевать чужеземные пашни [12]. Благословенный король снарядит флот, и во дворце двенадцатого святителя будет сопричислен к лику святых [13] Горестным будет опустошение царства, и поля, с которых снимали жатву, превратятся в поросшие кустарником пустоши. Снова восстанет белый дракон и призовет дочь Германии. Сады наши снова заполнятся иноземным семенем, а красный дракон будет чахнуть на краю болота. Вслед за тем будет увенчан короною змий Германии, а бронзовый государь низвержен. Змию предуказан срок, превысить каковой он бессилен.

113. В течение ста пятидесяти лет он будет пребывать в тревоге и унижении [1], в течение следующих трехсот — в покое. Вслед за тем на него обрушится северный ветер [2] и вырвет с корнем цветы, взлелеянные дуновением весны, произойдет осквернение храмов, не затупятся острия мечей, с трудом будет удерживать пещеры свои германский дракон, ибо грядет отмщение за его предательство.

Он постепенно окрепнет, но его ослабит беспощадное изничтожение со стороны неустрийцев[3]-завоевателей, ибо нагрянет народ в ладьях и в железных доспехах, который ему воздаст за его мерзостные деяния. Этот народ вернет коренным жителям их пепелища и на чужеземцев придет управа. Поросль белого дракона будет выкорчевана из наших садов и остатки его потомков истреблены. На их выи будет возложено ярмо вековечного рабства, и свою мать изранят они сохами и мотыгами.

Появятся два дракона[4], из коих один задохнется от жала ненависти, а другой станет тенью своего имени.

Появится лев правосудия[5], от рыкания коего затрясутся галльские башни и драконы на острове. В его дни золото станут добывать из лилий и крапивы, а серебро потечет из копыт тех, что мычат. Люди с убранными по-особому волосами облачатся в одежды различные, и их облик будет свидетельствовать об их внутренней сущности. Лапы дающих будут отрублены, и дикие звери обретут мир и покой, человечество же будет удручено казнями. Ценность монеты изменится, половина станет круглою. Коршуны перестанут быть хищными, и зубы волков затупятся. Детеныши льва превратятся в морских рыб[6], а его орел построит себе гнездо на горе Аравий. Венедотия заалеет от материнской крови, а дом Коринея умертвит шестерых братьев. Ночными слезами будет сочиться остров, из-за чего все будут готовы на все.

114. Потомки будут силиться взлететь на высоты, но благорасположение к новым усилится. Властителю из нечестивых будет вредить его доброта, пока он не обретет для себя отца. Наделенный клыками вепря, он перешагнет через горные вершины и тень того, на ком шлем. Вознегодует Альбания и, призвав сопредельных с ней, примется проливать кровь. Челюсть ее стянет узда, выкованная в лоне Арморики. Позлатит ее орел разорванного союза и будет обрадован своим третьим гнездовьем. Детеныши рыкающего пробудятся от сна и, покинув леса, примутся за ловитву внутри стен городских. Немалый урон нанесут они тем, кто потщится им воспрепятствовать, и оторвут языки у быков. На выи мычащих возложат они бремя цепей, и дедовские времена возвратятся.

Затем большой палец, омоченный миром, прикоснется сначала к первому, после него к четвертому, после четвертого к третьему, после третьего ко второму. Шестой властитель порушит стены Ибернии и леса обратит в равнину. Различные части он сведет воедино и увенчает себя львиною головой. Начало его будет подвластно смутным влечениям, но конец вознесет его к вышним. Ибо он обновит родительские святилища и расставит пастырей в должных местах. Двум городам даст он епископскую епитрахиль и одарит девственниц подобающими их девству дарами. Он заслужит благоволение вседержителя и будет причислен к лику святых.

115. Из него выйдет обладающая всепроникающим взором рысь, которая будет угрожать гибелью собственному народу. Ведь именно из-за нее Неустрия лишится и того и другого острова и утратит былое достоинство. Затем на остров вернутся исконные его обитатели, ибо между чужеземцами вспыхнет раздор. Белоснежный старец на белоснежном коне запрудит реку Пирон[1] и ослепительно белой тростью разметит место, на котором

поставит мельницу. Кадвалладр призовет Конана и примет в союз Альбанию[2]. Тогда произойдет избиение чужеземцев, тогда реки потекут кровью, тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короною Брута. Камбрия преисполнится радости и зазеленеют дубы Корнубии. Остров будет наречен по имени Брута и изникнет название, данное ему чужеземцами.

От Конана произойдет доблестный вепрь, который в галльских лесах покажет, до чего остры его клыки. Он подсечет самые могучие из дубов, а меньшие станет оберегать. Арабы и африканцы вострепещут пред ним, ибо свой безудержный бег он устремит в Испанию Дальнюю[3].

Явится козел из чертогов Венеры; будет он с золотыми рогами и серебряною бородкой и станет из ноздрей выпускать настолько густой туман, что тот окутает собою весь остров. Нерушимый мир будет царить в его время, и благодаря плодородию почвы умножатся урожаи. Уподобившись змеям, женщины обретут плавность в движениях, и всякий их шаг будет исполнен высокомерия. Обновятся чертоги Венерины, и Купидоновы стрелы не перестанут наносить раны. Источник Амне[4] станет бить кровью, и два короля сойдутся в единоборстве из-за львицы с Брода Дубинки[5]. Вся земля погрязнет в разврате, и человечество не прекратит предаваться распутству.

Все это увидят три века, пока не будут отысканы могилы королей, погребенных в Лондоне. Снова вернется голод, снова начнет свирепствовать смерть, и граждане будут скорбеть о разорении городов.

Явится вепрь торговли, который возвратит рассеянные стада на позабытое пастбище. Грудь его будет пищей для алчущих, а язык его утолит жаждущих. Из пасти его изольются реки, которые увлажнят иссохшие глотки людей. Затем на Лондонской башне вырастет дерево, которое, удовольствовавшись только тремя ветвями, своею густою листвой погрузит в тень лик всего острова. На дерево налетит враждебный Борей и своими неистовыми порывами обломает его третью ветвь; место уничтоженной займут две оставшиеся невредимыми, пока одна из них не задушит другую неисчислимым множеством своих листьев и не завладеет местом обеих; она приютит на себе птиц из заморских стран, но окажется вредоносной для отечественных пернатых, ибо те, страшась царящей здесь тьмы, утратят свободу полета. Затем явится осел беспутства, быстрый возле кующих золото и медлительный при нападении жадных волков.

116. В эти дни в лесах запылают дубы и на ветвях лип окажутся желуди. Семью рукавами потечет в море Сабрина, а река Оска будет кипеть в продолжение семи месяцев; рыбы ее погибнут от жары, и из них народятся змеи.

Источники Бадона остынут, и их целебные воды станут смертельными.

Лондон оплачет гибель двадцати тысяч людей, и Темза потечет кровью. Монахи начнут вступать в браки, и их выкрики будут слышны на альпийских вершинах.

В Гвинтонии городе три родника вырвутся на поверхность, и ручьи, излившиеся из них, на три части рассекут остров.

Кто изопьет из первого, тот насладится долгою жизнью и не познает горести увядания; кто изопьет из второго, тот погибнет от неизбывного голода, и на лице его выступит бледность и печать ужаса; кто изопьет из третьего, того похитит внезапная смерть, и тело его нельзя будет предать погребению. Желающие избавиться от этой напасти будут стараться прикрыть источник чем-нибудь, но какие бы груды ни навалить на него, они лишь изменят свой облик. Ибо насыпанная поверх земля превратится в камни, камни в древесину, древесина в пепел, пепел в воду.

Из города, именуемого Лесом Канута[1], выйдет дева, дабы изыскать средство от этого бедствия. Она, как если бы превзошла все науки, лишь своим дыханием иссушит пагубные источники. Затем, окрепшая от целительного питья, понесет в правой руке лес Калидона[2], а в левой — защитные стены Лондона. Куда ни ступит ее нога, повсюду вспыхнут огни с сопутствующим густым серным дымом. Этот дым разъярит рутенов и уничтожит пищу обитателей хлябей морских. Горючие слезы прольет эта дева, и ее горестные рыдания огласят весь остров. Ее убьет олень своими рогами о десяти ветвях, из которых четыре будут нести на себе золотые венцы. Шесть остальных превратятся в бычьи рога и своим гнусным стуком встревожат три острова бриттов.

Будет разбужен Данейский лес[3], и он воскликнет человеческим голосом: «Приблизься, Камбрия, и приведи сбоку себя Корнубию и скажи Винтонии: «Тебя поглотит земля; перенеси поэтому местопребывание пастыря туда, где пристают корабли, и пусть прочие члены последуют за головой. Ибо близится день, в который погибнут за свои клятвопреступления горожане. Обрекут же их на это как белоснежная шерсть, так и многоразлично окрашенная. Горе преступившему свои клятвы народу, ибо из-за него рухнет преславный город. Корабли возрадуются такому возвеличению и из двух останется лишь одно. Рухнувший город отстроит наново еж с ношей плодов земных, на запах которых слетятся из разных лесов пернатые. Он возведет к тому же огромный дворец и окружит его шестьюстами башнями. Этому позавидует Лондон и удлинит втрое свои защитные стены. Река Темза обойдет его отовсюду, и молва об этом сооружении перешагнет через Альпы. Свои плоды еж укроет в Лондоне и прокопает здесь подземные ходы. Об эту пору возопиют камни, и море, по которому плывут в Галлию, за краткий срок стянется. Пребывающие на том и другом его берегах будут слышать друг друга, и площадь острова увеличится. Откроются тайны морских глубин, и Галлия содрогнется от страха.

После этого из Калатерского леса явится цапля, которая за два года облетит остров. Ночными криками она будет сзывать пернатых, и соберет весь птичий род вокруг себя. Он устремится на нивы смертных и пожрет весь урожай хлебов до последнего зернышка. Голод накинется на людей и вместе с ним жестокая смерть. А когда это бедствие прекратится, отвратительная птица прилетит в долину Галаб[4] и поднимет ее на высокую гору. На вершине горы она высадит дуб и на его ветвях угнездится. Три яйца отложит она в гнезде, и из них вылупятся лиса, волк и медведь. Лиса пожрет свою мать и напялит на себя ослиную голову. Преобразившись в чудовище, она устрашит своих братьев и прогонит их в Неуст-

рию. А те там раззадорят против нее клыкастого вепря и, вернувшись с ним вместе на кораблях, вступят в борьбу с лисой. Эта, начав с ним битву, прикинется поверженной насмерть, и вепрь ее пожалеет. Вслед за тем, приблизившись к трупу мнимопочившей, он подует ей в глаза и на щеки. А та, не позабыв о своей хитрой уловке, вонзит зубы в его левую ногу и полностью ее отгрызет. Вскочив, она отхватит у него правое ухо и хвост и укроется в горных пещерах. Обманутый вепрь воззовет к волку и медведю, дабы они восстановили ему утраченные им члены. Те, узнав что случилось, пообещают ему оторвать у лисы две ноги, уши и хвост и превратить их в кабаньи. Вепрь успокоится и станет дожидаться обещанного, восстановления того, что он потерял. Между тем лиса спустится с гор; обернувшись волком и как бы намереваясь вступить с вепрем в беседу, она коварно к нему подойдет и сожрет его без остатка. Затем она превратит себя в вепря, лишенного частей тела и станет дожидаться его сотоварищей, а когда те к ней подбегут, искусает обоих и их умертвит, после чего увенчает себя львиною головой.

В ее дни народится змий, который станет угрозой для жизни смертных. Растянув свое длинное тулово, он окружит им Лондон и станет пожирать всех прохожих. Горный бык обретет волчью голову и в стремнине Сабрины выбелит свои зубы. Стада Альбании и Камбрии он присвоит себе, и те выпьют и иссушат Темзу. Осел призовет козла с кустистою бородой и позаимствует его облик. Горный бык возмутится этим и, призвав волка, пойдет на них в обличии рогатого буйвола. Поддавшись ярости, он пожрет их мясо и кости, но будет сожжен на вершине горы Уриана[5]. Искры от костра превратятся в лебедей, которые будут плавать на суше так же, как на воде. Они пожрут в рыбах рыб и проглотят в людях людей. Постарев, они станут подводными рысями и примутся измышлять подводные западни. Они будут топить корабли и накопят немалое количество серебра.

Снова потечет Темза и, приняв притоки, выйдет из пределов своего русла. Она зальет ближние города и подмоет подступающие к ней горы.

Некто, исполненный мерзости и коварства, присвоит себе галабский источник. Из-за этого вспыхнет распря, которая вовлечет венедотов в битвы. Прибудут лесные дубы и вступят в бой со скалами гевиссеев. Прилетит ворон с коршунами и пожрет тела павших. На стенах Клавдиоцестрии угнездится сова, и в ее гнезде родится осел. Возрастит его змей Мальвернский[6] и толкнет к бесчисленным хитростям. Овладев королевским венцом, он достигнет вершин самовластия и ужасающим ревом будет устрашать обитателей этой страны. В его дни задрожат горы Пахайи[7], и этот край лишится лесов. Ибо явится огнедышащий змий и сожжет деревья своим дыханием. Из него выйдут семь львов, обезображенных козлиными головами. Исходящее у них из ноздрей зловоние совратит женщин, и они впадут в блуд. Отец не будет знать, кто именно его сын, ибо жены будут предаваться любовным утехам подобно домашним животным.

Явится исполин бесстыдства, который пронзительностью своего взгляда станет устрашать всех. Ополчится на него вигорнийский дракон[8] и

вознамерится его истребить. В схватке, которая произойдет между ними, дракон, однако, окажется побежденным и будет осилен подлостью победителя. Этот вскочит на спину дракона и, сбросив одежду, усядется на нем совершенно нагой. Дракон вознесет его ввысь и, подняв хвост, станет хлестать им обнаженного. Но великан, собравшись с силами, поразит его мечом в глотку. Наконец, дракона сожмет его собственный хвост, и он погибнет отравленный своим ядом.

После него грядет тотонский вепрь и примется беспощадным насилием утеснять народ. Он изгонит из Клавдиоцестрии льва, который частыми схватками будет беспокоить свирепствующего. Лев подомнет его под себя и будет топтать ногами и хватать своею отверстою пастью. Наконец, лев вступит в борьбу с королевством и начнет подминать под себя знатных. В эту распрю вмешается буйвол и ударит льва правой ногой. Он погонит того по различным областям королевства, но обломает себе рога о стены Эксонии. Отмстит за льва лисица Каердубальская [9] и, растерзав буйвола, сожрет его без остатка. Вокруг лисицы обовьется линдоколинский змий и своим вселяющим ужас свистом оповестит о себе многих драконов. Вслед за тем сойдутся драконы, и один растерзает другого. Крылатый одолеет бескрылого и вонзит в его морду ядовитые когти. Схватятся между собой еще два дракона, и снова один умертвит другого. К умерщвленным подойдет пятый и, прибегнув к всевозможным уловкам, сокрушит тех, кто остался в живых. Он вскочит, вооруженный мечом, на спину одного из этих драконов и отсечет ему голову. Скинув с себя одежду, он взберется и на другого и примется справа и слева наносить ему удары по хвосту. Обнаженный, он осилит его, тогда как одетый ничего не добьется. На прочих он будет нападать сзади и прогонит их на окраины королевства. Появится рыкающий лев, сеющий ужас своей беспредельной лютостью. Он сведет пятнадцать частей воедино и станет самодержавно властвовать над народом. Возблистает белый, как снег, великан и окрепнет белому народу на благо. Наслаждения изнежат властителей, и, погруженные в них, они превратятся в диких зверей. Родится среди них лев, налившийся человеческой кровью. В поле наткнется он на жнеца, поглощенного своим трудом, и его растерзает.

Укротит их эборакский возничий, который, прогнав своего господина, подымется на управляемую им колесницу. Обнажив меч, он станет грозить им востоку и заполнит кровью следы своей колесницы. В водной хляби будет создана рыба, которая, будучи призвана свистом змеи, с нею соединится. От этого соединения родятся три сверкающих буйвола, которые, объев пастбища, обратятся в деревья. Первый понесет бич сплетенный из гадюк и покажет спину рожденному вторым. Этот постарается вырвать у него бич, но будет схвачен рожденным последним. Они не станут друг на друга смотреть, пока не выбросят кубка с ядом.

Появится затем земледелец альбан, которому будет угрожать сзади змея. Он примется вскапывать землю, дабы родные края засеребрились посевами. Змея будет стараться разбрызгать яд, чтобы всходы не дали колосьев. Народ начнет гибнуть от смертоносного бедствия, и города опустеют. Стать целебным средством от всего этого будет предназначено

городу Клавдия, ибо из него выйдет дщерь бичующего. Она вынесет весы исцеления, и остров немного спустя воспрянет. Затем пожелают завладеть скипетром двое, которым будет служить рогатый дракон. Один из них, весь в железе, вскочит на летучего змия. Обнажившись он воссядет на его спину и охватит десницею хвост. От крика его рассвирепеют моря и устрашат второго. Тогда этот второй присоединится ко льву, но, повздорив, они вступят в схватку. Они нанесут друг другу немало увечий, однако ярость дикого зверя возобладает. Прибудет некто с кифарой и бубном и укротит ярость льва. Успокоятся народности королевства и призовут льва к весам. Став у них, он займется отвешиванием, но протянет руки к Альбании. Северные области опечалятся и отопрут двери храмов. Волк-знаменосец поведет за собой отряды и своим хвостом обхватит Корнубию. С ним сразится воин на колеснице, который превратит народ этот в вепря. Вепрь опустошит области, но на дне Сабрины укроет голову. Человек обхватит захмелевшего льва, и блеск золота ослепит взирающих на него. Засверкает вокруг серебро и станет сотрясать давильни.

117. Налившись вином, смертные захмелеют и, презрев небо, устремят взоры на землю. Отвратят звезды свои лики от них и нарушат обычный бег. Так как они разгневаются, на небосводе не станет влаги, и посевы засохнут. Поменяются местами корни с ветвями, и это будет сочтено чудом. Сияние солнца потускнеет в янтарных лучах Меркурия, и взирающие на это будут охвачены ужасом. Стильбон Аркадский [1] сменит свой щит, и шлем Марса призовет Венеру. Марсов шлем отбросит тень, и ярость Меркурия перешагнет границы. Железный Орион [2] обнажит меч. Разгонит тучи, поднявшись над морем, Феб [3]. Юпитер сойдет с определенных для него троп, и Венера покинет установленные пути. Светило Сатурн обрушит на землю свинцовый свой свет и изогнутым серпом будет истреблять смертных. Двенадцать чертогов небесных светил разразятся жалобами на то, что гости их обходят. Разомкнут привычные объятия Близнецы [4] и призовут суд к источникам. Коромысло Весов [5] будет пребывать в наклонном положении, пока его не выправит Овен [6] своими закрученными рогами. Хвост Скорпиона [7] станет метать молнии, и Рак [8] затеет спор с солнцем. На спину Стрельца [9] поднимется Дева [10] и унизит свои девичьи цветы. Колесница луны приведет в смятение Зодиак [11], и Плеяды [12] обольются слезами. Они не вернутся к своим обязанностям и, затворившись в своем чертоге, скроется Ариадна [13]. Под ударами луча поднимутся воды, и древний прах обносится. В диких порывах столкнутся ветры, и рев их изникнет среди светил».

118. Так как Мерлин напророчил все это и прочее, он удивил окружающих неопределенностью своих слов. Вортегирн, однако, восхитившись ими, как никто из присутствовавших, восхваляет ум и прорицания юноши. Ведь то время не произвело никого, чьи уста источили бы перед ним нечто подобное. Итак, желая узнать, каков будет исход его жизни, он предложил юноше поведать ему все, что тому было известно, и на это Мерлин сказал: «Беги огня сыновей Константина [1], если сможешь от него убежать. Ибо уже снаряжаются корабли, они уже покидают берег Арморики. Паруса их уже распускаются в море; они поплывут к острову брит-

тов, они нападут на племя саксов и поработят нечестивый народ, но прежде сожгут тебя в башне, в которой ты затворишься. На свое горе предал ты их отца и призвал саксов на остров. Ты призвал их, чтобы они тебя защитили, а они прибыли сюда на твою погибель. Тебе угрожают две смертельных опасности, и не ясно, какая из них минует тебя. С одной стороны твое королевство опустошают саксы и жаждут тебя погубить, с другой — на остров высаживаются два брата, Аврелий и Утер, которые постараются отмстить за смерть своего отца. Ищи для себя убежища, если можешь — ведь уже завтра они захватят тотонское побережье. Тела саксов они обагрят кровью, и, убив Хенгиста, Аврелий Амброзий возложит на себя королевский венец. Он успокоит народы, восстановит церкви, но погибнет от яда. Вслед за ним взойдет на престол его брат Утерпендрагон, дни коего пресекутся также от яда. Твоих потомков постигнут величайшие бедствия, и их пожрет вепрь Корнубии».

119. И вот, уже на следующий день Аврелий Амброзий высадился на острове. По распространении молвы о его прибытии к нему отовсюду собрались бритты, которых столь великие бедствия рассеяли и разогнали по всей Британии, и окрепшие духом из-за объединения с соплеменниками, прониклись они небывалою радостью. Было созвано духовенство, и по совершении обряда помазания Аврелия провозгласили королем, и все должным образом подчинились ему, как своему государю. И хотя приближенные убеждали его немедленно пойти походом на саксов, он не дал на это согласия, ибо прежде всего жаждал расправиться с Вортегирном. Ведь тот предал его отца, и Амброзий питал к нему такую лютую ненависть, что не мог, видимо, пересилить себя и что-нибудь предпринять, пока не отмстит Вортегирну. Итак, порываясь удовлетворить поскорее свое желание, он двинул свое войско на Камбрию и подступил к крепости Генорею [1]. В ней заперся Вортегирн, сочтя ее надежным убежищем. Эта крепость находилась в земле Хергинг [2], на реке Вайе [3] и на горе, прозывающейся Клоарцием [4]. Подойдя к ней и помня об измене Вортегирна его, Амброзия, отцу и брату, он, обратившись к наместнику Клавдиоцестрии Элдолу, молвит: «Погляди, благородный наместник, на здешние города и стены, смогут ли они уберечь Вортегирна от острия моего меча, от того, чтобы я его не вонзил ему в грудь? Ведь такая казнь будет ему по заслугам, и я полагаю, что ты и сам знаешь, насколько он ее заслужил. О преступнейший из преступников, о тот, кого должно подвергнуть неслыханным доселе мучениям! Сначала он предал отца моего Константина, избавившего его самого и родину от вторгшихся пиктов, а вслед за тем брата моего Константа, которого возвел на престол, дабы его погубить. Наконец, сам себя изобличив в коварстве, он вместе со своими сторонниками впустил в нашу страну язычников, дабы истребить всех тех, кто оставался мне верен. По божьему изволению он неосмотрительно угодил в те силки, которые расставил для верных своих соратников. Ибо, когда саксы разгадали всю его гнусность, они сбросили его с трона. Никому не следует об этом печалиться, но скорбеть, по-моему, нужно о том, что нечестивый народ, призванный названным нечестивцем, истребил знатных граждан, опустошил плодороднейшую страну, разрушил святые церкви и

уничтожил христианство почти от моря до моря. А теперь, сограждане, действуйте мужественно и отмстите за себя прежде всего тому, из-за кого все это произошло. А затем давайте обратим оружие против угрожающих нам врагов и вырвем из их пасти родину нашу». Они тотчас же устремляются к осадным орудиям и стараются проломить стены, но так как ни это, ни все прочее не принесло им успеха, они подложили огонь. Найдя для себя подходящую пищу, он не унялся до тех пор, пока не испепелил башню и затворившегося в ней Вортегирна.

120. Когда об этом сообщили Хенгисту и саксам, тот сильно встревожился, ибо его устрашили решительность и смелость Аврелия. В этом муже было столько доблести и отваги, что, пока он воевал в Галлии, никто не решался сойтись с ним один на один. Ибо, если он вступал в схватку, то либо сшибал с коня своего противника, либо переламывал на нем собственное копье.

К тому же он был щедр на раздачи, ревностен в делах веры, скромен со всеми, предельно правдив, отменный пехотинец, еще лучший всадник, опытный полководец. Молва об этих его превосходных качествах, пока он оставался в арморикaнской Британии, перелетела на остров и исподволь распространилась на нем. Саксы переправились на ту сторону Хумбера[1]. Там они укрепили города и поселки, ибо эти края неизменно служили для них убежищем. Ведь соседство Скоттии увеличивало его надежность, что обычно оборачивалось бедствиями для населения. Эта местность, внушавшая ужас всем обитавшим в ней, покинутая жителями, доставляла надежное пристанище чужеземцам. Из-за своего положения и некоторых особенностей она была открыта для пиктов, скоттов, данов, норвежцев и всех, кто бы ни высаживался на сушу ради разграбления острова. Чувствуя себя в безопасности благодаря близости Скоттии, они под натиском неприятеля обычно убегали к ее пределам и, если в этом была нужда, укрывались в ней, как в собственном лагере. Когда Аврелия об этом оповестили, он, обретя решительность, преисполнился надеждою на победу. Итак, он поспешно собрал сограждан, увеличил свое войско и устремился на север. Проходя по этим землям и видя их покинутыми и разоренными, он глубоко сокрушался и больше всего из-за того, что все церкви были разрушены до основания. Он дал обет отстроить их наново, если одолеет врагов.

121. А Хенгист, когда ему сообщили, что Аврелий уже приближается, устроил смотр своим соратникам, и, воодушевляя каждого по отдельности, убеждал их мужественно сопротивляться и не бояться битвы с Аврелием. Он говорил, что у того не так уж много арморикaнских бриттов, так как число их не превышает десяти тысяч. Что до островных бриттов, то он почитал их за ничто[1], ибо многократно одерживал над ними победы в сражениях. Посему он сулил победу своим и, ссылаясь на их бóльшую численность, внушал им уверенность в ней. Насчитывалось же у него приблизительно двести тысяч вооруженных. Вселив таким образом бодрость во всех, он двинулся навстречу Аврелию на поле, прозывавшееся Майсбели[2], куда намеревался притти и Аврелий. Он хотел скрытно подойти к неприятелю, внезапно напасть на него и захватить бриттов врасплох.

Однако его замысел не остался тайною для Аврелия, и по этой причине тот не стал мешкать, но тем поспешнее вышел на упомянутое поле. Он повелел арморикансхим всадникам остановиться[3], а прочих арморикансцев вперемешку с островитянами построил в боевые порядки. Деметов он укрыл на окрестных возвышенностях, венедотов — в ближних лесах. Он поступил так затем, чтобы саксы, если они побегут в эти леса, наткнулись там на отпор.

122. Между тем к Аврелию подошел наместник Клавдиоцестрии Элдол и молвил: «Вместо всех остающихся дней моей жизни я бы удовольствовался одним единственным, когда бы господь попустил, чтобы я сошелся в единоборстве с Хенгистом. Один из нас, буде нам доведется скрестить мечи, конечно, падет. Ведь я помню тот день, в который мы собрались будто бы для заключения между нами мира; и вот, когда речь шла о соглашении, он предательски поступил со всеми присутствовавшими[1], и их всех, кроме меня, ускользнувшего только благодаря тому, что я нашел кол, перерезал. В тот день пало четыреста шестьдесят наместников и военачальников, которые все явились туда безоружными. В столь великой опасности господь даровал мне кол, отбиваясь которым, я ускользнул». Таков был рассказ Элдола. А Аврелий убеждал своих сотоварищей всецело уповать на сына господня, отважно кидаться на врагов, единодушно биться за родину.

123. Тем временем во вражеском стане расставлял свои отряды Хенгист и, расставляя, увещевал драться, а, увещевая, обходил их один за другим, дабы вселить во всех одинаковую решимость храбро сражаться. После того как обе стороны изготовились к битве, сталкиваются боевые порядки, противники наносят друг другу удары, проливают потоки крови. Тут испускают дух пораженные насмерть бритты, там — саксы. Аврелий увещевает христиан, Хенгист ободряет язычников. И пока они так дрались, Элдол непрерывно пытался пробиться поближе к Хенгисту, дабы сойтись с тем один на один, но ему это не удавалось. Ибо Хенгист, увидев, что его воины поддаются, а бритты по божьей воле одолевают, ударился в бегство и устремился к крепости Каерконан, которая ныне называется Кунингебури[1]. Аврелий преследует его по пятам и настигнутых им врагов либо предавал смерти, либо обращал в рабство. Увидев, что Аврелий его преследует, Хенгист не пожелал войти в крепость, но, призвав в свои ряды ее обитателей, решил возобновить сражение. Ведь он хорошо понимал, что эта крепость никак не устоит перед Аврелием и что единственная его защита — меч и копье. Добравшись, наконец, до противника, Аврелий тоже построил своих в отряды и вступил в ожесточеннейший бой. Саксы стойко сопротивляются, и враги наносят друг другу смертельные раны. Повсюду льется ручьями кровь, крики умирающих распаляют ярость живых. В конце концов, саксы одержали бы верх, если бы не подоспел на подмогу конный отряд арморикансхих бриттов. Расположил его Аврелий таким же образом, как сделал это в предыдущем бою. По прибытии этих всадников саксы отхлынули и частично рассеялись, но вскоре пришли в себя и снова сплотились. Еще ожесточеннее кидаются на них бритты, но саксы дерутся с тою же стойкостью. Аврелий не пере-

ставал ободрять соратников, наносить раны бросающимся навстречу, преследовать бегущих и тем самым вселять отвагу в своих. Равным образом и Элдол, устремлявшийся то в одну, то в другую сторону, сокрушал врагов, поражая их тяжелыми ранами. Что бы он тут ни вершил, он пылал неугасимым желанием обрести возможность сойтись с Хенгистом.

124. После многих и продолжительных схваток между собою различных отрядов Элдол и Хенгист столкнулись лицом к лицу и стали яростно обмениваться ударами. О мужи, превосходившие в бою всех остальных! Из их скрещивавшихся в единоборстве мечей сыпались искры, и их сверкание порождало громовые раскаты. Долго оставалось неясным, кто из них наделен бо́льшей мощью. Иногда брал верх Элдол и поддавался назад Хенгист, иногда поддавался назад Элдол и брал верх Хенгист. И вот, в разгар их борьбы появился наместник Корнубии Горлой, гнавшийся во главе боевого порядка за отрядом врагов. Увидев его, Элдол стал увереннее в себе и схватил Хенгиста за носовой выступ шлема и, приложив всю свою силу, втащил сакса в гущу своих. Возликовав, Элдол воскликнул во весь голос: «Господь осуществил мои упования; разите, мужи, разите окружающих вас амбронов! [1] Победа в ваших руках — вы победили, раз побежден Хенгист!» Тем временем бритты не перестают истреблять язычников, все чаще и чаще на них нападают, а отходя порою назад, обретают снова отвагу и упорно сопротивляются. И они не успокоились, пока не одержали решительную победу. Саксы бежали кого куда несли ноги: кто в города, кто в поросшие лесом горы, а кто и на корабли. Сын Хенгиста Окта со множеством беглецов добрался до Эборака, а его родич Эоза укрепил этот город, приведя с собой бесчисленных вооруженных воинов.

125. Итак Аврелий разгромил неприятеля, взял вышеупомянутый город Конана [1] и в нем пробыл три дня. Здесь он приказал предать погребению павших, оказать помощь раненым, а также, чтобы все, как следует, отдохнули и насколько возможно восстановили силы после перенесенных тягот. Затем, созвав военачальников, он предложил им высказаться, как следует поступить с Хенгистом. Присутствовал тут и Элдад, епископ Клавдиоцестрии [2] и брат Элдола, муж величайшего разума и такой же набожности. Увидев стоявшего перед королем Хенгиста и потребовав, чтобы все умолкли, он возгласил: «Когда бы все настаивали на освобождении этого человека, я бы все-таки изрубил его на куски. И в этом поступил бы не иначе, чем пророк Самуил [3], который, захватив в свои руки Агага, царя амаликитян, изрубил того на куски, сказав: «Как меч твой жен лишал детей, так мать твоя между женами пусть лишена будет сына. Соответственно поступите и с тем, кто есть второй Агаг». Итак, Элдол обнажил меч, вывел Хенгиста из города и, снеся ему голову, отправил того в преисподнюю. А Аврелий, проявляя во всем умеренность, повелел предать его труп земле и насыпать над ним, как принято у язычников, намогильный холм.

126. Затем Аврелий повел свое войско к городу Эбораку, дабы разгромить в нем сына Хенгиста Окту. Хотя тот и засел в названном городе, его все же одолевали сомнения, стоит ли сопротивляться и защищать крепость от такого сонма врагов. Приняв, наконец, решение, Окта вместе

с сопровождавшими его наиболее знатными приближенными вышел за городские стены с цепью в руке и с головою, посыпанной пеплом, и, представ пред королем, произнес: «Мои боги повержены, и я убежден, что властитель мира — твой Бог, принудивший столь многих знатных притти к тебе и заявить о своей покорности. Итак, прими нас и вместе с нами вот эту цепь и, буде не подаришь нам милосердия, заключи нас, готовых безропотно претерпеть какую угодно казнь, в оковы». Тронутый этой покорностью, Аврелий повелел высказаться о том, как следует поступить со сдавшимися врагами. И вот, когда один предлагал одно, а другой — другое, поднялся епископ Элдад и изложил свое мнение в следующей речи: «Гаваониты, придя по доброй воле[1] к сынам Израиля, воззвали к ним о милосердии и его добились. Ужели мы, христиане, окажемся кровожаднее иудеев и откажем взывающим о милосердии: да будет явлено им милосердие! Остров Британия во многих местах пустынен. Дозволим же им, как будущим нашим союзникам, поселиться хотя бы в пустошах, и пусть они служат нам вечно и преданно». Король согласился с Элдадом и подарил воззвавшим к нему прощение. По приказу Окты явились к королю Эоза и прочие беглецы, которые также добились прощения. Аврелий предоставил им земли близ Скоттии и заключил с ними союз.

127. Сокрушив неприятеля, он созвал в Эборак наместников и военачальников королевства и предписал им восстановить разрушенные саксами церкви; сам же принялся отстраивать архиепископство этого города и остальные епископства области. По прошествии пятнадцати дней, разослав различных работников по различным местам, он отправился в Лондон, которого также не пощадило вражеское нашествие. Скорбя о разорении Лондона, он призвал отовсюду его уцелевших граждан и приступил к восстановлению города. Оставаясь там же, он правит своим государством, пробуждает погруженные в сон законы и раздает внукам поместья, утраченные еще их дедами. Что касается тех земель, притязать на которые было некому из-за гибели посреди стольких бедствий законных наследников, то он пожаловал ими своих соратников. Все его помыслы были сосредоточены на возрождении королевства, восстановлении церквей, укреплении мира и законности, соблюдении правосудия. Некоторое время спустя он отбыл в Винтонию, чтобы отстроить, подобно другим городам, и ее. Уладив все, что требовалось для ее восстановления, он по настоянию епископа Элдада прибыл в монастырь близ Каеркарадока, что ныне прозывается Салесберией, где покоились наместники и военачальники, которых коварно перебил нечестивец Хенгист. Там на горе Амбрия существовала обитель[1] с тремястами братьями, которую, как говорят, основал некогда Амбрий. Увидев место, где были погребены усопшие, Аврелий, движимый состраданием к убиенным, пролил обильные слезы. Представшее перед ним навело его впоследствии на размышления всякого рода, и он стал обдумывать, каким образом подобает отметить это скорбное место; ведь он считал, что поросшая дерном земля, в которой сокрыты останки стольких именитых людей, павших за родину, безусловно достойна этого.

128. И вот, созвав отовсюду искусных в своем ремесле каменщиков и плотников, он повелел им хорошенько подумать и измыслить новое и доселе невиданное сооружение, которым он бы увековечил память столь многих мужей. Но все они, как один, не доверяя своим дарованиям, отказались выполнить его повеление. Пред королем, однако, предстал архиепископ Города Легионов по имени Треморин и сказал: «Если существует кто-либо способный взяться за приказанное тобой, то это — прорицатель Вортегирна Мерлин. Полагаю, что во всем королевстве твоем нет никого, чей ум был бы проницательнее и прозорливее как в предсказаниях будущего, так и в придумывании хитроумных орудий. Прикажи доставить его к тебе. Пусть он покажет свои дарования и соорудит то, чего ты так страстно желаешь». Расспросив о Мерлине и немало узнав о нем, Аврелий разослал гонцов в различные области государства, чтобы те его разыскали и привезли к нему. Объездив многие земли, гонцы нашли Мерлина в краю гевиссеев у галабского источника[1], который он имел обыкновение посещать. Рассказав ему, чего от него хотят, они привезли его к государю. Тот с радостью принял Мерлина и повелел ему предсказать грядущее, рассчитывая услышать нечто поразительное. На это Мерлин ответил: «Тайны этого рода не подлежат раскрытию, если того не потребует крайняя необходимость. Ибо, если бы я изложил их ради забавы или теша свое тщеславие, во мне бы умолк просвещающий меня дух, и, буде в нем явилась бы надобность, он бы меня покинул». Сообщив Мерлину об отказе всех выполнить его, Аврелия, повеление, он не стал настаивать на прорицаниях будущего и рассказал ему о сооружении, которое он задумал. На это Мерлин заметил: «Если ты хочешь украсить могилу убитых мужей отменно прочным сооружением, пошли к Кольцу Великанов, которое находится на горе Килларао в Ибернии[2]. Оно выложено камнями, с которыми никто из людей нашего времени не мог бы управиться, не подчинив искусства уму. Камни огромны, и нет никого, чья сила могла бы их сдвинуть. И если расположить эти глыбы вокруг площадки, где покоятся тела убиенных, так же, как это сделано там, они тут встанут навеки».

129. Услышав эти слова, Аврелий усмехнулся, заметив: «Как это так? Везти столь огромные камни из столь отдаленного королевства, точно в Британии не найдется камней для задуманного мною сооружения!» На это Мерлин ответил: «Понапрасну не смейся, ибо то, что я тебе предлагаю, отнюдь не пустое. Камни исполнены тайн и придают лечебные свойства различным снадобьям. Некогда великаны вывезли их из крайних пределов Африки и установили в Ибернии, где тогда обитали. Выдолбив в этих камнях углубления, они устроили для себя купальни, которыми пользовались, когда их одолевали недуги. Они поливали камни водой, углубления в них наполнялись ею и недужные, погрузившись в нее, исцелялись. Они также примешивали истолченные в порошок камни к отварам из трав, и раны быстро затягивались. Там нет камня, который был бы лишен лекарственных свойств». Выслушав про все это, бритты порешили послать за камнями и сразиться с жителями Ибернии, если те воспротивятся их намерениям. Для выполнения этого замысла назначается брат короля

Утерпендрагон с пятнадцатью тысячами вооруженных. Вместе со всеми король отправляет и Мерлина, дабы все вершилось по его указаниям и советам. Снарядив корабли, бритты выходят в море и с попутным ветром достигают Ибернии.

130. В ту пору царствовал в Ибернии Гилломаурий, юноша редкостной доблести. Узнав, что в его королевство прибыли бритты, он собрал сильное войско и двинулся им навстречу. Когда же ему сообщили, чем именно вызвано их прибытие, он рассмеялся и обратился к окружающим с такими словами: «Не удивляюсь, что невежественный народ мог разорить остров бриттов, ибо они неотесанные глупцы. Кто когда-нибудь слышал про такую нелепость? Неужто скалы в Ибернии лучше, чем на их острове, и в этом причина их вторжения в наше королевство? Вооружитесь, мужи, и защищайте родину вашу; пока я жив, им не взять из Кольца Великанов ни одного даже самого ничтожного камешка». Обнаружив, что войско короля Ибернии намерено сопротивляться, Утер поторопился вступить с ним в сражение. Возобладали бритты; искромсав и перебив неприятеля, они принудили Гилломаурия удариться в бегство.

Одержав победу, бритты поднялись на гору Килларао и, овладев каменным сооружением, возрадовались и дивились ему. И вот, когда они столпились вокруг него, подошел Мерлин и сказал: «Приложите, юноши, все свои силы и, двигая эти камни, постарайтесь понять, что могущественнее, сила или разум, разум или сила». Повинуясь его приказанию, они единодушно взялись за всевозможные орудия и приступили к разборке Кольца. Иные приготовили бечеву, иные канаты, иные лестницы, дабы довести до конца задуманное, но ничего не добились. Наблюдая за бесплодными их усилиями, Мерлин рассмеялся и измыслил свои собственные орудия. Затем, применив кое-какие необходимые приспособления, он сдвинул камни с невероятною легкостью; сдвинутые им глыбы он заставил перетащить к кораблям и на них погрузить. Ликуя, они отплыли в Британию и с попутными ветрами достигли ее, после чего привезенные камни доставляют к могилам убиенных мужей. Когда об этом доложили Аврелию, тот разослал гонцов в различные части Британии и повелел оповестить духовенство и жителей о доставке камней, а также, чтобы оповещенные им об этом собрались на горе Амбрия и с радостью, воздавая убитым почести, украсили их могилы. По его указу туда явились епископы и аббаты и прочие его подданные из всех сословий. И когда все собрались, и настал заранее назначенный день, Аврелий, возложив на свою голову королевский венец, отметил торжественно праздник Троицы и три последующих дня посвятил торжествам. Между тем, он пожаловал своим приближенным еще свободные почетные должности, дабы вознаградить их за преданность и труды. Поскольку два архиепископства, а именно Эборакское и Города Легионов, не имели над собой глав, он, вняв единодушным пожеланиям их населения, Эборакское отдал Самсону, мужу знаменитому и прославленному величайшим своим благочестием, а Города Легионов — Дубрицию, на которого, как на достойного пастыря, указал божественный промысел. Уладив эти и другие дела в своем государстве, Аврелий повелел Мерлину установить вокруг могил убиенных камни, при-

везенные им из Ибернии[1], и тот, повинуясь королевскому приказанию, установил их вокруг могил не иначе, чем они были расставлены на горе Килларао в Ибернии, и доказал тем самым, что разум сильнее мощи.

131. В это самое время сын Вортегирна Пасценций, который укрылся в Германии, горя желанием отомстить за отца, возбуждал всех воинов этого королевства против Аврелия Амброзия, короля бриттов. Он сулил им горы золота и серебра, если подчинит с их помощью своей власти Британию. Наконец, соблазнив своими посулами множество юношей германского государства, он снарядил весьма сильный флот, подошел на нем к северным частям острова и принялся их разорять. Когда об этом известили короля Аврелия, он собрал свое войско, выступил навстречу противнику и принудил озверевших врагов к сражению. Те, приняв его вызов, устремились на бриттов и сошлись с ними в сече, но благодарение господу, были побеждены и обращены в бегство.

132. Спасшись бегством, Пасценций не посмел вернуться в Германию, но, подставив паруса другим ветрам, приплыл в Ибернию к Гилломаурию, который оказал ему радушный прием. Он поведал Гилломаурию о своей неудаче, и тот, пожалев Пасценция, обещал ему помощь и посетовал на обиду, которую претерпел от брата Аврелия Утера, лишившего его Кольца Великанов. Заключив, в конце концов, между собою союз, они снарядили корабли и, взойдя на них, прибыли к городу Меневии. Когда об этом стало известно, Утерпендрагон, собрав множество вооруженных, направился в Камбрию и сразился с пришельцами. Ведь в ту пору его брат Аврелий, настигнутый тяжелым недугом, лежал в городе Винтонии и не мог самолично пойти на врагов. Молва об этом дошла до Пасценция и Гилломаурия, а также до находившихся при них саксов, и все они очень обрадовались, так как рассчитывали, что его болезнь намного им облегчит покорение всего королевства. И вот, когда в народе шли бесконечные толки об этом, перед Пасценцием предстал один сакс по имени Эопа и спросил его: «Какими дарами обогатишь ты человека, который в угоду тебе умертвит Аврелия Амброзия?» Пасценций ответил: «О, если бы я отыскал такого, кто бы взялся за это, я бы одарил его тысячей фунтов серебра и своей дружбой до гроба. А буде счастье мне улыбнется, и я овладею королевским венцом, я поставлю его центурионом и в подтверждение моих слов клянусь». Тогда Эопа сказал: «Я изучил язык бриттов, я знаю их нравы, я сведущ во врачебном искусстве. Если ты и впрямь выполнишь свое обещание, я назовусь христианином и бриттом, проникну к королю как врач и дам ему снадобье, от которого он умрет. И чтобы облегчить себе доступ к одру больного, я себя выдам за благочестивейшего и сведущего во всех правилах веры монаха». Обнадеженный словами Эопы, Пасценций договаривается с ним обо всем и клятвенно подтверждает свои обещания. Итак, Эопа сбривает бороду и волосы на макушке и облачается в монашескую одежду; прихватив с собою сосуды с лекарствами, он пускается по дороге в Винтонию. Придя в город, Эопа отвешивает низкий поклон сановникам и встречает в их глазах благосклонность — ведь для них не было ничего желаннее, чем опытный врач. Итак, впущенный в королевскую опочивальню и приведенный к постели короля, он заверяет, что вернет ему утраченное

здоровье, если тот не откажется испить его снадобье. Эопа примешал к нему яду и протянул питье государю. Аврелий взял его в руку и проглотил, а нечестивый амброн тотчас же велел ему закутаться в покрывало и поскорее уснуть, дабы его гнусное снадобье лучше подействовало. Король поверил уговорам предателя и, надеясь, что к нему вернется здоровье, заснул. Яд проник внутрь по жилам и жилкам тела, и во сне наступила смерть, которая никого не щадит. Тем временем мерзкий предатель неприметно проскользнул между придворными, и никто из них его больше не видел.

133. Пока это происходило в Винтонии, на небе показалась звезда огромной величины и яркости [1]. Она испускала один единственный луч, но на этом луче висела раскаленная глыба, растянутая вширь подобно дракону, из пасти которого вырывались еще два луча, один из коих, как казалось, тянулся в длину дальше галльских пределов, а второй, склонявшийся в сторону моря у берегов Ибернии, оканчивался семью лучами поменьше. Появление упомянутой выше звезды потрясло страхом и удивлением всех, кто ее видел. Брат короля Утер, гнавшийся в Камбрии за вражеским войском и потрясенный не меньшим страхом, чем остальные, посетил некоторых ученых, дабы те ему сообщили, что именно предвещает эта звезда. Среди прочих он повелел призвать к нему также Мерлина — ведь тот находился при войске, дабы битвы велись согласно его советам. Представ перед полководцем, он получил повеление изъяснить знамение, явленное этой звездой. Разрыдавшись и лишь понемногу обретя спокойствие духа, Мерлин сказал: «О непоправимый урон! О осиротевший народ Британии! Скончался знаменитый король бриттов Аврелий Амброзий, со смертью которого погибнем и мы, если господь не придет нам на помощь. Итак, торопись, Утер, благороднейший вождь, и не откладывай битвы с противником; тебя осенит победа и ты станешь королем всей Британии. Ведь это тебя обозначают эта звезда и дракон под ней. Луч, протянувшийся к галльскому побережью, возвещает, что у тебя будет наделенный величайшим могуществом сын, господству коего подчинятся все королевства, которые он возьмет под свою руку. Что до второго луча, то обозначает он дочь твою, сыновья и внуки которой будут друг за другом властителями Британии».

134. И Утер, все еще сомневаясь, достоверно ли прорицание Мерлина, продолжал начатое им ранее наступление на врагов. Он уже почти дошел до Меневии, так что до нее оставалось не более половины дневного пути. Когда о его приближении стало известно Пасценцию, Гилломаурию и находившимся при них саксам, они вышли ему навстречу и с ним столкнулись. Увидев друг друга, противники, каждый в своем стане, построились в боевые порядки и, сойдясь вплотную, сразились; в сражении с той и с другой стороны, как обычно в подобных случаях, погибает множество воинов. Наконец, по миновании большой части дня, одолел все же Утер и после того, как были убиты Гилломаурий и Пасценций, нанес сокрушительное поражение неприятелю. Бегущие чужеземцы торопились добраться до своих кораблей, но и, спасаясь бегством, гибли под ударами преследовавших их бриттов. Итак, по милости Христа, победа досталась вождю, который после стольких трудов двинулся с наивозможною быстротой к Винтонии. Но вскоре высланные к нему гонцы сообщили о случившемся с их коро-

лем и что епископы всей страны предадут его погребению возле монастыря Амбрия, внутри Кольца Великанов, которое Аврелий распорядился соорудить ранее. Услышав о смерти властителя, в Винтонию прибыли епископы и аббаты, а также все духовенство той области, и позаботились устроить достойные столь великого государя похороны, и, поскольку он, будучи здравым и невредимым, наказал предать его тело земле на кладбище, которое он сам и украсил, его прах отнесли туда и там погребли с царскими почестями.

135. А его брат Утер, созвав духовенство страны и народ, унаследовал королевский венец и с одобрения всех взошел на престол. Помня истолкование, данное Мерлином упомянутой выше звезде, он приказал изготовить из золота двух драконов, точно таких, как тот, которого он увидел на главном луче звезды. По изготовлении этих дивной работы драконов одного из них он пожертвовал архиепископской церкви Винтонии, а второго удержал за собой, дабы его несли перед ним в сражениях. С того времени новый король стал именоваться Утерпендрагоном, что переводится с языка бриттов, как Утер голова драконья. Это прозвание он присвоил себе из-за того, что Мерлин, увидев на небе дракона, напророчил Утеру королевский венец.

136. Между тем сын Хенгиста Окта, а также родич его Эоза, сочтя себя отныне свободными от обязательств, которые налагал на них договор с Аврелием, замыслили потревожить короля и увеличить численность своих соплеменников. В этих целях они привлекли в свое войско саксов, которых Пасценций привел с собою, и послали за другими гонцов в Германию. И вот набранные там в огромном количестве шайки хлынули в северные области острова; свирепые и разнузданные, они не успокоились прежде, чем разрушили и разорили города и поселки от Альбании до Эборака. Подступив к нему, они обложили этот город осадой, но со всеми силами своего королевства туда пришел Утерпендрагон и сразился с ними. Саксы отчаянно сопротивлялись и, отразив осаждавших бриттов, обратили тех в бегство.

Одержав победу, они неотступно преследовали отступавших вплоть до горы Дамен[1], пока не закатилось солнце и вместе с ним не угас день. Была же эта гора крутой и заросшей у вершины орешником, в средней части своей окаймленной обрывистыми утесами и служила надежным приютом для диких зверей. Ее заняли бритты и всю ночь провели среди скал и орешника. Когда же Большая Медведица начала опускаться, Утер приказал созвать наместников и военачальников, дабы обсудить вместе с ними, как лучше всего напасть на врага. Все не замедлили предстать пред королем, который велел им высказать свое мнение; первое слово они предоставили наместнику Корнубии Горлою. Был же он мужем острого разума и зрелого возраста. И он сказал так: «Пока, как мы видим, все еще ночь, ни к чему пространные речи и препирательства. Нам нужно использовать отвагу и силу, если хочешь и дальше наслаждаться жизнью, а также свободой. Язычников — тьма, и они жаждут сразиться; нас же намного меньше. Если мы станем дожидаться наступления дня, то нам, я полагаю, будет невыгодно затевать с ними бой. Так вот, пока не забрезжил рассвет, давайте двинемся густыми рядами и внезапно бросимся на врагов в их соб-

ственном лагере. Ибо, раз они ни о чем не подозревают и не предвидят нашего нападения, мы, несомненно, их разгромим, буде отважно и в единодушном порыве на них обрушимся». Королю и всем высказанное Горлоем пришлось по душе и их убедило. Воины вооружились и, построившись в боевые порядки, устремляются на неприятельский лагерь и всей душой жаждут кинуться на противника. Но когда они уже почти подошли к нему, их обнаружили часовые, которые, затрубив в рожки, разбудили своих погруженных в сон сотоварищей. Вскочившие по тревоге и ошеломленные неожиданностью враги частью, а именно там, где бритты наскакивают на них, охваченные смертельным страхом, разбегаются в разные стороны. А бритты, наступая плотными рядами, быстро подходят вплотную к лагерю и в него вторгаются, и, так как им больше не нужно было таиться, кидаются, обнажив мечи, на врагов. Те, застигнутые врасплох, начинают нерешительно сопротивляться, ибо не сразу проникаются былою отвагой. Бритты ожесточенно на них набрасываются, намереваясь их перебить, и тысячами истребляют язычников. Наконец, Окта и Эоза были захвачены в плен, а саксы — рассеяны.

137. После этой победы Утерпендрагон направился в город Алклуд; овладев прилегающей к нему областью, он повсюду восстановил мир. Затем он обошел все земли скоттов и укротил этот мятежный народ. Как никто из его предшественников, он заботился о строжайшем соблюдении правосудия во всех подвластных ему краях. В дни его царствования трепетали все чинившие беззакония, ибо он их беспощадно карал. Усмирив северные области острова, Утерпендрагон прибыл в Лондон и приказал содержать там в темнице Окту и Эозу. В связи с приближением праздника Пасхи он повелел сановникам государства собраться в названном городе, так как, намереваясь возложить на себя корону, хотел торжественно отметить столь знаменательный день. Все повиновались королевскому распоряжению и, выехав кто откуда из разных городов государства, собрались ко двору в канун праздника. Итак, король отметил торжественный день, как задумал, и предавался удовольствиям вместе со своими сановниками. Все были охвачены радостью, да и он, принимая их, искренне был обрадован; ведь приехало вместе с женами и дочерьми столько знатных мужей, достойных присутствовать на веселом пиршестве!

Среди прочих прибыл ко двору и наместник Корнубии Горлой с женой Ингерной, которая своей красотой затмевала всех женщин Британии. Когда король увидел ее между другими женщинами, он сразу возгорелся такой страстью к ней, что, позабыв об остальных, все свое внимание отдал ей одной. Только ей он беспрестанно отправлял всевозможные кушанья, посылал со своими друзьями-посредниками золотые кубки с вином. Многое множество раз он, смотря на нее, ей улыбался и, обращаясь к ней, то и дело шутил. Когда это приметил муж, он, не испросив разрешения, поспешно покинул двор. И не было никого, кто мог бы его там удержать, ибо ничего он так не страшился, как потерять ту, кого любил превыше всего. Разгневанный Утер повелел Горлою вернуться к его двору, дабы тот принес извинение за нанесенную им обиду. Горлой не пожелал повиноваться королю, и Утер, придя в неистовство, поклялся, что опустошит его

земли, если тот не поторопится явиться к нему с повинной. Взаимная неприязнь не оставляла ни одного, ни другого, и король, собрав сильное войско, пошел на земли Корнубии и принялся жечь ее города и поселки. А Горлой не решался сойтись с королем в битве, так как воинов у него было намного меньше, чем у того. По этой причине Горлой предпочел заняться укреплением своих городов, пока не подоспеет из Ибернии запрошенная им помощь. Больше тревожась о жене, чем о себе самом, он отослал ее в город Тинтаголь[1], расположенный на берегу моря, так как считал его наиболее надежным убежищем. Сам он заперся в укреплении Димилиок[2], дабы, если грянет беда, они оба подверглись схожим невзгодам. Когда об этом доложили королю, тот подошел к укреплению, в котором укрылся Горлой, и его осадил, преградив в него всякий доступ.

По прошествии недели, томясь своею страстью к Ингерне, Утерпендрагон призвал к себе Ульфина из Ридкарадока[3], своего друга и соратника, и в следующих словах поведал ему о том, чего так пылко жаждал: «Я сгораю от страсти к Ингерне, и думаю, что моему телу не избежать великой опасности, если я не овладею этой женщиной. Так подай мне совет, каким образом я мог бы удовлетворить мою страсть, иначе я погибну истерзанный муками». На это Ульфин ответил: «Но кто же способен подать тебе полезный совет? Ибо нет такой силы, благодаря которой мы могли бы проникнуть к Ингерне, пребывающей в крепости Тинтаголь. Ведь эта крепость расположена на море и со всех сторон омывается им; проникнуть в нее можно только узкой тропой на крутой скале. Воспрепятствовать этому не составит труда и трем вооруженным воинам, будь против них хоть все британское королевство. Однако, если поможет провидец Мерлин, думаю, что, воспользовавшись его советом, ты добьешься желанного». Веря во всемогущество Мерлина, король приказал вызвать его — ведь тот находился среди осаждающих. Мерлин был немедленно вызван и, представ перед королем, получил от него повеление посоветовать, что следует предпринять, чтобы король мог утолить свою страсть к Ингерне. Убедившись, что Утер, и вправду, обуреваем безудержным влечением к ней, провидец, тронутый столь пламенной любовью царя, сказал: «Дабы ты достиг чаемого тобой, нужно прибегнуть к неведомым тебе и неслыханным в твое время способам. Применив различные снадобья, я могу придать тебе облик Горлоя, так что ты во всем будешь точным его подобием. Итак, если последуешь моим указаниям, я преображу тебя во второго Горлоя, а Ульфина — в Иордана из Тинтаголя, его приближенного. Сам я, тоже под чужою личиной, буду сопутствовать вам, и ты сможешь безопасно войти в крепость и проникнуть к Ингерне».

Король последовал указаниям Мерлина и во всем ему подчинился. Повелев приближенным не ослаблять осады, он доверился снадобьям Мерлина и преобразился в Горлоя[4]. Преобразился и Ульфин в Иордана, а Мерлин в Бритаэля, так что у них не осталось ни тени сходства с самими собой. Они пустились в путь в сторону Тинтаголя и в сумерки подошли к этой крепости. Тут же объявили они привратнику, что прибыл наместник; перед ними распахнулись ворота, и трех этих мужей беспрепятственно пропустили. Могло ли произойти по-иному, раз все были убеждены, что перед

ними никто иной как Горлой? Всю эту ночь король пробыл с Ингерной и насытился желанною близостью. Ведь и ее обманул его облик, обманули и лживые речи, которые он искусно и складно строил. Он рассказал, что тайком покинул осажденную крепость, дабы вкусить от любимой столь желанное наслаждение и побывать в своем городе. И та, не сомневаясь в правдивости его слов, не отказала ему ни в чем, чего бы он ни пожелал. Именно в эту ночь зачала она прославленного Артура [5], который, чтобы прославиться, свершил деяния редкостной доблести.

138. Между тем, когда стало известно, что короля Утера среди осаждающих нет, войско сгоряча вознамерилось пробить проломы в крепостных стенах и заставить осажденного выйти из города и сразиться. Тот также погорячился и вышел из крепости со своими соратниками, сочтя, что хоть и с малыми силами все же сможет противостоять такому сонму врагов. Началась борьба, и одним из первых пал в ней Горлой, а его сотоварищи были разгромлены и рассеяны. Осажденный город был взят, и захваченная в нем победителями добыча разделена между ними отнюдь не поровну. Ибо каждый хватал для себя жадной лапой все, что доставили ему удача и смелость. После того, как свершилось это дерзостное деяние, к Ингерне явились гонцы, дабы возвестить ей и гибель наместника и исход осады. Но увидев короля, сидящего рядом с нею в облике наместника, они смешались и поразились, так как, оставив его убитым в бою, обнаружили, что он живой и невредимый перед ними. Ведь они не знали, чтó сотворили снадобья Мерлина. Узнав о толках по этому поводу, Утер усмехнулся и, обнимая Ингерну, сказал: «Как видишь, я не убит, но живу. Скорблю, однако, о разрушении моего города и о гибели моих сотоварищей. А нам следует опасаться, как бы сюда не нагрянул король и не захватил нас в крепости. Итак, я отправлюсь ему навстречу и заключу с ним мир, дабы на нашу долю не выпало чего-нибудь еще худшего». Покинув Ингерну, он направился к своему войску и, преобразившись из Горлоя в себя самого, предстал пред своими как Утерпендрагон. Узнав о происшедшем в его отсутствие, он был огорчен гибелью Горлоя, но возрадовался, что Ингерна освободилась от супружеских уз. Вернувшись вслед за тем в Тинтаголь, он захватил город и, взяв за себя Ингерну, осуществил таким образом свои заветные чаянья.

139. По истечении известного времени короля одолел недуг и долго его терзал. Между тем стражи темницы, в которой, как я упомянул выше, томились в праздности Окта с Эозой, бежали вместе с ними в Германию и переполошили своим побегом все королевство. Молва утверждала, что Окта с Эозой всколыхнули Германию и снарядили огромный флот, намереваясь вернуться на остров и беспощадно расправиться с ним. Что и произошло. Они вернулись с огромным флотом и бесчисленными союзниками и, вторгшись в земли Альбании, принялись жечь города и истреблять огнем ее жителей. Войско бриттов препоручается Лоту из Лодонезии [1], дабы тот отбросил врагов. Был же он правителем Леила, отличнейшим воином, зрелым годами и наделенным выдающимся благоразумием. Наслышанный о его прославленной доблести, король отдал за него дочь свою Анну и доверил его попечению свое королевство, покуда сам одолеваем недугом.

Выступив против врагов, Лот неоднократно бывал ими отброшен, так что вынужден был отсиживаться за стенами городов; впрочем, чаще он обращал неприятеля в бегство, нанося ему сокрушительные удары и принуждая его устремляться в леса или на корабли. Борьба между обоими станами шла с переменным успехом, и все еще оставалось неясным, к кому склонится победа. Жителям острова вредила присущая им надменность, из-за которой они считали оскорбительным для себя повиноваться воле военачальника. И по этой причине, уступая в силе противнику, они не могли его одолеть.

140. И вот, когда враги успели уже почти опустошить остров, и об этом сообщили королю Утерпендрагону, тот распалился неистовым гневом и, преодолевая свою болезнь, повелел всем сановникам государства предстать перед ним, дабы выбранить их за надменность и слабость. Увидев перед собою созванных, он принялся их упрекать и винить и поклялся, что самолично поведет свое войско в бой. Итак, Утерпендрагон приказал изготовить носилки, лежа на которых он будет перемещаться вместе со всеми, ибо болезнь отказывает ему в другом способе передвижения. Он наказал также пребывать в полной готовности, дабы, как только сложатся благоприятные обстоятельства, сразу же двинуться на неприятеля. Носилки были незамедлительно изготовлены, все приготовились, благоприятный день наступил.

141. Уложив короля на носилки, они направились к городу Вероламию, где саксы мучили все его население. Когда Окту и Эозу оповестили о подходе бриттов во главе с их королем на носилках, они сочли недостойным сразиться с тем, кто приближался к ним на одре. Они говорили, что он полутруп и что столь великим мужам, как они, непристойно биться с человеком в таком состоянии. Враги удалились в город и, как если бы ничего не страшились, оставили его ворота настежь распахнутыми. А Утер, едва ему доложили об этом, приказал спешно обложить осадою город и взять его приступом. Повинуясь его приказу, бритты осадили названный город и принялись взбираться на его крепостные стены. Одолевая и истребляя саксов и почти сравняв с землей укрепления, они ворвались бы в город, если бы саксы не стали отчаянно сопротивляться. И так как бритты одерживали над ними верх, враги, досадуя на свою былую надменность, решили обороняться до последней возможности. Взобравшись на стены, они отражали бриттов всевозможным оружием. Наконец, ночь пресекла ожесточенные схватки и призвала воинов отложить оружие и погрузиться в сон. Этого сна жаждали многие, но еще больше было жаждавших измыслить нечто такое, что помогло бы им уничтожить противника. Поняв, что их надменность была им во вред и что победа склоняется на сторону бриттов, саксы надумали выйти на рассвете из города и заставить врагов сразиться с ними в открытом поле. Так и произошло. Ибо как только Титан выкатил день [1], они выступили из города плотными толпами, чтобы осуществить задуманное. Заметив это, бритты разделили своих воинов на отряды и, выйдя навстречу врагам, первыми напали на них. Саксы упорно сопротивляются, в свою очередь нападают на бриттов, и оба стана наносят друг другу жестокий урон. В конце концов, по миновании большой части

дня, победа досталась Утерпендрагону, а Окта и Эоза были убиты, после чего саксы бежали. Король преисполнился такой радости, что, хотя до этого не мог без чужой помощи приподняться, теперь, употребив небольшое усилие, распрямился и сел на носилках, как если бы к нему внезапно пришло исцеление. Рассмеявшись, он бодрым голосом произнес: «Амброны именовали меня полумертвым королем, потому что, скованный немощью, я лежал на носилках. Я, и вправду, таков. Но я предпочитаю быть полумертвым и их разить, чем, оставаясь здравым и невредимым, терпеть от них поражения. Лучше умереть с честью, чем жить в позоре».

142. Побежденные саксы не отказались, однако, от своих злонамеренных замыслов и, вступив в северные края, непрестанно терзали их обитателей. Король Утер пылал желанием их преследовать, как задумал ранее, но окружающие военачальники отговорили его от этого, так как после победы его болезнь усилилась. Осмелев по этой причине, враги стали напористее и любыми способами стараются подчинить себе остров. Прибегая к обычному своему коварству, они принимаются лихорадочно измышлять способы, как предательски умертвить короля, и, так как других возможностей не представлялось, решают погубить его ядом. Это и было приведено в исполнение. И вот, когда недужный Утерпендрагон лежал в городе Верoламии, они направили туда своих соглядатаев в убогой одежде, дабы те разведали, как обстоят дела при дворе. Разведав все, что им было поручено, они, помимо того, приискали одного человека, которого избрали исполнителем своего вероломного замысла. Невдалеке от дворца был источник чистейшей воды, которую только и пил Утерпендрагон, так как из-за болезни воздерживался от всех прочих напитков. Придя к источнику, гнусные предатели обложили его со всех сторон ядом, так что вся сочащаяся из него вода была им отравлена. И вот король, выпив ее, скоропостижно умер. После него погибла еще сотня людей, пока, по раскрытии мерзостного обмана, этот источник не забросали целым холмом земли. Когда распространилась весть о кончине властителя, прибыли ко двору епископы с духовенством и, отнеся его тело в обитель Амбрия, погребли усопшего с королевскими почестями внутри Кольца Великанов рядом с Аврелием Амброзием.

143. После кончины Утерпендрагона со всех концов острова собрались в Силецестрию [1] знатные бритты и обратились к Дубрицию, архиепископу Города Легионов, с просьбой увенчать королевской короной Артура [2], сына покойного государя. Их побуждала к этому настоятельная необходимость, так как, прослышав о смерти вышеупомянутого короля, саксы призвали из Германии своих соплеменников и под предводительством Кольгрима пытались изгнать отовсюду бриттов. Они полностью подчинили себе все земли, простирающиеся от реки Хумбера вплоть до Катанензийского моря. Скорбя о бедственном положении родины, Дубриций созвал епископов и возложил на Артура королевский венец.

Отроку Артуру было пятнадцать лет, и он отличался неслыханной доблестью и такою же щедростью. Его врожденная благожелательность настолько привлекала к нему, что не было почти никого, кто бы его не любил. Итак, увенчанный королевской короной и соблюдая давний обычай,

он принялся осыпать народ своими щедротами. К нему стекалось такое множество воинов, что у него стало нехватать средств на раздачи. Кому свойственны от природы щедрость и доблесть, тому, хотя он порой и испытывает трудности, никогда не повредит его вечная бедность.

И вот Артур, поскольку доблесть сопутствовала в нем щедрости, решил потревожить саксов, дабы, завладев их богатствами, распределить их между теми, кого он вел за собой. Ведь к этому его побуждала уверенность в том, что он добивается лишь восстановления справедливости, ибо по праву наследования лишь ему одному принадлежала власть над всем островом. Итак, объединив вокруг себя молодежь, он направился к Эбораку. Когда это стало известно Кольгриму, тот, собрав саксов, скоттов и пиктов, направился навстречу ему с превеликим их множеством к реке Дуглас [3], где оба войска, сойдясь в сражении, в большей части своей были истреблены. Победу все-таки одержал Артур и, преследуя бегущего Кольгрима, достиг Эборака и его осадил. Прослышав о бегстве брата, Бальдульф с шестью тысячами воинов двинулся на осаждающих, дабы выручить Кольгрима, запертого в названном городе. Сам же Бальдульф, пока Кольгрим сражался с Артуром, поджидал на морском побережье прибытия военачальника Хельдрика, который должен был приплыть на помощь ему из Германии. Остановившись в десяти милях от Эборака, он решил преодолеть их в ночное время, дабы поутру внезапно напасть на бриттов. Оповещенный об этом замысле неприятеля, Артур приказал наместнику Корнубии Кадору выйти той же ночью навстречу врагам с шестьюстами всадников и тремя тысячами пехотинцев. Этот Кадор, вызнав, по какой дороге идут враги, неожиданно налетел на них и, рассеяв и перебив саксов, принудил их к бегству. Безмерно встревоженный Бальдульф, так как не смог оказать брату помощь, принялся размышлять, как ему все-таки с ним повидаться. Он полагал, что обменявшись мнениями, они, может быть, и придумают что-нибудь во спасение им обоим. Так как проникнуть к Кольгриму у него иной возможности не было, он обрезал волосы на голове, сбрил бороду и принял облик странствующего певца с кифарой в руках. Бродя по лагерю бриттов и играя на своей лире [4] сочиняемые им песенки, он изображал собой кифареда. И так как этот певец ни в ком не вызывал ни малейшего подозрения, он мало-помалу добрался до городских стен, ни разу ничем не выдав себя. Наконец, узнанный осажденными он на веревке был втащен на стены и препровожден к брату. И тут, оказавшись в объятиях Кольгрима и обменявшись с ним горячими поцелуями, он стал сам собою. Но когда после бесконечных размышлений и обсуждений они пришли было в отчаяние, возвратились послы из Германии, которые привели в Альбанию шестьсот кораблей, заполненных отважными воинами, коих возглавлял Хельдрик. Прослышав про это, советники убедили Артура не продолжать дольше осады, ибо, если нагрянет подобная тьма врагов, исход столкновения с ними может оказаться сомнительным.

144. Итак, Артур, вняв совету своих приближенных, отошел в город Лондон. Там, созвав духовенство и сановников всего своего королевства, он обратился к ним за советом, как лучше всего и всего надежнее поступить для отражения вражеского нашествия. По единодушно принятому

решению отправляют послов к королю Хоелу в Арморику, дабы те сообщили ему о постигшем Британию бедствии. Был же Хоел сыном сестры Артура, родившимся от Будиция, короля арморикаиских бриттов [1]. Тот, выслушав сообщение об одолевавшей его дядю тревоге, приказал снарядить флот и, собрав пятнадцать тысяч вооруженных мужей, вышел в море с первым попутным ветром и высадился в Гавани Гамона. Артур принял его с должным почетом, и они многократно заключили друг друга в объятия.

145. По прошествии нескольких дней Артур выступил к городу Каерлюдкойту [1], осажденному упомянутыми выше язычниками; находится же он в Линдезейской области между двух рек и высится на горе; другое его название — Линдоколин. Придя туда со всем своим войском, дядя и племянник сразились с саксами, нанеся тем неслыханные потери. В этот день их погибло шесть тысяч, частью утонувших в обеих реках, частью пораженных на поле боя. Остальные, потрясенные этим, бросив осаду, пустились в бегство. Артур не прекращал их преследования, пока они не укрылись в Колидонском лесу. Стянувшись туда и оправившись после бегства, они вознамерились сопротивляться Артуру. Началась битва, и, мужественно обороняясь, саксы учиняют бриттам побоище. Прячась между деревьями, сами они укрываются от бриттских копий и стрел. Заметив уловку их, Артур приказал срубить деревья на этом участке, а их стволы разбросать вокруг и таким образом преградить врагам выход из леса. Он хотел заставить их запертых отовсюду биться, пока они не будут сломлены голодом. Проделав это, Артур приказал своим воинам окружить лес и оставался тут трое суток. Когда у саксов не осталось пищи, они, дабы не погибнуть от голода, предложили Артуру заключить соглашение: пусть он разрешит им свободный проход, а они, оставив все золото и серебро, а также заложников, беспрепятственно возвратятся на своих кораблях в Германию. Испросив совета у приближенных, Артур удовлетворил эту просьбу. Он удержал за собой все неприятельское имущество и в обеспечение выплаты обусловленной дани также заложников, после чего дозволил врагам удалиться.

146. Возвращаясь на родину и бороздя водную хлябь, они стали досадовать на заключенные перед тем договоры, и, повернув паруса, возвратились в Британию и пристали к Тотонезскому берегу. Высадившись на сушу, они опустошают всю область вплоть до Сабрины, поражая жителей смертельными ранами. Затем они устремляются к Бадону и облагают осадою названный город. Когда королю стало об этом известно, потрясенный сверх всякой меры их вероломством, он приказывает устроить суд над оставленными ими заложниками и незамедлительно их повесить. Он прерывает поход, цель которого состояла в усмирении скоттов и пиктов, и торопится освободить от осады названный город, терзаясь одновременно мучительным беспокойством, так как покинул в городе Алклуд настигнутого болезнью Хоела, своего племянника. Войдя затем в сомерсетскую область [1] и увидев с недалекого расстояния картину осады, он произнес следующие слова: «Так как бесчестнейшие и богомерзкие саксы нарушили верность своему слову, я намерен, храня верность моему господу, сегодня же отомстить им за кровь моих соотечественников. Вооружайтесь, мужи, вооружайтесь

жайтесь и давайте отважно сразимся с ними, и с христовой помощью мы несомненно их одолеем».

147. После того, как он это сказал, святой Дубриций, архиепископ Города Легионов, взойдя на вершину одной горы, во весь голос воскликнул: «Прославленные мужи христианского исповедания, да живет в вас неизбывная скорбь о вашей родине и ваших согражданах, которых язычники предательски истребляют, и да будут они вам вечным укором, если вы не поторопитесь их защитить. Деритесь за родину вашу и претерпите за нее самую смерть, буде она вас настигнет. Ведь она — победа души и ее исцеление. Кто приемлет смерть за братьев своих, тот отдает себя богу живою жертвою и не колеблется последовать за Христом, который удостоил положить душу свою за братьев своих. Итак, если в этом сражении смерть похитит кого-либо из вас, да будет она для него, если он не устрашится ее принять, как подобает, искуплением и прощением всех неправедных поступков его».

Воодушевленные напутственным словом святого мужа, все торопятся вооружиться и последовать его наставлениям. Сам Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвеном, с изображенным на нем ликом богоматери девы Марии, который постоянно его призывал ни на мгновение не забывать о ней. Еще он препоясывает себя Калибурном, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллона[1], и берет в десницу свою копье, которое называлось Рон — копье это было длинным и широким, удобным в схватках.

Затем, распределив свои силы, он отважно напал на саксов, расставленных по их обыкновению клиньями. Те весь день мужественно сопротивлялись, в свою очередь кидаясь на бриттов. Наконец, когда солнце стало склоняться к закату, они занимают гору, рассчитывая на нее, как на крепость. Понадеявшись на свою многочисленность, они поверили, что им достаточно горы самой по себе. Но после того, как солнце принесло с собой новый день, Артур во главе своего войска поднялся на вершину занятой врагами горы, потеряв во время подъема многих своих. Ибо саксы, сбегая сверху, с большей легкостью наносили раны, ведь на спуске их бег был стремительней, чем у бриттов, взбиравшихся наверх. Однако бритты, с величайшим трудом завладев вершиной, немедленно начинают рубиться с врагами. Те грудью встречают удары и бьются изо всех сил, чтобы выстоять. По миновании значительной части дня Артур, раздосадованный, что его воины, достигнув стольких успехов, все еще не одержали победы, обнажает свой меч Калибурн и, воззвав к деве Марии, врывается в густые ряды врагов. Кого бы он ни настиг, того, призывая бога на помощь, он с одного удара поражал насмерть. И он не успокоился до тех пор, пока единолично не уничтожил мечом Калибурном четырехсот семидесяти неприятельских воинов. Будучи свидетелями деяний своего короля, бритты сомкнутыми рядами кидаются следом за ним, повсюду опрокидывая врагов. Там пали Кольгрим, его брат Бальдульф и еще многие тысячи из их войска. А Хельдрик, узнав о разгроме своих соратников, тут же вместе со всеми прочими ударился в бегство.

148. Одержав решительную победу, король приказал правителю Корнубии Кадору преследовать Хельдрика, а сам поспешил двинуться на Альбанию. Ведь его оповестили о том, что скотты и пикты осадили Хоеля в городе Алклуде, где того, как я сказал выше, оставили тяжело больным. По этой причине он торопился ему на выручку, опасаясь, как бы иноземцы не захватили город. А правитель Корнубии во главе десяти тысяч воинов не стал преследовать обратившихся в бегство саксов, но решил сначала стремительным нападением захватить их корабли, чтобы воспрепятствовать им укрыться на них. Овладев ими, он поместил на этих судах своих лучших воинов, дабы те не допустили на них язычников. Вслед за тем он торопится настигнуть врагов, неотступно идет за ними и, выполняя приказ Артура, беспощадно их истребляет. Те, кто совсем недавно пылали прирожденною яростью, пав духом и трусливо уповая найти спасение в бегстве, забираются порой в глушь лесов или пещеры на склонах гор, лишь бы было где продлить себе жизнь. Наконец, так как надежного убежища для них не нашлось, они перебираются беспорядочною толпой на остров Танет. Но правитель Корнубии их не оставляет в покое и там, по своему обыкновению, расправляясь с ними, и не успокаивается до тех пор, пока после гибели Хельдрика не принудил всех к безоговорочной сдаче и не взял заложников.

149. По заключении мира, он направился в Алклуд, уже освобожденный Артуром от осады. Затем он повел свое войско к Мурейфе [1], где находились в окружении скотты и пикты, которые, в третий раз выступив против короля и его племянника, были отброшены вплоть до названной области. Добравшись до озера Лумоной [2], они в поисках безопасных пристанищ заняли разбросанные на нем острова. Это озеро, на котором лежит шестьдесят островов, принимает в себя шестьдесят рек, но в море не вытекает из него ни одной. Известно также, что на этих островах высится шестьдесят скал с орлиным гнездом на каждой и что сюда всякий год прилетают орлы, пронзительным клекотом оповещающие о событиях, которые произойдут в государстве. На эти именно острова и бежали вышеупомянутые враги, рассчитывая, что их защитит само озеро, но оно мало им помогло, ибо Артур, собрав ладьи, спустился в него по рекам и, осадив беглецов, за пятнадцать суток до того изнурил их голодом, что они начали умирать тысячами. И пока он таким образом на них наседал, король Ибернии Гилломаурий прибыл на кораблях с огромным числом иноземцев, дабы выручить их из беды. Прервав осаду засевших на островах, Артур обратил оружие против ибернцев и, беспощадно разделавшись с ними, принудил их убраться домой. Одержав победу, он возобновил истребление племен скоттов и пиктов, действуя с неумолимой жестокостью. И так как он не щадил никого из тех, кого ему удавалось настигнуть, собрались все епископы этой несчастной страны со всем подчиненным им духовенством и босые, неся мощи святых и церковные святыни, вознамерились ради спасения своего народа воззвать к милосердию государя. Представ пред ним, они на коленях стали его молить о даровании милости поверженному народу. Тот наказан уже предостаточно, и нет нужды истреблять до последнего тех немногих, кто еще уцелел: пусть он дозволит им — готовым

нести на себе ярмо вечного рабства — владеть хотя бы частичкой родины. И когда они умоляли короля описанным образом, слезы святых мужей вызвали в нем сострадание, и он уступил смиренным их просьбам.

150. По завершении этих деяний, Хоел приступает к обозрению упомянутого озера и дивится тому, что здесь такое множество рек, островов, скал и орлиных гнезд. И хотя все это на его взгляд было истинным чудом, подошедший Артур сообщил ему о еще более поразительном озерке в том же краю. Оно находилось поблизости и было шириной в двадцать стоп при такой же длине и в пять стоп глубиною. На всем его равностороннем пространстве то ли благодаря ухищрениям человека, то ли по воле природы лишь в его четырех углах водятся четыре породы рыб, причем все они держатся своего угла и никогда не заплывают в другой.

Существует еще одно озеро на землях валлийцев вблизи Сабрины, которое местные жители называют Линлигван[1]. Сообщаясь с морем, оно, словно бездна, поглощает во время прилива морские воды, но никогда не переполняется до того, чтобы выйти из берегов. С началом отлива оно как бы горой изрыгает из себя поглощенные приливные воды, которыми заливает и покрывает свои берега. Между прочим, если обитатели всей этой области станут к нему лицом и на кого-нибудь из них попадут брызги волн, тому никогда или почти никогда не удается избегнуть поглощения озером; если же ты повернешься к нему спиною, не опасно и вымокнуть, стоя у самого берега.

151. Даровав прощение скоттам, король отправился в Эборак, намереваясь провести там праздники Рождества Господа нашего. Вступив в город и узрев осквернение и разорение его святых храмов, он глубоко опечалился. По изгнании присноблаженного Самсона архиепископа и прочих святых мужей веры христианской, в полусожженных церквах богослужение больше не отправлялось: настолько возобладало безумие язычников. И вот, созвав духовенство и жителей города, Артур назначил Пирама, своего исповедника, тамошним архиепископом. Пирам отстроил все до единой разрушенные до основания церкви и туда начинают стекаться толпами мужчины и женщины. Знатных, бежавших от произвола саксов, он восстановил в унаследованных от предков почетных званиях и должностях.

152. Были там три брата королевского рода, а именно Лот, Уриан и Ангусель, которые до вторжения саксов управляли тремя областями этой страны. Желая одарить их подобно прочим правами предков, Артур возвратил Ангуселю королевскую власть над скоттами, а брату его Уриану вручил бразды правления над мурефейцами; Лота же, еще во времена Аврелия Амброзия, взявшего в жены его, Артура, сестру, которая родила ему Вальвания и Модреда[1], он снова поставил наместником Лодонезии и других земель, коими тот правил прежде. Наконец, приведя весь край в подобающее ему прежнее состояние, Артур сочетался браком с Геневерой[2], происходившей из знатного римского рода, выросшей во дворце наместника Кадора и превосходившей своей красотой всех женщин острова.

153. На следующий год Артур к наступлению лета снарядил свой флот и отплыл на остров Ибернию, который хотел себе подчинить. Едва он начал высаживаться на сушу, как на него двинулся с бесчисленным воин-

ством уже упоминавшийся царь Гилломаурий, чтобы вступить с ним в бой. Как только началась битва, люди Гилломаурия, лишенные доспехов и безоружные были сразу рассеяны и ударились в бегство, кто куда, в надежде спастись. Тут же Гилломаурия нагнали, и он был вынужден сдаться. Прочие правители этой страны, ошеломленные всем происшедшим, поступили по примеру короля. Покорив всю Ибернию, Артур направил свой флот в Исландию и, одолев ее обитателей, также покорил этот остров. Когда по всем другим островам разнеслась молва, что никто не в состоянии отразить Артура, Долдавий, король Готландии, и Гунвазий, король Оркад[1], добровольно явились к нему и, пообещав выплачивать дань, изъявили ему покорность. По наступлении зимы Артур возвратился в Британию и, вернув нерушимый мир своему государству, он пребывал там в течение двенадцати лет.

154. Пригласив кое-каких доблестнейших мужей из дальних королевств, он начал увеличивать число своих приближенных и заводить такую утонченность у себя во дворце, что внушил далеко отстоящим народам желание соперничать с ним во всем этом. Посему всякий отличавшийся знатностью муж, взбудораженный толками о новшествах при дворе Артура, почитал себя за ничто, если не обладал платьем, доспехами и вооружением точно такими, как у окружавших названного короля. Сверх того, слухи о его щедрости и безграничной отваге, дошедшие до крайних пределов мира, внушили государям заморских земель немалый страх, как бы, подвергшись с его стороны нападению, они не утратили власти над пребывавшими у них в подчинении. Обуреваемые этими снедавшими их заботами, они принялись обновлять городские стены и башни, возводить в подходящих местах укрепления, дабы, если Артур на них нападет, располагать, когда это понадобится, надежным убежищем.

Когда об этом стало известно Артуру, тот, возгордившись, что внушает всем страх, проникается страстным желанием подчинить себе всю Европу. Снарядив корабли, он сперва напал на Норвегию, чтобы увенчать ее короною мужа своей сестры Лота. Был же Лот внуком норвежского короля Сихелина[1], который, недавно скончавшись, отказал ему свое королевство. Но норвежцы, отвергнув его, возвели в королевское достоинство некоего Рикульфа и, укрепив свои города, сочли, что в состоянии сопротивляться Артуру. Вальваний, сын этого Лота, был тогда двенадцатилетним подростком, отданным дядей на воспитание папе Сульпицию, от которого и получил оружие. И вот, когда Артур пристал, как я начал рассказывать, к побережью Норвегии, король Рикульф со всем войском этой страны вышел навстречу ему и вступил с ним в битву, в которой с обеих сторон пролилось много крови, пока не одолели, наконец, бритты и, ринувшись на противника, не убили Рикульфа вместе с многими прочими. Одержав победу, разъяренные бритты подожгли города и их захватили, тогда как местные жители, рассеявшись, не прекращали ожесточенно драться, пока вся Норвегия, а вместе с нею и Дания не подчинились господству Артура.

155. Покорив эти страны и посадив Лота на норвежский престол, Артур отплыл в Галлию; он распределил своих воинов на отряды и стал

разорять повсюду эту страну. Была тогда Галлия владением Рима, состоявшим под началом трибуна Фроллона, который правил ею от имени императора Льва[1]. Узнав о прибытии Артура, Фроллон собрал все подчиненное ему войско и сразился с Артуром, но ему не удалось его отразить, ибо Артура сопровождала вся молодежь завоеванных им островов. Благодаря этому ему довелось располагать таким многочисленным войском, что сокрушить его было никому не под силу. К тому же Артуру служила лучшая часть галльского воинства, повиновение коей он купил своими щедротами. Фроллон, поняв, что битва оборачивается для него поражением, поспешил покинуть поле боя и с немногими сопровождавшими бежал в Паризий[2]. Объединив там разрозненных беглецов, он укрепил город и задумал повторно сразиться с Артуром. Но пока он тщится увеличить численность своего войска подкреплениями от соседей, внезапно появился Артур и осадил город и в нем Фроллона.

Огорчаясь, что его людей косит голод, Фроллон по истечении месяца известил Артура о своем желании сойтись с ним один на один[3] с тем, чтобы подвластными тому и другому землями завладел победитель. Сам он был высокого роста, могучего телосложения, отличался храбростью и, чрезмерно понадеявшись на все это, вызвал Артура на поединок, представлявшийся ему единственным путем ко спасению. Узнав об этом, Артур всем сердцем откликнулся на вызов Фроллона и сообщил о своей готовности принять вышеупомянутое условие. Обменявшись надлежащими клятвами соблюдать уговор, тот и другой прибывают на находившийся вне города остров, тогда как собравшийся отовсюду народ дожидается, чем окончится это единоборство. Оба были отменно вооружены, под обоими были кони поразительной резвости, и предугадать, кто из них возьмет верх, было не легко и не просто. Так стояли они, нацелив копья в противоположные стороны, как вдруг и тот и другой мощными ударами ног дали шпоры своим коням. Наскочив на Фроллона, Артур изловчился ударить его копьем в грудь у основания шеи, и, быстро пригнувшись, он увернулся от его выпада и сбросил противника наземь. Обнажив меч, он тут же зарубил бы его, но тот, тотчас поднявшись на ноги, кинулся на него с копьем и нанес коню Артура смертельную рану в грудь, свалившую и коня и всадника. Бритты, увидев своего короля поверженным ниц и, опасаясь, что он убит, едва сдержались, чтобы, презрев уговор, не кинуться в единодушном порыве на галлов. Но пока они колебались, решиться ли им на нарушение перемирия, Артур поспешно поднялся на ноги и, прикрываясь щитом от наклонившегося над ним Фроллона, мгновенно отбежал в сторону. Сошедшись лицом к лицу, они обмениваются яростными ударами, норовя прикончить друг друга. Наконец, Фроллон, улучив мгновение, ударил Артура в лоб, и не затупись острие меча о его шлем, нанес бы ему, быть может, смертельную рану. Потекла кровь, и Артур, увидев, что его кольчуга и щит покрываются красными пятнами, возгорелся еще более неистовым гневом и, изо всех сил взмахнув своим Калибурном, пробил им шлем Фроллона и рассек ему голову надвое. Получив эту рану, Фроллон упал и, судорожно колотя пятками землю, испустил дух. После того, как из войска Фроллона распространилась весть обо всем

происшедшем, сбежались жители города и, распахнув ворота, сдали город Артуру. А он, одержав верх над врагом, разделил свое войско надвое: одну половину его отдал под начало Хоелу, приказав тому выступить в поход на вождя пиктавов Гитарда, тогда как сам со второй половиной занялся покорением других областей. Вскоре Хоел, вступив в Аквитанию, захватил города этой области и принудил измотанного боями Гитарда прекратить сопротивление и сложить оружие. Хоел же, опустоша Гасконию огнем и мечом, разгромил правителей этой земли. По прошествии девяти лет, взяв за это время под свою руку все области Галлии, Артур снова прибыл в Паризий и разместил там свой двор. Призвав туда духовенство и заселив город жителями, он укрепил государство, поддерживая в нем мир и законность. Тогда же он даровал своему виночерпию Бедуеру Эструзию, которая ныне зовется Нормандией [4], а своему кравчему Каю страну андекавов [5] и роздал, кроме того, многим знатным мужам, находившимся у него в подчинении, разные области. Затем, усмирив несколько городов и племен, он в начале весны возвратился в Британию.

156. Так как близился праздник Троицы [1], Артур, исполненный радости и ликования по случаю столь блистательно одержанных им побед, возгорелся желанием держать здесь свой двор и, намереваясь возложить на себя королевский венец [2], созвать ко дню этого знаменательного события всех подчиненных ему властителей и вождей, дабы достойным образом отметить его и установить среди своих приближенных прочный мир и согласие.

Поделившись с сановниками указанным замыслом, он внял преподанному ему совету осуществить задуманное в Городе Легионов. Ведь расположенный в Гламорганции на реке Оске в прелестной местности невдалеке от Сабринского моря, превосходя прочие города обилием всевозможных богатств, он подходил для столь великого торжества. Одна из его сторон омывалась вышеназванной преславной рекой, по которой могли приплыть на своих кораблях заморские короли и правители, предполагавшие посетить Артура. Другая. упираясь в луга и леса, блистала зданиями королевских дворцов, кровли которых с золотыми коньками напоминали Рим. Город Легионов обладал и двумя выдающимися церквами, из которых одну, воздвигнутую во имя Юлия-мученика, премного украшала находившаяся при ней обитель для девушек, отданных по обету господу, а другая, сооруженная во имя сподвижника Юлия святого Аарона [3] и содержавшаяся на средства монастырей, вмещала в себе третье архиепископство британского государства. Кроме того, тут же находилась коллегия из двухсот мудрецов [4], которые, превзойдя астрономию и другие науки, тщательно наблюдали за движением небесных светил и, основываясь на достоверных данных, предвещали королю Артуру грядущие чудеса.

Славный столь многими достопримечательностями своими, этот город был избран для предстоящих торжеств. Отправленные в различные государства гонцы приглашают тех, кому подобало прибыть ко двору, как из Галлии, так и с ближних островов, лежащих на Океане.

Итак, прибыли: Ангусель, король Альбании [5], которая ныне именуется Скоттией; Уриан, наместник мурефейцев; Кадваллон Лауирх, наместник

венедотов или северо-валлийцев, как их называют ныне; Статер, наместник деметов, то есть южно-валлийцев; Кадор, наместник Корнубии; главы всех трех бриттских архиепископств, а именно лондонского, эборакского и Города Легионов. Последний из них, Дубриций, первосвященник Британии и легат апостолического престола, отличался таким рвением к истинной вере, что исцелял своими молитвами обремененных тяжкими немощами.

Из правителей знаменитых городов прибыли: Морвид, правитель Клавдиоцестрии; Маурон — Вигорнии; Анараут — Салесберии; Артал — Каргуернии, что ныне прозывается Варвиком; Югейн из Легецестрии; Курсалем из Кайцестрии [6]; Киммарк — наместник Доробернии; Гвалаук Салесберийский; Урбгений из Бадона; Ионатал Дорецестрийский [7]; Бозон Ридикенский, то есть Оксенфордский [8].

Помимо правителей прибыли не меньшего достоинства витязи: Донаут мап Папо; Ханеус мап Коил [9]; Передур мап Эридур; Грифуц мап Ногоид; Регин мап Клауд; Эделлейн мап Кледаук; Кинкар мап Банган; Киммарк; Горбониан мап Гойт; Клофаут; Рун мап Нетон; Кимбелин мап Трунат; Катлеус мап Катель; Кинлит мап Нетон и многие другие, имена коих долго перечислять.

С ближних островов прибыли: Галламуир, король Ибернии; Мальвазий, король Исландии; Долдавий, король Готландии; Гунвазий, король Оркад; Лот, король Норвегии; Асхилл, король данов.

Из заморских стран прибыли: Холдин, предводитель рутенов; Леодегарий, правитель Болонии [10]; виночерпий Бедуер, наместник Нормандии; Борелл Ценоманский [11]; кравчий Кай — наместник андекавов; Гитард Пиктавский; двенадцать пэров из Галлии во главе с Герином Карнотским [12]; Хоел, властитель арморикайских бриттов со своими сановниками, доставившими такое множество украшений, мулов и лошадей, что нелегко описать. Кроме того, и в Испании не осталось ни одного сколько-нибудь стоящего властителя, который не явился бы по указу Артура. И это не удивительно, ибо распространившаяся по всему свету молва о его щедрости привлекла к нему общую любовь.

157. После того, как все были собраны в городе, и настал день торжеств, архиепископов ведут во дворец, чтобы они увенчали Артура королевской короной. Дубриций, поскольку двор пребывал у него в епархии, заботу обо всем, связанном с церемонией коронования и принесением присяги на верность королю, возложил на себя. После того, как король был увенчан короной, его с превеликим почетом ведут в храм архиепископства. Слева и справа два архиепископа поддерживают Артура. Четыре наместника, а именно, Альбании, Корнубии, Деметии и Венедотии, которым было присвоено это право, неся четыре золотых меча, шли перед ним. Бесчисленные монахи, принадлежащие к всевозможным братствам, оглашали воздух дивными песнопениями. По другую сторону шли архиепископы и епископы, провожавшие королеву в подобающем ей облачении к храму девушек, отданных по обету на служение господу. Четыре супруги упомянутых выше наместников, также, соблюдая обычай, несли перед ней четырех белоснежных голубок. Все присутствовавшие тут женщины, в величайшем ликовании и веселии двигались позади королевы. Вслед за тем,

по окончании шествия, в обоих храмах раздались звуки органов и стройное пение, так что присутствовавшие тут рыцари, завороженные сладчайшей музыкой, пришли в замешательство, колеблясь, в какой из храмов им прежде войти. И они стали, толпясь, устремляться то в один, то в другой, и, если бы торжественная церковная служба шла непрерывно весь день, то и тогда она не породила бы в них ни малейшей скуки. По завершении службы в обеих церквах король и королева снимают с себя венцы и, украсившись более легкими драгоценностями, направляются к пиршественным столам, он с мужами — в один дворец, она с женщинами — в другой. Ведь, соблюдая древний троянский обычай, бритты привыкли отмечать праздники врозь — мужчины с мужчинами, женщины с женщинами. После того, как всех рассадили в соответствии с достоинством каждого, кравчий Кай в платье из горностая, сопровождаемый тысячей знатных юношей, также в одеждах из горностая, стали разносить кушанья. Виночерпий Бедуер, за коим следовало столько же молодых людей, одетых в беличий мех, распоряжался поднесением гостям кубков со всевозможными напитками.

А во дворце королевы бесчисленное множество обряженных по-разному слуг усердно, как им подобало, услужало гостям. Если бы я попытался подробно описать эти пиршества, мой исторический труд стал бы чрезмерно пространным. Ведь Британия достигла тогда такого величия, что несметными своими богатствами, роскошью нарядов, беззаботностью своих обитателей намного превосходила все прочие государства. Всякий прославленный своей доблестью рыцарь этой страны неизменно облачался в одежды и доспехи одного и того же избранного им цвета. Женщины, наряженные в платья того же цвета, веселые и остроумные, удостаивали своею любовью только того, кто в воинских состязаниях не менее, чем трижды, выходил победителем. По этой причине всякая женщина была целомудренна, а стремление рыцаря внушить ей любовь побуждало его к наивысшему душевному благородству.

Встав от пиршественных столов и намереваясь отдаться различным играм и состязаниям, все направляются в пригородные поля. Вскоре рыцари, затеяв подобие боя, отдаются конной потехе; женщины, смотрящие на нее с зубцов крепостных стен и захваченные любимым зрелищем, распаляются жгучим любовным пламенем. А рыцари без ссор и беззлобно проводят остаток дня, соревнуясь между собой, иные в бою с секирами, иные с копьями, иные в метании тяжеловесных камней, иные, играя в шашки, иные — в кости или предаваясь всяким другим забавам. Кто берет верх в той игре, которою развлекался, того Артур награждает каким-либо щедрым подарком. По истечении трех первых дней этих празднеств, в последний — четвертый день — созываются все, кого он возвысил и кто ему подчинен, и он жалует их всевозможными милостями, то есть городами и замками, архиепископствами, епископствами, аббатствами, а также различными почетными назначениями.

Присноблаженный Дубриций, возжелав удалиться от мира, сложил с себя архиепископский сан. На его место рукополагается дядя короля Давид, жизнь коего была образцом совершенства для тех, кого питала

христианская вера. На место Самсона, архиепископа дольского, с согласия короля арморикансих бриттов Хоела назначается Телиаус, прославленный священнослужитель Ландавии [1], чья жизнь и добрые нравы были превыше похвал. Епископства Сильцестрии и Винтонии отдаются Мауганию и Дувиану, епископство Алклуда — Элedению.

158. И вот, когда Артур был занят пожалованиями и назначениями, размеренными шагами входят двенадцать мужей пожилого возраста с почтенными лицами, несущих оливковые ветви в руке в знак того, что они — посольство, и, обратившись к королю с приветствием, вручают ему послание от Луция Гиберия, содержавшее нижеследующее: «Луций, правитель Римского государства [1], Артуру, королю Британии, по заслугам его. Пораженный безмерно, поражаюсь наглости твоего своеволия. Поражаюсь, повторяю, и оскорблению, нанесенному тобой Риму. Вспоминая, я возмущен, что ты непозволительно возвеличил себя, что не желаешь знать Рима и медлишь подумать о том, что означает оскорблять неподобающими поступками Римский сенат, коему, как тебе хорошо известно, должен подчиняться весь мир. Ведь, пренебрегая повелением столь могущественного сословия как сенат, ты до того занесся, что задерживаешь выплату дани, которая наложена на Британию и на тебя и которую получал еще Гай Юлий и на протяжении долгого времени прочие мужи, облеченные властью Римского государства. Ты у нас отнял Галлию, отнял область аллоброгов, отнял все острова на Океане, властители коих, пока римляне господствовали в этих краях, платили подати моим предкам. И поскольку сенат решил призвать тебя к ответу за множество нанесенных ему тобой оскорблений, приказываю тебе прибыть в Рим к середине августа месяца ближайшего года, дабы, удовлетворив своих господ и повелителей, смиренно выслушать приговор, который вынесет их справедливость. В противном случае я сам прибуду в твою страну и все, что твое безумие отняло у Римского государства, постараюсь, прибегнув к мечам, ему возместить».

По оглашении этого послания в присутствии королей и правителей, Артур, сопровождаемый ими, удалился в огромную надворотную башню дворца, намереваясь обсудить с ними, как следует отнестись к изложенному в послании. Но едва они стали всходить по ступеням, как Кадор, правитель Корнубии, отличавшийся веселым и жизнерадостным нравом, разразившись смехом, обратился с такою речью к королю: «До сих пор я опасался, как бы продолжительный мир и нерушимый покой, в которых протекает жизнь бриттов, не превратили их в трусов, и жажда воинской славы, каковая, по общему мнению, свойственна им в большей степени, чем другим народам, окончательно в них не заглохла. Ведь, где оружие отложено в сторону и ржавеет, но в ходу такие утехи, как кости, пылкие увлечения женщинами и прочее в этом же роде, там, без сомнения, праздность неминуемо запятнает то, что почиталось доблестью, честью, отвагой и славой. Ведь миновало почти пять лет, как, отдавшись перечисленным удовольствиям, мы лишены бранных услад. И вот господь, стремясь исцелить нас от вялости, распалил римлян гневом, дабы те вселили в наши души былую доблесть».

159. Слушая эти его слова и подобные им, все пришли, наконец, туда, где были расставлены кресла, и, когда уселись, Артур сказал нижеследующее:

«Сотоварищи мои в успехах и неудачах, чья мудрость в преподании полезных советов и доблесть в военных деяниях испытаны мною на деле, изложите ныне, ничего не тая, все ваши мысли и благоразумно предусмотрите, как, по-вашему, надлежит поступить, раз нам предъявили такие требования. Что тщательно предусмотрено мудрыми, то легче осуществляется, когда приходится переходить к действию. Итак, мы легче сможем противостоять натиску Луция, если заранее сообща обдумаем, какими способами его ослабить. Полагаю, что нам не очень-то нужно страшиться, ибо он, требуя дань от Британии, приводит столь неразумные доводы. Ведь он утверждает, что надлежит выплачивать ее и ему, ибо она вносилась Юлию Цезарю и его преемникам, которые, будучи привлечены раздорами между нашими предками, с оружием в руках высадились на остров и истерзанную внутренними неурядицами страну насильственно подчинили своему господству. И так как римляне завладели ею указанным образом, то, взимая с Британии дань, они поступали несправедливо. Ведь ничем добытым силою и насилием не владеет по праву тот, кто это насилие учинил. Неразумные выдвигает он доводы, якобы дающие ему основание видеть в нас своих данников. И так как он позволяет себе требовать от нас то, что несправедливо, то и мы с равным правом давайте настаивать перед ним, чтобы Рим отныне стал нашим данником, и тот, кто сильнее, добьется всего, чего бы ни пожелал. Ибо, если, исходя из того, что Юлий Цезарь и другие римские императоры, некогда завоевали Британию, они решают, что дань оттуда должна поступать к ним и ныне, то и я считаю, что Рим обязан платить мне дань, ибо и моим предшественникам довелось некогда его захватить. Ведь Белин, сиятельнейший властитель бриттов, вместе со своим братом Бреннием, вождем аллоброгов, повесив на рыночной площади двадцать наиболее знатных римлян, захватили Рим [1] и долгое время удерживали его за собой. И Константин, сын Елены, а также Максимиан — оба кровные мои родичи, один вслед за другим увенчанные короной Британии,— добились трона римского государства [2]. Считаете ли вы после этого, что римляне могут требовать от нас дань? Относительно Галлии и ближних островов отвечать и вовсе не нужно, ибо Рим уклонился от их защиты, когда мы отбирали все эти земли из-под его власти».

160. После того как Артур сказал это и другое в таком же роде, король арморикансих бриттов Хоел, которому было предложено высказаться прежде других, ответил в таких словах:

«Хотя всякий из нас должен сосредоточиться, подумать обо всем и обдумать все, я не считаю, чтобы он смог предложить что-нибудь более значительное и полезное, нежели те источающие благоухание мысли, которыми только что подарил твой неиссякаемый разум. Ведь твое рассуждение, пропитанное поистине цицероновой убедительностью, дальновидно предусмотрело все: вот почему нам должно непрерывно превозносить хвалами чувства неколебимого мужа, порождения мудрой души, высказанные им благие советы. Если, в соответствии с приведенными тобою сооб-

ражениями, ты пожелаешь пойти на Рим, я не сомневаюсь, что, отстаивая свою свободу, мы одержим верх и справедливо потребуем с наших недругов то, что они несправедливо дерзнули потребовать с нас. Кто вознамерится отобрать у другого его достояние, тот заслуженно утратит свое, поневоле отдав его тем, на кого нападает. Итак, раз римляне норовят отнять у нас наше, мы, вне сомнения, захватим у них принадлежащее им, когда представится возможность столкнуться с ними в бою. А такое столкновение для всех бриттов не может не быть желанным. Прорицания Сивиллы[1], которые почитаются неоспоримыми, возвещают, что от бриттского семени родятся три властителя римского государства. Относительно двоих это пророчество уже сбылось, так как общеизвестно, что преславные, как ты сказал, полководцы Белин и Константин были облечены знаками римской власти. Ныне — ты третий, кому возвещена вершина почета. Итак, торопись принять то, чем не преминет одарить тебя бог; торопись поработить то, что велит поработить жажда отмщения; торопись подвигнуть на это всех нас, которые не будут бежать ни ран, ни самой смерти, и я предстану перед тобой с десятью тысячами вооруженных, лишь бы ты преуспел».

161. Наместник Альбании Ангусель, лишь только Хоел закончил, в таких словах высказал все, что думал и чувствовал:

«Меня так взволновало услышанное от моего властелина и душу мою охватила такая радость, что мне невмочь сейчас ее выразить. Ведь во многих победоносных войнах со столькими и столь могущественными королями, мы, как мне кажется, ничего не достигли, поскольку римляне и германцы по-прежнему невредимы, и мы им не отмстили, как подобает мужам, за те поражения, которые они некогда нам нанесли. Но ныне, так как нам дозволено сойтись с ними в бою, я охвачен безмерною радостью и, пылая от нетерпения в ожидании дня, когда мы сразимся с ними, жажду их крови, как жаждал бы воды, если бы целых три дня был ее лишен. О, если я увижу этот ослепительный свет, сколь сладостны будут для меня раны, которые достанутся мне и которые я нанесу, когда мы скрестим, наконец, мечи! Самая смерть, и она будет сладостна, если я погибну, отмщая прародителей наших, оберегая свободу нашу, возвеличивая державца нашего. Итак, накинемся на этих полумужчин и будем упорно драться, дабы, разделавшись с ними, насладиться блистательною победой, а также отнятыми у них богатствами. К нашему войску я добавлю две тысячи вооруженных всадников, не считая пеших».

162. После того как и остальные высказали все то, что нужно было сказать, они пообещали Артуру столько людей, сколько каждый из них предоставит в его подчинение, так что, помимо обещанных королем бриттов Арморики, только остров Британия выставил шестьдесят тысяч полностью вооруженных воинов. Короли других островов, поскольку не имели в обычае содержать пехоту, обещали сколько кому было посильно, так что с шести островов, а именно из Ибернии, Исландии, Готландии, Оркад, Норвегии и Дании набиралось общим счетом сто двадцать тысяч. Из галльских земель — рутенов, портивенов, эструзенов, ценоманов, андекавов, пиктавов[1] — восемьдесят тысяч человек. Из двенадцати их округов,

те, что прибыли вместе с Герином Карнотским, пообещали по тысяче двести человек с каждого округа. В итоге, таким образом, выходило сто восемьдесят три тысячи двести всадников [2], кроме пехоты, которую было бы нелегко подсчитать.

Король Артур, видя, что все единодушно готовы повиноваться ему, приказал им поскорее разъехаться по домам и к августовским календам прибыть в гавань на реке Барбе [3], дабы оттуда вместе с ним направиться в пределы аллоброгов и вслед за тем выступить против римлян. Что касается римских властителей, то с их посольством он им сообщил, что платить дань отнюдь не намерен и что прибудет в Рим не ради того, чтобы удовлетворить их настояния, но с тем, чтобы взыскать с них то самое, что они сочли себя вправе потребовать от него. Послы отбывают, отбывают также короли, отбывают сановники и, не мешкая, принимаются выполнять полученные распоряжения.

163. Узнав об ответе Артура, Луций Гиберий по решению сената предписал восточным царям явиться к нему с готовыми к походу войсками, дабы вместе с ними покорить Британию. Без промедления прибыли Эпистроф, царь греков; Мустензар, царь африканцев; Алифатима, царь Испании; Гиртаций, царь парфян [1]; Бокх, царь мидян [2]; Серторий, царь Ливии; Серс, царь итурейцев [3]; Пандрас, царь Египта; Миципса, царь Вавилонии; Политет, властитель Вифинии [4]; Тевкр, властитель Фригии [5]; Эвандр — Сирии; Эхион — Беотии [6]; Ипполит — Крита [7] вместе с полководцами и их подчиненными. Из сенаторского сословия прибыли Луций Кателл, Марий Лепид, Гай Метелл Котта, Квинт Мильвий Катул, Квинт Каруций и столько других, что всего насчитывалось сорок тысяч сто шестьдесят человек.

164. Итак, приготовив все нужное, римляне в день августовских календ выступают в поход против Британии. Узнав об их выступлении и поручив Британию Модреду, своему племяннику, и королеве Геневере, Артур прибыл со своим войском в Гавань Гамона, дабы выйти в море с первым попутным ветром. И пока он в окружении бесчисленных кораблей благополучно и с радостью бороздил морские просторы, около полуночи его одолел наредкость тягостный сон. Во сне он узрел летящего в небе медведя [1], от рева которого вострепетали все берега; увидел он также дракона, подлетавшего с запада, который сверканием своих глаз освещал весь простиравшийся под ним край, и вот, накинувшись друг на друга, они начинают бой, но дракон, не давая медведю вздохнуть, непрерывно кидается на противника, опаляя его своим извергающим пламя дыханием, и медведь, опаленный им, падает вниз на землю. Пробудившись от сна, Артур рассказал окружающим свое сновидение. Иные, истолковывая его, говорили, что дракон — это он сам, тогда как медведь — какой-то неведомый великан, с которым ему предстоит схватиться; что же касается битвы дракона с медведем, то она предвещает схватку, которая у него произойдет с великаном, а победа дракона — его победу над тем. Но Артур предполагал другое, считая, что привидевшееся ему касается его и римского императора. Когда после ночного плаванья заалела утренняя заря, они вошли в гавань на реке Барбе. Расставив свои шатры, они оставались там

до прибытия островных королей и военачальников из сопредельных с ними земель.

165. Между тем Артура оповещают о том, что из Испании прибыл некий великан предивных размеров[1] и, отняв Елену, племянницу полководца Хоела, у приставленной к ней охраны, бежал вместе со своею добычей на вершину горы, которая называется ныне горой Михаила[2]. Воины отца похищенной девушки, преследуя похитителя, ничего не добились, ибо, когда они гнались за ним по морю или по суше, он либо сбрасывал на их корабли огромные скалы, либо истреблял их различным оружием; схватив нескольких из преследовавших его, он пожрал их полуживыми.

С наступлением ночи, взяв с собой кравчего Кая и виночерпия Бедуера, Артур выбрался потихоньку от остальных из шатра и поспешил к названной выше горе. Наделенный столь великой доблестью, он счел излишним повести войско на это чудовище, опасаясь, как бы не погубить понапрасну кого-нибудь из своих и полагая, что расправиться с великаном под силу и ему одному. Когда они подошли поближе к горе, они увидели, что на ней пылает костер и что невдалеке от него — второй, менее яркий. Достоверно не зная, на какой из окружающих гор засел великан, они послали Бедуера выяснить это. Найдя челнок, он поплыл сначала к меньшему из костров, ибо иначе до него нельзя было добраться, так как он горел где-то посреди моря. Подплыв к островку и начав подъем на гору, он услышал сверху женские вопли и сперва устрашился, так как решил, что именно там — обиталище великана. Набравшись решимости, он обнажил меч и, взойдя на вершину, не обнаружил на ней ничего, кроме костра. Приглядевшись, однако, он увидел возле него свежий могильный холмик и какую-то рыдающую и горестно вопящую старую женщину. Та, заметив пришельца и тотчас прервав рыдания, сказала ему нижеследующее: «О несчастный, какая беда занесла тебя в это место? О обреченный на непостижимые смертные муки, как мне жаль тебя, как мне жаль, ведь мерзкое чудище этой же ночью пожрет и тебя во цвете твоих юных лет. Явится преступнейший великан, да будет он проклят во веки веков, притащивший сюда племянницу полководца и меня, вскормившую своей грудью бедняжку, ту, которую я только что погребла. Он тотчас же невиданным и неслыханным способом тебя умертвит. О горестная судьба! Целомудреннейшая моя питомица, охваченная ужасом, заполонившим ее нежнейшую грудь, безвременно покинула жизнь, хотя ей полагалось бы еще жить долгие, долгие годы. И так как ему не удалось осквернить ее в грязном соитии с нею, ее — вторую душу мою, вторую жизнь мою, вторую неизъяснимую сладость юности, то воспламененный отвратительной похотью, он накинулся на меня, сопротивлявшуюся ему (бог и старость моя свидетельствуют, что это святая истина) и насильственно овладел мною. Беги, милый, беги, ибо, если он по обыкновению своему появится здесь, чтобы принудить меня к соитию с ним, и ты попадешься ему на глаза, он растерзает тебя и разорвет в клочья».

Бедуер, тронутый ее дружественными словами до дозволяемых человеческою природой пределов, уступил ее настояниям и, пообещав вернуться

возможно скорее и принести ей избавление, возвратился к Артуру и поведал ему обо всем, что узнал.

Вздохнув о печальной участи девушки, Артур повелел своим не препятствовать ему сойтись с великаном один на один, но, буде понадобится, поторопиться к нему на помощь и мужественно сразиться с чудовищем. Итак, они тронулись в путь к большой горе и, оставив коней на попечение оруженосцев, начали на нее подниматься, причем Артур шел впереди. Мерзостное существо сидело возле огня; рот у него был измазан жиром съеденных наполовину свиней, которых оно частью уже пожрало, частью, нанизав на вертелы, поджаривало над рассыпанными под ними сливами. Как только чудовище, ничего подобного не ожидавшее, заметило вновь пришедших, оно потянулось за своей палицей, которую с трудом могли бы поднять двое юношей. Король, обнажив меч и прикрывшись щитом, постарался возможно быстрее приблизиться к великану, пока он не успел еще взять в руку палицу. Но тот, которому неведомы были раздумья и колебания, ухватился уже за нее и нанес по щиту короля настолько мощный удар, что раздавшийся от этого грохот наполнил собою все берега и вконец оглушил Артура. Тот, однако, распалившись безудержным гневом, взмахнул мечом и поразил чудовище в лоб, нанеся ему рану хоть не смертельную, но обильно источавшую кровь, которая заливала ему лицо и глаза и притупила остроту зрения. Великан стал обороняться палицей от ударов Артура и оберегать свой лоб, опасаясь новой, смертельной на этот раз раны. Ослепленный, истекая кровью, он в ярости поднялся на ноги и, словно кабан, несущийся на копье охотника, ринулся на Артура и, избегнув его меча, обхватил короля поперек груди и поверг на колени. Напрягшись изо всех сил, Артур все же вскочил и кинулся на нечестивца, нанося удары мечом куда придется, и не успокоился до тех пор, пока не нанес тому смертельную рану, вонзив острие меча в его голову, там, где мозг запрятан под черепом. Потерявший зрение великан возопил и, словно порывом ветра с корнями вырванный дуб, рухнул с грохотом наземь.

Король, рассмеявшись, повелел Бедуеру отсечь у чудовища голову и, вручив ее одному из оруженосцев, доставить в лагерь, дабы подарить занятным зрелищем тех, кто станет ее рассматривать. Артур говорил, что ему ни разу не доводилось встретить кого-либо столь же могучего, после того как он убил на горе Аравий великана Ритона[3], который вызвал его на единоборство. Тот из бород убитых им королей сделал себе меховой плащ и повелел Артуру, чтобы он тщательно выщипал свою бороду и выщипанные из нее волосы доставил ему и, так как Артур одолел других государей, то, воздавая ему почет, он уложит волосы с его бороды поверх всех остальных. В противном случае он, Ритон, вызывает его на бой, и кто из них возьмет верх, тому достанутся плащ и борода побежденного. Они начали схватку, и в ней возобладал Артур, который захватил бороду своего противника вместе с добычей и впоследствии утверждал, как мы уже знаем, что ему никогда не встречался кто-либо столь же могучий, как этот Ритон. Итак, одолев, как сказано выше, чудовище, Артур со спутниками по миновании ночи, когда едва забрезжил рассвет, возвратился к своим

шатрам вместе с головою поверженного: подивиться на нее отовсюду сбегались воины и возносили хвалу тому, кто избавил страну от столь ненасытной глотки.

А Хоел, опечаленный утратой племянницы, распорядился воздвигнуть над телом усопшей на той самой горе, где она лежала, часовню, которая, получив свое название от могильного холмика, под коим покоилась девушка, и поныне зовется Могилой Елены.

166. По прибытии всех, кого он дожидался, Артур двинулся на Августодун [1], где, как он полагал, находится император. Когда он подошел к реке Альбе [2], ему сообщили, что тот стоит лагерем невдалеке и располагает столь многочисленным войском, что битва с ним, как говорили, окажется для Артура пагубной. Однако нисколько не устрашившись этих известий, Артур не пожелал отступиться от своих замыслов, но разбил у названной выше реки свой лагерь, из которого мог беспрепятственно пойти на врага и в котором, если понадобится, снова укрыться. К Луцию Гиберию он направил двух ближайших королевских советников, а именно Бозона из Бычьего Брода [3] и Герина Карнотского, а также Вальвания, своего племянника, дабы те уведомили римского императора, чтобы он либо покинул пределы Галлии, либо уже завтра вышел на поле сражения, дабы испытать на деле, кто из них располагает бо́льшим правом на Галлию. Молодежь при дворе Артура, возликовав, принялась подбивать Вальвания, чтобы подобное испытание он начал уже в лагере императора и таким образом дал возможность скрестить оружие с римлянами.

Послы Артура прибыли к Луцию и повелели ему либо покинуть Галлию, либо на следующий день выйти сразиться. Когда же тот заявил им в ответ, что и не подумает уходить и что, больше того, он пришел сюда, чтобы тут властвовать, в их беседу вмешался Гай Квинтилиан, племянник Луция, который сказал, что бриттам более свойственно хвастаться и угрожать, чем выказывать отвагу и доблесть. Разгневанный его словами, Вальваний обнажил меч, которым был препоясан, и, снеся обидчику голову, устремился вместе с сотоварищами к коням. Римляне бросились вдогонку за ними, кто пешим, кто на коне, дабы отмстить гибель своего соплеменника послам, которые, скача что было мочи, стремились от них ускользнуть. А Герин Карнотский, заметив, что некто начинает его настигать, внезапно обернувшись назад, ударил преследователя копьем и, пронзив его через доспех посредине груди, изо всей силы поверг его наземь. Бозон из Бычьего Брода проникся завистью к Герину Карнотскому, свершившему столь доблестное деяние и, повернув коня, первому попавшемуся ему навстречу вонзил копье в горло и смертельно раненного свалил с коня, на котором тот гнался за ним. Между тем, Марцелл Муций, обуреваемый жаждой отмстить за Квинтилиана, уже угрожал Вальванию со спины и стал его останавливать, как вдруг тот, резко обернувшись назад, своим мечом снес Муцию вместе со шлемом голову по самую грудь. Он тут же препоручил убитому передать Квинтилиану, которого поразил насмерть ранее в лагере, дабы тот сообщил в преисподней, чем нередко завершаются угрозы и похвальба бриттов; нагнав своих сотоварищей, он обращается к ним с увещанием, чтобы всякий из них, обернувшись на всем скаку,

таким же ударом поразил преследующего его по пятам. Вняв ему, каждый уничтожает одного из преследователей. А римляне, все же продолжавшие гнаться за ними, обрушивали на них когда мечи, когда копья, но им так и не удалось ни остановить кого-либо из несшихся перед ними, ни свалить кого-либо наземь. И вот, когда, не прекращая, как сказано, погони за беглецами, они домчались до леса, оттуда вдруг появляется около шести тысяч бриттов, которые, заметив бегство послов с их охраною, укрылись в лесу, дабы притти тем на выручку. Выскочив из засады и пришпорив коней, они разражаются огласившими воздух громкими кликами и, закрывшись щитами, неожиданно налетают на римлян и сразу же обращают тех в бегство. В единодушном порыве устремившись за ними, иных они сбрасывают с коней ударами копий, иных останавливают, иных убивают. Извещенный об этом сенатор Петрей с десятью тысячами воинов поспешил на помощь своим сотоварищам и вынудил бриттов отойти в тот самый лес, из которого они вышли, не без урона для своих воинов, ибо в теснинах бритты оборачивались назад и наносили огромные потери преследующим.

Когда бритты описанным образом отступали, Хидер, сын Нуна, с пятью тысячами воинов бросился им на помощь. Отступавшие бритты снова мужественно сопротивляются и, недавно подставлявшие спины противнику, теперь, наскакивая на него грудью, изо всех сил стараются наносить мощные удары. Мужественно дерутся также и римляне, то сокрушая врагов, то ими сокрушаемые. Но бритты рвались в бой с такой неудержимостью, что их мало заботило, чем он закончится, лишь бы только они приняли в нем участие. Римляне, однако, действовали осмотрительно. Петрей Котта, как полагается хорошему полководцу, то благоразумно увещевал их нападать, то устремляться в бегство, и благодаря этому причинял огромный урон неприятелю.

Когда это понял Бозон, он отобрал некоторое число из тех, чья храбрость была ему хорошо известна, и обратился к ним с такими словами: «Так как эту битву мы затеяли самовольно, без ведома и приказа Артура, нам следует принять должные меры, чтобы наша затея не обернулась бедой. Ибо, если это произойдет, мы нанесем огромный урон нашим воинам и навлечем на себя проклятия нашего повелителя. Возродите в себе былую вашу отвагу и вслед за мною ворвитесь в плотные ряды римлян и, если счастье нам улыбнется, мы убьем или захватим Петрея». И вот, пришпорив коней, они все вместе врезались в боевые порядки врагов и проникли сквозь них до того места, где Петрей наставлял своих сотоварищей. Стремительно налетев на Петрея, Бозон хватает его за шею, как им было задумано, и, не выпуская ее из рук, спрыгивает с коня. Сбегаются римляне, чтобы отбить у врагов Петрея, сбегаются бритты, чтобы помочь Бозону. Между противниками завязывается ожесточенная схватка, повсюду слышатся крики и возникает сумятица, когда одни пытаются освободить своего полководца, а другие его не выпустить. Бритты наносят римлянам раны, те — им; бритты убивают римлян, те — их. Там можно было увидеть, кто искуснее поражает копьем, кто — мечом, кто — дротиком. Наконец, бритты, наступая сомкнутыми рядами и отражая наседающих римлян, выходят

вместе с Петреем из боя. Но они тут же снова устремились на римлян, уже потерявших своего начальника, по большей части уже обессилевших, разбитых и обратившихся в бегство. Бритты рубят их, настигая сзади, приканчивают изрубленных, обирают приконченных, спешат покинуть обобранных, чтобы не дать ускользнуть другим. Но и многих берут они в плен, горя желанием привести их пред очи короля.

Наконец, достаточно потешившись над противником, они с пленными и добычею возвратились в лагерь; охваченные радостным возбуждением, они рассказали Артуру обо всем случившемся с ними и передали ему Петрея Котту и остальных пленных. Король поздравил вернувшихся и обещал пожаловать им угодья и увеличить владения, так как они свершили в его отсутствие столь доблестные деяния. Решив содержать пленных в надежной темнице, он призвал к себе тех, с кем намеревался отправить их на следующий день в Паризий для передачи городской страже, каковой предписывал содержать и стеречь узников, пока он не распорядится, как с ними надлежит поступить. Сопровождать их охрану, покуда она не выберется в безопасные от римлян места, он повелел военачальнику Кадору и виночерпию Бедуеру, а также военачальникам Бореллу и Рикерию с их подчиненными.

167. Но римляне, когда случайно узнали об этом, отобрали по приказанию императора пятнадцать тысяч своих, дабы, опередив за ночь бриттов, эти воины напали на них и отбили пленников. Командовать этим отрядом назначили сенаторов Вультея Кателла и Квинта Каруция, а также царя Сирии Эвандра и Сертория, царя Ливии, которые с наступлением темноты выступили в поход с упомянутым числом воинов и, приискав пригодное для засады место, укрылись в нем, полагая, что мимо них должны проследовать бритты. Те вместе с пленными, едва рассвело, пускаются в путь и, ничего не подозревая, уже почти подходят к засаде, в которой коварные враги их поджидали. Когда они поравнялись с ними, из засады неожиданно появились римляне и, кинувшись на ни о чем подобном не помышлявших, врываются в их ряды. Но бритты, хоть и были застигнуты врагами врасплох и ими рассеяны, снова объединяются и мужественно дерутся и, оставив часть воинов возле пленных, распределяют других по отрядам, дабы те оттеснили противника. Начальниками охраны пленных они поставили Рикерия и Бедуера, тогда как Кадор, наместник Корнубии, и Борелл возглавляли прочих. Римляне сражаются беспорядочно, не заботятся о том, чтобы расставить своих в боевые порядки, но, яростно напирая, истребляли бриттов, пока те старались одновременно и расставить, как должно, свои отряды, и защищаться. Чрезмерно ослабев, они позорно лишились бы тех, кого стерегли, если бы судьба не ускорила прибытия к ним желанной подмоги. Вождь пиктавов Гвитард, проведав о подстроенной римлянами ловушке, своевременно подошел с тремя тысячами своих к уже изнемогавшим бриттам, и те, окрепшие благодаря этой помощи, наконец, взяли верх и, в свою очередь, разгромили ночных разбойников и отмстили за учиненную ими резню. Однако в первом столкновении они все же понесли большие потери. Потеряли они славного наместника ценоманов Борелла, который, сойдясь с сирийским царем Эвандром и пораженный его

копьем в горло, изошел вместе с кровью и самой жизнью. Потеряли они также четырех знатных сановников: Хирельгаса из Перира[1], Маврикия Кадорканского, Алидука из Тинтаголя, а также Гера, сына Гидера, доблестнее которых нелегко было сыскать. Они не щадили себя не только увлекаемые своею отвагой, но изо всех сил стараясь уберечь пленных и поразить врагов. Римляне, которым было невмоготу дольше сражаться, вскоре покинули поле боя и начали отходить к своему лагерю. Но бритты, идя по пятам, беспощадно их истребляли и брали в плен и не прекратили преследования, пока, убив Вультея Кателла и Эвандра, царя сирийцев, почти полностью не рассеяли всех остальных. Одержав верх, они отослали в Паризий порученных их надзору пленников, и, отведя к королю только что взятых, укрепили его надежды на окончательную победу в этой войне, ибо столь немногие при таком численном превосходстве врагов добились столь блистательного успеха.

168. Луций Гиберий тяжело переносил эти постигшие его неудачи и одолеваемый треволнениями души, принимал то одно, то другое решение, колеблясь продолжать ли начатые против Артура военные действия или удалиться в Августодун и там дожидаться помощи от императора Льва[1]. Успокоившись после приступа страха и намереваясь выступить следующей ночью в названный город, он занимает со своими войсками Ленгрии[2]. Когда об этом извещают Артура, тот загорается желанием преградить ему путь и с наступлением темноты, обойдя Ленгрии слева, входит в долину, по которой предстояло пройти Луцию и которая прозывалась Сиезией[3].

Намереваясь расставить своих соратников отрядами, он приказал одному легиону, который возглавлял военачальник Хоел, остаться на месте, дабы, если в этом окажется надобность, знать, куда отойти, и, приведя в порядок расстроенные ряды, возобновить битву с врагами. Разбив всех прочих на семь отрядов, он положил каждому из них состоять из пяти тысяч пятисот пятидесяти пяти человек, полностью оснащенных оружием. Часть этих созданных им отрядов он располагает в конном строю, часть — в пешем и отдает приказание, чтобы конный отряд, пока пеший будет готовиться к натиску, обойдя пеших воинов сбоку и сомкнутыми рядами налетев на врага, старался его рассеять. Пешие отряды, как повелось у бриттов, были расставлены четырехугольниками с крыльями справа и слева. Одним из отрядов командовали наместник Альбании Ангусель и Кадор, наместник Корнубии, первый на правом крыле, второй на левом; другим — два выдающихся военачальника, а именно, Герин Карнотский и Бозон из Ридикена, который на языке саксов называется Оксенфорд; третьим — Асхилл, король данов, и норвежский король Лот; четвертым — Хоел, вождь арморикансккх бриттов, и Вальваний, племянник короля. За этими четырьмя отрядами были поставлены позади другие четыре, первый из них возглавляли кравчий Кай и виночерпий Бедуер; второй находился под началом вождя рутенов Хольдина и вождя пиктавов Гвитарда, третий — Югена из Легецестрии и Ионатала Дорецестрийского, а также Курсалема из Кайцестрии, четвертый — Урбгения из Бадона. Вслед за этим Артур избрал для себя и для того легиона, который, как он пожелал, находился при нем, удобное место, где водрузил золотого дракона, каковой

был у него вместо знамени и к каковому надлежало стекаться раненым и обессиленным, если им это понадобится, точно в лагерь. Насчитывалось же в том легионе, что был при нем, шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть человек.

169. Расставив описанным образом войско, он обращается к своим сотоварищам со следующими словами: «Соотечественники мои, возвеличившие Британию и повергшие к ее стопам тридцать различных государств, поздравляю вас с вашей отвагою, недостатка в которой в вас отнюдь не заметно и которая, как я считаю, превыше всяких похвал. Хотя в течение пяти лет вы бездействовали, хотя до сего времени предавались в большей мере утехам праздности, чем упражнениям в ратном труде, тем не менее вы не растеряли врожденной доблести, но, сохранив ее, принудили беспорядочно бежать римлян, которые, подстрекаемые своею надменностью, возжаждали лишить нас свободы и, наступая на нас с численным превосходством, начали навязывать нам сражения, однако, будучи не в силах остановить ваш натиск, позорно отошли в этот город, из коего ныне собираются выступить и направиться в Августодун по этой самой долине, где вы сможете сойтись с ними в битве и перерезать их, ничего не подозревающих, словно овец. Пока они тщились превратить вашу родину в свою данницу, а вас — в подъяремных рабов, им мнилось, что вам, и вправду, свойственны вялость и леность восточных народов. Ужели ничему их не научили войны, которые вели с данами, норвежцами и вождями галлов, каковые народы вы подчинили моему господству и избавили от постыдного римского владычества? Одолев в более тяжелой борьбе, мы несомненно возьмем верх и в более легкой, если вы с равным рвением постараетесь раздавить этих полумужчин. Какими только угодьями не завладеет каждый из вас, если вы, как подобает моим верным соратникам, будете оказывать полное повиновение моей воле и моим приказаниям! Разгромив врагов, с которыми нам предстоит столкнуться, вы дойдете до самого Рима, а, дойдя до него, мы им овладеем, а овладев, захватим в нем, как победители, золото, серебро, дворцы, башни, крепостные стены, принадлежащие ему города и бесчисленные другие богатства».

Выслушав его речь, все, как один, громкими кликами выражают ему свое одобрение, готовые скорее расстаться с жизнью, чем бежать с поля сражения, пока он жив.

170. Узнав о готовившейся ему западне, Луций Гиберий все же решил не уклоняться от битвы, которую он страстно желал, и, набравшись решимости, вошел в названную долину; и, собрав своих военачальников, он сказал им нижеследующее: «Достопочтенные отцы, чьей воле должно повиноваться как восточным, так и западным королевствам, не забывайте о предках ваших, которые, дабы одолеть противников нашего государства, не страшились проливать свою кровь, но оставив потомкам образцы доблести и боевых подвигов, дрались так, словно бог сотворил их бессмертными. Они часто одерживали победы и, побеждая, уходили от смерти, ибо она настигает только того, кому предназначил ее божественный промысел. Государство наше росло и крепло, росла и крепла их доблесть, а добропорядочность, честь и щедрость, обычно свойственные благородным мужам,

пребывали в них неизменно и обеспечили как им самим, так и потомкам их господство над миром. Стремясь оживить в ваших душах память об этом, увещеваю вас преисполниться вашим обычным мужеством и, упорствуя в нем, кинуться на ваших врагов, устроивших нам в долине засаду, и самоотверженно отстаивать то, что является нашей неотъемлемой собственностью. Никоим образом не подумайте, что я вошел в этот город, опасаясь бриттов или сражения с ними; я это сделал в надежде, что они легкомысленно поспешат вслед за нами, а мы, выступив им навстречу, нападем на них, отделившихся от своего войска, и их разгромим. Но ныне, поскольку они поступили иначе, чем мы ожидали, поступим иначе и мы. Итак, устремимся вперед и смело на них нападем, а буде они нас упредят, необходимо стойко сопротивляться, отразить первый их натиск, и тогда, вне сомнения, мы восторжествуем над ними. Ведь в большинстве битв случалось так, что кто устоял в первой схватке, тот чаще всего выходил победителем».

По окончании его речи, в которой он говорил и о многом другом, все, как один, выразив ему свое одобрение и клятвенно заверив его в преданности союзных отрядов, торопятся вооружиться. Вооружившись, они выступают из Ленгрий и входят в вышеназванную долину, в которой Артур расставил свои отряды. Вскоре и римляне тоже распределили свою конницу и пехоту на двенадцать клинообразных соединений, причем в каждом легионе, построенном по их обыкновению клином, состояло шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть воинов. Одно из этих соединений они отдали под начало Луция Кателла и царя Испании Алифатимы, другое — Гиртация, царя парфян, и сенатора Мария Лепида; третье — Бокха, царя мидян и Гая Метелла, сенатора; четвертое — Сертория, царя Ливии, и сенатора Квинта Мильвия. Эти четыре соединения были поставлены впереди. За ними находились другие четыре, из которых одно они поручили Сарсу, царю итурейцев; другое — Пандрасу, царю Египта; третье — Тевкру, наместнику Фригии; четвертое — наместнику Вифинии Политету. Позади них располагались последние четыре соединения, первым из коих командовал сенатор Квинт Каруций; вторым — Лелий Остийский [1]; третьим — Сульпиций Субукул; четвертым — Маврикий Сильван. Сам Луций Гиберий переходил из одного в другое, внушая и разъясняя, как им надлежит действовать. Посредине он велел поставить и закрепить золотого орла, который был ему вместо знамени, и наказал, чтобы всякий, кого превратности битвы оторвут от своих, старался пробраться к его орлу.

171. После того, как, изготовившись к бою, бритты и римляне стали друг против друга и внезапно, по поданному трубами знаку, соединение, что вели царь Испании и Луций Кателл, смело кинулось на тот отряд, которым командовали наместники Скоттии и Корнубии, но, стремительно бросившись на него, как ни старались, не могли расчленить. Навстречу этому ожесточенно наседавшему соединению поспешно вышел отряд, во главе коего стояли Герин и Бозон, и пока первый отряд отражал, как сказано, нападавших, внезапно бросил на врагов свою конницу, прорвавшую их ряды и налетевшую на соединение парфянского царя, которое тот вел против отряда Асхилла, короля данов. И вот, уже повсюду несутся

воины обеих сторон, прорывая вражеские ряды, и всюду закипает свирепый бой. Противники беспощадно разят друг друга; раздаются предсмертные вопли, головы и пятки умирающих судорожно бьются о землю, жизнь из них отлетает вместе с вытекающей кровью. Но жестокий урон потерпели сначала бритты, так как был убит Бедуер, виночерпий, и смертельно ранен Кай, кравчий. Бедуер, пронзенный копьем Бокха, на которого собирался наброситься, рухнул мертвым среди неприятельских воинов, а кравчий Кай, намереваясь отмстить за него и проникнув ради этого в гущу врагов, получил смертельную рану. Как подобает доброму воину, он пробился со своим конным отрядом сквозь вражеские ряды, рассеивая и рубя мидян, и вывел бы свой отряд целым и невредимым, если бы не наткнулся на соединение царя Ливии, которое, обрушившись на него, разметало и раскидало его доблестных всадников; тем не менее, вырвавшись из окружения с немногими воинами, Кай с телом Бедуера добрался до золотого дракона. О сколь горестны были стенания эструзийцев, когда они увидели тело своего вождя, истерзанное столькими ранами! О сколь безудержны были рыдания андекавов, старавшихся всевозможными способами облегчить раны своего наместника! Но было тогда не до жалоб, ибо повсюду набрасывались друг на друга противники с окровавленными мечами и остриями копий и не оставляли времени на скорбные вопли, так как настоятельно требовалось позаботиться и о защите себя самих.

172. И вот, племянник Бедуера Хирельгас, потрясенный гибелью дяди и обуреваемый жаждою мести, собрав вокруг себя триста своих, заприметил место, где находилось знамя царя мидян и, пробиваясь сквозь гущу врагов, ринулся туда со своими всадниками, словно вепрь на стаю собак, не помышляя о том, чем это может для него обернуться. Прорвавшись к месту, которого так пылко желал достигнуть, он убил названного царя, убитого доставил к своим и, положив возле виночерпия труп доставленного, искромсал его ножевыми ударами. Затем, воодушевив громким кличем отряды своих соотечественников, он стал призывать их кинуться на врагов и неустанно наносить тем удары, пока в них самих не остыла доблесть, пока у врагов, объятых ужасом, трепещет грудь, пока бритты, составляя единое целое, расставлены разумнее, чем воины противника, сражающегося толпами, и в состоянии непрерывно бросаться на них и причинять им жестокий урон. Воодушевленные его увещанием, они отовсюду кидаются на врагов, и в происшедшем побоище погибло множество как одних, так и других. Со стороны римлян, не говоря уже о бесчисленных прочих, пали царь Испании Алифатима, Миципса Вавилонский, а также сенаторы Марий Лепид и Квинт Мильвий. Со стороны бриттов были убиты Хольдин, предводитель рутенов и Леодегарий Болонский, а также три британских наместника: Курсалем Кайцестерский, Гвалаук Солесберийский и Урбгений из Бадона.

173. По этой причине отряды, чьи вожди были перебиты, изрядно ослабленные и потрепанные, отступили к своим и добрались до строя арморикanских бриттов, коими начальствовали Хоел и Вальваний. Пылая, как пламя, арморикanские бритты кинулись на врагов и, увлекши за собой отступивших и искавших у них поддержки, обратили в бегство только

что преследовавших тех по пятам. Преследуя теперь их, в свою очередь, убегающих, они разят, убивают и не прекращают гнаться за ними, пока не добираются до легиона самого императора, который, заметив, в каком бедственном положении оказались союзники, спешит к ним на выручку.

В начале этого боя бритты понесли большие потери. Пали Химаркок, правитель Тригерии[1], и две тысячи его воинов. Пали также три именитых сановника: Рикомарк, Блоковий и Лагвий из Бодлоана. Когда бы они были королями, будущие века прославляли бы их за доблесть. Ведь в том натиске, в который они ринулись вместе с Хоелом и Вальванием, ни один сошедшийся с ними враг не избежал гибели от их копья или меча. Но после того, как они наскочили на легион Луция, их вместе с названным правителем[2] и правителями окружили римляне и перебили. Хоел и Вальваний — витязи, доблестнее которых не породили и предшествующие века, узнав в сколь бедственном положении оказались их сотоварищи, стали еще настойчивей пробиваться вперед и, устремляясь то туда, то сюда, один с одной стороны, второй — с другой, накидывались на клин императора. Все снова и снова воспламеняясь отвагой, Вальваний старался прорваться к Луцию и как храбрейший воин налетал на врагов, налетая валил их наземь, поваленных убивал. Хоел, не уступая Вальванию, крушил с другой стороны, воодушевлял и звал за собою своих, поражая противника, бестрепетно принимал наносимые ему вражеские удары, и не было ни мгновения, чтобы или на него не обрушивались враги или он сам не обрушивался на них. И не легко было понять, кто из них превосходит другого.

Продолжая настойчиво, как сказано выше, пробиваться сквозь неприятельские ряды, Вальваний прорвался, наконец, что было его заветною целью, туда, где стоял император и, кинувшись на него, с ним схватился. Но Луций, пребывавший в цвету первой молодости, отличался необыкновенной отвагой, необыкновенной телесною силой, необыкновенною доблестью, и ничего так не хотел, как сойтись в единоборстве с таким воином, который принудил бы его проверить, чего он стоит в бою. Сопротивляясь Вальванию, он гордился и радовался, что ему довелось столкнуться со столь прославленным витязем, каким, как он слышал, был тот. Вступив в поединок, они мощными ударами осыпают друг друга, отражают их выставленными перед собою щитами, и каждый стремится поразить своего противника насмерть. И в то время, как они бьются со все бóльшим ожесточением, воспрявшие духом римляне кидаются на армориканцев и, выручив своего императора, оттесняют, истребляя их воинов, Хоела, а также Вальвания, пока те, неожиданно для себя, не добираются до Артура и его легиона.

174. Услышав об избиении, которому только что подверглись его сотоварищи, Артур во главе легиона бросился на противника и, обнажив свой несравненный меч Калибурн, во весь голос стал воодушевлять своих, обратившись к ним с такими словами: «Как же вы бьетесь, мужи? Почему дозволяете этим бабам, вашим врагам, уходить от вас невредимыми? Да не ускользнет живым ни один из них! Помните о ваших десницах, которые, закаленные в стольких битвах, подчинили мне тридцать королевств. Пом-

ните о предках ваших, которых римляне, пока были сильнее нас, обратили в своих данников! Помните о вашей свободе, которую эти полумужи, сломив вашу волю, жаждут у вас отнять. Да не уйдет ни один из них отсюда живым! Да не уйдет! Как же вы бьетесь?» Выкликая это и многое другое, он наскочил на врагов, валя их наземь, поражая насмерть, и кто бы ни попадался ему навстречу, того или его коня он убивал с одного удара. И враги бежали от него, как дикие животные от свирепого льва, которого яростный голод заставляет пожирать все живое, что бы ему ни доставил случай. Доспехи неприятельских воинов были им ни к чему, ибо Калибурн, подъятый десницею столь доблестного короля, сражал их насмерть. Двух царей, Сертория — Ливии и Политета — Вифинии, он отправил, на их несчастье, срубив им головы, в Тартар. Видя, как их король дерется описанным образом, бритты смелеют, единодушно накидываются на римлян, продвигаются сомкнутыми рядами и, пока с одного боку нажимают пешие, всадники стремятся с другого опрокинуть противника и врезаться в его гущу. Однако римляне упорно сопротивляются и по призыву Луция, славного своего повелителя, силятся отплатить бриттам за нанесенный урон. Оба стана сражаются с таким пылом и рвением, точно только что начали схватку. Все же Артур, разя врагов, как сказано выше, все чаще и чаще обращается к бриттам с увещанием стойко драться. Но и Луций Гиберий непрестанно взывал к своим и многократно увлекал их за собой на преславные подвиги. Он и сам не переставал наносить удары и, обходя ряды своих воинов, когда представлялся случай, убивал подвернувшегося врага копьем или мечом. Те и другие в этом ужасном побоище сеяли вокруг себя смерть, причем порою одолевали бритты, порою, напротив, римляне.

175. Наконец, пока между ними все еще шла столь жестокая сеча, вдруг наместник Клавдиоцестрии Мориуд во главе отряда, который, как я сказал, был размещен на холмах, стремительно кидается с тыла на не предвидевших этого неприятельских воинов, врывается во вражеские ряды [1], ворвавшись, рассеивает их и нещадно разит. Там пало несколько тысяч римлян. Именно тогда император Луций, оказавшийся в гуще дерущихся, погибает пронзенный чьим-то копьем. И бритты, продолжая сражаться, наконец, хотя и с величайшим трудом, одерживают победу.

Кучки разбитых римлян, гонимых страхом, укрываются частью в пустошах или лесах, частью бегут в города и крепости и другие надежнейшие, как им казалось, места. Неотступно гонясь за ними, бритты предают их жестокой смерти, захватывают в плен, обирают, так что преобладающая их часть добровольно и безропотно, словно женщины, протягивала им руки, чтобы победители их связали, лишь бы хоть немного продлить себе жизнь. И это было возмездием божьего промысла, ибо прародители разгромленных на этот раз римлян, терзали в давние времена своими вторжениями и злодействами их ни в чем неповинных предков, да и ныне потомки тех поработителей тщились отнять у бриттов свободу, но они встали грудью, дабы ее отстоять, отказавшись вносить несправедливо требуемую с них дань.

176. Итак, одержав победу, Артур повелел отделить тела своих приближенных от вражеских трупов, обрядить отделенных по-королевски, об-

ряженных отвезти в ближние аббатства и там с почетом предать земле. Виночерпия Бедуера эструзийцы с горестным плачем отвозят в Байоки [1], его родной город, построенный Бедуером первым, его прадедом. Там, на кладбище, на южной окраине города, он был достойным образом погребен у стены. Тяжело раненого Кеудона доставляют в возведенное им самим укрепление Кам [2], где он немного спустя и скончался от ран. Его похоронили в лесу, в обители монахов-отшельников, невдалеке от укрепления, с подобающими вождю андекавов почестями. Вождь рутенов Хольдин был отвезен во Фландрию [3] и погребен в своем городе Териване [4]. Остальные наместники и сановники, как распорядился Артур, были доставлены в находившиеся по соседству аббатства. Проникшись жалостью и к врагам, он приказал местным жителям предать их трупы земле, а тело Луция доставить сенату, веля ему передать, что требовать от Британии какую-либо другую дань отнюдь не следует. Затем по приходе зимы он задержался в этих краях и задумал покорить города аллоброгов. С наступлением лета, когда его охватило желание пойти на Рим и начать переход через горы, ему сообщили, что Модред, его племянник, на чье попечение он оставил Британию, самовольно и предательски возложил на себя королевский венец и что королева Геневера, осквернив первый свой брак, вступила с ним в преступную связь.

177. Высокородный властитель! [1] Гальфрид Монмутский на этом не остановится, но вкратце расскажет, хоть и низменным слогом, все то, что нашел в упомянутом, написанном на бриттском языке сочинении, а также слышал во многих беседах от Вальтера, Оксенфордского архидиакона, мужа ученнейшего, о сражениях, в которых прославленный этот король, возвратившись после одержанной им победы в Британию, бился с племянником. Когда до слуха Артура дошла весть о гнусном преступлении Модреда, он тут же отказался от задуманного похода на римского императора Льва и, оставив короля армориканцев Хоела с набранными из галлов войсками, дабы он усмирил эти края, немедленно со всеми островитянами, как королями, так и их подчиненными, возвратился в Британию. Вышеназванный коварнейший предатель Модред направил, между тем, вождя саксов Хелрика в Германию, дабы тот набрал там, сколько удастся, воинов и со всеми набранными поторопился вернуться. Он посулил, заключив с ним договор, отдать ему ту часть Британии, которая простирается от реки Хумбера до самой Скоттии, а также все то, чем владели в Кантии во времена Вортегирна Хорс и Хенгист. Вышеупомянутый Хелрик во исполнение повеления Модреда пристал к острову с восьмьюстами, полных вооруженными язычниками судов и, заключив союз с Модредом, повиновался этому предателю, словно своему королю. Тот привлек также скоттов, пиктов, ибернцев и еще кое-кого, кто, как он полагал, питал ненависть к его дяде. Всего у него насчитывалось около восьмидесяти тысяч человек, как язычников, так и христиан; поддержанный ими и сопровождаемый всеми этими полчищами, он выступил навстречу Артуру, который высаживался в гавани Рутупа, и, завязав с ним бой, нанес высаживавшимся на берег чрезвычайно тяжелый урон. В этот день пали наместник Альбании Ангусель и королевский племянник Вальваний, а также бесчисленное множество про-

чих. Ангуселю наследовал сын его брата Уриана Ивен [2], который позднее, в битвах с Модредом, прославил себя множеством деяний выдающейся доблести. Достигнув, наконец, правда не без больших трудов, берега и воздав как следует неприятелю за причиненные им потери, бритты обратили в бегство Модреда и его войско. Не давая противнику передышки, непрерывно тревожа его нападениями, Артур разумно расставил свои боевые порядки, состоявшие частично из пехоты, частично из конницы, так что, когда он выделял пехотный отряд для наступления или для обороны, конный, обойдя врагов сбоку, стремительно налетал на них, стараясь изо всех сил прорваться сквозь их ряды. Этим приемом он принуждал неприятеля к бегству. Вероломец Модред, собрав отовсюду своих приверженцев, следующей ночью отошел в Винтонию. Когда об этом узнала королева Геневера, ее охватило отчаяние, и она бежала из Эборака в Город Легионов, где, возложив на себя обет целомудрия, постриглась в монахини и укрылась среди них в храме Юлия Мученика.

178. Воспылав неистовым гневом, ибо лишился стольких сотен своих сотоварищей, Артур, предав погребению павших, на третий день подошел к Винтонии и осадил укрывшегося в ней негодяя. Тот, однако, не желая отступиться от начатого и всячески воодушевляя последовавших за ним, выступает из города со своим войском, решив скрестить оружие с дядей. В разразившейся битве в обоих станах погибло великое множество воинов, но так как потери Модреда намного превышали потери Артура, первому из упомянутых пришлось позорно покинуть поле сражения. Даже не озаботившись преданием земле своих мертвецов, он поспешно бежал в Корнубию, отплыв туда на ладье, быстро уносимой усилиями гребцов.

Раздраженный и встревоженный тем, что Модред снова от него ускользнул, Артур, не мешкая, последовал за ним по пятам в названную страну и дошел до реки Камблан [1], где тот его уже поджидал. На редкость смелый и неизменно рвущийся напасть первым, Модред сразу распределил своих по отрядам, решив победить или пасть, но впредь никоим образом не искать спасения в бегстве. Из указанного выше числа его приверженцев осталось шестьдесят тысяч, и он образовал шесть отрядов по шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть вооруженных в каждом. Кроме того, один отряд он составил из не вошедших в вышеуказанные отряды и, назначив всем этим войскам предводителей, вручил им командование над ними. Итак, распределив воинов по отрядам, он воодушевляет их обещанием раздать владения своих недругов тем, кто будет отважно сражаться, пока он не одержит победы. Артур тоже поставил своих лицом к неприятелю. Он разделил их на девять пехотных соединений с правыми и левыми крыльями, расставленными четырехугольниками, и, препоручив их начальникам, обращается к воинам с увещанием беспощадно истреблять клятвопреступников и разбойников, каковые, призванные из заморских земель предателем и негодяем и доставленные на остров, жаждут их сокрушить и покрыть позором. Он сказал и о том, что всевозможные чужестранцы из всевозможных королевств трусливы и в военном деле несведущи и никак не смогут устоять против них, доблестных и закаленных мужей, за плечами которых опыт многих боев, если они, воспламененные

единым порывом, отважно устремятся на тех и мужественно с ними сразятся. И вот, после того как такие и подобные им призывы прозвучали в обоих станах, ряды противников внезапно приходят в движение и, рванувшись вперед, они сходятся в битве и начинают осыпать друг друга ударами. С той и другой стороны гибнет такое множество воинов, раздается столько стенаний раненых и умирающих, такие яростные вопли несущихся на врага, что описывать все это и горестно и нелегко. Ведь повсюду наносили и получали раны, повсюду убивали или валились убитыми. По истечении большой части дня, прошедшей в ожесточенных схватках, Артур во главе отряда, в котором насчитывалось шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть человек, кинулся на отряд, где, как он знал, находился Модред, и проложив мечами дорогу сквозь толщу врагов, нашел его и предал жестокой смерти. Пал и этот гнусный предатель и вместе с ним пали многие тысячи, но после его гибели остальные все же не разбежались, а, собравшись со всего поля битвы, пытаются, в меру своего мужества, сопротивляться. И вот между ними завязывается жесточайшая сеча, в которой полегли почти все военачальники обеих сторон вместе со своими отрядами. В стане Модреда полегли саксы Хелрик, Элафий, Эгбрикт, Бруниг; иберннцы: Гиллопатрик, Гилламор, Гилласель, Гилларн, а также скотты и пикты, с почти всеми своими начальниками; в стане Артура — король Норвегии Обрикт, король Дании Асхилл, Кадор Лименик и Кассибелан со многими тысячами своих, как бриттов, так и воинов из различных племен, которых они привели с собою. Но смертельную рану получил и сам прославленный король Артур, который, будучи переправлен для лечения на остров Аваллона[2], оставил после себя корону Британии Константину, своему родичу и сыну наместника Корнубии Кадора. Случилось же это в пятьсот сорок втором году от воплощения господа.

179. По короновании Константина, восстали саксы и два сына Модреда, но неудачно и одолеть нового короля не смогли; бежав после многих схваток, один — в Лондон, другой в Винтонию, они овладели этими городами.

В это время скончался святой Даниил, благочестивейший настоятель бангорской[1] церкви, а Теон, епископ глоуцестерский, рукополагается архиепископом лондонским. Упокоился тогда же в городе Меневии и святейший архиепископ Города Легионов Давид, усопший в своем аббатстве, которое он отличал своею любовью больше прочих монастырей подвластной ему епархии и которое основал присноблаженный Патрик[2], предсказавший его рождение. Задержавшись у собратий своих и вдруг тяжело заболев, он здесь и скончался и по приказанию Мальгона, наместника венедотов, был погребен в той же церкви. Вместо него на архиепископство назначается настоятель лампатернской[3] церкви Кинок и возводится, таким образом, в более высокий духовный сан.

180. Что касается Константина, то, погнавшись за саксами, он их разгромил, а также занял вышеназванные города и, обнаружив того из Модредовых сыновей, который бежал в Винтонию и укрылся в церкви святого Амфибала, убил его у алтаря, а второго, затаившегося в обители некиих братьев, предал мучительной смерти в Лондоне и также около алтаря.

На третьем году своего царствования он и сам был убит Кунаном и погребен возле каменного сооружения, поразительно искусно построенного близ Салесберии и на языке англов носящего название Станхенг [1].

181. Наследовал Константину его племянник Аврелий Конан, молодой человек поразительной доблести, который, единодержавно правя всем королевством, был бы вполне достоин королевской короны, не будь он таким охотником до междоусобных распрей. Ведь он напал и на другого своего дядю, к которому должен был перейти престол Константина, и, бросив того в темницу, убил двух его сыновей, после чего и завладел королевством. Умер он на второй год своего царствования.

182. Ему наследовал Вортипорий, на которого поднялись саксы, призвавшие из Германии своих соплеменников, приплывших в Британию на огромном числе кораблей. Он вступил с ними в сражение и, их одолев, стал единодержавным властителем королевства, которым ревностно правил в мире на протяжении шести лет.

183. Ему наследовал Мальгон, из всех правителей Британии самый красивый, гонитель и истребитель многих злодеев, выдающийся воин, превосходивший всех свойственной ему щедростью и широко прославленный своей доблестью, но зараженный содомской чумой [1] и потому ненавистный богу. Он покорил весь остров и, проведя кровопролитнейшие сражения, присоединил к своему государству шесть островов [2], лежащих на океане поблизости от Британии, а именно Ибернию, Исландию, Годландию, Оркадию, Норвегию и Данию.

184. Ему наследовал Каретик, тоже любитель междоусобных войн, ненавистный богу и бриттам; убедившись в его непостоянстве и ненадежности, саксы переметнулись к Гормунду, царю африканцев [1], и перебрались в Ибернию, куда тот приплыл с огромным числом кораблей и где подчинил себе народ этой земли. Затем благодаря их предательству, он беспрепятственно переправился со ста шестидесятью тысячами африканцев на остров Британию, который опустошали и разоряли, с одной стороны, вероломные саксы, а с другой — коренные его обитатели, непрерывно затевавшие между собой братоубийственные войны. Итак, заключив союз с саксами, он напал на короля Каретика и после многих битв обратил его в бегство, заставив покидать город за городом, пока не загнал в Цирецестрию, которую осадил. К Гормунду прибыл туда Изембард, племянник Лодевика, короля франков, и заключил с ним договор о дружбе. Из-за этого соглашения и любви к царю африканцев он отрекся от христианской веры, которую исповедывал, дабы с помощью упомянутого царя отнять у дяди галльское королевство, из коего тот, как он говорил, насильственно и несправедливо его изгнал. Захватив Цирецестрию и предав этот город огню, Гормунд вступил в бой с Каретиком и отбросил его за Сабрину в Валлию. Вслед за тем, опустошив пашни, он сжег некоторые ближние города. И он не прекращал этих поджогов, пока не спалил от моря до моря почти все, что было на поверхности острова, так что преобладающее большинство селений, разбитых таранами, было обращено в развалины, а непогребенные трупы крестьян и церковнослужителей, при том, что повсюду сверкали клинки подъятых мечей и ревело пламя, усеивали собою

землю. Уцелевшие бежали от столь страшных бедствий, уповая, что в предстоящих скитаниях обретут, наконец, для себя спасение и пристанище.

185. О несносное племя, раздавленное грузом чудовищных преступлений, постоянно алчущее междоусобных распрей, ужели ты до того истощило себя междоусобицами, что державшее некогда в своей власти далеко отстоящие царства и королевства уподобилось доброму, но одичавшему винограднику, который родит лишь горькие гроздья, и ныне неспособно оберегать отечество, а также жен и детей твоих? Ну что же, упорствуй, упорствуй в раздорах, не понимая сказанного в евангелии: «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, и дом, разделившийся сам в себе, падет» [1]. И так как царство твое в самом себе было разделено, и так как ярость братоубийственной смуты и пагубное дыхание зависти затемнили твой разум, и так как твоя надменность не допустила, чтобы ты повиновалось лишь одному государю, ты и зришь пред собою, что твоя родина повержена в прах нечестивейшими язычниками, что дома ее рушатся на дома, что потомки твои будут погружены в скорбь и печаль. Ведь им предстоит узреть, как детеныши чужеземной львицы владеют их городами, поселками и другим достоянием, а сами они, изгнанные и прозябающие, или никогда больше не обретут былого достоинства или обретут его нескоро и с величайшим трудом.

186. После того, как беспощадный злодей вместе со своими неисчислимыми африканскими воинами опустошил, о чем сказано выше, почти полностью остров, бóльшую его часть, которая называлась Лоегрией, он предоставил саксам, благодаря предательству коих высадился в Британии. Остатки бриттов отошли в западные области королевства, а именно в Корнубию и Валлию, откуда непрерывно предпринимали ожесточенные вылазки на врага. Лондонский архиепископ Теон и эборакский — Тадиоцей, видя, что все подведомственные им церкви лежат в развалинах, бежали с уцелевшим в таких испытаниях духовенством в лесные дебри Валлии, унеся с собой мощи святых, ибо страшились, как бы нашествием чужестранцев не было уничтожено столько священных останков их столь прославленных пращуров, если бы в час грозной опасности они бросили эти святыни на произвол судьбы, а сами приняли мученический венец. Очень многие духовные лица на многих судах переправились в Британию арморикансую, так что церковь двух областей, то есть Лоегрии и Нортанумбрии, лишилась своих монастырских обителей. Но об этом я поведаю в другом месте, когда переведу книгу об их исходе.

187. Затем бритты надолго утратили господство на острове и не знали над собой единодержавного государя; больше того, они и не стремились вернуть себе былое достоинство, и даже та часть страны, куда они удалились, подчинялась не одному властителю, а трем злодеям, которые непрестанно разоряли ее распрями между собой. Но и саксы все же не добились господства на острове; подчиняясь тоже трем властвовавшим над ними королям, они порой ввергали в бедствия бриттов, а порой и самих себя.

188. Между тем папа святой Григорий направил в Британию Августина [1], дабы он проповедывал слово божие англам, которые, ослеплен-

ные языческим суеверием, изничтожили христианство в занятых ими областях острова. В землях, принадлежавших бриттам, неколебимо, однако, держалась принятая при папе Элевтерии христианская вера и никогда не приходила в упадок. Прибыв к ним, Августин нашел тут семь епископств и архиепископство во главе с благочестивейшими владыками, а также многочисленные аббатства, в которых стадо господне блюло праведность и благолепие. Среди прочих в городе Бангор существовало некое прославленное аббатство, в котором было столько монахов, что когда его разделили на семь обителей, поставив над каждой из них своего настоятеля, то оказалось, что ни в одной из этих обителей не насчитывалось менее трехсот монахов, каковые жили трудом рук своих. Их аббат, именовавшийся Диноотом, был поразительно сведущ в свободных науках. Этот Диноот, приведя веские доводы, доказал Августину, который требовал от бриттских епископов подчинения и настаивал, чтобы они разделили с ним труды по обращению в христианскую веру англов, что эти епископы отнюдь не обязаны ему подчинением и ни в малой мере не подобает навязывать своим недругам проповедь, не потому что духовные лица бриттов имеют над собой своего архипастыря, а потому, что племя саксов упорно стремится отнять у бриттов родину. Поэтому они питают к англам неутолимую ненависть, ни во что не ставят их обряды и верования, и никогда не смотрели на них иначе, чем на псов.

189. Король Кантии Эдельберт, узнав, что бритты отказали в повиновении Августину и неприязненно отнеслись к его призыву совместно с ним проповедывать англам слово господне, воспринял это, как наитягчайшее оскорбление и подговорил Эдельфрида, короля Нортанумбрии, и некоторых саксонских князьков двинуться, собрав сильное войско, на город Бангор и расправиться там с аббатом Диноотом и остальными духовными лицами. И вот, вняв его наущению, они набрали огромное войско и, ворвавшись в край бриттов, подошли к Легецестрии, где правитель города Брокмайл поджидал их прихода. В этот город из различных областей бриттов и особенно из Бангора стеклись бесчисленные монахи, а также отшельники, дабы вознести молитвы о благе своего народа. Итак, подтянув отовсюду войска, Эдельфрид, король Нортанумбрии, вступил в битву с Брокмайлом, который, оказав сопротивление с намного меньшим, чем у врагов, числом воинов и оставив, в конце концов, город, бежал из него, все же нанеся неприятелю тяжелый урон. Установив причину пребывания в Легецестрии стольких монахов, Эдельфрид приказал обратить оружие прежде всего против них и, таким образом, тысяча двести бриттов, приявших в тот же день мученический венец, удостоились царствия небесного. В дальнейшем, когда вышеупомянутый повелитель саксов пошел на город бангорцев, против него отовсюду выступили, прослышав о его зверствах, военачальники бриттов, а именно Бледерик, наместник Корнубии, Маргадуд, король деметов, Кадван — венедотов, и, завязав с ним сражение, не только вынудили его израненного бежать, но и перебили множество вражеских воинов, а именно десять тысяч шестьдесят семь человек. В стане бриттов пал властитель Корнубии Бледерик, чья гибель предоставила другим начальствовать в последующих битвах.

190. Вслед за тем, собравшись в городе Легецестрии, бриттские правители избрали королем над собою Кадвана, дабы преследовать под его водительством Эдельфрида за Хумбером. После возложения на Кадвана королевской короны поддержанные множеством нахлынувших отовсюду бриттов, они переправились через Хумбер. Эдельфрид, извещенный об этом, объединился со всеми королями саксов и выступил навстречу Кадвану. И вот, когда войска противников уже стояли в готовности друг против друга, прибыли друзья обоих военачальников и склонили их к заключению мира с тем, чтобы Эдельфрид владел той частью Британии, что простирается по ту сторону Хумбера, тогда как Кадван — землями по этому берегу. Закрепив свой договор обменом заложниками и клятвою, они до того подружились, что все у них стало общим. Между тем случилось, что Эдельфрид, прогнав жену, взял за себя другую и, питая к прогнанной жгучую ненависть, выслал ее из королевства нортанимбров. Нося у себя в чреве ребенка, она предстала перед королем Кадваном, умоляя его вмешаться и воссоединить ее с мужем. Так как Кадвану, несмотря на его старания, добиться этого не удалось, она осталась жить у него в покоях вплоть до рождения сына, коим была беременна и коего произвела на свет божий. Родился же этот ребенок немного спустя после разрешения — и тоже сыном — супруги Кадвана, ибо и та была беременна одновременно с женой Эдельфрида. И вот обоих мальчиков воспитали, как приличествовало отпрыскам повелителей. Одного из них, то есть сына Кадвана, нарекли Кадваллоном, а другого — Эдвином. Между тем, когда они подросли и достигли возраста юношей, родители отправили их к Соломону, королю бриттов Арморики, с тем, чтобы, находясь у него при дворе, они превзошли военное дело и усвоили придворные обычаи и правила утонченного поведения. Они были радушно приняты королем Соломоном, и он их настолько приблизил к своей особе, что при дворе не было ни одного их сверстника, который мог бы себе позволить так откровенно или так шутливо беседовать с государем. В последующем они часто участвовали в боях, дерясь с врагами у него на глазах, и прославили себя доблестными деяниями.

191. По прошествии известного времени, после кончины родителей оба юноши вернулись в Британию и, унаследовав после них королевскую власть, поддерживали между собой такую же дружбу, какая объединяла ранее их отцов. Два года спустя Эдвин попросил Кадваллона дозволить ему возложить на себя королевский венец и торжественно, как положено, отпраздновать это событие на земле нортанимбров, подобно тому, как по издавна установленному обычаю сам Кадваллон увенчал себя королевской короной на этой стороне Хумбера. Случилось, что, когда возле реки Дуглас шло совещание, на которое оба государя послали своих наиболее благоразумных сановников, дабы все было улажено теми как можно лучше, Кадваллон лежал на другом берегу на коленях своего сидевшего на земле племянника, носившего имя Бриан. Пока гонцы сновали туда и сюда, доставляя различные донесения и указания, Бриан расплакался, и слезы, проливаемые его глазами, стали капать на лицо и бороду Кадваллона. Тот, подумав, что начался дождь, поднял голову и, увидев, что юноша плачет, спросил его о причине столь внезапно нахлынув-

шей грусти, и Бриан сказал так: «И мне, и всему роду бриттскому подобает плакать, не осушая очей. Ведь со времен Мальгона его непрерывно терзают нашествия чужеземцев, и он все еще не обрел властителя, который возвратил бы ему былое достоинство. А теперь и та ничтожная доля почета, которая у него сохранялась, из-за твоего попустительства, сокращается еще больше, так как пришельцы саксы, неизменно предававшие бриттов, начинают увенчивать себя королевской короной в их собственном королевстве. Возвышенные королевским титулом, они успешнее и легче смогут вызывать наиболее славных своих соплеменников из страны, откуда прибыли сами, и еще упорнее добиваться истребления нашего народа под корень. Ведь они привыкли постоянно обманывать и не держать своего слова, вот почему я думаю, что надлежит их обуздывать, но ни в коем случае не возвышать. Когда их впервые удержал при себе король Вортегирн, они остались на острове, ведя себя какое-то время тихо и мирно и притворяясь, что готовы сражаться за его земли, но когда сочли возможным открыто проявить свою подлость, то, воздав злом за добро, предали его и свирепо расправились с населением королевства. Вслед за тем предали они и Аврелия Амброзия, которому после страшных клятв, тем не менее поднесли на пиру отраву[1]. Предали они и Артура, когда вместе с Модредом, его племянником, презрев соглашения, которыми были связаны, обратили против него оружие. Наконец, лживо пообещав сохранять верность королю Каретику, они натравили на него царя африканцев Гормунда, вторжение коего лишило соплеменников наших отчизны[2] и повело к позорному изгнанию вышеназванного нашего государя».

192. Выслушав сказанное Брианом, Кадваллон раскаялся, что начал переговоры о коронации Эдвина и повелел сообщить тому, что, как он ни старался склонить своих советников дать согласие на его просьбу, ему это не удалось. Они, мол, указывали ему, что подчинять остров, принадлежащий одной короне, двум венценосцам значит итти наперекор праву и установившимся испокон веков порядкам. Разгневанный Эдвин, прекратив переговоры, удалился к себе в Нортанумбрию, утверждая, что обойдется и без согласия Кадваллона и, несмотря ни на что, увенчает себя королевской короной. Когда эти слова были переданы Кадваллону, он через гонцов пригрозил Эдвину отсечь ему голову вместе с короною, буде тот посмеет короноваться в Британии.

193. Итак, между ними возникла распря. Началось с того, что их люди стали часто затевать схватки друг с другом и, наконец, оба государя сошлись по ту сторону Хумбера; потеряв в разразившейся битве много тысяч своих, Кадваллон обратился в бегство; укрывшись сначала в Альбании, он затем переправился на остров Ибернию. А Эдвин, восторжествовав над противником, повел свое войско по землям бриттов, сжигая их города и подвергая бесчисленным грабежам и насилиям горожан и землепашцев. Пока он продолжал свирепствовать, Кадваллон неоднократно пытался вернуться морем на родину, но всякий раз терпел неудачу, ибо в какую бы гавань он ни пытался войти, Эдвин, выйдя со своими полчищами навстречу, преграждал ему доступ в нее. Ведь к нему прибыл из Испании некий премудрый гадатель по имени Пеллит, который, изучив

полет птиц и движение небесных светил, предсказывал по ним все грозившие ему беды. Вот почему, заранее осведомленный о предстоящем возвращении Кадваллона, Эдвин устремлялся ему навстречу, разбивал его корабли, так что все находившиеся на них тонули в водной пучине, и не допускал войти в гавань. Не зная, что ему предпринять, отчаявшись в возможности возвращения, Кадваллон задумал отправиться к Соломону, королю арморикансских бриттов, и попросить у того помощи и совета, как бы ему вернуть себе королевство.

Когда они плыли к Арморике, внезапно налетели страшные бури и разбили корабли с его спутниками, которых поглотила пучина, при этом уцелел только тот, на коем находился он сам. Кормчего королевского корабля охватил неодолимый страх, и, дозволив гребцам побросать весла, он предоставил корабль на волю судьбы. Бешеные волны всю ночь швыряли его туда и сюда, подвергая смертельной опасности бывших на нем, пока, наконец, на заре нового дня они не приблизились к острову, носящему название Гарнарея[1], и с превеликим трудом не добрались до суши. Кадваллона одолели такие ярость и скорбь из-за гибели его спутников, что трое суток он отказывался от пищи и, вконец ослабев, лежал без движения. На четвертый день он ощутил голод, и ему неодолимо захотелось поесть дичины. Призвав Бриана, он рассказал ему о своем страстном желании. Тот, прихватив лук с колчаном, принялся обходить остров, дабы, если представится случай, добыть дичи и приготовить для Кадваллона еду. Но обойдя весь остров, он не нашел того, что искал, и погрузился в горестные раздумья, так как не мог угодить влечению своего господина. Он опасался, как бы тот не умер от слабости, если не удовлетворит своей потребности в свежем мясе. И вот он придумал нечто доселе неслыханное: он разрезал себе бедро, отделил от него кусок и, выстругав вертел, изжарил на нем этот кусок, после чего отнес к королю Кадваллону, выдав его за дичину. Тот, считая, что перед ним, и вправду, мясо дикого зверя, принялся его есть и насыщаться, дивясь, что такого отменного вкуса он ни в каком другом мясе доселе не находил. Насытившись, король повеселел и обрел подвижность, а еще через трое суток совершенно поправился.

194. Дождавшись попутного ветра, они готовят снасти своего корабля к отплытию и, подняв парус, пускаются бороздить океанские воды и пристают, наконец, к городу Кидалета[1] Царь Соломон, к которому они поспешили явиться, их благосклонно принял и воздал им должные почести, а узнав о причине прибытия Кадваллона, пообещал ему помощь, сказав нижеследующее: «Нам очень прискорбно, достойные юноши, что земля пращуров наших угнетена чужестранцами, и вы бесстыдно из нее изгнаны: при том, что всем прочим людям удается оберегать свои королевства, непостижимо, почему ваш народ упустил столь плодородный остров и не в состоянии противиться племени англов, почитающих за ничто наших единоплеменников. Когда люди этой моей Британии жили бок о бок с обитателями вашей Британии, они господствовали над всеми соседними королевствами и, кроме римлян, не было такого народа, который мог бы их покорить. Римляне, хотя на время и утвердились в Британии, в конце концов, были все же с позором изгнаны из нее и покинули остров, потеряв попавших

в плен или убитых военачальников. Но после того, как переселенцы из британского царства под водительством Максимиана и Конана прибыли в наши края, на долю тех, кто остался на острове, ни разу не выпало счастья располагать прочно сидящим на троне властителем. Хотя многие государи ваши поддерживали древнее достоинство своих предков, однако их менее стойкие духом преемники, сломленные вражескими вторжениями, полностью его растеряли. Я скорблю о немощности народа вашего, ибо мы происходим от одного корня, и люди нашего королевства, именуя себя, как и ваши островитяне, бриттами, мужественно оберегают, как вы видите, свое государство от соседей — непримиримых наших врагов».

195. Выслушав это и другое, высказанное королем, несколько пристыженный Кадваллон ответил так: «О король и потомок царственных предков, премного благодарен тебе за твою готовность помочь мне отвоевать мое королевство. Что же касается выраженного тобой изумления, почему мой народ после переселения части бриттов в эти края не сохранил былого достоинства предков, то это, по-моему, нисколько не удивительно. Ведь знатнейшие люди нашего королевства последовали за названными тобою вождями, тогда как оставшиеся захватили их имущество и поместья. Последние, достигнув положения старой знати, занеслись сверх всякой меры и, преисполнившись надменности из-за притока богатств, стали предаваться такому всеобщему и чудовищному распутству, о каком и не слышали другие народы, и, как свидетельствует историк Гильдас [1], им был свойствен не только этот порок, но и все, обычно одолевающие человеческую природу и, особенно, те, что уничтожают добропорядочность, а именно ненависть к правде и тем, кто ее отстаивает, и любовь ко лжи и ко всем, кто ее творит, стремление ко злу, а не к благу, поклонение низости, а не благородству, почитание сатаны, а не ангела света. Они венчали королевской короной не тех, кто чтил господа бога, а таких, которые отличались жестокостью, причем немного спустя венчавшие их с ними разделывались не потому, что те, и впрямь, дурно правили, но ради того, чтобы поставить на их место еще более свирепых правителей. Если кто из них казался мягче и снисходительнее и чуть больше приверженным правде, на того, как на ниспровергателя бриттского государства, обрушивались всеобщая ненависть и оружие всех. Наконец, все угодное и неугодное богу было для них равноценным, если только они не отдавали предпочтения неугодному. Итак, творилось лишь то, что вредило здоровью, как это бывает при отсутствии сведущего врача, который мог бы отыскать целительное для всех лекарство. И так поступали не только мужи, облеченные властью, но также вся паства господня и, за редчайшими исключениями, все ее пастыри. Поэтому неудивительно, что подобные выродки, ненавистные богу за неисчислимые свои преступления, не уберегли родины, оскверненной ими указанным образом. Господь пожелал их покарать, попустив чужеземцев напасть на остров, дабы те отняли у них отеческие поля. Было бы, однако, делом весьма достойным возвратить, если дозволит господь, согражданам нашим их былое достоинство, дабы не было народу нашему в поношение, что мы, правители, показали себя малодушными, не попытавшись достигнуть этого в наши дни. Ведь у нас с тобой общий

прапредок, и это дает мне основание увереннее просить тебя о поддержке. У Мальгона, великого короля бриттов, царствовавшего четвертым после Артура, было два сына, коих звали Эниан и Рун. У Эниана родился Белин, а у Белина — Ягон, у Ягона — Кадван, мой отец. Что касается Руна, то после кончины брата он был вынужден из-за нашествия саксов удалиться в вашу страну, и тут отдал дочь в жены полководцу Хоелу, сыну прославленного Хоела, который вместе с Артуром подчинил ему нашу родину. От этого Хоела родился Алан, от Алана Хоел, твой отец, пред которым трепетала вся Галлия».

196. Когда Кадваллон зимовал у Соломона, он и упомянутый король надумали переправить Бриана в Британию, дабы он как-нибудь умертвил прорицателя короля Эдвина, и затем, чтобы этот прорицатель, прибегнув к привычному своему искусству, не предупредил венценосного сакса о прибытии Кадваллона. Приплыв в Гавань Гамона, Бриан облачился в лохмотья какого-то нищего и изготовил для себя острый железный посох, которым, если представится случай, мог бы убить прорицателя. Затем он направился в Эборак, ибо Эдвин пребывал тогда в этом городе.

Войдя в него, Бриан присоединился к нищим, дожидавшимся у дворцовых дверей раздачи королевской милостыни. Прохаживаясь перед дворцом взад и вперед, он увидел, как оттуда выходит его сестра с кувшином в руке [1], дабы принести воду королеве. Эта сестра Бриана была захвачена Эдвином в городе вигорнийцев, когда тот разорял земли бриттов после бегства из Британии Кадваллона. Когда она проходила мимо него, Бриан, сразу ее узнав, прослезился и чуть слышно ее окликнул. Сначала девушка заколебалась, кто бы это мог быть, но, подойдя ближе и убедившись, что перед ней ее брат, чуть не упала в обморок от изумления, страшась, как бы с ним не приключилось беды, и он не был схвачен врагами. Воздержавшись от поцелуев и ласковых слов, она, делая вид, что говорит совсем о другом, сообщила ему необходимые сведения о расположении дворцовых строений и указала на прорицателя, которого он разыскивал и который случайно прогуливался тогда между нищими, собравшимися сюда в ожидании милостыни. Запомнив облик этого мужа, Бриан велел сестре ускользнуть следующей ночью из королевских покоев, выйти из города и притти к одному старому храму, где она его найдет на паперти. Вслед за тем он замешался в толпу нищих и протискался к тому месту, где их расставлял Пеллит. Улучив мгновение, он поднял посох, о котором я уже говорил, вонзил его Пеллиту пониже груди и с одного удара его убил. Затем, отбросив посох, он скрылся среди всех прочих и, не вызвав ни в ком из окружающих ни малейшего подозрения, охраняемый милостью божьей, поспешил в упомянутый выше тайник. А сестра с наступлением ночи много раз пыталась уйти, но Эдвин, устрашенный убийством Пеллита, расставил вокруг дворца стражу, которая, тщась раскрыть преступление, воспрепятствовала ее уходу.

Узнав об этом, Бриан покинул свое убежище и ушел в Эксонию, где, собрав бриттов, объявил им о том, что свершил. Отправив вслед за тем вестников к Кадваллону, он укрепил названный город и обратился ко всем видным бриттам, увещевая их постараться во что бы то ни стало уберечь свои укрепления и города и в радостном нетерпении ожидать прибытия

Кадваллона, который при поддержке короля Соломона вскорости предстанет перед ними. Когда весть об этом распространилась по всему острову, Пеанда, король мерциев[2], во главе полчища саксов подошел к Эксонии и осадил в ней Бриана.

197. Между тем приплыл Кадваллон с десятью тысячами воинов, которые ему были даны королем Соломоном, и поспешно двинулся к осажденному городу, обложенному упомянутым выше военачальником саксов. Приближаясь к Эксонии, Кадваллон распределил своих на четыре отряда и не замедлил напасть на врагов. В завязавшейся битве тут же был захвачен Пеанда, а войско его перебито. И так как ему не оставалось другой возможности спасти свою жизнь, он сдался в плен Кадваллону и отдал ему заложников, пообещав участвовать на его стороне в борьбе против саксов. Взяв в этом столкновении верх, Кадваллон призвал к себе своих приближенных, долгое время скитавшихся по разным местам, и двинулся в Нортанумбрию против Эдвина, беспощадно разоряя его владения. Оповещенный об этом, Эдвин собрал вокруг себя всех князьков племени англов и, выйдя навстречу Кадваллону, столкнулся с бриттами на поле, носящем название Хедфельд[1], и вступил с ними в битву. В этом бою погибает Эдвин и почти все бывшее при нем войско, а также его сын Оффрид и король Оркад Гобольд, пришедший англам на помощь.

198. Одержав победу, Кадваллон обошел все земли англов и так люто расправлялся с саксами, что не щадил ни женщин, ни малых детей, как бы желая стереть с лика земли весь род англов в пределах Британии, и всех, кто попадал в его руки, предавал неслыханным мучениям. Затем он дал бой Осрику, который наследовал Эдвину. В этой битве были убиты Осрик и двое его племянников, которым предстояло править после него, а также Эадан, король скоттов, явившийся к ним на помощь.

199. После их гибели царство Нортанумбрию унаследовал Освальд. Напав на эту страну после разгрома упомянутых выше, Кадваллон обратил Освальда в бегство и гнался за ним до самой стены, которую некогда возвел между Скоттией и Британией император Север. Затем Кадваллон отправил туда же Пеанду, короля мерциев, и бóльшую часть своего войска и начал военные действия против Освальда. Тот, осажденный Пеандой в месте, прозываемом Хевенфельд[1], то есть Небесное поле, однажды ночью воздвиг в своем стане крест Господа и наказал своим сотоварищам громким голосом выкликнуть следующие слова: «Давайте преклоним колена и все вместе помолимся богу нашему всемогущему, единосущему и истинному, дабы он защитил нас от преисполненного надменности войска властителя бриттов и его нечестивого полководца Пеанды. Ведь господь знает, что война, которую мы предприняли во благо народу нашему, справедлива». Все поступили, как повелел Освальд, и, с первым светом, кинувшись на врагов, в воздаяние за свою веру одержали победу. Когда об этом был извещен Кадваллон, тот, воспылав неистовым гневом, собрал свое войско и бросился по пятам святого короля Освальда. Завязав с ним битву в месте, именуемом Бурне[2], Пеанда кинулся на него и убил[3].

200. После гибели Освальда и многих тысяч его воинов, королевство нортанумбров унаследовал его брат Осви, который, отдав Кадваллону, уже

утвердившемуся во всей Британии, груды золота и серебра, добился от него мира и покорился ему. Вскоре, однако, против Осви восстали Альфрид и Ордвальд, его сын и племянник, но, будучи осилены им, бежали к Пеанде, королю мерциев, умоляя его собрать войско и пойти вместе с ними за Хумбер, чтобы отнять королевство у Осви. Но Пеанда, опасаясь нарушить мир, установленный королем Кадваллоном во всем королевстве бриттов, отказался выступить в поход без его дозволения и решил подождать, пока Осви не разгневает чем-нибудь Кадваллона, и тот либо сам двинется на него, либо дозволит ему с ним сразиться. И вот однажды в Троицын день, когда король Кадваллон, увенчанный британской короной, торжественно справлял в Лондоне этот праздник, на котором присутствовали все короли саксов, за исключением Осви, а также наместники всех бриттских земель, к королю подошел Пеанда и спросил у него, почему отсутствует один Осви, тогда как все остальные властители саксов прибыли ко двору. Когда Кадваллон ответил, что тот отсутствует по болезни, Пеанда заметил, что Осви, насколько ему известно, направил гонцов в Германию, призывая саксов, дабы отмстить им обоим за брата своего Освальда. Он также добавил, что названный Осви нарушил мир в бриттском королевстве, ибо он единственный в целой Британии, кто напал, употребив оружие, на своего сына и на племянника, которых изгнал из своего королевства. Пеанда также попросил Кадваллона дозволить ему либо его умертвить, либо свергнуть.

Охваченный колебаниями, Кадваллон созвал своих приближенных и предложил им поделиться с ним своими соображениями по этому поводу. После многочисленных их выступлений Маргадуд, правитель деметов, сказал нижеследующее: «Мой государь, поскольку ты вознамерился изгнать из Британии все племя англов, почему, вопреки этому своему намерению, ты все же терпишь, чтобы они наслаждались миром, пребывая бок о бок с нами? Раз так, то не препятствуй им затевать между собою хотя бы междоусобные распри, и, истерзанные взаимными избиениями, они, в конце концов, уберутся из нашей страны. Не следует строго соблюдать свое слово, данное тобою тому, кто всегда строит козни, норовя коварными своими уловками завлечь в сети тех, перед кем сам связал себя словом. Саксы с той самой поры, как впервые вторглись в нашу страну, неизменно строили козни и предавали как только могли наш народ. Чего ради мы должны неуклонно держаться нашего слова? Не откладывай дольше, дозволь Пеанде пойти походом на Осви, дабы между ними вспыхнул раздор, и они, перебив друг друга, изникли на нашем острове».

Итак, убежденный этим и многим другим, Кадваллон разрешил Пеанде напасть на Осви, и, снарядив огромное войско, тот переправился через Хумбер и, опустошая земли в стране названного короля, стал его жестоко теснить. Доведенный до крайности, Осви обещал Пеанде бесчисленные королевские украшения и, сверх того, столько даров, что даже трудно поверить, лишь бы тот перестал разорять его королевство, прекратил военные действия и возвратился к себе. Но так как Пеанда никоим образом не соглашался на это, король Осви, уповая на божью помощь, хотя и располагал меньшими, чем противник, силами, у реки Винвед [1] сошелся с ним

в битве, в которой убил Пеанду, а также тридцать военачальников его войска и одержал блистательную победу. После гибели Пеанды его сын Вильфрид с согласия Кадваллона унаследовал отцовское королевство. Он убедил вождей мерциев Эбу и Эуберта присоединиться к нему и возобновил войну с Осви, но по приказанию Кадваллона заключил мир с этим королем.

201. После сорока восьми лет правления преславный и достигший величайшего могущества Кадваллон, король бриттов, обремененный своим возрастом и недугами, в пятнадцатый день от календ декабря ушел из этого мира. Умастив его тело бальзамом и благовониями, бритты поместили покойного в отлитое на редкость искусно бронзовое его изваяние во весь рост. Это облаченное в доспех изваяние они закрепили на бронзовом коне поразительной красоты, установленном поверх западных ворот Лондона в память упомянутых выше побед и во устрашение саксов. У подножия этих ворот они также воздвигли церковь святого Мартина [1], в которой отправляли молебны за упокой скончавшегося короля и погибших его верноподданных.

202. Кормило правления королевством взял в свои руки сын его Кадвалладр, которого Беда называет юношею Хедвальдой [1] и который сначала царствовал как подобает мужчине и в мире. Но по прошествии двенадцати лет после коронации он тяжело заболел и между бриттами разгорелись распри. Мать его была по отцу, но не по матери, сестрою Пеанды. Она происходила из знатного рода гевиссеев. Кадваллон вспомнил о ней после примирения с ее братом, разделил с нею брачное ложе, и она родила ему Кадвалладра.

203. После того, как Кадваллон угас, среди бриттов, о чем я уже начал было рассказывать, возникли раздоры, и, охваченные отвратительной рознью, они принимаются разорять свою богатую родину. К этому прибавилось еще одно бедствие, так как ужасный, неслыханный голод напал на безрассудный народ, и все области так оскудели, что не стало никакой пищи для поддержания жизни, кроме дичины, добытой охотою. Вслед за голодом налетело моровое поветрие, которое в короткое время унесло столько народу, что живым было невмочь погребать мертвецов. Из-за этого жалкие остатки населения острова, собравшись толпами и покидая Британию, с громкими воплями устремлялись, уповая на паруса, в заморские страны и, обращаясь к создателю, пели: «Господи, ты отдал нас на заклание, словно овец, и рассеял нас между народов». Сам король Кадвалладр, плывя с ничтожным флотом в Арморику, такими словами усугублял эти жалобные стенания: «Увы нам грешным, ибо несчастия наши посланы на нас господом за чудовищные преступления наши, которыми мы упорно и непрерывно его оскорбляли, хотя у нас было время покаяться. И вот он всемогущий обрушил на нас заслуженное нами возмездие, которое вырывает нас с корнем из родной почвы, чего не удалось добиться некогда римлянам, а позднее скоттам и пиктам, ни саксам, несмотря на коварство их и предательства. Но тщетно мы столько раз избавляли от них свою родину, ибо не было воли господней на то, чтобы мы властвовали на ней вечно. Праведный судия, узрев, что мы никак не хотим прекратить пре-

ступления наши и что никому не по силам изгнать с острова наш народ, и пожелав покарать неразумных слепцов, ополчился на нас, почему мы и бежим целыми толпами от собственного своего племени. Вернитесь, римляне, вернитесь скотты, вернитесь амброны-саксы, перед вами покинутая нами из-за божьего гнева Британия, опустошить которую вам было невмочь! Из нее нас изгнала не ваша доблесть, но всемогущество царя над царями, которому непрестанно наносили мы оскорбления».

204. Сокрушенный и стенающий описанным образом и по-иному, он пристал к арморикanскому берегу и со всем множеством своих соотечественников явился к Алану, племяннику Соломона, который оказал ему достойный прием. Британия одиннадцать лет подряд была опустошаема страшными бедствиями и если не считать малого числа бриттов, бежавших в Валлию и пощаженных смертью, вселяла ужас в исконных своих обитателей, да и для саксов, умиравших без счета и непрерывно, времена также наступили тяжелые. Остатки их, когда гибельное поветрие прекратилось, последовав своему давнему обыкновению, сообщили в Германию соплеменникам, что коренных жителей на острове не осталось и что завладеть им нетрудно, если они прибудут, намереваясь на нем поселиться. Когда об этом узнал упомянутый нечестивый народ, собравшиеся в несметном числе мужчины и женщины отплыли в Британию и, высадившись в Нортанумбрии, заселили все опустевшие области от Альбании вплоть до Корнубии. Ведь нигде не было местного населения — кроме кучки выживших бриттов, ютившихся в дебрях валлийских лесов — которое могло бы им хоть сколько-нибудь воспротивиться. С этой поры островная держава бриттов перестала существовать, и на острове стали властвовать англы.

205. Затем по прошествии известного времени, когда прибывшие в Арморику бритты окрепли и воспрянули духом, Кадвалладр, не забывавший своего отечества, которое уже избавилось от упомянутого морового поветрия, и мечтавший вернуть себе былое достоинство венценосца, обратился к Алану за помощью. Но после того, как он добился желаемого и уже принялся снаряжать флот, к нему воззвал ангельский глас, повелевший отступиться от этого замысла. Ведь создатель не хотел, чтобы бритты господствовали на острове, пока не наступит то время, которое Мерлин напророчил Артуру. Этот глас также наказал Кадвалладру отправиться в Рим к папе Сергию [1], дабы покаяться и быть причисленным к лику святых. Он возвестил, сверх того, что народ бриттов в воздаяние за свою приверженность к истинной вере вновь завладеет, по миновании предрешенного времени, своим родным островом, но что это произойдет не раньше, чем получив в свои руки его, Кадвалладра, останки, бритты перевезут их из Рима в Британию; и лишь разыскав также останки прочих своих святых, сокрытые в тайниках из-за вторжения на их землю язычников, восстановят, наконец, свое государство. Выслушав реченное ему ангельским гласом, святой муж тотчас же предстал перед королем Аланом и рассказал тому о дарованном ему откровении.

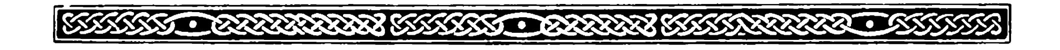
206. Тогда Алан, собрав различные книги о пророчествах орла из Цестонии и о прорицаниях Сивиллы и Мерлина [1], начал тщательно их изучать, чтобы выяснить, совпадает ли откровение Кадвалладру с записанными в

них предсказаниями и, не обнаружив между ними никаких разногласий, посоветовал Кадвалладру, отложив поход на Британию, повиноваться промыслу божию и исполнить повеление ангела, а также отправить на остров сына своего Ивора и племянника Ини [2], чтобы те правили уцелевшими бриттами и чтобы народ, вознесенный чередой предшествующих поколений, не утратил свободы из-за нашествия чужеземцев. А Кадвалладр, отринув мирскую суету ради господа и вековечного царства, прибыл в Рим, и приобщенный святых тайн папою Сергием, неожиданно занемог и в двенадцатый день от майских календ в год от рождества господа нашего шестьсот восемьдесят девятый, покинув плотскую свою оболочку, вступил в палаты царства небесного.

207. Ивор и Ини, снарядив для себя корабли и собрав, сколько им удалось, готовых отправиться с ними воинов, высадились на острове и в течение сорока девяти лет тревожили народ англов частыми и беспощадными нападениями. Но это мало чему помогло. Мор и голод, а также непрекращающиеся внутренние раздоры настолько обессилили некогда гордый народ, что ему было невмочь упорствовать и отражать врагов. Погрязнув в невежестве, он стал называть себя не бриттами, а валлийцами, присвоив себе это название либо потому, что у них был вождь Валлон, либо по имени королевы Валаес [1], либо их окрестили так чужеземцы. Саксы, напротив, соблюдая благоразумие, сохраняли между собой мир и согласие, обрабатывали поля, отстраивали города и укрепления и, лишив бриттов господства при вожде Адельстане [2], который первым из них увенчал себя королевской короной, держали уже в подчинении всю Лоегрию. Утратив бриттское благородство, валлийцы впоследствии не воссоздали древнего государства на острове; недовольные саксами, они порой восставали на них и непрерывно дрались либо с ними, либо в междоусобных схватках.

208. Об их королях, которые с этого времени властвовали в Валлии, я предоставляю написать Карадоку Ланкарбанскому [1], моему современнику, о королях саксов — Вильгельму Мальмсберийскому [2] и Генриху Хунтендонскому [3], каковым я настоятельно советую умолчать о бриттских королях, ибо они не располагают той книгой на языке бриттов, которая, будучи привезена из арморикanской Британии архидиаконом Оксенфордским Вальтером, правдиво сообщает историю их и которую, чтя память названных в ней властителей, я постарался перевести на латинский язык.

ЖИЗНЬ МЕРЛИНА

Вещего мужа хочу Мерлина забавную музу
Петь и безумье его. А ты исправь мою песню,
Путь указавши перу, о Роберт, украшенье священства.
Ибо мы знаем, что ты философии чистым нектаром
Был окроплен, от нее во всем получивши ученость,
Что доказал ты не раз, о мира вождь и наставник.
К замыслу будь моему благосклонен, при знаменьях лучших
Ныне певца опекай, чем делал тот, чьим недавно
Ты преемником стал, по заслугам отличенный честью.
Все тут сошлось; твой род, и нравы, и жизнь без упрека,
Польза места сего и воля народа и клира:
Вот почему вознеслась до звезд Линкольния счастьем.
Как бы хотел я тебя объять достойною песней,
Но не хватает мне сил, пусть бы сам Орфей с Камерином,
Пусть бы Марий и Макр с величавым Рабирием вкупе,
Хором ведомые муз, моими бы пели устами.
Вы, о привыкши петь со мной камены, начнем же
Прежде задуманный труд! Подыграйте мне на кифаре!

В царствие многих владык измерив долгие годы,
Славным британец Мерлин прослыл по целому свету.
Был он король и пророк: народом гордым деметов
Правил и предрекал грядущие судьбы монархам.
Как-то случилось в те дни, что меж многими знатными распря
В том королевстве пошла, и по градам народ неповинный
Стали они разорять жестокими битвами часто.
Шел войной Передур, венедотов вождь и властитель,
На Гвеннолоя, что был королем над Скоттией дальней.
Вот и день наступил, что был для боя назначен:
Встали на поле вожди, меж собою рати схватились,
Обе гибнут равно, истребляемы сечей плачевной.
На стороне Передура Мерлин явился в сраженье,
Кумбров владыка Родарх с ним пришел, не менее грозный,
Каждый разящим мечом врагов обступающих валит;
Трое братьев вождя, на войну вслед за братом пришедших,
Яро разят, отбивая врагов, и губят отряды.
Так налетали они на полчища недругов храбро,
Заняты ратным трудом,— и вдруг упали, убиты.
Это едва увидав, ты, Мерлин, ряды оглашаешь
Горестным воплем своим и взываешь так громогласно:

«Вот какою бедой меня настигло злосчастье!
Скольких спутников я — и каких — сегодня лишился!
Их лишь вчера короли в королевствах далеких боялись!
О, судьбины людской превратность, о, неотвратимость
Смерти! Рядом она всегда, и тайным стрекалом
Нас поражает, и жизнь из тела жалкую гонит.
О молодая краса! Кто теперь бок о бок со мною
Будет сражаться и кто отразит мне на гибель идущих
Сильных вождей и теснящих врагов бессчетные толпы?
Храбрые юноши, вас погубила ваша же храбрость,
Юность у вас отняла отрадную, годы отрады.
Только что вы через вражьи ряды носились с оружьем,
И отражали мужей, и валили их наземь повсюду,—
Ныне упали и вы, обагренные кровью багровой».
Так он оплакивал их и средь ратей сетовал горько,
Слезы лия из очей. Но проклятое длится сраженье:
Рать наступает на рать, враги врагов убивают,
Кровь повсюду течет, те и эти во множестве гибнут.
Все же бриттоны, созвав свои отовсюду отряды,
Вместе сходятся все, и все вместе сквозь копья и стрелы
Мчатся вперед на врага, раздают удары и раны;
Остановились они не прежде, чем полчища скоттов,
Тыл показав, пустились бежать без дорог врассыпную.
Спутников тут отозвал из сражений Мерлин и велел им
Братьев предать земле и над каждым поставить часовню,
Сам же оплакивал их, исходя в слезах неизбывных,
Пылью власы посыпал, разрывал на теле одежды,
Ниц на землю упал и по ней катался во прахе.
Знать и вожди утешают его, Передур утешает,—
Все не утешится он и просьб их слушать не хочет.
Целых три дня напролет над убитыми плакал несчастный,
Пищу отталкивал,— так сожигала скорбь ему душу.
Тою порой, как Мерлин бессчетными стонами воздух
Полнил, безумье его обуяло: покинув украдкой
Всех, в леса он бежал, чтобы люди его не видали.
В дебри входит Мерлин, он рад, что под вязами скрылся,
Диким дивится зверям, на полянах щиплющим травы.
То за одним побежит, то другого резво обгонит,
В пищу коренья трав и в пищу идут ему травы,
В пищу идут с деревьев плоды, ежевика лесная.
Стал он лесным дикарем, как будто в лесах и родился.
Лето все напролет, ни одним человеком не найден,
Он скрывался в лесах, щетиной, как зверь, обрастая.
Но лишь зима подошла, унося и свежие травы,
И с деревьев плоды, так что пищи ему не осталось,
Жалобным голосом он причитанья начал такие:
«Боже в небе, Христе! Что мне делать? Где в мире отныне

Я смогу обитать, когда вижу, что мне пропитаться
Нечем: ни трав на земле, ни в листве желудей не осталось.
Трижды четыре здесь стояли яблони рядом
И приносили плоды — а теперь не стоят. Кто похитил
Их у меня? Куда подевались они? То их видел
Я, то не вижу совсем. Так судьба со мною воюет,
Так обо мне вспоминает она: то покажет, то спрячет,—
Нет ни плодов теперь у меня, ни всего остального:
Роща стоит без листвы, без плодов. И о том, и об этом
Плачу: укрыться листвой и есть плодов не могу я.
Южный ветер принес холода и дожди проливные.
Если я под землей отыщу хоть какую-то пищу,
Жадные мчат кабаны, и приводят прожорливых самок,
И отнимают еду, которую с трав я срываю.
Милый товарищ мой волк, со мной привыкший скитаться
В чащах лесных без пути, ты с трудом поля переходишь:
Значит, ты, как и я, обессилел от голода злого.
Раньше ты в этих лесах поселился, раньше седины
Старость тебе принесла, но не знаешь и ты, чем бы можно
Пасть набить. Но дивлюсь я тебе: ведь по рощам довольно
Есть и косуль, и прочих зверей, и ты мог бы поймать их.
Старость, наверно, тебе самому ненавистная, силу
Всю отняла у тебя и проворство, что нужно для ловли.
Вот ты и воешь — а что тебе еще остается? —
Либо лежишь на земле, отощавшее вытянув тело».
    Так он в кустах распевал, средь орешника стоя густого.
Голос его долетел до путника, шедшего мимо;
Тот направил шаги туда, откуда по ветру
Речь донеслась, и место нашел, и Мерлина увидел.
Только приметив его, убежал Мерлин, а прохожий
Следом пустился, но все ж беглеца не мог задержать он
И на дорогу на ту, которой шел, воротился,
Замысел все же храня, ибо случай смутил ему душу,
Встречный попался ему, который тою порою
Шел от кумбров царя Родарха,— а тот Ганеиду
В жены взял и был женою счастлив прекрасной.
Братом ей был Мерлин, и она об участи брата
Горько скорбела, и слуг посылала в далекие дебри,
Чтобы назад его привести. Один из посланцев
Ввстречу путнику шел, и путник шел ему ввстречу.
Только сошлись, как меж них завязалась тотчас беседа.
Тот, кто Мерлина искать был отправлен, спросил, не видал ли
Новый знакомец в лесу человека, что прячется в чащах.
Путник сказал, что ему человек такой повстречался
В чаще колючих кустов, в глубине Калидонского леса;
А захотел он к нему подсесть, перемолвиться словом,
Быстро прочь от него побежал человек сквозь дубраву.

Так он сказал; посланец ушел и обыскивать начал
Дебри в глубоких долах и леса на высоких вершинах:
Мужа везде он старался найти, пробираясь сквозь чащу.
Был на вершине одной из гор прозрачный источник,
Зарослью частой кустов со всех сторон окруженный;
Там над водою сидел Мерлин, с высоты наблюдая,
Как вокруг по лесам, играя, звери резвятся.
Шагом неслышным туда подобрался по круче посланец,
Мужа ища,— и вот пред собой увидел источник
И Мерлина над ним, на мягких сидящего травах.
Горькие пени свои в таких речах изливал он:
«Ты, что царишь надо всем, почему ты так не устроил,
Чтоб не делился год на четыре времени, отче?
Право весны — приносить цветы и листья с собою,
Лето растит урожай, плодами осень богата,
Но ледяная зима приходит вслед, пожирая
Все и вся, а с собой несет только ливни да вьюги.
Что только есть, мешают всему зловредные бури:
Почва пестрых цветов взрастить из-за стужи не может,
Нет на дубах желудей, а на яблонях — яблок пунцовых.
Вот бы не стало совсем зимы и снега седого,
Лето настало бы вдруг, иль весна, и кукушка вернулась,
И филомела, чья песнь утешает скорбные души,
И голубок, что хранит в чистоте союз полюбовный;
Вот бы средь свежей листвы запели хором согласным
Прочие птицы, что мне переливами слух услаждали
В дни, когда новых цветов ароматы земля источала
Средь зеленеющих трав, и ручьи журчали негромко,
И над моей головой в листве стонала голубка
Голосом, звавшим ко сну, напевавшим дрему на очи».
Слушал Мерлина гонец, а потом прервал его пени
Звуком кифарных ладов,— ибо нес он кифару с собою,
Чтобы безумного так приманить и смягчить ему душу.
Перебирать по порядку он стал печальные струны
И, затаившись, запел тихим голосом песню такую:
«О безутешный стон опечаленной Гвендолоены!
О непрестанный плач вечно плачущей Гвендолоены!
Краше жены, чем она, в краю не бывало Валлийском,
Что белизной побеждала богинь и лист бирючины,
Вешних роз лепестки и пахучие лилии луга.
Юная слава весны в ней одной лучами светилась,
Яркая звезд красота в очах ее пребывала,
Дивные косы ее сверкали золотом чистым.
Сгинуло, сгинуло все, красоты не осталось в ней боле:
Сгинул румянец лица, не сияет плоть белизною.
Стала не тем, чем была, она от горестей многих.

Ибо неведомо ей, где же вождь и жив ли доныне
Или скончал свои дни. Той порой несчастная вянет,
Чахнет день ото дня, от долгой скорби истаяв.
Плачет с ней наравне Ганеида и сетует с нею:
Всё безутешно она об исчезнувшем брате тоскует.
Плачет по брате одна, другая по муже, и обе
Плача никак не прервут и часы в печали проводят.
И не едят, и не пьют, и ночами блуждая по рощам,
Сна не знают они: такое снедает их горе.
Так же сидонянка встарь горевала Дидона, увидя,
Как отчаливал флот, как спешил Эней удалиться,
Или когда Демофонт в назначенный срок не вернулся,
Так же слезы лила и стонала бедняжка Филлида,
И Брисеида так в разлуке с Ахиллом рыдала.
Так сестра и жена пылают и сетуют обе,
Муки горькие их до глубин души истерзали».
Посланный так напевал, по струнам печальным бряцая,
Мужу вещему слух лаская ладами, чтоб мягче
Стала его душа и певца бы он радостно встретил.
Быстро поднялся Мерлин и к юноше с речью веселой
Сам обратился, его попросив, чтобы снова на струны
Он персты возложил и те же стихи повторил бы.
К лире персты подносит певец и, что велено было,
Снова поет, и лады укрощают мало-помалу
Ярость безумья в душе, плененной сладостью струнной.
В память приходит Мерлин и, подумав, кем был он когда-то,
Сам дивится себе и клянет ума помраченье.
Прежние чувства к нему и прежний разум вернулись,
Имя услышав сестры, он стонет, верностью тронут,
Стонет и о жене, обретя рассудок и разум,
Просит, чтоб ко двору Родарха его проводили.
Повиновался гонец и, леса немедля покинув,
Радостно входят они в королевскую вместе столицу.

Брата вновь обретя, веселится сердцем царица,
С ней наравне ликует жена возвращению мужа;
Наперебой целуют его, обвивают руками
Шею.— такая сердца им любовь и верность волнуют.
Также Мерлина король с подобающей почестью встретил;
Рада вся челядь в дому, в столице знатные рады.
Но, увидав, что к нему отовсюду сходятся толпы,
Переносить многолюдство Мерлин оказался не в силах.
Вновь в исступление впав, исполнен тем же безумьем,
В лес он стремится назад и пытается выйти украдкой.
Но приказал Родарх удержать его, стражу приставив,
Звуком кифары смягчить исступленную душу;
В горе и сам он к нему подошел с речами, с мольбами,

И образумить хотел, и просил при них оставаться,
Не удаляться в леса, не стремиться жизнью звериной
Жить средь дерев, между тем как носить он мог бы по праву
Жезл и под властью держать немало народов свирепых.
Щедро его одарить обещает король и тотчас же
Ткани доставить велит, и одежды, и псов, и пернатых,
И быстроногих коней, и злато, и самоцветы,
Кубки, что сам Гвиеланд чеканил в граде Сигенском.
Каждую вещь Мерлину Родарх протянул, предлагая,
С ними остаться просил и лесные дебри покинуть,
Но, презирая дары, вещий муж ответил Родарху:
«Это отдай ты вождям, которых бедность смущает:
Малым довольны они не бывают, хватают побольше.
Заросли я предпочту ветвистых дубов калидонских,
Гор высоких хребты и зелень лугов у подножья:
Вот что мне по душе. Ты, Родарх, дарами своими
Сам владей, а меня примет вновь мой лес Калидонский;
Вдоволь орехов там есть, и он всего мне дороже».
Скорбного мужа король удержать был не в силах дарами
И приказал на него наложить тяжелые цепи,
Чтобы, избавясь от уз, не бежал он в дебри обратно.
Вещий почувствовал муж, что отныне, опутанный цепью,
Он уж не может уйти в Калидонские рощи свободно;
Горько стало ему, и остался он в скорбном молчанье,
Радость исчезла совсем из его потупленных взоров,
Слова не вымолвил он и ни разу не засмеялся.
Как-то к супругу идти по дворцу королеве случилось.
Видя ее, Родарх ликовал, как то подобает,
За руку взял жену и рядом сесть приказал ей,
Обнял ее и к устам с поцелуем прижался устами;
Взгляд на нее обратив между ласк, он заметил случайно,
Что у жены в волосах висит, запутавшись, листик.
Пальцы к ним он поднес и, листик вытащив, бросил
Наземь его, веселясь и с любимой женою играя.
Вещий все это Мерлин увидал — и, нарушив молчанье,
Стал хохотать, на себя обратив все взоры стоявших
Рядом и всех удивив, ибо долго он не смеялся.
Сам удивился король и стал пытать у безумца,
Что за причина была такого внезапного смеха,
А за ответ посулил ему дары в изобилье.
Он все молчит и, упорствуя, смех объяснить не желает.
Нудит его все сильней Родарх, то мольбой, то дарами
Тщась упорство сломить. Наконец, на дары негодуя,
Вещий муж отвечал ему такими словами:
«Жадный любит дары, алчный трудится за обладанье;
Эти, куда им велят, готовы душою склониться,
Ежели их подкупить. Мало им того, что имеют,

Ну, а с меня желудей на дубах калидонских довольно,
Хватит прозрачных ручьев, по лугам душистым текущих.
Ты на дары не поймаешь меня, пусть алчный берет их.
Если свободы не дашь и в лесные зеленые долы
Я не вернусь,— не открою тебе и смеха причины».
Тут, не в силах склонить дарами вещего мужа
И не узнавши причин, почему Мерлин засмеялся,
Отдал Родарх приказ от цепей его тотчас избавить
И удалиться ему разрешил в лесные пустыни,—
Лишь бы желанную он поведал смеха причину.
Счастлив, что может уйти, королю Мерлин отвечает:
«Вот почему я смеялся, Родарх: за то, что ты сделал,
Можно тебя похвалить и за то же винить тебя можно.
Листик вытащил ты, который, сама не заметив,
На волосах принесла королева, и верность явил ей
Большую, чем Ганеида тебе в тот час, как в кустарник
Вышла, где встретил ее любовник и с нею спознался.
Навзничь покуда она, распустивши косы, лежала,
Листик ей к волосам и пристал, а ты его вынул».
Сделался мрачен Родарх, обвиненье такое услышав,
Гневные очи тотчас отвратил от нее, проклиная
День, когда в жены он взял Ганеиду. Меж тем королева,
Не взволновавшись ничуть, улыбнулась, чтобы улыбкой
Скрыть смущенье и стыд, и такое промолвила слово:
«Что опечалился ты, мой любимый? Зачем не по делу
Гневаться стал и меня осуждать, поверив безумцу?
Он ведь рассудка лишен и правду путает с ложью,
Так что, кто верит ему, тот его глупее стократно.
Повремени же сейчас: чтоб обмана не было, дай мне
Срок доказать, что слова его бред и правды в них нету.
Жил тогда при дворе — один из множества — отрок.
Только увидев его, жена хитроумная тотчас
Изобрела, какой победит она брата уловкой.
Отрока тотчас призвав, Ганеида брата спросила,
Чтобы предрек он, какой этот отрок смертью погибнет.
Ей Мерлин отвечал: «Узнай сестра дорогая:
Этот умрет человек, упав с вершины утеса».
Втайне над этим смеясь, удалиться она приказала
Отроку, с тела совлечь ту, в которой был он, одежду,
Новое платье надеть и подрезать длинные кудри;
После вернуться велит, чтоб его сочли за другого.
Воле послушен ее, он, сменив одежду, вернулся
И перед всеми предстал таким, как она приказала.
Снова брата просить начала королева, промолвив:
«Милой поведай сестре, какой он смертью погибнет».
Ей отвечает Мерлин: «Этот отрок, как возраст наступит,
Примет в беспамятстве смерть, на могучем дубе повиснув».

Так он предрек, и тогда Ганеида сказала супругу:
«Как же лживый пророк до того исказил твои мысли,
Что жену свою счел ты повинной в таком преступленье?
Если бы знать ты желал, сколь разумно сейчас предрекал
Этому отроку смерть, ты и сам бы сказал, что неправду
Он говорил обо мне, лишь бы в лес его отпустили.
Не приведи меня бог согрешить! Целомудренно буду
Ложе хранить в чистоте, доколь живу и дышу я.
Я уличила его, спросив, как умрет этот отрок,
И уличу еще раз, ты же нас рассуди со вниманьем».
Вымолвив, тихо она приказала отроку выйти
И воротиться опять, одевшись в женское платье.
Тотчас же отрок ушел и точь в точь приказанье исполнил:
Женщиной он вернулся назад и в женской одежде
Встал пред Мерлином, меж тем как сестра спросила лукаво:
«Ну-ка, поведай нам, брат, как погибнет эта девица».
«Эта девица,— сказал он в ответ, погибнет в потоке»,—
И над ответом таким Родарх стал громко смеяться,
Ибо об отроке был об одном трижды спрошен провидец
И трояко ему предсказал грядущие судьбы.
Думает он, что Мерлин о жене его молвил неправду,
Больше не верит ему, но печалится и негодует,
Ибо, поверив, жену осуждал, хоть она его любит.
Видя это, его королева простила и, ластясь,
Стала его целовать, вернув ему снова веселье.
Думал Мерлин между тем, что может он в лес удалиться,
Из дому выйдя, велел он, чтоб слуги открыли ворота;
Но не пускает сестра и просит его со слезами,
Чтобы остался он с ней и оставил безумные мысли.
Но от своих отступать намерений он не желает,
Требует дверь отворить, только в лес удалиться и жаждет,
Бьется, кричит и слуг погоняет неистовым криком.
Видит сестра, что ничем удержать его невозможно,
Что об уходе одном он мечтает,— и Гвендолоене
Шлет приказанье прийти (ибо та отлучилась в ту пору).
Гвендолоена пришла и молила супруга остаться,—
Он презирает мольбы, оставаться не хочет, не хочет
Радостным взором взглянуть на жену, как прежде бывало.
Волосы в горе она, заливаясь слезами, терзает,
Щеки царапает вкровь и падает замертво наземь;
Видя все это, ему говорит королева с упреком:
«Из-за тебя,— погляди,— умирает Гвендолоена!
Что же ей делать, скажи: выйти ль замуж, вдовой ли остаться,
Или велишь за тобою идти, куда б ты ни скрылся?
Рада будет она удалиться в леса и с тобою
Жить средь дебрей лесных, лишь бы ты любовь возвратил ей».
Вещий муж отвечал ей на это такими словами:

«Нет, не нужна мне овца, чей источник, зияя широко,
Влагу обильную льет, как летом Дева из урны.
Но и страсти менять я не буду подобно Орфею,
Что кошницу свою во владенье отрокам отдал,
После того как за илистый Стикс отплыла Евридика.
Чист я останусь и чужд и той, и этой Венере,
Ей же свободу даю и право нового брака:
Пусть любого берет в мужья, кого пожелает.
Но, коль возьмет ее кто за себя, пускай стережется,
Как бы не встретить меня, не сойтись со мною вплотную,
В сторону пусть он свернет, если вдруг окажется случай
Близко ко мне подойти, а не то мой клинок он узнает.
В день же, когда совершится обряд торжественный брачный,
И за столом гостям раздадут обильные яства,
Сам я, запасши даров почетных вдоволь, прибуду,
Чтобы богатой была невестой Гвендолоена».
Так он сказал и «прощай» уходя, промолвил обеим
И в желанную дебрь устремился, никем не задержан.
Глядя печально вослед, жена у порога стояла,
С нею стояла сестра, и друзья о беде горевали;
Обе дивились, что муж безумный ведает тайны,
Ибо о встречах сестры любовных доподлинно знал он,
Хоть и солгал, как мнили они, об отрока смерти,
Три исхода назвав, а назвать бы единственный надо.
Долгие годы пустым предсказанье Мерлина считалось,
Отрок пока не вошел в лета и не сделался мужем.
Тут и открылась для всех и была доказана правда!
Ибо однажды, скача на охоту с гончею сворой,
Он увидал, что в тени листвы олень притаился.
Тотчас спускает он псов и они, приметив оленя,
Мчат без дороги и лес наполняют яростным лаем;
Сам он шпоры коню дает и несется за ними,
Ловчим знак подает то рогом, то голосом громким,
Их подзывает, велит, чтоб летели быстрее вдогонку.
Там крутая гора возвышалась, меж скал островерхих,
А у подножья ее по равнине река протекала.
В бегстве достигнув реки, олень пересек ее тотчас,
Чтобы в укрытья свои уйти, как делают звери.
Юноша гонит его, через гору дорогой прямою
Скачет, оленя ища меж камней, разбросанных часто.
Так и случилось, что конь, увлекаемый быстрым движеньем,
Рухнул стремглав с высокой горы, а охотник с обрыва
Грянулся прямо в поток, у подножья горы протекавший.
Только одною ногой за дерево он зацепился,
Тело же — вниз головой — погрузилось в текучую воду.
Так упал, утонул и повис на дереве бедный,
Смертью тройной доказав правдивость вещего мужа.

Он же вернулся в леса и жил в них, как дикие звери,
Стойко сносил мороз, водоемы льдом оковавший,
Снег сыпучий и дождь и дыханье враждебное ветров.
Больше ему по душе терпеть лишенья, чем править
Над городами, гнетя племена свирепые властью.
Тою порою как муж проводил быстротечные годы
Между лесного зверья и жизнью жил с ним одною,
Гвендолоену отдать по закону замуж успели.
Ночь наступила, рога луны во тьме засияли,
Все светила зажглись на ясном сводчатом небе;
Воздух прозрачнее был, чем всегда, ибо лютая стужа
Северных туч пелену согнала, небеса расчищая,
Мглу и туман стирая сухим дыханием ветра.
Звезд движенье следил вещий муж с высокой вершины,
Глядя в прозрачную твердь и сам с собой рассуждая:
«Марса лучи — что значат они? Короля ли кончину
Нам предвещают они, разгораясь, иль судьбы иные?
Вот что я вижу: погиб Константин кровавою смертью,
Отдал племяннику власть, Конану, жребий злодейский:
Дядю зарезавши, он завладел венцом и престолом.
Ты, о Венера, всегда скользя колеей неизменной,
Следуешь Солнцу в пути, но ниже идешь Зодиака,—
Что означает двойной твой луч, рассекающий небо?
Уж не конец ли моей любви он сулит, разделяясь?
Ибо такие лучи разрыв любви знаменуют.
Верно, в разлуке меня покинула Гвендолоена,
К мужу новому льнет, его объятиям рада.
Значит, я побежден, и другой наслаждается ею!
Значит, пока я вдали, у меня мое отняли право!
Значит, так! Ведь ленивых в любви всегда одолеет
Тот, кто в любви не ленив, кто далеко нейдет, кто под боком.
Я не завидую: пусть в добрый час берет себе мужа,
Счастливо с новым живет — с моего изволенья — супругом.
Завтра, лишь только рассвет заблестит, туда я отправлюсь
И отнесу дары, что ей обещал при уходе».
Молвив, он обошел лесистые долы и дебри,
Много оленьих стад собрав в единое стадо,
Ланей прибавил к нему и косуль, на оленя уселся
И, чуть лишь день занялся, пред собою погнал свое стадо,
В дом поспешая, куда вышла замуж Гвендолоена.
Прибыл туда, терпеливо стоять заставил оленей
Перед дверьми он, а сам стал кликать Гвендолоену:
«Гвендолоена, спустись: тебя дары ожидают».
Быстро спустилась к нему, улыбаясь, Гвендолоена,
Стала дивиться, что муж верхом на олене приехал
И что послушен олень, и что столько диких животных
Мог Мерлин и собрать, и гнать один пред собою,

Словно отару пастух на пастбище гонит привычно.
Новый супруг подошел к окну высокому, глянул,
Всадник какой у порога стоит и, дивясь, засмеялся.
Вещий Мерлин, как увидел его, так понял немедля,
Кто он, и рог отломил у оленя, верхом на котором
Ехал, и с силой тот рог в окно метнул, размахнувшись,
Так что совсем размозжил новобрачному череп и сделал
Вмиг бездыханным его, и жизнь по ветру развеял,
После же вскачь оленя пустил, ударяя пятами,
Чтобы оттуда бежать и скорее в лес воротиться.
Слуги, об этом узнав, со всех сторон выбегают,
Быстро летят по полям за вещим мужем в погоню.
Он же, оленя гоня, обскакал их настолько, что мог бы
В лес невредимо уйти, если б речка ему не попалась.
Ибо, когда ее зверь в один прыжок перепрыгнул,
Не удержался Мерлин и свалился в быструю воду.
Слуги, берег заняв, уплывавшего вмиг изловили,
В дом его отвели и в путах сестре передали.
Пойманный вещий муж опечалился: хочет он снова
В лес убежать, и путы с себя старается сбросить;
Смех позабыл, еду и питье отвергает упорно,
Сердце печалит сестре печалью своей неизбывной.
Видит Родарх, что Мерлин от радости жизни отрекся,
Что приготовленных яств и отведать он не желает;
Сжалясь, король повелел безумного вывести в город,
Чтоб на торгу средь толпы он прошел и стал веселее,
Новым товарам дивясь, которые там продавались.
С царского выведен был он двора и, только лишь вышел,
Как у дверей увидал слугу в лохмотьях, который
Вход стерег и просил, запинаясь, у мимо идущих,
Подали чтобы ему на покупку новой одежды.
Бросив на нищего взгляд, вещий муж засмеялся внезапно.
Дальше оттуда пошел, на юнца он воззрился, который
Новую обувь держал и еще прикупал к ней заплаты.
Вновь засмеялся Мерлин и дальше идти отказался
Через толпу на торгу, чтоб она на него не глазела.
В дебри хотел он опять, то и дело на них озирался
И запрещенным путем упорствовал шаг свой направить.
Слуги, вернувшись домой, королю доложили немедля,
Что и в леса уйти он хотел, и дважды смеялся.
Тотчас Родарх, желая узнать, что смех этот значил,
Что предрекал он, смеясь, повелел развязать на нем путы
И посулил, что ему разрешит немедля вернуться
В прежние дебри, коль он откроет смеха причину.
С радостью вещий муж согласился — и так отвечает:
«Перед дверьми привратник сидел в изношенном платье,
Словно нищий, просил подаянья у мимо идущих,

Чтоб уделили ему хоть немного на новое платье.
Сам же он между тем сидел на груде зарытых
Тайно монет — богач, чья казна от него же сокрыта.
Я и смеялся над ним; а ты, если землю разроешь,
Много найдешь там монет, сберегаемых долгие годы.
Дальше меня отвели на торг, и там я увидел,
Как сапоги покупал человек и заплаты в придачу,
Чтобы, до дыр износив сапоги, когда швы разойдутся,
Их опять починить и вновь пригодными сделать.
Я и над ним посмеялся затем, что несчастный не сможет
Даже надеть сапоги, а не то что пришить к ним заплаты
Те, что впридачу купил: ведь уж он утонул и волнами
Выброшен на берег был. Пойди посмотри — и увидишь».
Мужа проверить слова желая, Родарх посылает
Слуг, чтоб скорее пошли к реке и, если увидят,
Что вот такой утонул человек и на берег ближний
Вынесен, спешно назад воротились и все доложили.
Слуги, исполнив приказ, вдоль потока идут и находят
Там на пустынном песке утонувшего юноши тело,
И, воротившись домой, обо всем короля извещают.
Он между тем, удалив от порога сторожа, землю
Взрыл и раскапывать стал, и нашел наконец под землею
Спрятанный клад, и почтил, ликуя, вещего мужа.

Это все совершив, вещий муж торопился вернуться
В прежние чащи лесов, ненавидя толпу городскую.
Стала его убеждать королева с ними остаться
И не спешить вернуться в леса, пока не минуют
Белой зимы холода, что как раз тогда наступала,
И не вернется опять с плодами мягкими лето,
Чтоб прокормиться он мог, и не станет погода теплее.
Но отказался Мерлин и сестре такими словами
Он отвечал, желая уйти и мороз презирая:
«Милая сердцу сестра, ты зачем удержать меня тщишься?
Не устрашает меня зима морозом и вьюгой,
Не устрашает Борей ледяной, что свирепым дыханьем
Гонит внезапный град и блеющий скот побивает,
Не устрашает и Австр, мутящий ливнями воды,—
Лишь бы в пустыни лесов, в зеленые долы вернуться.
Малым довольствуясь, я любую вынесу стужу,
Но уж зато по весне под пахучей листвою деревьев
Сладко мне будет лежать меж цветов на лугу травянистом.
Ты же, чтобы еды у меня и зимой было вдоволь,
В дебрях лесных воздвигни дома и приставь ко мне челядь,—
Пусть повинуется мне и еду для меня добывает
В дни, когда почва травы, а деревья плодов не приносит.
Прежде же прочих домов один построй в отдаленье,

Десять раз шестьдесят пусть дверей в нем будет, и окон
Столько ж, чтоб видеть я мог огневержца Феба с Венерой
И наблюдать, как скользят по ночному небу светила,
Мне открывая страны и народа грядущие судьбы.
Столько же дай мне писцов, записать мое слово способных.
Чтобы вещанья мои они вверяли дощечкам.
Чаще и ты приходи, сестрица любимая, к брату,—
Голод мой сможешь тогда утолять питьем и едою».
Так он сказал и в леса удалился шагом поспешным.
Повиновалась сестра и дворец, как велел он, воздвигла
И остальные дома, все наказы Мерлина исполнив,
Так что, пока есть плоды и Феб по высям небесным
Выше идет, под листвою дерев он живет, наслаждаясь,
Бродит по чащам лесным, где зефиры ластятся к вязам.
А наступает зима, от вьюг сердитых мохната,
Всех лишая плодов и леса, и тучные земли,
Так что пищи нельзя добыть под дождем непрестанным,
В названный дом возвращается он, голодный и грустный.
Там и сестра бывала не раз и многие яства
С радостью брату она привозила, и также напитки.
Он же, силы свои обновив обильною пищей
И воспрянув душой, сестру принимал с ликованьем,
После, по дому бродя, наблюдать принимался светила.
Вот что он предрекал, грядущие ведая судьбы:
«Ярое бешенство душ британских! Увы, надмевают
Больше должного их, возрастая и множась, богатства,
Так что миром они не хотят наслаждаться, и гонят
Злые стрекала отряд на отряд соплеменный войною.
Терпят они, чтобы рушились в прах все церкви господни,
В земли далекие прочь прогоняют служителей божьих.
Смуту сеют везде Корнубийского Вепря потомки,
Козни строят они друг другу, себя истребляют
Сами мечом нечестивым и ждать, пока по закону
Власть достанется им, не хотят, но венец похищают.
Будет четвертый из них всех прочих злей и свирепей.
Волк Пучин в сраженье его одолеет однако,
Будет гнать, победив, Сабрину по варварским землям,
Он же обложит тогда осадой долгою Керкер,
В прах дома Воробьев низвергнет и стены разрушит,
К галлам флот поведет, но от царской пики погибнет.
Сам властитель Родарх умрет, когда долгая распря
Скоттов и кумбров в борьбе разведет на долгие годы.
Отдана кумбров земля растущему племени будет,
Камбры войною пойдут сперва на гевиссов, а после
И на корнубиев: их никакой ведь закон не смиряет.
Камбрия будет всегда веселиться пролитой крови:
Богу враждебный народ, что ликуешь ты, кровь проливая?

Камбрия братьев толкнет ополчиться один на другого
И нечестивой предать родных племянников смерти.
Множество раз через Кумбр переправятся скоттов отряды,
Всех, кто противится им, истребят, пощады не зная,—
Не безнаказанно все ж: погибнет вождь их, убитый
Грозной рукою того, кто в честь коня назовется;
Вскоре наследник уйдет, из наших изгнан пределов.
Скотты, спрячьте мечи, которые вы обнажили:
С нашим племенем вы равняться не сможете силой.
Рухнет град Акелуд, и король ни один не отстроит
Прежде его, чем скоттов в бою покорить не сумеет.
Плачет в развалинах град Сиген, и палаты, и башни,
Камбры покуда в свои не вернулись исконные земли.
В гавани Керпер свои будет видеть снесенные стены,
Прежде чем зубом его богатый лис не изменит.
Град опустеет Лоэль и пастыря он потеряет,
Лев скиптроносный пока не вернет ему жезл крюковатый.
Град приморский Рутуп в обломках на берег ляжет,
Но восстановит его шлемоносное судно рутена.
Стены Меневии вновь отстроит пятый преемник
Мужа, что мантию ей вернет через многие годы;
Град Легионов падет в твоем, о Сабрина, заливе,
Граждан своих потеряв, на долгий срок опустеет,
Но возвратит их, когда медведь в ягненке прибудет.
Граждан изгнав, короли саксонские много столетий
Их городами владеть, и домами, и нивами будут;
Трижды три дракона из них главу увенчают.
Двести монахов потом погибнут в граде Леира,
После паденья вождя саксонского град опустеет.
Первый из англов, кому венец достанется Брута;
Опустошенный резней восстановит он заново город.
Дикий народ, запретив в отчизне святые обряды
Править, в господни дома богов кумиры поставит.
Позже лишь Рим нам Христа вернет чрез монашеский куколь,
Храмы вновь окропит святой росою священник,
И восстановит их все, и пастыря в каждом поставит.
Будут с тех пор соблюдать веленья господня закона,
Сыщется много таких, кто по праву сподобится неба.
Этому силой конец положит безбожное племя:
Ведать не будет оно меж бесчестьем и честью различья,
Яда полно, сыновей и родных возить на продажу
Станет в чужие края, громовержца разгневав.
О неслыханный грех! Тех, кого творец удостоил
Почести неба, кого наделил, сотворивши, свободой,—
В путах, словно волов, на продажу вести на веревке!
Богом отверженный, ты, своего властелина предатель,
Чуть лишь на царство взойдешь, как тотчас оно прекратится:

Даки придут на судах и, народ покорив ненадолго,
Править будут, пока их уйти не заставят, разбитых.
Двое там будет владык, но змей, забыв о союзе,
Их острием хвоста поразит, домогаясь престола.
После невстрийцы придут из-за моря в ладьях деревянных,
Взгляд устремляя вперед и взгляд назад обращая,
С острым явившись мечом, в одеяньях железных, на англов
Яро они нападут, перебьют их, страной завладеют.
Много они королевств покорят и за их рубежами
Сломят много племен, до тех пор покуда отраву
Не изольет на главу их Эрин, пролетая повсюду.
Тут и верность, и мир, и всякая доблесть исчезнут,
Будут в родных городах меж собой сограждане биться,
Всякого всякий предаст, и друга никто не отыщет,
Муж, презирая жену, пойдет открыто к блудницам,
Мужа презревши, жена ляжет с каждым, к кому вожделеет;
Чести никто церквам не воздаст, погибнет порядок;
В воинский стан священство уйдет, за оружье возьмется,
На освященной земле крепостные стены воздвигнет,
Воинам то отдаст, что отдать положено бедным,
Будет идти мирскою тропой, влекомо богатством,
Бога ограбит, презрев запрет священной тиары.
Трое получат венец, на престол за ними четвертый —
Новых любимец племен — взойдет, но ему благочестье
Будет во вред, и уйдет он во мрак, отцом облаченный
И препоясав себя шлемоносного вепря клыками.
Четверо будут в черед помазаны, жаждущих власти,
Двое наследуют им и так венец свой покатят,
Что ополчиться на них заставят галлов заморских.
Стены Гибернии в прах шестой низринет; разумный
И благочестный, сперва обновит он народы и грады.
Все это некогда я охотно предрек Вортигерну,
Двух драконов ему таинственный бой объясняя;
Мы утомившись, тогда на берег трясины присели.
Ты же ступай домой, сестра, любезная сердцу,
Чтоб короля увидать перед смертью, а Тельгесину
В дом мой явиться вели: с ним хочу говорить обо многом,
Ибо вернулся вчера он из Арморийканского края,
Гильдаса мудрого там поучений сладость вкусивший».

В дом королева идет, где находит усопшим супруга,
Плачущих слуг и меж них — Тельгесина, что прибыл вчера лишь...
Слезы обильно лия, меж друзей Ганеида упала,
Волосы рвет на себе и такие слова произносит:
«Жены, вместе со мной о кончине рыдайте Родарха,
Мужа оплачьте со мной, какого в нашем столетье

Мир, который мы зрим, не рождал доселе ни разу.
Мирную жизнь он любил и так свирепым народом
Правил, что тяжбы никто ни с кем никогда не затеял.
Клиру святому являл он во всем справедливость и кротость.
Властвуя, был справедлив ко всем — и к незнатным, и к знатным.
Щедрый всегда, он много давал, себе оставляя
Самую малость, и всем делал то, что им подобало.
Конного строя краса, цвет монархов, опора державы.—
Вот чем ты был, а теперь червям отдают тебя в пищу,
Мощное тело твое истлеет во гробе нежданном.
Ужли такое тебе после шелковых постлано ложе?
Ужли твою белоснежную плоть, королевское тело
Хладная скроет плита, и останутся прах лишь и кости?
Так это будет, увы! Людей угнетает от века
Горестный жребий: к правам они прежним не могут вернуться.
Пользы нет никакой в этом бренном прославиться мире:
Слава приходит, бежит, и морочит, и губит могучих.
Медом своим умащает пчела то, что после ужалит,—
Так, подольстившись сперва, покидает нас слава мирская
И, обманув, ударом хвоста поражает бесчестно.
Дар мимолетен ее; чем владеет она, кратковечно;
Словно текучий ручей, что приносит, то и уносит.
Что с того, если розы красны, если лилии белы,
Если красив человек, или конь, иль другие созданья?
Эту заслугу творцу мы должны приписать, а не миру!
Значит, блаженны лишь те, кто сердцем тверд благочестным,
Господу кто угождает во всем, кто мир покидает.
Им в чести пребывать дает неизменной и вечной
Тот, чья власть без конца, Христос, зиждитель вселенной.
Вас я покину, вожди, вас, высокие стены и лары,
Вас, мои сыновья, и все мирское оставлю.
Буду с братом в лесах я жить и, радуясь сердцем,
Бога вышнего чтить, облачившись в черные ризы».
Молила так и мужу она воздала то, что должно,
И на могильной плите такие стихи начертала:
«Щедрый Родарх, щедрей которого не было в мире,
Ныне покоится здесь, в невеликом гробе — великий».

Тою порой навестить Мерлина, вещего мужа,
В лес пришел Тельгесин, что послан им был в обученье:
Должен был он узнать, что такое тучи и ветер,
Ибо в тот миг налетели они и туманы сгустили.
Так объясненья давал Тельгесин, наущаем Минервой:
«Из ничего произвел четыре начала создатель,
Чтоб к сотворенью вещей возникла первопричина
Вкупе с материей, сплошь связуемой миром согласным:

Небо, которое он вознес и звездами украсил,
Все окружил им и в нем замкнул, как в скорлупке ореха;
Воздух был создан потом, чтобы звуки в нем возникали
И чрез посредство его день иль ночь посылали светила;
Море бежать вкруг земель он заставил и делать четыре
Мощных изгиба и тем приводить в движение воздух,
Так что он ветры родит, и всего тех ветров четыре;
Собственной силой стоит, через легкость не движется суша,
Что поместил он внизу, на пять частей разделивши,
В средней из коих нельзя обитать из-за жгучего зноя,
В крайних же двух — из-за стуж, все живое оттуда изгнавших,
Так что лишь в двух остальных, которым умеренность дал он,
Люди живут, и стаи зверей, и сонмы пернатых.
С тем же, чтоб дождь выпадал и плодам земным и древесным
Лучше расти помогал, окропляя их кроткою влагой,
В небо он тучи пустил, которые действием солнца
Полнятся влагой речной, как мехи, по тайным законам.
После с эфирных высот, где сила ветра их носит,
Щедро на землю они изливают заемные воды.
Вот откуда и дождь, и округлый град, и метели,
Ветер на тучи когда дохнет сырой и студеный
И, проникая насквозь, их заставит низвергнуть потоки.
Ну, а природу свою от земных поясов получает
Каждый из ветров — смотря по тому, близ какого родился.
Твердь сотворив и на ней укрепив огневые светила,
Небо эфирное бог распростер и ангельским сонмам
Дал в обитанье его, ибо дивная сладость господня
И созерцанье творца им дарует бессмертье и вечность.
Звездами бог украсил эфир и солнцем лучистым,
Звездам назначил закон, по которому каждая может
В небе, что вверено ей, указанной мчаться дорогой.
После под телом луны он раскинул воздушное небо,
Блеск ему даровав; в том небе, в областях горных,
Рати духов живут, которые нам сострадают,
Радуясь или крушась вместе с нами превратностям нашим;
Духи эти несут молитвы людей через воздух,
Просят смиренно творца, чтобы им он внял благосклонно,
И, что восчувствует бог, то иль голосом, иль сновиденьем,
Или знаком иным доводят до нашего знанья.
Ниже простор под луной зловредных демонов полон:
Нас искушают они и морочат, обманам учены,
Часто, себе сотворив из воздуха тело, воочью
Демон является нам и с нами ведет разговоры;
К женщинам даже порой приходят они для соитья,
Так что, понесши от них, те рождают в нечестье и в сраме.
Вот как устроил господь небеса и тройному сословью
Духов назначил в них жить, чтоб они все, что есть, опекали

И обновляли бы мир, семена вещей обновляя.

Так же господь и моря разделил на многие виды,
Чтобы формы вещей из себя оно вечно рождало.
Ибо часть моря кипит, часть застыла льдом, и лишь третья,
Свойства обеих других умерив, пищу дает нам.

Моря кипящая часть ту бездну, где ярое пламя,
От остальной отделяет земли, ее обтекая,
Вновь впадая в себя и питая пламенем пламя.
Все нисходят туда, кто в угоду воле превратной
Смел закон преступить, пренебрегши господом богом,
Все, кто, запрета не чтив, осквернить заповедное жаждал.
Там угрюмый судья то, что каждым заслужено, взвесив
На непреложных весах, налагает должные кары.

Моря замерзшая часть песчинки округлые катит,
Те, что с собою родит сперва, приблизившись к пару
И подмешавши к нему лучи, светило Дионы.
Это оно, бродя среди рыб, озирая пучины,
В них самоцветы родит, как о том повествуют арабы.
Свойства подобных камней полезны тем, кто их носит:
Многим вернули они, сохранили многим здоровье.
Их, как и все, разделил на роды и виды создатель,
Чтобы могли мы их различать по виду, по цвету,
Чтобы и род их для нас, и свойства были наглядны.

Третьего рода моря, что простерлись вкруг нашего мира,
Нам немало дают своею близостью пользы;
Рыбу питают они, в изобилье соль производят,
Носят туда и сюда корабли, где товары мы возим,
Так что от прибыли стать богачом может бедный внезапно:
Делают почву моря плодоносной, кормят пернатых,
Что родились, говорят, в пучине так же, как рыбы,
Но по иному живут, чем они, закону природы:
Птицам подвластны моря намного больше, чем рыбам,
Ибо легко в высоту они взлетают пустую,
Рыбу же влага несет и прочь из глубин не пускает,
Ибо при свете сухом умирает рыба немедля.
Также и их разделил на роды и виды создатель,
И, разделив, даровал такую природу, чтоб вечно
Дивны были они и целебны для тех, кто недужен.

Похоти жар, говорят, умеряет краснобородка,
Но, кто ее поест, тот на оба глаза ослепнет.

Рыба тимал, что так по цветку зовется тимьяна,
Ест его чаще всего и тимьяном поэтому пахнет,
Так что все рыбы в реке получают запах такой же.

Пола женского все, вопреки закону, мурены,—
Так говорят,— но меж тем размножаются через соитье
И приносят приплод от чужого семени, ибо

Часто на берег морской приползают во множестве змеи
И, оставаясь на нем, шипят призывно и сладко,
Так вызывая мурен, чтобы с ними совокупиться.
Можно еще и тому подивиться, что полуфутовый
Еж морской, к кораблю прицепившись, держит средь моря,
Как на причале, его и дальше плыть не пускает,
Прежде чем сам не уйдет; потому его и страшатся.
Так же страшатся, чтоб та к кораблю приближалася рыба,
Что зовется мечом, ибо бивнем разит она острым.
Если поймают ее, обшивку она пробивает —
И поглощает корабль, завиваясь воронкой, пучина.
Рыба-пила судам опасна гребнем, который
В них вонзает она, подплывая под днище, и режет
Доски, и топит корабль, страшна, как мечом, своим гребнем.
Тем дракон водяной, кто рукой его схватит, опасен:
Сильный яд, говорят, заключен под его плавниками,
И, уколов, он вредит, вливая яд этот в рану.
Рыба скат, говорят, угрожает другою напастью:
Если к живому кто невзначай притронется скату,
Руки и ноги сей миг отнимаются, члены немеют,
Делать дело свое, словно скованы смертью, не могут.
Вот как вредит этот скат незримым своим истеченьем.
Этих во множестве рыб и других поселив под водою,
Бог средь своих зыбей распростер обширные земли,
В коих люди живут, плодородье их обнаружив
По изобилию трав, которые почва рождает.
Первой из оных земель и лучшей Британию числят,
В щедрости вящей своей она все, что ни есть, производит,
Злаков растит урожай и душистый дар благодатный
Год за годом дает на потребу живущим в ней людям.
Есть в ней леса и есть дерева, что медом сочатся,
Ширь травянистых лугов и горные кручи до неба,
Реки есть, родники, и скот, и звери, и рыба,
Много древесных плодов, самоцветов, ценных металлов,—
Все, что только дает природа творящая людям.
Есть и ключи целебные в ней с кипящей водою:
Лечит недужных она, притекая в отрадные бани,
Немощь из тела изгнав, возвращает немедля здоровье.
Бани построил Бладуд в те годы, когда царский держал он
Жезл, и вода, получив по жене его имя Аларон,
Часто являла с тех пор свои целебные свойства,
Против недугов любых помогая, но более женских.
Рядом лежит Фанат, где многое есть в изобилье;
Змей смертоносных там нет, и если к вину подмешаешь
Землю его, то такое питье спасает от яда.
Наше море от нас отделяет Орхадские земли:
Их разрезает река, их три и трижды по десять;

Два и десять пусты, обитаемы все остальные.
Имя от солнца свое получила Крайняя Фула:
Ибо летнее там в дни солнцестояния солнце
Вспять обращает лучи, чтобы дальше они не светили;
Дни уводит оно, в непрерывную ночь погружает
Воздух темный над ней, одевает студеное море
Льдом, чтобы праздным оно, для судов недоступное, было.
После нашей земли называют Гибернию люди
Лучшим из всех островов по причине ее плодородья.
Даже обширней она; ни пчел, ни птиц, кроме редких,
Там не найти, а змей та земля и родить не желает.
Вот почему, коль, свезя оттуда почву и камень,
Где-нибудь высыпать их, там исчезнут и пчелы, и змеи.
Близ Геркулесовых Гад есть остров по имени Гады:
Дерево там растет, чья кора смолу источает
Каплями, что застывают на ней в самоцветные камни.
Про Гесперид говорят, что дракон у них, глаз не смыкая,
От пришлецов сторожит золотые плоды под листвою.
Женщины с телом козы, говорят, живут на Горгадах,
Зайцев бегучих они быстротою ног побеждают.
Золота и серебра на Аргире и Криосе родится
Столько же, как говорят, сколько камня простого в Коринфе.
Зеленью пышной травы приятен вид Тапробаны:
Дважды за год на нивах ее урожай созревает,
Дважды лето на ней и весна, и дважды сбирает
Там виноград и плоды на земле, самоцветами славной.
Вечно на Тиле весна; неизменно на нем зеленеют
Свежей листвой дерева и цветы цветут постоянно.
Остров Плодов, который еще именуют Счастливым,
Назван так, ибо все само собой там родится.
Нужды там нет, чтобы пахарь поля взрывал бороздами,
Нет земледелия там: все сама дарует природа.
Сами собою растут и обильные злаки, и гроздья,
Сами родятся плоды в лесах на раскидистых ветках,
Все в изобилье земля, как траву, сама производит.
Сто и более лет продолжается жизнь человека.
Девять сестер в том краю по законам правят премудрым,
Властвуя теми, кто к ним из наших краев прибывает.
Старшая из девяти всех мудрее в искусстве целенья
И красотой своей сестер превосходит намного;
Имя Моргана ей, изучившей полезные свойства
Всякой травы, способной лечить телесную немощь;
Знает искусство она изменять обличье и может
В воздухе на новых крылах взлетать, подобно Дедалу,
Если захочет, летит в Бристиду, в Карнот иль в Папию,
Если захочет, и к нам скользнет с высокого неба.
Той же волшбе, говорят, и другие обучены сестры:

Все: Глитонея, Глитен, Глитон, Мороноя, Мазоя,
И Тироноя, Титен и Титон, что прославлена лирой.
Нами туда был Артур, у Камблана раненный в битве,
После войны отвезен, а путь Баринт указал нам,
Ибо известны ему и моря, и светила на небе.
Кормчим ведомы таким, мы туда с государем приплыли,
С почестью должною нас приняла Моргана, Артура
В свой поместила покой, уложив на парчу золотую,
Рану его обмыла сама рукой осторожной,
Долго смотрела ее и сказала, что может здоровье
Все же вернуться к нему, если он на короткое время
С нею останется там, чтоб ее лекарством лечиться.
С радостью вверили мы ее заботам Артура,
И поручив паруса попутному ветру, отплыли».
Молвил в ответ на это Мерлин: «О товарищ любезный,
Сколько с тех пор, как союз был нарушен, страна претерпела!
Стала она не тем, чем была, ибо жребий враждебный
Знатных заставил, клинки в ее утробу направив,
Смуту затеять везде, чтобы все, сколько было, богатства
Прочь из отчизны ушли, чтобы всякая честность пропала,
Чтобы свои города побросали, отчаявшись, люди.
Также и саксы на нас войной нагрянули грозной,
Нас и наши опять города разорили жестоко,
Божий закон преступив, осквернивши храмы господни.
Истинно, сам творец, чтобы нас, неразумных, исправить,
Эту беду допустил, преступленья наши карая».
Речи не кончил Мерлин, как ему собеседник ответил:
«Стало быть, должен народ послать кого-нибудь с вестью
За море, чтобы Артур на быстром судне вернулся,
Если уже он здоров: пусть противника с прежнею силой
Он отразит и мир, как встарь, установит для граждан».
«Нет,— Мерлин отвечал,— это племя так не отступит,
Ежели в ваши сады однажды вцепилось когтями.
Прежде согнет под ярмо города и народ королевства,
Силою власть над ним утвердив на долгие годы.
Трое из нашей среды им противится доблестно будут,
Много врагов истребят и силы их сломят, но все же
Не до конца победят, потому что судьею небесным
Вынесен нам приговор: благородной власти лишатся,
Немощи ради своей, на многие годы бриттоны,
К ним не прибудут доколь от Арморинанского дышла
Камбров почтенный вождь Кадваладр с могучим Кононом:
Снова свяжут они нерушимым союзом и камбров,
И корнубийских мужей, и скоттов, и арморикацев,
И возвратят землякам венец, утраченный ими,
Брута вернув времена, прогнав врагов-чужеземцев,

И городами с тех пор по святым будут править законам.
Снова начнут побеждать королей в краях отдаленных,
Храбро сраженья ведя, подчинять себе их королевства.
Но из живущих теперь никого уж не будет в то время».
Молвил ему Тельгесин: «Меж сограждан распрей жестоких
Столько не видел никто, сколько ты,— я так полагаю».
«Правда,— ответил Мерлин,— я прожил долгие годы
И насмотрелся всего и от наших, себя истреблявших,
И от смуту с собой приносивших варваров пришлых.
Помню злодейство досель: Констант был предан коварно,
За море, чтобы спастись, малолетние братья бежали,
Утр и Амвросий; с тех пор в лишенном правителя крае
И началась череда нескончаемых войн и усобиц.
Войско повел против всех Вортигерн, возглавлявший гевиссов,
Чтобы области те своему подчинить произволу;
Множество бед он принес земледельцам, ни в чем не повинным.
Натиском быстрым венец захватил он, мужей благородных
Много пред тем истребив, и все покорил королевство.
Все же, кто кровным родством был с бежавшими братьями связан,
Иго его стерпеть не могли и пожарами стали
Все палить города во владеньях князя-злодея,
Земли тревожа его набегами ратей свирепых
И не давая ему захваченным править спокойно.
Вечно в тревоге он жил и, поняв, что с народом мятежным
Сладить не сможет, решил для войны призвать издалека
Воинов, чтобы идти навстречу противнику с ними.
Вскоре явился к нему со всего собравшийся света
Всякий воинственный люд, и с честью всех принимал он.
Также саксонский народ, на судах приплыв крутобоких,
Прибыл, доставив ему под начало бойцов шлемоносных.
Их возглавляли тогда два брата отважных и дерзких,
Хорс и Хенгист, и скоро они нечестивой изменой
Страшный урон нанесли городам, нанесли и народу.
Ибо сначала вождя к себе усердною службой
Братья сумели привлечь, потом, увидав, что поднимут
Граждане скоро мятеж и властителя будет нетрудно
Им низложить, на народ они меч обратили жестокий,
Клятвы презрели и вслед, заране задумав измену,
Знатных убили, когда те сидели все вместе, явившись
К ним по призыву, чтоб мир и союз заключить нерушимо.
После они оттеснили вождя за снежные горы,
Так, как я и предрек, королевству судьбу предвещая.
Братья бродили потом по стране, поселенья сжигая,
Силой стараясь себе подчинить все земли и грады.
Но Вортимер, увидав, что в великой беде королевство,
Что вероломно отец из дома Брутова изгнан,
Принял наследный венец по воле народа и вышел

С войском на дерзостный род, его сограждан терзавший.
После множества битв прогнать удалось Вортимеру
Их на Фанат, к кораблям, на которых саксы приплыли.
Но, покуда они бежали, многих сильнейших
Наши успели убить, и меж ними воителя Хорса.
Вслед за врагом поспешил Вортимер и немедля в осаду
Взял Фанат, окружив его и с моря, и с суши,
Сразу, однако, не смог победить, ибо саксы, владея
Флотом, силою путь проложили и в море умчались,
В землю свою поспешая назад на веслах проворных.
Так в победной войне над врагами восторжествовавши,
Править стал Вортимер, почитаем от целого мира,
Пользуясь властью своей и умеренно, и справедливо.
Но, негодуя в душе, сестра Хенгиста Ронвена
Счастья его перенесть не могла и, прикрывшись коварством,
Яд намешала и, став ради брата мачехой злою,
Выпить дала королю и питьем его погубила,
За море к брату потом послала спешно известье:
Пусть он назад приплывет, имея столько отрядов,
Сколько выставить их народ воинственный сможет.
Так он и сделал: пришел с такой бесчисленной ратью,
Что владенья у всех в сраженьях отнял кровавых,
А города по стране дотла уничтожил пожаром.
Это вершилось пока, оставались Утр и Амвросий
В Армориканской земле при дворе владыки Будика.
Оба себя показать с мечом в сраженьях успели,
Оба отряды бойцов отовсюду к себе собирали,
Чтобы в отчизну идти и прогнать чужеземное племя,
Родину их отцов разорявшее тою порою.
Вот корабли вверяют они ветрам и пучинам
И на защиту своим согражданам с войском приходят.
В бегство от них Вортигерн по земле Камбрийской пустился,
Но, осажденный, сожжен был братьями в собственном замке.
После они свой меч против англов направили тотчас,
С ними встречаясь в бою, побеждали их не однажды,
Но иногда и от них в свой черед пораженья терпели.
Встретились в битве они наконец большой и упорной:
Стали наши теснить, поражая противника яро,
И, Хенгиста убив, победили по воле господней.
После деяний таких с изволенья народа и клира
Отдан Амвросию был престол и венец королевский;
Впредь носил он его, соблюдая в делах справедливость,
Но лишь четыре успел прожить пятилетья, а после
Умер, предан врачом, из рук его выпив отраву.
Младший брат его Утр получил престол по наследству,
Но поначалу не мог над страною властвовать с миром,
Ибо кровавый род, домой возвращаться привыкший,

Прибыл опять и страну, как всегда, разоряли отряды.
Утр напал на него и разбивши в схватках жестоких,
Весла назад обратить и уйти за море заставил.
Вскоре, войну прекратив и мир повсюду упрочив,
Сына родил он себе, и тот, вырастая с годами,
Стал таким, что никто ему не был доблестью равен.

Звали сына Артур и престолом он королевским
Долгие годы владел после смерти родителя Утра.
Но получил он престол ценой трудов и страданий,
Войн многолетних ценой и гибели многих отважных.
Ибо, когда отец одряхлел, из Английского края
Прибыл коварный народ и за Гумбром лежащие земли
Все прошел с мечом, одну за другой покоряя.
Отрок еще, Артур по слабости возраста не был
В силах такие войска обуздать, преградив им дорогу.
Вот почему, принявши совет народа и клира,
Арморикaнскому он королю отправил Хоелю
Весть, чтобы тот корабли снарядил на помощь скорее,
Ибо и общая кровь, и приязнь их союзом связали,
Так что друг друга они выручать в беде обязались.
Быстро Хоель отовсюду собрал упорных в сраженье
Воинов, мощных мужей, и много тысяч привел их
К нам, и врагов разгромил, нападая в союзе с Артуром
То и дело на них и нещадно их истребляя.
С этим союзником страх позабыл Артур и отважен
Стал пред толпою врагов, когда шли на них в наступленье.
А победив пришлецов и в отчизну заставив вернуться,
Он в королевстве своем учредил закон и порядок.
После же этих боев подчинил он вскоре и скоттов,
И гибернийцев, на них обратив военную силу.
Так страну за страной покорял он, вторгаясь войною;
Сдались норвежцы ему, за широким живущие морем,
Даки сдались, когда он с кораблями на них устремился;
Галлов народ под ярмо он склонил, убивши Фроллона,
Коему римская власть отдала страну под опеку;
Даже и римлян самих, что войной на его королевство
Шли, победил он, напав, и наместник Луций Гиберий
В этом сраженье погиб: императора Льва сотоварищ,
Послан в далекий поход он был приказом сената,
Чтобы отвоевать у Артура галльские земли.

Властью в нашей стране возжелал завладеть той порою
Страж неверный Модред, разуменье утратив, и тайно
Он с королевой вступил в любовный союз незаконный.
Сам же Артур, идти на врага в поход собираясь,
Препоручил Модреду блюсти и престол, и супругу,
Но, едва лишь молва принесла ему весть о бесчестье,

Он отложил о войне заботу, домой возвратился
И на племянника вдруг с многотысячным войском ударил,
В бегство его обратил и заставил за морем скрыться.
Стал на чужбине тот муж с душою, полной измены,
Саксов к себе собирать и с вождем затеял сраженье,
В коем и пал: обмануло его язычников племя,
Хоть, полагаясь на них, и начал он трудное дело.
О, истребленье мужей, о горе сердец материнских
По сыновьям, что тогда погибли в битвах кровавых!
Там же и сам король получил смертельную рану;
Край он покинул родной и, тобой за моря увезенный,
К нимфам попал во дворец, как ты мне рассказывал раньше.
Тою порой сыновья Модреда, каждый желая
Власть получить для себя, пошли друг на друга войною.
В распре взаимной брат губил сторонников брата,
Но восстал против них Константин, племянник Артура,
Рушил он города, избивал и мучил народы,
После же, смерти предав обоих братьев жестокой,
Сам венец захватил и править стал над народом.
Мира, однако, и он не знал: на него ополчился
Родич его, Конан, поправ законы и право.
Он, умертвив короля, себе присвоил владенья,
Коими правит теперь, ни ума не являя, ни силы».

Так Мерлин говорил. Между тем пришли к нему слуги
И рассказали, что ключ между ближних гор у подножья
Новый пробился, излив прозрачную чистую воду,
Струи которой текут далеко по глубоким долинам
И, виясь и журча, по густым лесам пробегают.
Шагом поспешным пошли взглянуть на новый источник
Оба они, и Мерлин, посмотрев, на траву опустился,
Стал и местность хвалить, и обильно текущую влагу,
И удивляться, что вдруг меж кустов эти струи забили.
Вскоре вещий муж наклонился к ним, чувствуя жажду,
Вволю напился воды и виски окропил себе щедро;
Чуть лишь пошел по путям нутряным желудка и чрева
Жидкости светлой глоток и пары, что скопилися в теле,
Вмиг заставил осесть, как вернулся разум к Мерлину,
Сразу опомнился он, и безумье покинуло душу.
Чувства, которые в нем пребывали в оцепененье
Долгие годы, сей миг пробудились, и здравый рассудок
Вновь обретя, стал прежним он вновь, как ни в чем не бывало.
Бога восславить спеша, обратил он взоры к светилам
И произнес такие слова, благочестия полон:
«Царь, чьей волей тверда многозвездного неба громада,
Чьим изволеньем моря и суша, семя приявши,

Множат приплод и растят, и щедрым своим плодородьем
Пользу приносят и прок постоянный роду людскому,
Кто помраченье ума прогнал и чувства вернул мне!
Отнятый сам у себя, словно дух, я ведал деянья
Прежних племен и предсказывать мог грядущие судьбы,
Знал я тайны вещей, мне пернатых полет был понятен,
Звезд блуждающий путь и движенья рыб постигал я.
Мучило это меня и покой, что законом природы
Душам дарован людским, у меня отнимало все время.
Ныне в себя я пришел и движет вновь меня сила,
Коей дух от рожденья привык живить мое тело.
О небесный отец, коль тебе я столь многим обязан,
То удостой же меня, чтоб тебя душою достойной
Мог прославлять и тебе возливать возлиянья, ликуя.
Щедро мне одному ниспослал ты помощь двойную,
Новому литься велев средь кустов источнику в дар мне:
Есть и вода у меня, которой не было прежде,
И, лишь испивши ее, себе вернул я здоровье.
Но откуда взялась, о любезный товарищ, та сила,
Через которую ключ, едва истек, возвратил мне
Снова меня самого, хоть и был не в себе я доселе?»
    Молвил в ответ Тельгесин: «Богат устроитель вселенной:
Реки он разделил на многие виды, даруя
Каждой силу свою, чтоб они помогали недужным.
В мире источники есть и озера и реки такие,
Что исцеляли не раз и многих от разных болезней.
    Альбула мчит через Рим благотворные быстрые воды,
Что для раны любой лекарством служат надежным.
    Ключ в Италии есть, Цицерона имя носящий:
Если глаза повредить, он залечит всякую рану.
    Есть в Эфиопском краю, говорят, стоячие воды,
Лоснится кожа лица от них, словно смазана маслом.
    В Африке бьет источник один, именуемый Зема:
Если испить из него, станет голос певучим и звонким.
    Средь италийских озер от вина отвращает Клиторий.
    Кто из Хиосского пьет ключа, тот скоро зачахнет.
    Есть в Беотийской земле два ключа, как молва повествует:
Память один из них отнимает, другой возвращает.
Есть еще озеро там с такой зловредной заразой,
Что разжигает оно неуемного жар любострастья.
    Ключ Кизикский любовь прогоняет и вожделенье.
    Реки в Кампанском краю текут; говорят, что бесплодным,
Если воды их испить, возвращают они плодовитость;
Также еще говорят, что безумье они изгоняют.
    Из Эфиопской земли бьет источник с красной водою:
Кто напьется ее, тот немедля разум теряет.
    Медленный Ключ никогда, чтобы выкидыш был, не допустит.

Два в Сицилии есть ключа: по природному свойству
Женам один плодовитость дает, другой отнимает.
Две фессалийских реки обладают обильною силой:
Выпив воды из одной, чернеет овца, но белеет,
Ежели пьет из другой, а из двух — так становится пестрой.
В Умбрии озеро есть Клитумн; про него повествуют,
Будто огромных быков порой оно порождает.
От Реатинских болот у коней твердеют копыта
Сразу, лишь только скакун по пескам зыбучим помчится.
Озеро есть со смолистой водой в Иудее; не может
Тело в ней утонуть, пока его дух оживляет.
Наоборот, в Индийской земле, в болоте Сигенском
Плавать не может ничто: все на дно уходит мгновенно.
Озеро есть, что Алоэ зовут: ничего в нем не тонет,
Плавает поверху все, будь то даже свинец или камень.
Вытолкнув камни наверх, их несут Марсидийские воды.
Стикса поток, что бьет из скалы, убивает испивших:
Страшные свойства его Ахадия вся подтверждает.
Про Идумейский родник говорят, что четырежды цвет свой
Он с течением дней меняет по дивным законам.
То в нем мутна вода, то в свой черед зеленеет,
То заалеет, как кровь, то бежит чиста и прекрасна.
Каждый из этих цветов Идумейский поток сохраняет,
Как говорят, из года в год по три месяца ровно.
Озеро есть Роготида: вода в нем становится горькой
Трижды за день, и трижды — на вкус приятной и пресной.
Ключ в Эпире таков, что факел, если погаснет,
Вновь разгорается в нем и яркий свет посылает.
Ключ в Гарамантском краю весь день остается студеным,
А по ночам до утра, напротив, кипит и дымится,
Так погрузиться в него то жар, то холод мешает.
Много есть еще вод, что текут струею горячей:
Все получают тепло, когда через серу проходят
Или квасцы, ибо в них от огня есть целебная сила.
Этой и многими бог наделяет силами реки,
Чтобы лечили они и больным возвращали здоровье,
Тем являя для нас, насколько могуча в природе
Благость творца, если он так прекрасно ее устрояет.
Также и этот поток по его промышленью целебен,
Думаю я, и лишь потому принести излеченье
Мог он, едва из земли пробился новою влагой.
Только недавно она по глухим полостям под землею
Так же текла, как текут подземные многие воды,
Но на пути у нее, быть может, стала преградой
Или скала, иль земли обвалившейся тяжкая глыба,
Вот почему она вспять, как думаю я, обратилась
И понемногу прошла сквозь почву, создавши источник.

Видел нередко ты сам, как, пробившись, снова уходят
Воды под землю и вновь свои затопляют пещеры».
Так рассуждали они, а меж тем разлетелся повсюду
Слух, что новый в лесах Калидонских пробился источник
И, чуть испив из него, немедля муж исцелился,
Что обезумел давно и в этих долгие годы
Прожил дебрях лесных, как живут лишь дикие звери.
Вскоре вожди явились туда в окруженье знатнейших,
Радуясь, что исцелен вещий муж нежданною влагой.
Тотчас его известив о делах государства подробно,
Стали просить, чтобы жезл он принял снова и правил
Вновь народом своим, как всегда, разумно и кротко.
Он им в ответ: «Не того мой, о юноши, возраст взыскует:
К старости я уж клонюсь, и она так мне тело сковала,
Что от бессилья с трудом через поле могу перейти я.
В гордости, в радости я за долгий век мой довольно
Прожил отрадных дней, когда мне улыбалось обилье
Неисчислимых богатств, сверх меры накопленных мною.
Дуб узловатый растет в лесу этом, мощный и крепкий,
Но и его до того довела все изъевшая старость,
Что изнутри он истлел, лишенный живительных соков.
Я же видал этот дуб, когда только начал расти он,
Видел и желудь, когда стряхнул его с ветки случайно
Дятел, сидевший на ней,— а из желудя дуб этот вырос[1].
. . . .
. . . .
Значит, я долго живу и меня уж давно отягчает
Старость гнетом своим; вновь занять я престол не желаю.
В том, что дарит Калидон, где под кровом листвы я останусь,
Больше радости мне, чем во всех самоцветах индийских,
Больше, чем в золоте всем на брегах баснословного Тага,
Чем в сицилийских хлебах или в лозах сладких Мефиды,
Иль в городах, обнесенных стеной, или в замках высоких,
Или в блеске одежд, что от тирского снадобья рдеют.
Не по душе мне ничто, коль оно из моих Калидонских
Рощ уведет меня прочь: их всего почитаю отрадней,
В них и закончу свой век, довольный травой и плодами:
Благочестивым постом мою плоть я настолько очищу,
Что без срока смогу наслаждаться вечною жизнью».
Так говорил он; меж тем увидали знатные мужи
Длинный строй журавлей, в поднебесье летевших клином.
Видеть можно не раз, как они, не меняя порядка,
Над берегами кружат, по отрядам построясь в эфире.
Глядя на них и дивясь, Мерлина друзья попросили
Им объяснить, почему только так эти птицы летают.

[1] Следующие два стиха искажены и смысл их восстановлению не поддается.

Вот что ответил Мерлин: «Как и все остальное, пернатых
Мира зиждитель, создав, наделил особой природой:
Это узнал я за долгие дни, в лесах обитая.
У журавлей такова их природа, что если по небу
Стаей большой пролетают они, мы видим нередко,
Как очертанье их строй сохраняет иль то, иль другое.
Криком одна из птиц им велит соблюдать свое место,
Чтоб налету в их рядах привычный порядок не сбился;
Если охрипнет она, то другая ее заменяет.
Ночью они караул выставляют, и камешек держит
Сторож обычно в когтях, отогнать желая дремоту.
Если завидят кого, взлетают с криком внезапным.
Чем старее журавль, тем черней у него оперенье.
Имя свое ради острых очей орлы получили,
Ибо из всех, говорят, лишь они таким обладают
Зреньем, что солнечный свет выносят и взгляд не отводят.
Сами птенцов подставляют лучам, убедиться желая,
Не отвернется ли он,— чтобы не было выродков хилых.
На неподвижных крылах паря высоко над морем,
Высмотреть могут они глубоко в пучине добычу;
Тут же спускаются вниз, рассекая стремительно воздух,
Чтобы схватить, как рожденье велит, плавучую рыбу.
Дивно сказать: не приняв в соитии семени мужа,
Коршуна самка зачать и принесть потомство способна.
Коршун, летя высоко, как орел, и клюв воздымая,
Даже из-за моря труп учуять может ноздрями
И, не гнушаясь, к нему подлетает на медленных крыльях,
Чтобы прожорливый зоб насытить желанной добычей.
До ста лет он живет, сохраняя силу и крепость.
Аист, что, клювом стуча, только правду всегда предвещает
Так усердно птенцов, говорят, лелеет и холит,
Что у себя на груди вырывает догола перья.
Чуть наступает зима, улетает он, бурь избегая,
И Азиатских краев достигает, ведомой вороной.
Если от старости он ослабеет, птенец его кормит
Столько же дней, сколько сам он птенца кормил, когда должно.
Всех, сколько есть их, затмит пернатых сладостью пенья
Лебедь в смертный свой час, мореходам любезная птица.
В Гиперборейские он, говорят, уходит просторы
Под полнозвучный напев оглашающей берег кифары.
Яйца страус кладет в песок и там оставляет,
Чтобы лежали в тепле: сидеть на них мать не желает,
Так что солнечный луч птенцов высиживать должен.
Цапля, когда ее дождь и грозная буря пугают,
К тучам взлетает, чтоб так избежать непогоды опасной.
Вот почему говорят, что она предвещает ненастье,
Всякий раз, как ее мореходы за тучами видят.

В землях арабов живет всегда единственный феникс,
Коему бог даровал возрождаться телом воскресшим.
Как состарится он, так летит туда, где сильнее
Солнечный жар, и собрав благовонья в огромную груду,
Свой погребальный костер разжигает взмахами крыльев,
И с высоты упадает в него, и дотла в нем сгорает.
Тела сожженного прах порождает новую птицу,
И по такому всегда обновляется феникс закону.
Ветки коричных дерев на гнездо сбирает коричник,
Вьет же его он всегда на дубе самом высоком.
Люди оттуда его оперенными стрелами тщатся
Сбить, ибо так добывают они на продажу корицу.
Птица морская есть,— называют ее зимородок,—
Ибо зимней порой она гнездо себе строит.
На семь дней, что она сидит на яйцах, стихают
Волны и ветры в морях, умолкают свирепые бури,
Чтобы, пернатой служа, ей дать покой безмятежный.
Думают, что попугай человеческим голосом может
Членораздельно слова говорить, если люди не смотрят,
И средь веселых речей он то «здравствуй», то «радуйся» молвит.
Птица есть пеликан; птенцов она убивает
И в сокрушенье потом три дня по убитым горюет,
После же клювом сама начинает терзать себе тело,
Жилы в груди отворив, изливает крови потоки,
Ею кропит птенцов и к жизни их возвращает.
Ежели жалобно вдруг закричат Диомедовы птицы,
Словно бы плача над кем, то считают, что это пророчит
Скорую смерть королю иль большую беду королевству.
Если увидят кого, немедля они различают,
Грек или варвар идет; если грек, то с хлопаньем крыльев
Радостным близко к нему подойдут и ликуют, ласкаясь;
Всех остальных обойдут стороной, и перья встопорщат,
И нападут, как будто он враг, с пугающим криком.
Каждых пять лет, говорят, прилетают Мемноновы птицы,
Долгий проделавши путь, на холм могильный Мемнона,
Чтобы оплакать вождя, в Троянской погибшего битве.
Дивное есть перо в оперенье блестящем жар-птицы,
Ночью во мраке оно, словно яркий светильник, сверкает
И, коль его понесешь впереди, освещает дорогу.
Дятель, строя гнездо, от деревьев отщипывать может
Щепки и палки, каких никому оторвать не под силу;
Стуком при этом своим он всю оглашает округу».

Так он вещал,— а меж тем неожиданно некий безумец
К ним подошел, или жребий его привел неслучайный.
Страшными воплями он наполнял и рощу, и небо,

Пену, как вепрь, из уст испускал, войной угрожая.
Быстро схватили его и сесть заставили рядом,
И насмехаться над ним в шутливой стали беседе.
Вещий муж между тем, присмотревшись внимательным взглядом,
Вспомнил, как прежде он был, и всею грудью вздохнувши,
Так со стоном сказал: «Не таков был он обликом раньше,
В давние дни, когда мы расцветали юностью оба.
В те времена и красавец он был, и воин отважный,
И отличен средь всех благородством царственной крови.
Он при мне состоял среди многих, меня окружавших,
Ибо на добрых друзей и был, и слыл я счастливым.
Как-то случилось нам, когда мы охотились вместе
На Аргустлийских холмах, под раскидистым встретиться дубом,
Что высоко над землей простирал зеленые ветви.
Тек среди свежей травы под деревом чистый источник,
Чья, казалось, вода для питья человеку годилась.
Мы присели над ним, равно от жажды страдая,
Тотчас же начали пить из источника светлую влагу.
После взглянули вокруг — и на травах видим прибрежных
Яблоки: много их там лежало, душистых и спелых.
Первый он к ним подошел и, плоды собравши, тотчас же
Мне их с улыбкой вручил, нежданному радуясь дару.
Яблоки, данные мне, разделил я меж спутников, сам же
Ни одного не оставил себе, ибо их не хватало.
Стали смеяться они, кому угощенье досталось,
Щедрым меня называть и, зубами жадно впиваясь,
Быстро плоды поедать, лишь о том, что их мало, горюя.
Но чрез мгновенье его и всех остальных охватило
Бешенство гнусное: все сей же миг лишившись рассудка,
Стали, как псы, друг друга кусать, разрывая на части;
Пена клубится у рта, все кричат, все валятся наземь,
И наконец разбегаются прочь, словно волки лесные,
Воздух наполнив пустой протяжным жалобным воем.
Думаю: мне, а не им те плоды предназначены были
(Это узнал я потом), ибо в тех краях обитала
Женщина: с нею в любви я прожил долгие годы,
Пыл любострастный она утоляла со мной постоянно.
После того, как ее я презрел и отверг ее ложе,
Злобная жажда меня погубить обуяла ей сердце,
И, подобраться ко мне не сумев после многих попыток,
Яблок она подбросила мне, облив их отравой,
Возле ключа на пути, повредить мне умыслив коварством,
Если бы я отведал плодов, на траве их нашедши.
Но меня уберег от козней жребий счастливый,—
Я уж об этом сказал. А его, прошу я, заставьте
Выпить целебной воды из ключа, что недавно пробился,—
Снова, быть может, к нему оттого здоровье вернется,

Вновь он узнает себя и в лесах этих будет со мною,
Сколько осталось нам жить, трудиться во имя господне».
Так поступили вожди, как велел он, и, влаги испивши,
Сразу пришел в себя тот, кто к ним явился безумным;
Прежних узнал он друзей, в единый миг исцелившись.
Молвил ему Мерлин: «Отныне должен упорство
В божьих трудах ты явить, ибо видишь сам, что по воле
Божьей пришел ты в себя после стольких лет, когда в дебрях,
Смысла лишенный, ты жил, словно зверь нечистый блуждая.
Разум вновь ты обрел, так не смей покидать эти долы,
Чащи зеленых лесов, где ты безумцем скитался,
Но оставайся со мной, и дни, что похищены были
Силою злой у тебя, ты все возместить постарайся
Повиновеньем творцу: отныне в подвиге каждом
Будешь со мной ты един, покуда живы мы оба».
Молвил в ответ Мельдин (ибо этим он именем звался):
«Я отказать тебе не могу, отец досточтимый:
Рад я буду в лесах оставаться с тобой и всем сердцем
Господа чтить, покуда живит дрожащие члены
Дух, который теперь я твоим наущеньем очищу».
«Так же и я поступлю и третьим с вами останусь,—
Им сказал Тельгесин,— все страны мира презревши.
Времени много вотще я потратил, так что пора уж,
Чтобы к себе самому я вернулся, ведомый тобою».
«Вы поезжайте домой, о вожди, города защищайте:
Не подобает, чтоб вы наш покой смущали речами:
Вы уж довольно часов провели здесь, радуясь другу».

Их оставляют вожди втроем; Ганеида четвертой,
Вещего мужа сестра, остается: приявши повязку,
Жизнь в чистоте проводила она после смерти супруга.
Та, что столько племен под своею властью держала,
Ныне, как брат, ничего не знает отраднее дебрей.
Также ее порой возносил в высочайшие выси
Дух, и она государств вещала грядущие судьбы:
Так однажды она, пребывая в палатах у брата,
Глядя в окно, озирая дома в сиянии солнца,
В смутной речи такой излила сердечную смуту:
«Вижу я град Радихену — и в нем шлемоносное племя,
В нем святые мужи и святые даже тиары
К узам приговорены, ибо так молодежь рассудила.
Пастырь будет смотреть, изумленный, в замке высоком
И, себе же в ущерб, отмкнет поневоле кувшины.
Вижу Кэрлоиктоик, окруженный свирепою ратью,
Двое заперты в нем, но один с другим расстается,
Чтобы с валлийским прийти владыкой и племенем диким,
И победить, отнявши вождя, свирепые толпы.

Сколь велико злодеянье — увы! — если солнце захватят
Звезды, что ходят под ним, и ни сила, ни Марс их не сломит.
Вижу близ Кэрвента я две звезды на небе высоком,
Два там мечутся льва, небывалой ярости полных,
Смотрит на двух мужей один, на стольких же смотрит,
Стоя напротив, второй, и оба к битве готовы.
Вот и другие встают, нападают с оружьем жестоким
Все на четвертого, но одержать не могут победы:
Твердо стоит, заслоняясь щитом и копьем ударяя,
Он и троих врагов повергает в битве недолгой;
Сразу отправив двоих за холодное царство Боэта,
Третьего только щадит по его мольбе; а светила
В разные стороны вмиг по всему разбегаются полю;
Арморикамский же вепрь, под защитою отчего дуба,
Прочь уводит луну, угрожая ей сзади мечами.
Вижу я две звезды, завязавших свирепую битву
Под Ургенийским холмом, где сошлися вместе деиры
И, во главе с королем их великим Когелом, гевиссы.
Пот сколь обильный мужей, сколь обильная кровь орошает
Землю, пока племена друг другу раны наносят!
Пала во тьму звезда, другой разбита звездою,
Скрыла сиянье свое, затмившись новым сияньем.
Горе! Чудовищный глад подступает! У целых народов
Страшно утробы впадут и все силы тело покинут.
С камбров начавши, пойдет он бродить по всему королевству,
Много несчастных племен в заморские земли прогонит.
В Скоттии вижу телят, молоком кормиться привыкших:
Вот убегают они, а коровы в поветрии гибнут.
Прочь, невстрийцы, прочь! Идти довольно с оружьем
Вольной страной, где все разорил уже воин-насильник!
Нечем будет вам здесь ненасытное чрево насытить:
Все вы успели сожрать, что в своей доброте плодоносной
Произвела для людей всетворящая матерь-природа.
Львов укроти, своему помоги, о боже, народу,
Дай королевству покой, вели окончиться войнам!»
Много еще вещала она. Сотоварищи брата
Вместе дивилися с ним. Тут Мерлин подошел к Ганеиде
И одобрил ее такой дружелюбною речью:
«Ужли тебя, о сестра, избрал возвещать о грядущем
Дух, полагая конец и моим предсказаньям, и книжке?
Отдан отныне тебе этот труд — и радостным будет:
Станешь ты все предрекать благочестно, ведомая мною».
Песнь эту мы довели до конца, а вы, о британы,
Лавры сплетите — вручить их Гавфриду из Монемуты,
Ибо он ваш, ибо он и прежде ваши сраженья,
Ваших вождей воспевал и оставил книжку, что ныне
Славится в мире во всем под названьем «Деянья бритонов».

ДОПОЛНЕНИЯ

НЕННИЙ
ИСТОРИЯ БРИТТОВ

Наикратчайшее описание острова Британии[1], *каковое составил Ненний, ученик Эльводуга*[2]

Я, Ненний, ученик Эльводуга, постарался записать некоторые известия, каковыми пренебрегла косность народа Британии, ибо не обладая никаким опытом в этом, ученые мужи нашего острова не оставили в своих книгах ни малейшего упоминания о происходившем на нем. Я же собрал все, что нашел, как из анналов римлян[3], так и из сочинений святых отцов, то есть Иеронима Евсевия[4], Исидора[5], Проспера[6], равно как и из анналов скоттов и саксов[7], а также из изустного предания наших предков, о чем уже пытались, но безуспешно, написать многие ученые мужи и хранители книг; не знаю, какие препятствия помешали им в этом, то ли бесконечно частые моровые поветрия, то ли бедствия бесчисленных войн. Смиренно прошу, пусть всякий читатель, который прочтет эту книгу, снисходительно отнесется ко мне, каковой после столь многих осмелился писать о столь многом, уподобляя себя щебечущей без умолку птице или какому-нибудь недобросовестному судье. Уступаю дорогу тому, кто в таких делах более сведущ и более опытен, нежели я.

Стихи Ненния к Самуилу, сыну наставника его Беулана[8], священнослужителя, мужа великой набожности, для коего он, Ненний, и написал эту историю:

Добрых радетель трудов, учитель с пленительной речью.
Радость тебе и почет в католической церкви святой.
Молимся все мы: да твой не иссякнет ручей животворный.
Матери и отцу Самуил был дарован Христом.
Мать пусть хвалу вознесет, вместе с сыном, слугою навечно.
Пусть будут здравы они долгие годы с тобой.

Стихи того же Ненния:

Грешник, писавший тремя, как подобает, перстами,
Да сохранит он глаза и прочие члены свои.
«Эу» он зовется и «бен», всего лишь пять букв, всем известных.

О шести веках мира[1]

1. От сотворения мира до потопа — 2242 года.
От потопа до Авраама[1] — 942 года.
От Авраама до Моисея[2] — 640 лет.
От Моисея до Давида — 500 лет.
2. От Давида до Навуходоносора[1] — 569 лет.
От Адама до возвращения из вавилонского пленения[2] — 4879 лет.
3. От возвращения из вавилонского пленения до Христа — 566 лет.
От Адама до Страстей Христовых — 5228 лет.
4. От Страстей Христовых миновало 796 лет.
От Рождества его — 831 год.
5. Итак, первый век мира — от Адама до Ноя[1].
Второй — от Ноя до Авраама.
Третий — от Авраама до Давида.
Четвертый — от Давида до Даниила[2].
Пятый — от Даниила до Иоанна Крестителя.
6. Шестой — от Иоанна Крестителя до суда, на который придет господь наш Иисус Христос судить огнем живущих и мертвых и все сущее на земле.

[*История бриттов*]

7. Постараюсь, следуя преданию древних, описать остров Британию.

Остров Британия назван так по имени Бритта[1], сына Изиокона[2], который был сыном Алана[3] из рода Иафетова[4], или, как говорят другие, по имени Брута[5], римского консула. Этот остров, находясь западнее северной Африки, простирается в длину на восемьсот миль, в ширину — на двести. На нем существует двадцать восемь городов и бесчисленное множество высоких мест с бесчисленными замками, построенными из камня и кирпича, и на этом острове обитают четыре народа: скотты, пикты, саксы и бритты[6].

8. Близ него расположены три больших острова, один из которых лежит против Арморики и называется инис Гвейт[1]; второй расположен посреди моря между Иберпией и Британией и его название Эвбония или Манау[2]; третий расположен у северных пределов Британии за страной пиктов и называется Орк[3]. Когда заходит речь о судьях или королях, то обычно употребляют старинное выражение: «Он правил Британией с тремя островами».

9. На острове Британия существует множество рек, каковые текут в разные стороны, то есть на восток, на запад, на юг и на север, но две реки превосходят известностью все прочие реки, а именно Темза и Сабрина, которые являются как бы двумя руками Британии и по которым испокон века приплывали суда с ценными грузами ради торговли. Бритты испокон века считали, что они населяют весь остров от моря до моря.

10. Если кто пожелает узнать, в какое время после потопа был заселен наш остров[1], то на этот счет я располагаю противоречивыми сведениями.

В летописях римлян сказано так: после троянской войны Эней с сыном

Асканием прибыл в Италию и, одолев Турна, взял себе в супруги Лавинию, дочь Латина, сына Фавна [2], сына Пика, сына Сатурна, а после смерти Латина стал властителем царства римлян. Асканий основал Альбу. Эней же, войдя к жене своей, породил сына по имени Сильвий [3]. Сильвий взял за себя жену, и она зачала. Когда Энею стало известно, что невестка его беременна [4], он послал гонца к своему сыну Асканию, дабы тот направил своего прорицателя осмотреть жену Сильвия и выяснить, что у нее во чреве, младенец мужского или женского пола. Прорицатель осмотрел женщину и возвратился; он сказал Асканию, что дитя в чреве женщины — мальчик и что будет он «сыном смерти», ибо убьет своего отца и свою мать и станет ненавистен всем людям. За это прорицание Асканий убил прорицателя. Случилось так, что мать мальчика умерла в родах; его взрастили и нарекли Бриттом.

Вот родословная этого ненавистного Бритта [5], к которому мы, бритты, восходим, сколько бы скотты, коим происхождение их неизвестно, ни утверждали, будто он их прародитель. Итак, Бритт был сыном Сильвия, сына Аскания, сына Энея, сына Анхиза, сына Капена, сына Асарака, сына Троса, сына Эрехтония, сына Дардана, сына Юпитера из рода Хама [6], который был проклят отцом своим Ноем, так как взирал на него и смеялся над ним. У Троса было два сына Илий и Асарак. Илий основал город Илион [7], а перед тем породил Ламедона, каковой был отцом Приама. Асарак породил Капена, каковой был отцом Анхиза. Анхиз породил Энея, а Эней был отцом Аскания.

Для тебя, Самуил, чадо моего наставника пресвитера Беулана, написал я на этой странице то, что было мной найдено. Но эта родословная не записана ни в одной книге бриттов, была же она записана в мыслях писавшего.

Спустя долгое время после предвещания прорицателя Бритт, играя с другими детьми, не намеренно, а случайно убил стрелою своего отца, и, изгнанный из Италии, стал скитальцем. Он добрался до островов Тирренского моря, но был изгнан греками из-за убийства Турна, которое совершил Эней. Наконец, Бритт прибыл к галлам и там основал город туронов [7], который ныне называется Турн [8]. Позднее он прибыл на этот остров, получивший название от его имени, то есть на остров Британию, заселил его своим семенем и там обитал. С того самого дня и посейчас Британия обитаема.

О царствовании Энея, Аскания, Сильвия, Бритта и Постума

11. Что до Энея, то он три года был царем у латинов; а Асканий тридцать семь лет; после него двенадцать лет царствовал у них сын Энея Сильвий и тридцать девять лет — Постум [1]. По имени Сильвия цари альбанов прозываются Сильвиями. Бритт был братом Постума. В пору царствования Бритта в Британии первосвященник Илий [2] судил в Израиле, а именно тогда чужестранцы завладели кивотом Завета [3]. Брат Бритта Постум царствовал у латинов.

12. По прошествии многих лет — не менее девятисот — прибыли пикты и заняли острова, называемые Оркадскими; позднее, устраивая набеги с названных островов, они разорили многие области на северном побережье Британии и их захватили. Они остаются там и поныне, владея третьей частью Британии.

Об испытанном скоттами или о том, когда они завладели Иберни́ей

13. Последними прибыли скотты в Ибернию из испанских земель[1]. Первым с тысячей мужчин и женщин прибыл сюда Партолом, и численность этих скоттов возросла до четырех тысяч, но потом напала на них моровая язва, и все они в одну неделю погибли, так что никого не осталось в живых. Вторым прибыл в Ибернию некий Нимет, сын Агномина, который, как говорят, плыл по морю полтора года. Но так как его ладьи были разбиты, он высадился на сушу в Ибернии и пребывал там многие годы. Но снова пустившись со всеми своими в плаванье, он возвратился в Испанию. Затем сюда прибыли три сына испанского воина. У них было тридцать циул[2] с тридцатью женами на каждой циуле, и они оставались тут в течение года. Впоследствии они увидели посреди моря стеклянную башню[3] и, разглядев на башне людей, пытались вступить с ними в беседу, но те упорно хранили молчание. И они поспешили в море на всех циулах своих вместе со всеми женщинами, чтобы осадить эту башню, оставив на берегу лишь одну циулу, разбитую бурями, на которой находилось тридцать мужей и столько же женщин. Остальные суда отплыли, чтобы захватить башню, но когда они высадились на сушу, которая ее окружала, на них хлынуло море, и все они утонули, и ни единый из них не спасся, а потомками тех, чья циула, будучи поврежденной, не последовала за остальными, и поныне полна вся Иберния. Позднее, прибывая понемногу из испанских земель, скотты заняли тут многие области.

14. Наконец прибыл сюда Дамхоктор и поселился здесь со всем своим родом, который и посейчас обитает в Ибернии. Историет, сын Историна, овладел со своими людьми Дальриетой[1] в Британии, а Буилк со своими — островом Эвбонией и другими островами поблизости от нее. Сыновья Льетана[2] захватили земли в стране деметов и в других областях, а именно Гухир и Цетгвели[3], и владели ими, пока их не изгнали из всех бриттских земель Кунеда и его сыновья.

15. Если кто пожелает узнать, когда или в какие времена Иберния пребывала необитаемой и пустынной, то наиболее сведущие из скоттов сообщили мне следующее. Когда по Чермному морю шли чада израилевы[1], гнавшиеся за ними египтяне, как повествует Писание, были поглощены его водами. Был у египтян муж знатный из Скифии[2] с многочисленной родней и множеством слуг, который, будучи изгнан из своего царства, пребывал в Египте в то время, когда египтяне были поглощены разверзшимся морем, но он не отправился вместе с ними преследовать божий народ. Уцелевшие египтяне порешили изгнать его из Египта, дабы он не захватил их страну и не подчинил ее своей власти — ведь всех их могучих мужей

поглотило Чермное море, и они изгнали его. И он сорок два года странствовал со своими по Африке; миновав Озеро Солеварен, пришли они к Филистинским Алтарям и, пройдя мимо Рузикады и гор Азарских, миновали реку Мальву [3] и, перейдя Мавританию, достигли Геркулесовых Столбов [4]. Пустившись оттуда в плаванье по Тирренскому морю [5], они добрались до Испании, где и жили долгие годы; здесь они невероятно как размножились и расплодились, и численность их народа во много раз возросла. Впоследствии они приплыли в Ибернию — это произошло через тысячу и два года после гибели египтян в водах Чермного моря; в земли Дальриеты они прибыли в те времена, когда римлянами управлял Брут, вручивший власть консулам [6], а также народным трибунам и диктаторам. И консулы в течение четырехсот сорока семи лет правили государством [7], которое прежде было подчинено царской воле.

Бритты достигли Британии в третьем веке божьего мира [8]; скотты же завладели Ибернией в четвертом [9]. Скотты, которые обитают на западе, и пикты, поселившиеся на севере, объединившись, дружно и непрерывно нападали на бриттов, ибо те жили, обходясь без оружия. Спустя долгое время римляне завладели всем миром.

16. С того года, как саксы прибыли на остров Британия и до четвертого года царствования короля Мермина [1] насчитывают четыреста двадцать девять лет; от Рождества Господа нашего до прибытия к скоттам Патрика [2] — четыреста пять [3]. От смерти Патрика до кончины святой Бригиды — шестьдесят [4]. От рождения Колумбы [5] до смерти Бригиды — четыре года.

Обоснование исчисления: двадцать три круга по девятнадцати лет [6] от Воплощения Господа до прибытия Патрика в Ибернию составляют четыреста тридцать восемь лет [7]; от прибытия Патрика до девятнадцатилетнего круга, в котором мы пребываем, миновало двадцать два круга, то есть четыреста двадцать один год [8], ибо мы прожили два года из нового круга и ныне живем в третьем году.

17. Другие сведения о вышеупомянутом Бритте [1] я почерпнул в древних книгах наших предков.

Три сына Ноя разделили после потопа весь земной круг на три части. Сим свои пределы распространил в Азии, Хам — в Африке, Иафет — в Европе [2]. Из рода Иафетова первым прибыл в Европу Алан с тремя сыновьями, имена коих были: Хессицион, Арменон и Ногве [3]. У Хессициона было четыре сына, а именно: Франк, Роман, Бритт и Аламан. У Арменона было пять сыновей: Гот, Валагот, Гепид, Бургунд и Лангобард. У Ногве было три сына: Вандал, Саксон, Богвар. От Хессициона произошли четыре народа: франки, латины, аламанны [4] и бритты. От Арменона — пять: готы [5], валаготы [6], гепиды [7], бургунды [8] и лангобарды [9]. От Ногве — четыре: богвары [10], вандалы, саксы и туринги [11]. Эти народы расселились по всей Европе. Алан, как говорят, был сыном Фетебира [12], сына Оугомуна, сына Тоя, сына Боиба, сына Самсона, сына Маира, сына Этаха, сына Ауртаха, сына Эктета, сына Ота, сына Абира, сына Ра, сына Эзры, сына Израу, сына Боата, сына Иобаата, сына Иована, сына Иафета, сына Ноя, сына Ламеха, сына Матузалема, сына Еноха, сына Иарета, сына Мала-

леляя, сына Кайнана, сына Эноса, сына Сета, сына Адама, сына бога живого. Эти сведения я отыскал в преданиях наших предков, тех, что были первыми обитателями Британии.

18. Бритты происходят от Бритта. Бритт был сыном Хессициона, Хессицион — Алана, Алан был сын Реи Сильвии [1], Рея Сильвия — дочерью Нумы Помпилия, сына Аскания [2]; Асканий был сыном Энея, сына Анхиза, сына Троса, сына Дардана, сына Флиза, сына Иувана, сына Иафета [3]. У Иафета было семь сыновей [4]: первого звали Гомером, и от него произошли галлы, второго — Магогом, и от него — скифы и готы; третьего — Мадаем и от него — мидяне [5]; четвертого — Иуваном и от него — греки; пятого — Тубалом, и от него — иберы [6], испанцы и италы: шестого — Мозохом и от него — каппадокийцы [7]; седьмого — Тирасом и от него — фракийцы [8]. Все они сыновья Иафета, сына Ноя, сына Ламеха.

Теперь я вернусь к тому, от чего отступил.

19. Подчинив своему господству весь мир, римляне отправили к бриттам послов, дабы те получили с них дань и заложников, подобно тому, как Рим их получал от всех стран и от всех островов. Бритты, однако, будучи своевольными и надменными, пренебрегли настояниями римских послов. Тогда Юлий Цезарь, который первым получил в свои руки единоличную власть [1], сильно разгневался и, прибыв в Британию на шестидесяти циулах, вошел в устье Темзы, где его суда были внезапно разбиты бурей, пока он сам воевал с Долобеллом [2], который был военачальником короля бриттов, коего звали Беллином, и сыном Минока нна [3], захватившего все острова Тирренского моря. И Юлий, потеряв воинов и разбитые бурей суда, возвратился, так и не добившись победы.

20. Спустя три года он вторично с многочисленным войском прибыл сюда [1] на трехстах циулах и вошел в устье реки, что зовется Темзой. Там римляне вступили в сражение с бриттами, в котором погибло великое множество коней и воинов Цезаря, потому что названный выше военачальник бриттов вбил на речных отмелях железные колья и подстроил прочие военные хитрости, то есть цетилоу [2]. Эти невидимые ловушки нанесли большой урон римлянам. Не добившись мира, они и на этот раз удалились. В третий раз сражение произошло близ места, которое называется Тринованитом, и Цезарь стал властвовать над бриттским народом за сорок семь лет до Рождества Христова [3], а от сотворения мира в пять тысяч двести пятнадцатом году.

Итак, Юлий первым из римлян прибыл на остров Британию и покорил королевство и народ бриттов. Римляне распорядились переименовать в его честь месяц Квинтилий и называть его впредь Июлем [4]. А в мартовские иды Гая Юлия Цезаря убивают в сенате [5] и властью надо всем миром овладевает Октавиан Август. И он один, как говорит Вергилий [6], получил дань с Британии.

Пурпурный занавес вверх британнами тканными вздернут [7].

21. Вторым после Цезаря прибыл на остров Британию император Клавдий и в сорок восьмом году по Рождестве Христовом его захватил [1]. Тут он вступил в ожесточенную битву, в которой пролилось много крови, не без урона для его воинов, но все же нанес поражение бриттам. От-

плыв затем на циулах, он овладел Оркадскими островами, подчинил их и наложил на них дань. В его время Британия перестала выплачивать римлянам дань, каковую вернули бриттским властителям [2]. Царствовал Клавдий тринадцать лет и восемь месяцев. Памятник ему показывают в Моганции у лангобардов; там, направляясь в Рим, он и умер [3].

22. Спустя сто шестьдесят семь лет после Рождества Христова король бриттов Луций со всеми вождями народа бриттского принял крещение от послов, направленных к нему императором римлян и римским папою Эваристом [1].

23. Третьим, кто переправился к бриттам, был император Север [1]; задавшись целью обезопасить подвластные ему области от нашествия иноземцев, он возвел оборонительную стену и насыпал вал [2] от моря до моря во всю ширину Британии протяженностью в сто тридцать две тысячи шагов, который на языке бриттов называется гвауль. Он повелел соорудить их между бриттами и пиктами, а также скоттами из-за того, что скотты с запада, а пикты с севера, ибо между ними был мир, совместно нападали на бриттов [3]. Немного спустя Север, возвратившись в Эборак, был там убит [4] вместе со своими военачальниками.

24. Четвертым прибыл сюда насильственно захвативший власть полководец и злодей Кариций [1], который совершил злодеяния и в Британии. Отплачивая за убийство Севера и всех римских военачальников, каковые вместе с ним были в Британии, Кариций предал смерти всех бриттских князьков, беспощадно отмстив за Севера, и увенчал себя короной Британии.

25. Пятым прибыл в Британию Константин, сын Константина Великого. Он тут и умер [1], и его могилу, на надгробном камне которой начертана надпись, оповещающая, что он в ней покоится, показывают близ города Каир Сегейнт [2]. Он зарыл в землю, на которой построен город, как зарывают семена, три клада — золотой, серебряный и медный, дабы в этом городе, носящем также название Минмантон, никогда не было ни одного бедняка.

26. Шестым царствовал в Британии император Максим [1]. После него римской державой стали управлять консулы [2], и отныне их больше не величали цезарями. В царствование Максима прославился своими знамениями и чудесами святой Мартин [3], который беседовал с названным императором.

27. Седьмым в Британии царствовал император Максимиан [1]. Вместе со всеми бриттскими воинами он отплыл из Британии и, убив Грациана, повелителя Рима, подчинил себе всю Европу [2]. Воинов, последовавших за ним, он не пожелал отпустить в Британию к их женам и детям, а также владениям, но отдал им многие земли, простирающиеся от озера, что находится на верху горы Юпитера, вплоть до города, который называется Кант Гвик и до мыса на западе, то есть Крук Окидиент [3]. Это — арморикanские бритты, и они по сей день не вернулись на родину. И именно по этой причине чужестранцы захватили Британию и обрекли ее жителей на изгнание, пока бог не придет им на помощь.

Согласно сообщениям наших предков семь римских императоров царствовали в Британии. Римляне утверждают, однако, что их было девять.

Восьмым был якобы некий второй Север, который порой жил в Британии, порой отправлялся в Рим, где и скончался; девятым, как они утверждают, Констанций[4]. В Британии он царствовал в течение шестнадцати лет и на семнадцатом году своего правления умер тут же в Британии, в Эбораке.

28. До того римляне властвовали над бриттами четыреста девять лет[1]. После названного Констанция, сбросив с себя ярмо римской власти, они перестали выплачивать дань и принимать поставленных Римом властителей, дабы те правили ими, и римляне не посмели вернуться в Британию, чтобы господствовать тут и впредь, ибо бритты убили их полководцев.

29. Необходимо снова повести речь о самодержавном злодее Максимиане. Грациан с братом Валентинианом царствовал шесть лет[1]. Медиоланский епископ Амброзий[2] прославился своим ревностным служением католической вере. Валентиниан с Феодосием царствовал восемь лет[3]. На Константинопольский собор, осудивший все ереси[4], съехалось триста восемнадцать священнослужителей. Тогда вифлеемский пресвитер Иероним прославился на весь мир[5]. Пока Грациан правил всем миром, Максим, возглавил в Британии мятеж воинов, провозгласил себя императором и вскоре переправился в Галлию. Из-за предательства своего военачальника Мероблауда Грациан потерпел поражение под Паризием и, обратившись в бегство, был схвачен в Лугдуне[6] и убит. Максим назначил своим соправителем сына Виктора. Турский епископ Мартин[7] прославился превеликими чудесами. Спустя долгие годы по повелению Валентиниана и Феодосия, консулов[8], Максима хватают у третьего мильного камня от Аквилеи, срывают с него императорские одежды и предают казни[9]. Сын его Виктор в том же году, то есть в лето пять тысяч шестьсот девяностое от сотворения мира был убит в Галлии сановником Арбогастом.

30. Бритты трижды умерщвляли в Британии римских правителей[1]. Когда бриттов начинали теснить чужеземцы, а именно — скотты и пикты, они просили о помощи римлян. Тогда к ним отправляли послов; те в траурных одеяниях, посыпав головы пылью, представали пред римскими консулами и подносили им дары превеликой ценности во искупление коварных убийств римских правителей. Консулы принимали от них дорогие дары, и послы клятвенно обещали, что бритты безропотно возложат на себя ярмо римских законов, сколь бы тягостным оно ни было.

Римляне прибывали на помощь бриттам с сильнейшим войском и ставили в Британии своих властителей; поставив правителей, войско покидало бриттскую землю и возвращалось в Рим. Так бывало неоднократно на протяжении трехсот сорока восьми лет[2]. А бритты вследствие непомерной тяжести римского гнета снова убивали римских правителей, и затем снова обращались за помощью к римлянам. Те снова прибывали в Британию, дабы восстановить свою власть над нею, оказать бриттам помощь и покарать виновных, разграбив остров, они возвращались с великим триумфом в Рим со всем награбленным золотом, серебром, медью, драгоценной одеждой и медом.

31. Случилось так, что после вышеупомянутой войны — которая произошла между бриттами и римлянами[1] и в которой полководцы римлян были убиты — а также убийства захватившего самодержавную власть

Максима и прекращения римского господства в Британии, бритты в течение сорока лет жили в страхе[2]. В Британии царствовал тогда Гвортигирн и, пока царствовал, трепетал пред пиктами и скоттами, страшился Амброзия и римлян[3]. Между тем прибыли три циулы с находящимися на них изгнанниками из Германии, среди коих были два брата, Хорс и Хенгист[4], сыновья Гвиктилса, сына Гвикты, сына Гвехты, сына Водена, сына Фрелафа, сына Фрейдульфа, сына Финна, сына Фодепальда, сына Геты, который, как говорят, был сыном бога. Но это не бог богов — аминь — не бог воинств, а один из тех идолов, которым они поклонялись.

Гвортигирн принял их благосклонно и отдал им во владение остров, который на их языке называется Танет[5], а на языке бриттов Руим. Саксы были приняты Гвортигирном в правление Грациана Второго с Эквицием в году от Страстей Господних триста сорок седьмом[6].

32. При Гвортигирне прибыл в Британию святой Герман[1] ради проповеди слова Господня и прославился среди бриттов множеством явленных им чудес, причем многие люди были им спасены, а очень многие от него погибли.

Я решил, что надлежит сообщить о некоторых чудесах, сотворенных через него Господом.

Первое чудо из явленных им чудес. Был некий неправедный король и беспощадный злодей, которого звали Бенли. Святой пожелал его посетить и поспешил к неправедному королю, дабы пронять его словом Господним.

Когда божий человек со своими спутниками подошел к городским воротам, к ним вышел привратник и поздоровался с ними, и они послали его к королю, но король передал им суровый ответ и, произнеся клятву, сказал: «Пребывай они у ворот и оставайся там полный год, им все же никогда не попасть внутрь города». Пока они дожидались привратника, дабы он сообщил им сказанное самовластным злодеем, день начал склоняться к вечеру, близилась ночь, и они не знали, куда им направиться. Между тем из города вышел один из королевских слуг, поклонился божию человеку и, передав ему и его спутникам слова властелина, пригласил их в свою хижину. Они последовали за ним, и он радушно их принял. У него не было никакой живности, кроме коровы с теленком, и он заколол теленка, изжарил его и поставил пред ними. Святой Герман повелел не переламывать телячьих костей, что и было исполнено. И наутро теленок был обнаружен рядом со своей матерью здравый и невредимый.

33. Встав поутру, святой Герман со спутниками снова направился к городу, дабы обратиться к злодею. И когда они молились и дожидались у ворот крепости, они увидели некоего поспешно бегущего мужа, с головы до ног залитого потом. Он преклонил колена перед ними, и святой Герман его спросил: «Веруешь ли в святую Троицу?», и тот ответил: «Верую». Святой Герман его окрестил, облобызал и сказал ему: «Иди с миром, в сей же час ты умрешь, и ангелы господни дожидаются тебя в небесах, дабы ты вместе с ними предстал перед Господом, в коего ты уверовал». И этот муж радостный вошел в крепость, и начальник стражи его задержал и связал; его привели пред очи злодея, и он был умерщвлен, потому что у этого гнусного злодея было в обыкновении убивать всякого, кто

являлся ему служить в крепости не до, а после восхода солнца. Святой Герман и его спутники оставались весь день у городских ворот, и им все-же не удалось проникнуть к злодею.

34. Как и в предшествующий день вышеупомянутый слуга предстал пред святым Германом, и тот обратился к нему с такими словами: «Остерегись, чтобы хоть кто-нибудь из твоей семьи остался на эту ночь в крепости». И слуга воротился в крепость и вывел оттуда своих сыновей, которых было у него девять, и все они вместе со святым вернулись под вышеупомянутый кров. И повелел им святой Герман поститься и, заперев дверь, молвил: «Бдите, и буде что произойдет в крепости, не обращайте на это внимания, но непрерывно молитесь и взывайте к Господу вашему». Спустя немного тою же ночью на крепость пал небесный огонь и испепелил ее [1], а также всех пребывавших со злодеем; и до сего дня их больше не видели, а крепость не отстроена и поныне.

35. Назавтра приютивший святого Германа муж, имя коего было Кателл, уверовал в Господа и со всеми сыновьями своими был окрещен, вслед за чем крещение приняла и вся область. Святой Герман благословил его, после чего сказал: «Не быть тому, чтобы семя твое не породило короля» — был это Кателл Дурнлук — «да и ты с нынешнего дня станешь королем». Так и вышло и исполнилось сказанное пророком: «Из праха подъемлет. Он бедного, из брения возвышает нищего [1], посаждая его с вельможами — и престол славы дает им». По слову святого Германа слуга стал королем, и все сыновья его стали королями, и властители от семени их доныне правят всей областью Поуис [2].

36. Случилось так, что после поселения саксов на вышеназванном острове Танет, король Гворитгирн пообещал вдосталь снабжать их съестными припасами и одеждой. И им это пришлось по душе, и они обязались храбро сражаться с его врагами. Но когда эти чужеземцы размножились, бритты больше не смогли их кормить. А они продолжали требовать продовольствие и одежду, как им было обещано, и бритты так ответили им: «Мы не можем больше поставлять вам продовольствие и одежду, ибо число ваше умножилось; оставьте нас, ибо в помощи вашей мы не нуждаемся». И саксы вместе с возглавлявшими их порешили нарушить мир.

37. Будучи мужем сведущим, коварным и хитрым, Хенгист, убедившись, что король бездеятелен, а народ его безоружен, замыслил предательство и обратился к королю бриттов с такими словами: «Нас немного: если хочешь, мы пошлем гонцов на родину нашу и призовем воинов из нашего края, дабы выросла численность сражающихся за тебя и за твой народ». И Гвортигирн повелел, чтобы они так поступили, и саксы послали гонцов. Посланные переправились через хлябь Фетиды [1]. Они возвратились, приведя с собою шестнадцать циул, в коих прибыли отборные воины, а на одной из этих циул прибыла дочь Хенгиста, девушка очень красивая и весьма статная. После прибытия этих циул Хенгист устроил пир Гвортигирну, его воинам и его толмачу, которого звали Керетиком. Он приказал дочери поднести им вино и сикеру [2], и они досыта наелись и перепились. И когда они так пировали, в сердце Гвортигирна вселился сам сатана, возжегший в нем вожделение к девушке, и царь через своего толмача по-

требовал ее у отца себе в жены, сказав: «Чего бы ты с меня ни спросил, будь то хоть половина моего королевства, все будет твоим». И Хенгист, посовещавшись со своими старейшими возрастом, приплывшими вместе с ним с острова Оггуль[3], чего ему потребовать у короля за девицу, с общего согласия потребовал область, которая на их языке называется Кантургворален, а на нашем Кент. И Гвортигирн отдал этот край саксам, хотя там тогда правил Гвойрангон, которого, ко всему, не уведомили, что его королевство передается язычникам, и он сам тайно отдан в их руки. Вот так дочь Хенгиста была выдана за Гвортигирна, и он спал с нею и очень ее любил.

38. И сказал Хенгист Гвортигирну: «Я — твой отец и советчик; ни в чем не отступай от моего совета, и ты более не будешь страшиться, что тебя когда-нибудь одолеет кто-либо или какой-либо народ, ибо народ мой несокрушим. Я призову, кроме того, моего сына и его двоюродного брата — и тот и другой отменные воины — дабы они сразились со скоттами, а ты предоставь им области, расположенные на севере близ стены, что зовется Гвауль»[1]. И Гвортигирн повелел, чтобы Хенгист их призвал, и тот призвал Окту и Эбиссу с сорока циулами. Проплывая вдоль берегов пиктов, они разорили Оркадские острова, а, высадившись на сушу, заняли многие земли по ту сторону Френесикского моря[2] вплоть до пределов пиктов, обитающих между нами и скоттами. А Хенгист продолжал мало-помалу призывать к себе циулы, так что на тех островах, откуда пришли саксы, жителей совсем не осталось. И когда пришельцы возросли в числе и окрепли, они подступили к вышеупомянутому городу кентцев.

39. Ко всем своим мерзким делам Гвортигирн добавил еще и то, что взял свою дочь себе в жены и от нее родил сына. Когда это стало известно святому Герману, он прибыл к Гвортигирну со всем духовенством бриттов, дабы его осудить. И когда собралось великое множество священнослужителей и мирян, король уговорил свою дочь предстать пред собранием, перепоручить сына попечению святого Германа и сказать, будто он — отец мальчика. И женщина поступила так, как ее подучили. Герман ласково встретил ребенка и произнес: «Я буду твоим отцом и тебя не оставлю до тех пор, пока мне не вручат нож, щипцы и еще гребень, а ты передашь их плотскому твоему отцу». Мальчик повиновался и направился к деду, плотскому своему отцу Гворитгирну и, обратившись к нему, сказал: «Отец мой, остриги меня и причеши волосы на моей голове». Но тот промолчал и, безмолвствуя, не пожелал ответить на обращение мальчика; он поднялся со своего места и сильно разгневанный удалился с глаз святого Германа, проклятый и осужденный святым Германом и всем собранием бриттов.

40. После этого король призвал своих колдунов, дабы они указали, что ему надлежит предпринять. И те сказали: «Направься в крайние пределы твоего королевства и построй мощную крепость, в которой ты сможешь себя защитить; ведь народ, который ты поселил в твоем королевстве[1], ненавидит тебя и коварно с тобою расправится, а после смерти твоей захватит любимые тобою земли вместе со всем народом твоим». И он ушел с колдунами на поиски места для упомянутой крепости, и они обошли мно-

жество областей и краев. Но так ничего и не найдя, в конце концов, добрались до области, которая прозывается Гвинед[2]. И там, обследуя Херерские горы[3], они на одной из гор нашли место, пригодное для возведения на нем крепости. Здесь колдуны сказали королю: «Построй крепость на этом месте, ибо здесь она будет навеки наинадежнейшим для тебя укрытием от чужеземцев». Гвортигирн собрал отовсюду работников, а именно каменщиков, и свез туда бревна и камень. Но после того, как было заготовлено потребное для постройки, однажды ночью все заготовленное бесследно исчезло, и он трижды приказывал снова собрать все необходимое, но ничего не добился. И Гвортигирн, опять призвав к себе колдунов, спросил у них, в чем причина этой напасти и что здесь происходит. Они на это ответили: «Пока ты не отыщешь ребенка, у которого нет отца, и этот ребенок не будет убит, а земля, на которой ты собираешься возвести крепость, окроплена его кровью, крепость никоим образом никогда не будет построена».

41. И, вняв их совету, он по всей Британии разослал гонцов, дабы те разыскали ребенка, у которого нет отца. Обойдя множество областей и краев, они добрались до равнины Эллети[1], которая находится в области носящей название Глегвиссинг[2]. Здесь они заметили играющих в мяч подростков. Между двумя из них внезапно вспыхнула ссора, и один прокричал другому: «О человек, у которого нет отца, не взять тебе верх надо мной!» Тогда гонцы тщательно расспросили мальчика и всех остальных и стали допытываться у его матери, есть ли у ее сына отец. На это она ответила отрицательно: «Я и сама не знаю, как он был зачат в чреве моем, я знаю только одно, что во всю мою жизнь я не познала мужчины». И она им поклялась, что отца у мальчика нет. И гонцы Гвортигирна взяли с собою мальчика и доставили его пред лицо короля.

42. Наутро стеклась толпа, дабы присутствовать при умерщвлении мальчика. И мальчик, обратившись к королю сказал: «Для чего твои люди меня привели к тебе?» Король ответил: «Дабы ты был умерщвлен, и твоя кровь окропила землю, и на ней можно было возвести крепость». На это мальчик сказал королю: «Кто тебе объявил об этом?» Король ответил: «Так возвестили мне мои колдуны». Тогда мальчик промолвил: «Пусть их призовут ко мне». Колдунов привели, и мальчик обратил к ним такие слова: «Кто вам объявил, что эта крепость должна быть окроплена моей кровью, а если не будет окроплена моей кровью, ее вовек не построить?» Колдуны ничего не ответили, и мальчик, снова возвысив голос, произнес: «Пусть знает тот, кто указал на меня, что я разъясню все лишь тебе одному, о король, и открою истину, а твоих колдунов я спрашиваю: «Что сокрыто в этом месте под землей? Пусть они укажут тебе, что находится здесь под землей». Но колдуны ответили: «Мы не знаем». На это мальчик сказал: «Под слоем земли находится водоем; подите, раскопайте ее, и вы его обнаружите». Они пошли и стали раскапывать землю, и она провалилась. И мальчик спросил колдунов: «Укажите, что находится в водоеме?» Они промолчали, ибо ничего не могли сказать ему. Тогда он сказал: «А я вам это открою; там два чана, и вы их обнаружите». Они подошли и увидели их. «А что в этих закрытых чанах? — спросил у колдунов маль-

чик. Они и на этот раз промолчали. Тогда он объявил: «Внутри них находится холст; откройте их, и вы его обнаружите». Король повелел открыть чаны, и в них были обнаружены свернутые холсты, как и предсказал мальчик. И он снова спросил колдунов: «А что сокрыто внутри холстов, теперь расскажите об этом». Им это также было неведомо. Мальчик им разъяснил: «Здесь пребывают два змия, один белый, другой багряный; разверните холсты». Холсты развернули и в них обнаружили двух погруженных в сон змиев. И мальчик сказал: «Подождите и посмотрите, как эти змии поступят». А змии принялись гнать друг друга[1]; белый всем туловищем старался оттеснить багряного на середину холста, и они трижды вступали в борьбу. Багряный змий, который вначале казался более слабым, а как выяснилось позднее, превосходил силою белого, прогнал того прочь с холста. Тогда они, друг друга преследуя, очутились вне водоема, и холст исчез. Мальчик снова спросил колдунов: «А что означает дивное это знамение, явленное только что на холсте?» Те произнесли: «Мы не знаем». И мальчик молвил: «Сия тайна открыта мне, и я вас к ней приобщу: холст — образ твоего королевства, о король; два змия, то два дракона; багряный дракон — твой, а водоем образ нашего мира. Белый дракон — дракон народа, что захватил в Британии множество областей и подчинил себе множество обитающих в ней народов, и он будет властвовать в ней почти от моря до моря. Но в последующем поднимется наш народ и вышвырнет народ англов за море[2]. Ты же ступай отсюда, ибо тебе не построить здесь крепости, и обойди многие земли, дабы обрести для себя безопасное обиталище, а я тут останусь». Тогда король обратился к подростку с вопросом: «А как твое имя?» Тот ответил: «Мое имя Амброзий, или, говоря по-иному — Эмбреис Гулетик»[3]. Еще король спросил мальчика: «А какого ты рода-племени?», на что получил ответ: «Мой отец — консул и происходит из римлян»[4]. И король отдал ему во владение место, где собирался построить крепость, вместе со всеми княжествами западного побережья Британии, а сам с колдунами отправился на северное ее побережье и достиг области, которая называется Гвунесси[5] и построил там город, названный по его имени Каир Гвертигирн.

43. Между тем Гвортемир, сын Гвортигирна, упорно сражался с Хенгистом и Хорсом и их соплеменниками и прогнал их на вышеназванный остров Танет и, трижды заперев их на нем, осаждал, разбивал, уничтожал и устрашал саксов. И они послали гонцов, призывая из-за моря циулы с огромным количеством храбрых воинов, после чего сражались с королями нашего племени; иногда они побеждали и распространяли свои пределы, иногда их побеждали и прогоняли.

44. Гвортемир ожесточенно сразился с ними в четырех битвах: первая битва произошла на реке Дергвентид[1], вторая — у брода, что называется на их языке Эписфорд[2], а на нашем — Ритергабайл, где пал Хорс с сыном Гвортигирна, которого звали Категирн; третья разразилась на поле близ камня с могильною надписью на берегу Галльского моря[3]; в ней чужеземцы были побеждены, а Гвортемир вышел из нее победителем, тогда как они были обращены в бегство, тонули, добирались до своих циул и трусливо укрывались в них. Спустя короткое время Гвортемир умер. Перед

смертью он обратился к своим соратникам, наказав им предать его тело земле на берегу моря в гавани, из которой саксы ушли: «Я на этом настаиваю; пускай владеют они гаванью в какой-нибудь другой части Британии — здесь уже им вовеки не бывать». Соратники пренебрегли, однако, его приказанием и не погребли его там, где он велел.

45. Чужеземцы возвратились в большом числе, так как Гвортигирн из-за своей жены был их другом. И не было никого, кто бы отважно дерзнул их отразить — ведь они захватили Британию не благодаря своей доблести, но по воле господней. А кто может противиться воле господней и против нее устоял! Чего пожелает господь, то он и творит, властвуя над всеми народами и управляя ими.

После смерти Гвортемира, сына короля Гвортигирна, и возвращения Хенгиста и его полчищ, саксы возымели коварный умысел завлечь обманом Гвортигирна со всем его войском. И они отправили к Гвортигирну послов, дабы те заключили с ним мир, и между ними установилась бы нерушимая дружба. Гвортигирн, созвав своих старейших возрастом на совещание, обсудил с ними, как следует им поступить, и все единодушно решили, что надлежит заключить мир с саксами. После этого послы возвратились к своим, и было решено на совете, чтобы бритты и саксы сошлись без оружия в назначенном месте, дабы установить между собою прочную дружбу.

46. Хенгист повелел своим телохранителям и приближенным спрятать ножи в подшивке обуви и добавил: «Когда я обращусь к вам и крикну: «о саксы, энимит саксас» [1], вынимайте тотчас же ваши ножи и бросайтесь на бриттов, и отважно их бейте, но короля их никоим образом не умерщвляйте, потому что я отдал в жены ему мою дочь, а захватите живым; так будет выгоднее для нас, ибо, когда он окажется в наших руках, ему придется позаботиться о своем выкупе».

Итак, саксы отправились на встречу с бриттами, и, сойдясь в назначенном месте, сели по-дружески вперемешку с ними за пиршественные столы и затеяли оживленную беседу, тая, однако, в душе, наподобие лис, предательский замысел. Хенгист, как предупреждал об этом заранее, возгласил условленные слова, и все триста знатнейших приближенных короля Гвортигирна были тут же заколоты. Он один был схвачен живым и брошен в оковы и вынужден был отдать, как выкуп за свою жизнь, несколько областей, а именно Эстсакс [2], Сутсакс [3] и Мидельсекс [4].

47. Между тем святой Герман убеждал Гвортигирна вернуться к господу и пресечь свою преступную связь [1], но тот трусливо бежал до той области, которая по его имени получила название Гвортигирниаун [2], дабы скрыться там со своими женами. Но святой Герман вместе со всем духовенством бриттов прибыл туда вслед за ним и там оставался сорок дней и сорок ночей, молясь на скале и пребывая день и ночь напролет на ногах. А Гвортигирн и на этот раз бесславно пустился в бегство и добрался до крепости Гвортигирна, что находится в краю деметов [3] у реки Тейби [4]. Святой Герман, по своему обыкновению, со всеми своими священнослужителями двинулся вслед за ним, и они, постясь пребывали там, по повелению свыше, три дня и три ночи, а на четвертую около полуночного часа кре

пость, объятая внезапно ниспосланным с неба огнем, рухнула и обратилась в прах. Вместе со всеми бывшими с ним, а также со своими женами Гвортигирн погиб. Таков был конец Гвортигирна, как я обнаружил в книге святого Германа [5].

48. Другие по иному рассказали об этом. После того, как Гвортигирна возненавидели за грехи все его соотечественники, как могущественные, так и немощные, как рабы, так и свободные, как монахи, так и миряне, как малые, так и великие мира сего, он, перебираясь с места на место, стал блуждать по стране, пока его сердце не разорвалось, и он умер бесславно. Рассказывали и так: в ночь, когда сгорела твердыня короля, разверзлась земля и его поглотила — вот почему не нашли ни королевских останков, ни останков тех, кто вместе с ним сгорел в крепости.

У Гвортигирна было три сына: первый — Гвортемир, который, как мы выше сказали, сражался с чужеземцами; второй — Категирн; третий — Пасцент, царствовавший после смерти отца в двух областях Буелт [1] и Гвортигирниаун, дарованных ему Амброзием, верховным среди бриттских властителей. Четвертым был Фавст [2], рожденный им от своей дочери; святой Герман его окрестил, взрастил и воспитал. Этот Фавст основал крупное поселение на реке, которая зовется Ренис [3], и оно существует поныне. У Гвортигирна была одна дочь, чьим сыном и был святой Фавст.

49. Вот родословная Гвортигирна, если проследить ее вспять — до истоков: Фернмайл ныне царствует [1] только в двух областях Буелт и Гвортигирниаун, он — сын Теудубра. Теудубр, царь Буелтской области, был сыном Пасцента, сына Гвоидканта, сына Мориуда, сына Элдата, сына Элдока, сына Паула, сына Мепурита, сына Бриаката, сына Пасцента, сына Гвортигирна Гвортенеу [2], сына Гвитаула, сына Гвитолина, сына Глова. Три брата Бонус, Паул, Паурон были сыновьями Глова, который построил большой город на берегу реки Сабрины, на бриттском языке прозывающийся Каир Глов, а на языке саксов Глоецестер. О Гвортигирне и его роде достаточно. После смерти Гвортигирна святой Герман вернулся на родину.

50. Святой Патрик был в то время пленником скоттов [1]; его господина звали Милху, и у этого Милху он был свинопасом. На семнадцатом году жизни он возвратился из плена и волею божией постиг Священное писание и, достигнув Рима, долгое время там пребывал, стремясь прочитать и проникнуть в божественные тайны священных книг. Спустя семь лет после его прибытия в Рим по повелению папы римского епископа Целестина [2] был впервые направлен к скоттам для обращения их в веру Христову епископ Палладий. Но господь бог, наслав сильные бури, не попустил его выполнить это — ведь никто на земле не может достигнуть чего-либо, если это ему не будет даровано свыше. И, отвернув от Ибернии, вышеназванный Палладий прибыл в Британию и скончался там в земле пиктов.

51. Узнав о смерти епископа Палладия, папа римский Целестин и ангел божий, коего звали Виктором, по совету и настоянию святого Германа, епископа, в царствование императоров Феодосия и Валентиниана, отправляют для обращения скоттов в Христову веру второго посланника, то есть Патрика. Вместе с ним Герман послал к главному епископу, весьма достойному человеку, проживавшему поблизости от короля Аматея, также старца

Сегера. Там святой, заранее зная обо всем, что ожидает его, был возведен в царствование Аматея в епископский сан и наречен Патриком — ведь прежде его звали Мауном. Auксилий, Изерин и другие одновременно с ним были рукоположены и облечены не столь высоким священным саном.

52. Приняв благословения и совершив все подобающее во имя святой Троицы, он взошел на готовое отплыть судно и прибыл в Британию, где проповедывал немногие дни, после чего, преодолев все превратности плаванья, при попутном ветре с превеликой быстротой переправился через Иберкское море. Груженное заморскими товарами и сокровищами духовными судно достигло Ибернии, и святой Патрик окрестил тамошних жителей.

53. От сотворения мира до крещения иберниев насчитывается пять тысяч триста тридцать лет. Проповедь истинной веры Патрик начал на пятый год царствования короля Лойгара.

54. Таким образом святой Патрик в течение сорока лет проповедывал чужестранцам христово евангелие, совершал апостольские чудеса, возвращая слепым зрение, а глухим — слух, исцелял прокаженных, изгонял из тел человеческих одержавших их бесов; он воскресил девять покойников, выкупил на свои средства множество пленников обоего пола, составил триста шестьдесят пять или даже больше молитвословов. Основал столько же, то есть триста шестьдесят пять церквей. Рукоположил триста шестьдесят пять или даже более епископов, в коих обитал дух божий. В священнический сан он возвел около трех тысяч человек и обратил в веру христову и окрестил лишь в области Конахта [1] двенадцать тысяч; кроме того, в один день Патрик окрестил семерых королей, сыновей короля Амолгита. Сорок дней и сорок ночей постился Патрик на вершине холма Эйле [2], то есть Круахан Эйле, где, находясь под открытым небом, смиренно обратился к всевышнему с тремя мольбами о тех ибернцах, которые приняли святую веру. Первая его мольба, как говорят скотты, состояла в том, чтобы всякий, хотя бы подойдя к пределу жизни своей, покаялся; вторая, чтобы никогда не истребляли их чужестранцы; третья, чтобы никто из ибернцев не дожил до суда божьего, но ради святого Патрика окончил жизнь за семь лет до этого дня. Патрик благословил народы Ибернии, находясь на том же холме, на который взошел, дабы помолиться за них и узреть плоды своих трудов им на пользу. И слетелись к нему неисчислимые многоцветные птицы, дабы он благословил также и их, и это обозначает, что все святые обоего пола родом из ибернцев в день страшного суда предстанут ему, своему отцу и наставнику, чтобы последовать за ним на судилище. Позднее в благостной старости он вознесся туда, где ныне вкушает и вовеки будет вкушать безмятежную радость. Аминь.

55. В жизненных обстоятельствах Моисея и Патрика четырежды отмечается полное сходство, это — беседа с ангелом, вещавшим из неопалимой купины [1], второе — пост на горе в течение сорока дней и сорока ночей [2], третье — оба они достигли ста двадцати лет [3], четвертое — никто не знает, где их могилы [4], ибо погребены они были скрытно от всех. Пятнадцать лет проведя в плену, Патрик на своем двадцать пятом году королем Аматеем назначается святым епископом и восемьдесят пять лет проповедывал в Ибернии слово господне. Надлежало бы подробнее рассказать о святом

Патрике, но ради краткости изложения я пожелал сократить мой рассказ.

56. В это время саксы возрастали в численности и усиливались в Британии. После смерти Хенгиста, его сын Окта передвинулся с левой стороны Британии к королевству кантов[1], и от него происходят короли последних. В те дни сражался с ними военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска. Первая битва произошла в устье реки, которая называется Глейн[2]. Вторая, третья и четвертая, равно как и пятая — у другой реки, носящей название Дубглас[3] и находящейся в области Линнуис[4]. Шестая — у реки, именуемой Бассас[5]. Седьмая битва произошла в Целидонском лесу[6], иначе Кат Койт Целидон. Восьмая битва состоялась у стен замка Гвиннион[7], и в ней Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство и по изволению господа нашего Иисуса и святой девы Марии, его родительницы, великое множество их здесь было истреблено. Девятая битва разразилась в Городе Легиона[8]. Десятую битву Артур провел на берегу реки, что зовется Трибруит[9]. Одиннадцатая была на горе, которая называется Агнед[10]. Двенадцатая произошла на горе Бадона[11]; в ней от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразил их никто иной, как единолично Артур. Во всех упомянутых битвах он одержал верх. А саксы, так как во всех этих битвах были повержены, запрашивая из Германии помощь, непрерывно возрастали в числе и призывали к себе королей из Германии, дабы те царствовали над ними в Британии, и так продолжалось вплоть до того времени, в которое царствовал Ида, сын Эоббы: он стал первым королем Земли Беорники[12].

57. Воден породил Бельдега[1], породил Беорнека, породил Гехбронда, породил Алузона, породил Ингвека, породил Эдибрита, породил Оссу, породил Эоббу, породил Иду.

У Иды от королевы Беарнох было семь сыновей, имена коих: Адда, Элдрик, Декдрик, Эдрик, Деотер, Осмер и Эалдрик.

Эалдрик породил Эдльфрида то есть Эдльфреда Флезаура. У него тоже было семь сыновей: Анфрид, Освальд, Осви, Осгид, Осгуд, Ослаф, Оффа. Осгид породил Алкфрида, Элфгвина и Эгфрида. Эгфрид повел войну против своего двоюродного брата по имени Бирдей, который был королем пиктов, и пал в ней со всем цветом своего войска, а пикты со своим королем одержали победу и со времени этой битвы, именуемой Гвейт Лин Гаран[2], саксы амброны никогда не оправились в такой мере, чтобы потребовать от пиктов выплаты дани. У Осгида было две жены, из коих одна звалась Риммелт, дочь Ройта, сына Рума, другая — Энфлед, дочь Эдвина, сына Элле.

58. О родословной королей Кантии.

Хенгист породил Окту, породил Оссу, породил Эормоpика, породил Эадлберта, породил Эадлбальда, породил Эркумберта, породил Эгберта.

59. О происхождении королей восточных англов.

Воден породил Кассера, породил Титинона, породил Тригила, породил Родмунта, породил Риппана, породил Гвиллема Гвеху, который первым царствовал в Британии над народом восточных англов. Гвеха породил Гуффу, породил Тидила, породил Экни, породил Эдрика, породил Алдула, породил Элрика.

60. О родословной мерсийцев [1].

Воден породил Гведолгейта, породил Гвеагона, породил Гвитлега, породил Гвердмунда, породил Оффу, породил Онгена, породил Эамера, породил Пуббу. У Пуббы было двенадцать сыновей, из коих двое мне известны более остальных, это Пенда и Эва.

Эадлрит сын Пенды, Пенда сын Пуббы.

Эадлбальд, сын Алгвинга, сына Эвы, сына Пенды, сына Пуббы.

Эгфрид [2], сын Оффы, сына Думинферта, сына Эандульфа, сына Оссульфа, сына Эвы, сына Пуббы.

61. О королях Дейры [1].

Воден породил Бельдейга, Бронд породил Сиггара, породил Себалда, породил Зегулфа, породил Соемила, который первый отделил Дейру от Берники. Соемил породил Сгвертинга, породил Гвилглиса, породил Усфреана, породил Иффи, породил Улли, Эдгвина.

Осфрид и Эадфрид были сыновьями Эдгвина и вместе с ним пали в битве при Мейцене [2], и после этого королевство никогда больше не восстанавливалось, так как в этой битве никто из его рода не уцелел, но все были истреблены войском Катгублауна [3], короля страны Гвинед.

Осви породил Эгфрида — Эгфрида Элгвина [4],— породил Ослаха, породил Алуна, породил Адлсинга, породил Эхуна, породил Ослафа.

Ида породил Эдрика, породил Эгульфа, породил Лиодгвальда, породил Эату — Эату Улинмаура — породил Эадбрита и Эгберта [5], епископа, который был первым епископом из их народа.

Ида, сын Эоббы, владел областями по северному берегу Хумбрского моря в продолжение двенадцати лет и объединил крепость (то есть Дин) Гвейрм [6] и Гурд Бирнейх, которые до того были двумя различными областями, в одну единственную, то есть Деур а Бернейх, на языке англов — Дейра и Берника.

62. Дутигирн в это время ожесточенно сражался с англами. Тогда прославились своими стихами Тальгерн Татагвен [1], и Анейрин [2], и Талиессин [3] и Блухбард [4] и Циан [5], который прозван Гвеинт Гваут; все они в одно время прославились своими стихами на языке бриттов.

У бриттов, то есть в области Гвинед, царствовал великий король Майлгун [6], ибо его прапрадед, а именно Кунедаг со своими сыновьями, коих было у него восемь, передвинулся сюда с левой стороны [7], то есть из области, что называется Манау Гвотодин [8], и царствовал он за сто сорок лет до Майлгуна. Нанеся скоттам жесточайшее поражение, они изгнали их из этого края, и те никогда больше не возвратились, чтобы снова здесь поселиться.

63. Сын Иды Адда царствовал восемь лет. Сын Адды Эдлрик царствовал четыре года. Сын Иды Деодрик царствовал семь лет. Фриодолгвальд царствовал шесть лет. В его время королевство кантиев приняло святое крещение от посланцев папы Григория [1]. Гусса царствовал семь лет. С ним сражались четыре короля, а именно Урбген [2] и Ридерхен [3], а также Гвалаук и Морган. С этим Урбгеном храбро сражались Деодрик и его сыновья — в то время иной раз одолевали враги, иной раз — воины Деодрика. Урбген загнал их на остров Метхауд [4] и держал их там три дня и

три ночи, но, выступив в поход, был заколот убийцей, коего подослал Морган из-за зависти к Урбгену, так как тот превосходил всех королей доблестью в упорных боях. Эдльфред Флезаур[5] царствовал двенадцать лет в Бернике и еще двенадцать в Дейре; таким образом, в обоих королевствах он царствовал двадцать четыре года. Жене своей, которую звали Бебба, он отдал во владение Дин Гварой, который по имени его жены стал называться Беббанбург[6]. Эдвин, сын Элле, царствовал семнадцать лет; он захватил Элмет[7] и изгнал короля этого края Цертика. Энфлед, дочь Эдвина, и вместе с нею огромное число как мужчин, так и женщин, приняли крещение на двенадцатый день после праздника Троицы; таким образом она была первой, принявшей крещение. Эдвин же был окрещен позднее[8], на следующий год на пасху и вместе с ним в тот же день было окрещено еще двенадцать мужей. Если кто пожелает узнать, кто же их окрестил, что мне сообщили епископ Ренхид и самый святой из епископов Эльбобд[9], что это был Рун меп Урбеген, иначе говоря — архиепископ Павлин Эборакский[10]; окрестив их, он в течение сорока дней не прекращал крестить весь род амбронов, то есть альдсаксов[11], и, вняв его проповеди, многие уверовали в Христа.

Но так как мой наставник, то есть пресвитер Беулан[12], счел излишними родословные саксов и прочих народов, я не стал их составлять, но написал о дивах дивных Британии, как описали их писавшие до меня.

64. Сын Эдльфреда Освальд — Освальд Ламнгвин[1], царствовал девять лет. Он убил Катгублауна, короля области Гвинед, в битве при Катскауле[2], нанеся сокрушительное поражение его войску. Осви, сын Эдльфреда, царствовал двадцать восемь лет и шесть месяцев. В его царствование напало на людей моровое поветрие, и от него погиб Катгуалатр[3], царствовавший у бриттов после своего отца. Этот Осви убил Пенду на поле Гай[4] — и теперь все еще вспоминают о резне на поле сражения Гай; здесь были убиты короли бриттов, выступившие с королем Пендой в поход на город, который называется Иудеу[5].

65. Именно тогда Осгид передал все богатства, какие были у него в городе, то есть атбрет Иудеу, в руки Пенды[1], а Пенда распределил их между королями бриттов. Лишь один Катгабайл, король Гвинеда, улизнув ночью, спасся со своим войском, почему и получил прозвище Катгабайл Катгвомед[2].

Сын Осви Эгфрид царствовал девять лет; именно в его время епископ святой Кудберт[3] скончался на острове Медкаут. Этот Эгфрид воевал с пиктами и погиб в бою.

Пенда, сын Пуббы, царствовал десять лет. Он первый отделил царство мерсийцев от царства Нортумбрии. Он коварно убил Онну, короля восточных англов, и святого Освальда, короля нортумбрийцев. Он сразился в битве при Кокбой[4], где пали Эва, сын Пуббы, который был братом короля мерсийцев, и Освальд, король нортумбрийцев. Этот Пенда победил, прибегнув к дьявольской хитрости. Он не был окрещен и никогда не веровал в бога.

66. От сотворения мира до Константина и Руфа насчитывается, как установлено, пять тысяч шестьсот пятьдесят восемь лет.

От двух близнецов Руфа и Рубелия до консула Стилихона [1] насчитывается триста семьдесят три года.

От Стилихона до Валентиниана, сына Плациды, и царствования Гвортигирна прошло двадцать восемь лет.

От царствования Гвортигирна до ссоры Гвитолина с Амброзием, а именно до Гволоппа, то есть до Катгволопа, миновало двенадцать лет.

Гвортигирн начал править в Британии в консульство Феодосия и Валентиниана [2], и на четвертом году его царствования в Британию прибыли саксы, что произошло в консульство Феликса и Тавра в четыреста первом году от Воплощения Господа нашего Иисуса Христа [3].

От года, в который саксы прибыли в Британию и были приняты Гвортигирном до Деция и Валериана [4] насчитывается шестьдесят девять лет.

66а [1]. Вот названия всех городов, какие существуют в Британии и которых всего двадцать восемь: [2]

1. Каир [3] Гвортигирн,
2. Каир Гвинтгвик,
3. Каир Минцип,
4. Каир Лигзалид,
5. Каир Мегвайд,
6. Каир Колун,
7. Каир Эбраук,
8. Каир Кустоейнт,
9. Каир Каратаук,
10. Каир Граут,
11. Каир Маунгвид,
12. Каир Лундем,
13. Каир Кейнт,
14. Каир Гвирагон,
15. Каир Перис,
16. Каир Даун,
17. Каир Легион,
18. Каир Гурикон,
19. Каир Сегейнт,
20. Каир Легион гвар Узик,
21. Каир Гвент,
22. Каир Бритон,
23. Каир Лерион,
24. Каир Драйтоу,
25. Каир Пенса или Койт,
26. Каир Урнарк,
27. Каир Целемион,
28. Каир Луит Койт.

О дивах дивных Британии

67. Первое диво — это озеро Ломонд [1]. На нем насчитывается шестьдесят островов, где обитают люди, и его окружают со всех сторон шестьдесят утесов и на всяком из них по орлиному гнезду, и в это озеро впадают шестьдесят рек, а из него в море течет только одна, которая называется Лемн [2].

Второе диво — это устье реки Траханнон [3], ибо оно в пору прилива заливается высокой, словно гора, волной, которая затем отступает, как и все море.

Третье диво — пруд с теплой водой [4], который находится в области Хвикке [5]; он со всех сторон окружен стеною из кирпича и камня, и в любое время года люди приходят сюда помыться, и всякий купается здесь по своему желанию, как ему будет угодно; если он захочет того, вода будет холодной, ну а если теплая вода ему более по душе, она будет теплой.

68. Четвертое диво: в той же области [1] существуют соленые родники, из воды коих выпаривают соль; этой солью солят съестные припасы, и родники эти не у моря, но бьют из земли.

Другое диво — это Дуо риг Хабрен, то есть два царя Сабрины: когда в пору прилива море наводняет устье Сабрины, вырастают по отдельности два пенных холма, и наподобие двух баранов они сшибаются в схватке, накатываются друг на друга и бьются, и то один из них отступает, то они снова сближаются, и это при каждом приливе. Так они ведут себя от сотворения мира по нынешний день.

69. Еще одно диво — это Опер Линн Ливан[1] — эта река впадает в Сабрину, и когда Сабрина широко разливается в пору прилива, море равным образом заливает устье упомянутой выше реки, и озеро, образовавшееся в ее устье, поглощает воду, словно пучина, и море не переполняет его и берегов реки не покрывает, и, пока Сабрина разливается в пору прилива, эти берега остаются сухими, но, когда море и Сабрина устремляются вспять, тогда озеро Ливан изрыгает все то, что поглотило из моря, и эти берега заливаются, и озеро растекается и захлестывает их волной высокою, точно гора. И если бы тут собралось все войско той области, где находится озеро и стало лицом к волне, она, вымочив одежды всех воинов, смыла бы их своей силой, как смыла бы равным образом и коней. Но если войско станет спиной к волне, она ему нисколько не повредит, и когда море отступит, все берега, что были покрыты водой, опять обнажаются и море возвращается в свое лоно.

70. Существует другое диво в области Цинлипиук[1]; это — источник, прозывающийся Финнаун Гуур Хелик[2]. Ни один ручей не течет из него или в него. Люди приходят сюда ловить рыбу; одни входят в воду источника со стороны востока и вытаскивают рыбу в этой части водоема, другие с южной стороны, иные с северной или западной и в любой части его вытаскивают рыбу, и в каждой части его ловится своя особая рыба только одной породы. Большое диво, что в источнике водится рыба, когда в него не втекает ни одна речка и ни одна из него не вытекает! В нем водится рыба четырех видов, и его водоем отнюдь не обширен и не глубок; глубиною он по колено, а в длину и ширину по двадцати футов; со всех сторон у него высокие берега.

70а. У реки, что называется Гвой[1], в высящемся над ней лесу растут на ясене яблоки. Этот ясень находится близ устья реки.

70б. Существует еще диво в области, которая называется Гвент[1], там есть яма, из которой во всякое время суток непрерывно вырывается ветер. И в летнюю пору, когда совсем не бывает ветра, он все же непрестанно дует из этой ямы, и никто не может его стерпеть, стоя вблизи, еще и потому, что он очень студеный. Эта яма на языке бриттов носит название Вит Гвинт, а по-латыни Флацио венти, что означает Дующий ветер. Великое чудо, что из земли дует ветер!

71. Есть другое диво в Гвире[1] — это алтарь, находящийся в месте, именуемом Лоингарт[2], каковой, по воле господней, ни на что не опираясь, стоит над землей. Мне кажется, что скорее следует рассказать о происхождении этого алтаря, чем уклониться от такого рассказа. Случилось так, что когда святой Ильтуд[3] молился в пещере у моря, каковое омывает сушу у вышеназванного места — пещера открыта со стороны моря — он увидел плывшую по морю ладью и двух направлявших ее мужей, а также

тело усопшего святого, бывшее вместе с ними в ладье, и еще алтарь, который по воле господней держался в воздухе над его ликом. Божий человек вышел навстречу новоприбывшим и нашел в их ладье тело усопшего святого, а алтарь все так же держался в воздухе над его ликом. Вышеупомянутые мужи сказали святому Ильтуду: «Этот божий человек поручил нам доставить его к тебе и вместе с тобою предать его погребению, но имя его не открывай никому, дабы люди им не клялись». Они погребли покойника, и после его погребения оба мужа возвратились к себе на ладью и отплыли. А святой Ильтуд возле могилы святого покойника и алтаря выстроил церковь, и алтарь, повисший в воздухе по воле господней существует доныне. Однажды сюда прибыл какой-то князек, дабы осмотреть этот алтарь. Он принес в руке гибкий прут, обвил им алтарь и, ухватившись обеими руками за оба конца прута, потянул их к себе и таким образом удостоверился в истинности того, что слышал, но после этого он не прожил и полного месяца. Другой человек заглянул под алтарь; этот потерял зрение и завершил свою жизнь тоже по прошествии неполного месяца.

72. Есть еще одно диво в вышеназванной области Гвент. Тут существует родник близ вала Путеи Моурик [1] и там, где вытекает вода, лежит бревно. Люди моют здесь руки и лица и, умываясь, стоят на бревне — я сам видел это и стоял на бревне. Но когда море разливается, и Сабрина в пору прилива, затопив и покрыв морское побережье своими водами, добирается до родника, ее вода заполняет его и уносит бревно в открытое море, целых три дня швыряет его на волнах, но на четвертый день бревно снова оказывается в этом же роднике. Случилось как то, что некий крестьянин ради испытания закопал это бревно в землю, но на четвертый день его снова нашли в роднике, а крестьянин, который его убрал и зарыл, умер меньше чем через месяц.

73. Есть еще диво в области, которая называется Буелт; там находится груда камней и поверх этой груды поставлен камень со следами собачьих лап. Когда Кабал, пес Артура воина, гнался за вепрем Тройнтом [1], он оставил на камне следы своих лап, и Артур сложил груду камней, возложив на нее камень со следами своего пса, и эта груда носит название Карн Кабал. Люди приходят сюда и уносят упомянутый камень, но по миновании дня и ночи камень снова оказывается поверх этой груды.

73а. Есть еще одно чудо в области, именуемой Эркинг [1]; там рядом с источником существует надгробие, которое прозывается Ликат Анир [2] — Аниром звали погребенного под ним мужа; он был сыном воина Артура, который на этом месте его убил [3] и предал земле. Приходящие сюда люди измеряют длину могилы и у них всякий раз получается по-иному: то шесть футов, то девять, то двенадцать, а то и пятнадцать. Сколько бы ты ни намерил, вторично ты столько же не насчитаешь. И я самолично проверил это.

74. Есть еще диво в области, носящей название Церетикаун [1] — это гора, прозываемая Крук Маур [2], на вершине которой существует могила, и всякий человек, приходящий к ней и укладывающийся возле нее, сколь бы малого роста он ни был, оказывается одних размеров с могилою: если

этот человек малого роста и коротышка, то и длина могилы укорачивается соответственно его росту; если же высокий и статный, будь он даже в четыре локтя [3], могильный холм удлиняется по его росту. И всякий пришлый человек, томимый тоской, трижды преклонив колена перед этой могилой, до самой смерти избавится от своей тоски, и она никогда больше не будет его томить, куда бы он один-одинешенек ни забрел, будь то даже на краю света.

О дивах дивных острова Моны [1]

75. Первое диво — это морское побережье без моря.

Второе диво — это гора, которая, не покидая своего места, трижды в году проделывает полный круговой оборот.

Третье диво — это существующая там речка, которая в пору морского прилива разливается, а когда на море отлив, убывает.

Четвертое диво — камень, в ночное время кочующий по долине Цитейн [2]. Брошенный как-то в морскую пучину Церевус, которая находится посреди моря, носящего название Мен [3], он назавтра оказался на краю названной выше долины, и это не подлежит никакому сомнению.

О дивах дивных Ибернии

76. Там существует озеро, носящее название Лухлейн [1], которое окружено четырьмя кольцами: первое кольцо вокруг этого озера оловянное, второе — свинцовое, третье — железное, четвертое — медное. В этом озере находят много жемчужин, и ими украшают себе уши короли.

Тут есть еще одно озеро, в котором дерево превращается в камень. Люди вырезают деревянные чурки и, придав им различный облик бросают в озеро, и они остаются там целый год, а по истечении года эти изделия становятся каменными. Это озеро называется Лух Эхах [2].

МАДОК ИЗ ЭДЕЙРНА
НА СОЧИНЕНИЕ ГАЛЬФРИДА

Всех отважных мужей услаждают нам душу деянья:
Блеск искусных мечей и сугубой славы сиянье,
Но среди прочих племен хвалой высокогремящей
Бриттов народ награжден ради доблести рыцарей вящей.
Чуть лишь под солнцем в горах щиты и шлемы заблещут
Рати, внушающей страх, тотчас все враги вострепещут.
Как перуном копья разит осторожно и метко
Храбрая бриттов семья, раздавались песни нередко.
Многих врагов побеждав, облагали их данью обильной,
Много низвергли держав и монархов десницею сильной.
Памятью в долгих веках брани бриттов должны быть хранимы,
В мерных воспеты строках, сколь бы ни были непобторимы.
Всепобеждавшую рать, что стяжала удачу по праву,
Мощь баронов и стать поминает и добрые нравы
Древних слово певцов, но лишь порознь являя отличье
Тех или этих бойцов и немногих монархов величье.
Здесь же недолгий рассказ все объемлет бриттов сраженья,
Нет в нем докуки для нас, но приятность и наслажденье,
Ибо читателю мил, кто в повести этой короткой
Трудность искусством смирил и судил справедливо и кротко.
Битвы и мужа дела, не убавив в книге недлинной
Многого их числа, но умом собрав воедино,
Из Монемуты Гальфрид, востер, как меч наточённый,
Эту усладу дарит всем усердным в трапéзе ученой.
Свел же столь плотно, как мог, эти книги инок валлийский
Нам на отраду Мадок [1] из обители Эдеирнийской [2].

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Д. Михайлов

КНИГА ГАЛЬФРИДА МОНМУТСКОГО И ЕЕ СУДЬБА

1

В истории литературы встречаются произведения, на которые принято постоянно ссылаться, но которые давно уже никто не читает. Да, собственно, и зачем? Ведь все их темы, сюжеты, мотивы разошлись по другим книгам, повторились в десятках и сотнях литературных памятников разных эпох и разных народов. Между тем сами эти произведения не заслуживают столь решительного и упорного забвения. Они обладают неповторимым собственным лицом, и их роль вовсе не ограничивается изобретением сюжетов для других писателей. В самом деле, авторы таких книг вряд ли видят свою задачу в коллекционировании старинных преданий и легенд, в их пропаганде и распространении (хотя бывает, конечно, и такое). Они живут в определенную эпоху, живут ее интересами, идеями и вкусами и вписывают свою книгу в конкретный историко-культурный контекст.

Именно с этой точки зрения должны быть прежде всего рассмотрены и сочинения Гальфрида Монмутского. Написанные в 30-е и 40-е годы XII столетия, его книги отразили те существенные перемены, которыми был отмечен этот век в литературной истории Западной Европы. Только в тесной связи со своим временем произведения Гальфрида могут быть правильно истолкованы и поняты. Вместе с тем произведения его завершают собой многовековое развитие кельтской мифо-поэтической традиции, без опоры на которую, без переосмысления, без переработки которой они просто не могли бы возникнуть. Поэтому, всячески подчеркивая место творчества Гальфрида Монмутского в литературе его времени, нельзя обойти молчанием многообразное и богатое наследие кельтской культуры, к которому он столь счастливо обратился. И, наконец, сочинения его, завершая кельтскую литературную традицию (по крайней мере ее наиболее значительный и плодотворный этап), вывели сказания древних валлийцев на широкий европейский простор. Сказаниям этим предстояла еще долгая жизнь. Она была особенно богата в рамках Средневековья, на заре которого эти сказания зародились и затем столь пленительно и ярко расцвели.

2

Мы очень мало знаем о Гальфриде Монмутском как человеке и деятеле своего времени (как, впрочем, и о большинстве писателей Средневековья). Он не был настолько заметной фигурой, чтобы сведения о нем попали в

хроники и анналы. Да и сам он почти ничего не рассказал о себе. Упоминает он себя в своих книгах лишь четыре раза, и упоминания эти — обычные для Средневековья обращения к меценатам и заказчикам или своеобразная «подпись» автора в конце сочинения либо его раздела. Впрочем, сохранилось несколько не очень достоверных записей в монастырских книгах, относящихся к Гальфриду. Достоверность их сомнительна в том смысле, что мы не можем с полной уверенностью сказать, является ли упоминаемый в них персонаж автором интересующих нас сочинений. Не знаем мы и как следует понимать определение «Монмутский» — как указание на принадлежность к какому-то конкретному монастырю или как обозначение места рождения. Большинство ученых[1] склонны понимать определение «Монмутский» как раз во втором смысле, т. е. видеть в нем указание на место рождения писателя. Если это действительно так, то Гальфрид был уроженцем старинного валлийского города в Монмутшире (Юго-Восточный Уэльс) на реке Уай. В Средние века город входил в состав независимого валлийского королевства (княжества) Гвент. Королевство это прославилось своим мужественным противостоянием англосаксонскому завоеванию: здесь был рубеж продвижению германцев на Запад. Гвент потерял независимость лишь в середине XI столетия. В это время был воздвигнут Монмутский замок (развалины которого сохранились до наших дней) и были построены две линии оборонительных укреплений по рекам Аск и Уай. Город Монмут и прилегающий к нему район оказали упорное, но на первых порах безуспешное сопротивление норманскому завоеванию, подобно тому, как до этого они отражали набеги датчан и продвижение в Уэльс англосаксов.

Но земли валлийцев еще не были покорены окончательно. В годы правления Вильгельма Рыжего (1087—1100) и особенно при Генрихе Боклерке (1100—1135) следуют одно за другим мощные восстания местных жителей. Один из вождей валлийцев, Гриффит ап Кинан (из Гвентского королевского рода), возвращается из Ирландии, где он был какое-то время в изгнании, и становится во главе своего мужественного народа. К нему вскоре приходит на подмогу с севера Гриффит ап Рис, и их объединенные силы наносят несколько внушительных ударов норманским баронам, заставив последних отступить. В период правления безвольного Стефана Блуаского (1135—1154) в борьбе с норманнами особенно отличился молодой валлийский принц Оуэн ап Гриффит; его летучие отряды не раз обращали в бегство английские войска. И при преемнике короля Стефана Генрихе II Плантагенете валлийцы одержали несколько значительных побед. Лишь смерть Оуэна в 1169 г. несколько ослабила сопротивление уэльсцев. Между тем окончательно покорить страну удалось лишь Эдуарду I (1272—1307), королю из норманской династии, после смерти последнего влиятельного

---

[1] Специальных работ о Гальфриде не так уж много; важнейшие из них следующие: *Faral E.* La légende arthurienne. P., 1929 (мы пользовались переизданием 1969 г.); *Tatlock J. S. P.* The legendary History of Britain: Geoffrey of Monmouth's Historia regum Britanniae and its early Vernacular versions. Berkeley; Los Angeles, 1950; *Parry J. J., Caldwell R. A.* Geoffrey of Monmouth.— In: Arthurian literature in the Middle ages: A Collaborative History/Ed. by Loomis R. S. Oxford, 1959, p. 72—93; *Jarman A. O. H.* Geoffrey of Monmouth, Cardiff, 1966.

валлийского князя Ллуелина ап Гриффита (1282). И вот что примечательно: Эдуард тут же ввел для наследника престола титул принца Уэльского, тем самым подчеркнув значение валлийских земель в своем королевстве.

Не приходится удивляться, что в своих произведениях Гальфрид упоминает и королевство Гвент, и его главный город Каерлеон, разрушенный в 976 г. данами. Существует мнение, что писатель был по своему происхождению валлийцем. Ведь он говорит о том, что при создании своих произведений использовал какую-то старинную валлийскую книгу («Britannici sermonis librum vetustissimum»). Впрочем, иногда замечают, что по самоощущению своему Гальфрид был скорее бриттом[2], хотя к началу XII столетия, бритты, представители одного из кельтских племен, населявших Британские острова, вытесненные в Уэльс и Корнуэльс англосаксами еще в V—VI вв., давно уже смешались с местным населением (ведь противопоказаний такому смешению не было) и утратили свою этническую самостоятельность. И если книги свои Гальфрид Монмутский посвятил именно племенам бриттов, их легендарным королям, то сведения, ему необходимые, черпал он прежде всего из валлийских источников, из преданий древнего Уэльса. Противопоставления валлийцев и бриттов мы у него вряд ли найдем.

Интересно отметить, что в ряде юридических документов эпохи писатель упомянут как Гальфрид Артур (Gaufridus Arthurus). Это, видимо, не двойное имя, а «отчество». Это подтверждают валлийские переработки его сочинений: они решительно называют писателя Гальфридом сыном Артура (Gruffydd ab Arthur), что просто не передано в латинском тексте[3]. Поэтому утверждение Вильяма Ньюбургского о том, что Гальфрид присоединил к своему имени еще одно — Артура, ибо, мол, он и придумал этого баснословного персонажа, вне всяких сомнений ошибочно и продиктовано скорее всего общим отрицательным отношением к Гальфриду этого историка конца XII столетия[4].

Валлийская «Хроника королевства Гвент» («Gwentian Brut»), правда, мало достоверная, рассказывает некоторые подробности о детстве писателя. Так, она сообщает, что отцом Гальфрида был действительно некий Артур, капеллан Вильгельма, графа Фландрского; что молодой человек получил хорошее воспитание в доме епископа Ландафского Ухтриада, который доводился ему дядей с отцовской стороны[5]. Но все это — лишь домыслы позднейших редакторов валлийской хроники и авторов интерполяций, сделанных, видимо, не раньше XVI в. Однако обратим внимание на само их появление: национальная валлийская литературная традиция числила Гальфрида среди тех, кем можно было гордиться, потому-то писателю и было придумано как почтенное родство, так и образованность.

---

[2] См.: *Parry I. J., Caldwell R. A.* Op. cit., p. 73.

[3] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 3; ср.: *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 11.

[4] Он писал о Гальфриде в «Historia regum anglicarum»: «Gaufridus hic dictus est, agnomen habens Arturi pro eo quod fabulas de Arturo... per superductum latini sermonis colorem honesto historiae nomine palliavit» (*Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 2).

[5] См.: Ibid., t. 2, p. 3.

Впрочем, последнее несомненно: Гальфрид свободно владел латынью, этой основой средневековой учености. Неплохо знал он доступную в то время античную литературу (Гомера в позднейших латинских пересказах, Вергилия, Овидия, Стация, Лукана), знал христианских писателей, был хорошо знаком с валлийской устной словесностью.

Точная дата рождения писателя не установлена. Ее обычно определяют весьма и весьма приблизительно — «около» 1100 г. [6] Вряд ли много позже: в сочинениях Гальфрида четко проглядывает определенная зрелость — и политическая, и писательская. Первая дата, которая нам точно известна — 1129 год, когда имя Гальфрида впервые упоминается в одном юридическом документе, связанном с Оксфордом [7]. Он, видимо, занимал какой-то пост в местном монастыре, будучи ближайшим сотрудником его архидьякона Вальтера. Вальтер возглавлял монастырскую школу, в которой, наверное, преподавал и Гальфрид. Действительно в ряде документов он назван «магистром». Вот только мы так и не знаем, какой предмет был его основной специальностью. Занятия с учениками оставляли Гальфриду достаточно досуга и для того, что мы теперь назвали бы самообразованием, и просто для чтения, и для работы над своими сочинениями.

Творческий путь Гальфрида не был долгим. Как полагал Э. Фараль [8], он охватывал приблизительно два десятилетия, т. е. время пребывания писателя в Оксфорде (1129—1151). Собственно, нам довольно трудно говорить о каком-то «пути», о творческой эволюции. Мы не знаем, чем были его годы ученичества, не только ученичества обычного, но и писательского. Мы не знаем его первых опытов, хронология его произведений все-таки приблизительна, а их последовательность вызывает споры. Но не будем вдаваться в них и тем более приводить сложную и подчас зыбкую аргументацию ученых. Споры эти еще не кончились. Вот их некоторые результаты.

Первым произведением Гальфрида Монмутского были скорее всего «Пророчества Мерлина» («Prophetiae Merlini»), которые он «опубликовал» [9] по просьбе Александра, епископа Линкольнского, около 1134 г. Впрочем, некоторые исследователи полагают иначе. Они относят создание этого произведения к рубежу 20—30-х годов [10], когда, по их мнению, появилось отдельное «издание» этого произведения. Что касается Э. Фараля, то он считал, что Гальфрид прервал работу над «Историей», своим главным сочинением, чтобы создать эту небольшую книжечку, своими загадочными прорицаниями вызывавшую живой интерес у современников. Тогда

[6] См.; *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 11. Ср.: *Barber R.* King Arthur in legend and history. L., 1973, p. 35.

[7] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 2, 8; *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 13.

[8] *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 8 sqq.

[9] Когда говорят о «публикации» или «издании» применительно к Средним векам, то имеют в виду завершение писателем его произведения и изготовление его первой рукописной копии, той «матрицы», с которой затем делаются последующие списки. Как правило, эти первые рукописи до нас не дошли, но об их содержании можно судить, сопоставляя сохранившиеся копии.

[10] См.: *Meehan B.* Geoffrey of Monmouth, Prophecies of Merlin: new manuscript evidence.— Bul. of the Board of the Celtic Studies, t. XXVIII, 1978, p. 37—46.

«Пророчества» не предшествуют основной книге писателя, а являются лишь ее частичной «предпубликацией». Так или иначе это произведение было первым, попавшим к читателю. И не столь уж важно, действительно ли Гальфрид написал «Пророчества» тогда, когда дошел до соответствующего места «Истории», или это было первоначально вполне автономное произведение, позже использованное для другой работы. Тут вот что интересно отметить. Перед нами довольно редкий для эпохи Средних веков пример смелого введения своего авторского «я», пример рассказа писателя о том, как создавалась книга — на страницах самой этой книги (см. гл. 109). И, включая затем «Пророчества» в «Историю», Гальфрид не только рассказал об их появлении, но и сохранил посвящение, открывающее их отдельное издание. Это не рассказ в рассказе, это своеобразная «цитата», это произведение иного жанра, вставленное в корпус основного.

И действительно, в этом произведении (если считать его отдельной книгой) Гальфрид опирается на иную литературную традицию, что отразилось прежде всего на стиле, отличающемся от стиля остальных частей «Истории». Здесь писатель вдохновлялся некоторыми библейскими текстами (в частности, Апокалипсисом), а также традицией загадок и пророчеств, широко распространенных в литературах древних кельтов. Да и сам Мерлин заимствован писателем из валлийского и отчасти ирландского фольклора, где его функции и его «генеалогия», как увидим, весьма многообразны. Стиль этой части книги Гальфрида повышенно эмфатичен, периоды определенным образом ритмически организованы, а образный строй насыщен столь милыми средневековому читателю загадочными иносказаниями и аллегориями, что между прочим открывало затем широкий простор фантазии миниатюристов, охотно иллюстрировавших как раз эту часть книги писателя (например, сцену схватки белого и красного драконов, описанную в гл. 111 «Истории»). Можно, конечно, предположить, что сам материал заставил Гальфрида отказаться от спокойной дотошности хроникального рассказа, сделать повествование предельно увлекательным и волнующим. И еще: именно здесь писатель был наиболее свободен от источников, от какой бы то ни было литературной традиции [11]. Но можно посмотреть на этот вопрос и иначе: часть, посвященная пророчествам Мерлина, настолько отличается от остальных частей главного сочинения Гальфрида, что была и задумана, и написана, как произведение самостоятельное, лишь позже инкорпорированное в «Историю бриттов». Стиль «Пророчеств» перекликается со стилем позднего произведения Гальфрида — его стихотворной «Жизни Мерлина», завершенной, по-видимому, в 1148—1150 гг.

Между созданием этих двух произведений, посвященных юному прорицателю и помощнику короля Артура, лежит работа над «Историей». Точное время «публикации» книги может вызвать споры. Дело в том, что ее разные рукописи (а их сохранилось около двухсот [12]) открываются отличающимися друг от друга посвящениями. В большинстве списков (из них

[11] См.: *Markale J.* L'épopée celtique en Bretagne. P., 1975, p. 110.
[12] См. их перечень в кн.: *Geoffrey of Monmouth.* Historia Regum Britanniae/Ed. by Griscom A. N. Y., 1929, p. 551—580.

наиболее авторитетные находятся в университетских библиотеках Кембриджа и Оксфорда, в Парижской национальной библиотеке и в библиотеке Ватикана) книга посвящена герцогу Роберту Глостерскому (ум. 1147), незаконному сыну английского короля Генриха Боклерка, и одновременно Галерану из Мелёна, крупному северофранцузскому феодалу. Другая группа списков «Истории» открывается посвящением королю Стефану Блуаскому, вступившему на престол в декабре 1135 г., и все тому же герцогу Глостеру. О чем говорит этот разнобой в посвящениях? Указывает ли он на время написания книги? Ответить на последний вопрос однозначно вряд ли возможно. Казалось бы, Гальфрид спешно переделал посвящение, приноравливая его к новым обстоятельствам: он порывал с влиятельными личностями предшествующего царствования и заискивал перед новым королем. Но, думается, дело обстояло сложнее. Ведь перед нами разные рукописи книги, и их назначение могло быть различным. Видимо, закончены они были после 1135 г., поскольку в главе третьей король Генрих упомянут в таких выражениях, что не вызывает сомнения, что к этому времени он уже покинул наш бренный мир. Как справедливо заметил Э. Фараль [13], имена Роберта и Стефана могли соседствовать в посвящении лишь тогда, когда эти политические деятели не находились в состоянии открытой вражды, т. е. до 1138 г. По-видимому, эту дату и следует принять за крайнюю: «История бриттов» была закончена до 1138 г. (кстати, в июле этого года герцог Роберт окончательно порвал с королем, а заодно и с Галераном, который не только остался верен Стефану, но и принял активнейшее участие в военных действиях против Глостера).

Популярность «Истории» отразилась не только на обилии ее списков. Среди последних было обнаружено несколько таких, которые довольно существенно отличались от большинства остальных. Эта группа списков была названа исследователями «Версией-вариантом» («Variant Version») книги. Появление этой версии представляет, пожалуй, трудно разрешимую загадку. По крайней мере со времени ее публикации [14] не утихают связанные с нею споры. Впервые изучивший эту версию Джекоб Хаммер полагал, что этот вариант «Истории» является ее «ответвлением», столь типичной для эпохи Средних веков переработкой (причем переработка эта коснулась не всех глав книги, а лишь отдельных ее частей, точнее говоря, начальных, «доартуровских» глав). Дж. Хаммер видел в появлении опубликованной им версии как свидетельство огромной популярности сочинения Гальфрида, так и яркий пример методов работы средневековых редакторов и писцов [15].

Между тем Роберт Колдуэл (которому принадлежат страницы, посвященные «Версии-варианту», в коллективном труде «Артуровская литература в Средние века») высказал предположение, что эта версия не только не принадлежит перу Гальфрида Монмутского (что, строго говоря, оче-

---

[13] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 16.

[14] См.: *Geoffrey of Monmouth.* Historia regum Britanniae. A Variant Version edited from manuscripts by J. Hammer. Cambridge (Mass.), 1951.

[15] См.: Op. cit., p. 20.

видно), но и предшествует его книге [16]. Р. Колдуэл писал: «„Версия-вариант“ упоминает имя „Galfridus Arturus Monemutensis“ только в колофоне. В ней нет посвящений, нет обращения к Вальтеру Оксфордскому и какого бы то ни было намека на загадочную книгу на языке бриттов» [17]. Поразительное утверждение! Достаточно обратиться к изданию Дж. Хаммера (а Колдуэл постоянно на это издание ссылается), чтобы убедиться, что имя автора, посвящение, упоминание валлийского источника и т. д. есть и в «Версии-варианте» [18]. Правда, есть не во всех ее рукописях. Но в основных своих частях рукописи эти очень немногим отличаются друг от друга, поэтому отсутствие в некоторых из них начальной страницы с посвящением можно считать случайным. И было бы ошибкой полагать, что в список Кардиффской публичной библиотеки посвящение это оказалось включенным «под влиянием» текста Гальфрида, а сам этот список якобы восходит к некоему прототипу «Версии-варианта», независимому будто бы от книги Гальфрида Монмутского. Все было как раз наоборот. Прототип «Версии-варианта» бесспорно существовал. Эволюцией этого варианта и являются известные нам пять рукописей. Лишь в некоторых из них посвящение осталось, в других же было почему-то снято.

Довольно запутан исследователями вопрос и о хронологическом соотношении «Версии-варианта» и так называемой «Вульгаты» (т. е. гипотетического текста Гальфрида, представленного очень большим числом списков). Здесь возможны по крайней мере три точки зрения. Можно предположить (как это сделал Дж. Хаммер), что «Версия-вариант» — это ответвление от основной рукописной традиции, принадлежащее какому-то амбициозному переписчику, снабдившему свой текст стихотворным панегириком народу Уэльса и самому Гальфриду. Автор этого своеобразного стихотворения (написанного рифмованными стихами, что не очень типично для средневековой латинской поэзии) называет и себя: это некий «брат» (т. е. монах) Мадок из Эдейрна [19]. Не был ли он действительно автором этой версии, а не только ее переписчиком, украсившим свой труд изящными, как он полагал, стихами? Совершенно очевидно, что писал он при жизни Гальфрида Монмутского (видимо, в середине столетия) и прекрасно знал, кто является подлинным автором первоначальной версии «Истории бриттов».

Французский филолог-медиевист Пьер Галле высказал предположение, что «Версия-вариант» является последним звеном в эволюции латинского текста «Истории» [20]. С этим, однако, трудно согласиться. Палеографический, текстологический и лингвистический анализ рукописей книги Гальфрида (а анализ этот еще никак нельзя считать законченным) показывает, что и после создания «Версии-варианта» продолжали возникать новые списки «Истории». Еще меньше оснований встать на точку зрения Ганса-Эриха Келлера, который пришел к совершенно парадоксальному выводу, что

[16] См.: *Parry J. J., Caldwell R. A.* Op. cit., p. 87.
[17] Ibid.
[18] См. издание Дж. Хаммера. (Op. cit., p. 22).
[19] Op. cit., p. 18.
[20] См.: *Gallais P.* La Variant Version de l'Historia regum Britanniae et le Brut de Wace.— Romania, 1966, t. 87, p. 1—32.

автором «Версии-варианта» был Вальтер, архидьякон Оксфордский, и что творение его и было той «стариннейшей валлийской книгой», которую переработал по его указанию Гальфрид [21].

Интересно отметить, что, помимо «Версии-варианта», которая, как нам представляется, могла возникнуть еще при жизни Гальфрида Монмутского, тогда же, все в том же XII столетии, появились обработки «Истории» на валлийском языке. Учеными выявлены по меньшей мере пять таких независимых переводов-обработок [22]; самая ранняя из них дошла до нас в рукописи рубежа XII—XIII вв. (оригинал же был создан значительно раньше). Так, валлийские легенды, до этого не записанные на их родном языке, через посредство Гальфрида были возвращены создавшему их народу.

Если «История бриттов» стала пользоваться почти беспримерной популярностью сразу же после ее создания, то иной была судьба последнего творения Гальфрида Монмутского, его стихотворной «Жизни Мерлина». Он написал ее уже на склоне лет, видимо, около 1148 г. или несколько позже, и посвятил Роберту Чесни, епископу Линкольнскому [23]. Роберт занял епископскую кафедру как раз в 1148 г. (и занимал ее до 1167 г.); свой небольшой стихотворный «роман» Гальфрид написал, возможно, в связи с этим назначением. Так или иначе, эта дата — вполне надежный terminus a quo. По крайней мере это можно заключить по начальным строкам «Жизни Мерлина». Тогда terminus ad quem — это конец 1150 г., после которого судьба писателя, как увидим, резко переменилась. В отличие от других его произведений «Жизнь Мерлина» не пользовалась популярностью: сохранилась всего одна ее полная рукопись [24].

Если мы знаем предельно мало о молодости Гальфрида Монмутского, то несколько лучше известны нам последние годы его жизни. В 1151 г. он был направлен в Сент-Асаф (Северный Уэльс) и 7 марта 1152 г. был возведен в епископский сан [25]. Сан епископа сделал Гальфрида видным лицом в государстве; так, он скрепил своей подписью в качестве свидетеля хартию короля Стефана, в которой Стефан признавал наследником престола своего двоюродного племянника Генриха Плантагенета (16 ноября 1153 г.).

Но пробыл в Сент-Асафе писатель недолго. Видимо, большую часть времени он проводил в Лландафе, где, как говорится в валлийской «Хронике принцев» («Brut y Tywysogion»), он скончался и был похоронен в местной церкви. Согласно последним разысканиям, это могло случиться между 25 декабря 1154 и 24 декабря 1155 г. [26]

---

[21] *Keller H.-E.* Wace et Geoffrey de Monmouth: problème de la chronologie des sources.— Romania, 1977, t. 98, p. 1—14.

[22] См.: *Parry J. J., Caldwell R. A.* Op. cit., p. 89. Ср.: *Markale J.* Op. cit., p. 231.

[23] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 28—36; *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 19.

[24] См.: *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 21.

[25] См. *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 37.

[26] См.: *Thorpe L.* The last years of Geoffrey of Monmouth.— In: Mèlanges de langue et littérature française au Moyen Age offerts à Pierre Jonin. Aix-en-Provence, 1979, p. 661—672.

3

Как мы могли убедиться, жизнь Гальфрида Монмутского не очень насыщена яркими событиями. Писатель был далек от острых политических конфликтов, на которые было столь богато это столетие, хотя он и был близко знаком с рядом видных деятелей эпохи и даже подписал весьма важный политический документ. Но эта известная удаленность от столкновений и соперничества различных феодальных группировок не означала, что он был безразличен к совершавшимся вокруг него событиям. Даже напротив: эта позиция «над схваткой» позволяла писателю давать самостоятельную оценку историческому процессу, вырабатывать собственную концепцию эволюции кельтского населения Британских островов.

Гальфрид, был, конечно, историком. По крайней мере именно так представлял он стоящие перед ним задачи. Но историком он был довольно своеобразным. Дело в том, что, рассказывая об исторических судьбах кельтов, он многое сочинил, придумал, нафантазировал. Важно, какие источники он использовал, на какую традицию ориентировался, но еще важнее, что он стремился решать не только политические и исторические задачи, но и задачи художественные.

В его столетие история вновь становилась наукой, вырабатывая передовые для своего времени методы исследования. Она постепенно преодолевала безраздельное господство церковной традиции (согласно которой «историю» следовало начинать от «сотворения мира»), преодолевала также бескрылую фактографию монастырских хроник и анналов. Все в большей степени образцом для писателей-хронистов XII в. начинали служить историки Античности — Светоний, Тацит, Тит Ливий, Цезарь, да и не только историки в прямом смысле слова, но и поэты, разрабатывавшие исторические и псевдо-исторические сюжеты.

Для нас важно не столько умножение исторических сочинений, чем был отмечен XII в., сколько изменение их характера, их повысившаяся вариативность, вообще тот расцвет историографии, который отмечается всеми исследователями [27], расцвет, выразившийся и просто в разнообразии этих сочинений, и в их приближении к художественной литературе. Расцвет этот может быть понят на фоне тех колоссальных культурных сдвигов, которые сделали XII столетие примечательным этапом в развитии западноевропейской цивилизации.

Век этот давно уже получил название «возрождения» [28]. При всей условности термина в его применении к периоду Зрелого Средневековья нельзя не отметить, что известные основания именно для такой квалификации столетия все-таки есть, хотя вопрос этот продолжает оставаться

[27] См., например: *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964, с. 143—148.

[28] Литература, посвященная этому вопросу, огромна; у ее истоков стоит написанная с большим подъемом и хорошо документированная работа Чарльза Хаскинса. См.: *Haskins Ch. H.* The Renaissance of the Twelfth century. Cambridge (Mass.), 1928; *Ghellinck J. de.* L'Essor de la littérature latine au XIIe siècle. T. 1—2. Bruxelles; Paris, 1946.

весьма спорным. Правильному решению данной проблемы несомненно мешает, как это ни парадоксально, наличие великой эпохи Возрождения, с которой, собственно, начинается история западноевропейской культуры Нового времени. Эпоха эта давно уже стала предметом самого пристального, глубокого и, не побоимся этого слова, любовного изучения, что безусловно отразилось и на осмыслении и на оценке средневековой культуры. Последняя, противопоставляемая культуре ренессансной, неизбежно трактовалась как явление неполноценное, во многом реакционное, с которым молодая культура Возрождения вела непримиримую и успешную борьбу.

Идея культурного перерыва, приходящегося на период Средневековья (в том числе и на XII в.), была выдвинута во многом самими итальянскими гуманистами, желавшими представить свою эпоху (и вполне правомерно) как новый, после Античности, замечательный расцвет наук и искусств. Между тем такого провала в культурном развитии Западной Европы в действительности не было. Ф. Энгельс в «Диалектике природы» недаром специально подчеркивал, что Средневековье ознаменовалось большими открытиями и изобретениями [29].

Трудно отрицать, например, несомненное мастерство средневековых зодчих и строителей, столь заметное на фоне общего технического прогресса в период Зрелого Средневековья (о чем убедительно сказано в книге Жана Жимпеля [30]). Но все не ограничивалось одними техническими усовершенствованиями, находками и открытиями. Даже противники идеи «Ренессанса XII в.» вынуждены признать, что это столетие по своим культурным результатам существенным образом отличалось от предшествующего. Говоря об «уникальности» этого века, М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров верно замечают: «XI век только пробуждал и подготовлял, XIII век будет закреплять, систематизировать и подчас замораживать, XII же век ищет и находит» [31]. И в другом месте этой интересной статьи: «XII век является действительно замечательным литературным периодом в культурной истории Европы, когда зарождаются и намечаются многие важнейшие противоречия и конфликты будущих веков, но еще не дозревают до яростных вспышек, свидетелями которых мы будем в XIII в., когда все новое выступает еще в живой и непосредственной свежести, не затвердевшей в догмах схоластики и в нормах куртуазной поэтики. Именно XII век являет картину рождения, а кое-где уже и расцвета совершенно новых культурных явлений. И если искать термин, выражающий его сущность, то этим термином скорее будет не „возрождение“ чего-то прежнего, а „рождение“ подлинно новых, дотоле неведомых тенденций» [32].

Так было в сфере науки, когда впервые на Западе начинали, скажем, обращаться к подлинному Аристотелю, а не к его латинским или даже арабским переводам. К этому надо добавить, что многочисленнейшие латинские кодексы, по которым гуманисты Возрождения будут затем знако-

[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 506—507.
[30] См.: *Gimpel J.* Les bâtisseurs de cathédrales. P., 1976.
[31] *Грабарь-Пассек М. Е., Гаспаров М. Л.* Время расцвета.— В кн.: Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков. М., 1972, с. 274.
[32] Там же, с. 270.

миться с произведениями античных поэтов, философов и ученых, в подавляющем большинстве случаев были изготовлены в монастырских скрипториях все в том же XII в. Эти безвестные переписчики проявляли завидную широту: наряду с Библией, молитвенниками, часословами и сочинениями отцов церкви они старательно копировали, не жалея ни собственного времени, ни очень дорогого в то время пергамента, произведения «язычников» — Плавта, Лукана, Тибулла, Петрония, Ювенала, не говоря уж о философах и историках.

XII столетие не было, конечно, «революционным» или даже просто «переломным». Но убыстрение культурного развития в этот век неоспоримо. В сравнении с веком предыдущим век XII не может не поражать своим необычайным многоцветием и богатством. Во-первых, всевозможных литературных памятников (а также философских, исторических, естественно-научных) стало неизмеримо больше чисто арифметически. Во-вторых, бесконечно увеличилось их число на новых, живых языках. И, наконец, в это столетие появилось немало совершенно новых жанров или жанровых разновидностей и форм. Рост интереса к античной культуре (этот непременный спутник эпохи Возрождения) хотя и не привел в XII столетии к каким-то коренным изменениям и сдвигам, но должен быть отмечен. Произошло, например, своеобразное «возрождение» традиций Овидия [33], он заметно потеснил популярного в предшествующем веке Вергилия, по произведениям которого учились в монастырских школах и который пользовался известным «дозерием», так как считалось, что он предсказал в IV эклоге рождение Христа. Овидия тоже использовали в школьном преподавании, но теперь, в XII в., от весьма примитивного и схематичного его понимания совершился переход к более глубокой его трактовке, к активнейшему его изучению и подражанию ему. Как писали М. Е. Грабарь-Пассек и М. Л. Гаспаров, «овидианству отдали дань на пороге XII в. поэты луарской школы — Марбод, Хильдеберт и особенно Бальдерик, сочинявший даже прямые подражания понтийским посланиям Овидия. Произведения этих поэтов, превосходные по отделке стиля, оказали благотворное влияние на латинский язык XII в.» [34].

Самое же существенное и симптоматичное, что должны мы отметить в культуре столетия,— это углубление и усложнение художественного осмысления действительности, выдвижение на первый план чисто эстетических задач. В самом деле как раз в это время, уже на пороге XII в., в творчестве провансальских трубадуров, а затем и у других писателей и поэтов появляется осознание авторства, появляется понятие индивидуального стиля, индивидуального творческого почерка. И, что еще важнее и знаменательнее, в этом столетии литературная жизнь приобретает такую напряженность и насыщенность, что уже возникает пародия, причем пародия индивидуальная, как комическая имитация конкретного авторского стиля. Появляются и всевозможные руководства по поэтическому искус-

---

[33] См.: *Pansa G.* Ovidio nel medio evo. Sulmone, 1924; *Rand E. K.* Ovid and his influence. N. Y., 1928.

[34] *Грабарь-Пассек М. Е., Гаспаров М. Л.* Указ. соч., с. 278.

ству [35], что лишний раз указывает на несомненные изменения в литературной атмосфере эпохи.

Сочинения Гальфрида хорошо вписываются в этот процесс обогащения и усложнения литературной жизни. Отметим прежде всего ярко выраженную ориентацию писателя на античную традицию. Впрочем, влияние Овидия на сочинения Гальфрида не бросается в глаза. Но первые главы «Истории бриттов» во многом используют не только сюжет, но и стилистику «Энеиды» Вергилия [36]. Ведь тут рассказывается (правда, довольно кратко) о бегстве троянцев во главе с Энеем из-под разгромленной Трои, их обосновании в Италии, затем о судьбе потомка Энея, Брута, переселившегося в Грецию и возглавившего экспедицию на Британские острова. Вместе с тем первые главы книги — не рабский слепок с эпопеи древнеримского поэта. Гальфрид смело варьирует эпизоды, придумывает отсутствующие у Вергилия детали, словом, ведет себя не как послушный переписчик или малооригинальный перелагатель, а как поэт, наделенный богатой собственной фантазией.

Именно так должны мы оценивать и немного загадочную ссылку на «стариннейшую валлийскую книгу», которую якобы вручил нашему писателю архидьякон Вальтер. Трудно оспаривать это утверждение Гальфрида, но еще труднее в него поверить. В эпоху Средних веков такие ссылки встречаются на каждом шагу и, как правило, они оказываются чистейшей мистификацией. Ведь в то время ценность произведения (не только научного или исторического, но и художественного) обычно определялась степенью его достоверности. Достоверность же обеспечивалась наличием «источника» — какой-то старой книги, которую писатель якобы переводил, пересказывал, перерабатывал. Значительно реже ссылались на некие устные рассказы. Им не очень верили. А вот книга была надежнее, поэтому-то писатели и ссылались на подобный вполне «материальный» источник, хотя его и не существовало в действительности.

Нет, мы совсем не хотим сказать, что Гальфрид Монмутский все сочинил, все придумал. Многие мотивы, которые мы находим в его «Истории бриттов», есть и у ряда его предшественников (о них речь впереди). Кое-что он заимствовал из сочинений, которые до нас не дошли (их существование, конечно, весьма гипотетично), кое-что — из устной традиции, восстановить которую удается опять-таки очень приблизительно. Но анализ текста «Истории» (столь тщательно проделанный Э. Фаралем) показывает, что творческая фантазия играла в работе писателя первостепенную роль.

Так, используя во многом вергилиеву фразеологию, отдельные мотивы, заимствованные из «Фиваиды» Стация, из некоторых средневековых хронистов (Беды Достопочтенного, Ненния и др.), Гальфрид придумывает генеалогию Брута, явно сочиняет рассказ о пребывании Брута в Галлии. Весь этот эпизод не находит себе аналогий ни в одном известном нам историческом труде или литературном произведении. Еще больше выдум-

---

[35] См.: *Faral E.* Les Arts poétiques du XIIe et du XIIIe siècle. Recherches et documents sur la technique littéraire du moyen âge. P., 1923; *Ghellinck J. de.* Op. cit., t. 2, p. 243—252.

[36] См.: *Faral E.* La légende arthurienne, t. 2, p. 70—79.

ки обнаруживает писатель в рассказе о правителях Британии до появления там легионов Юлия Цезаря. И хотя здесь немало откровенного вымысла и фантастики, писатель стремится показать, что он серьезный историк: в конце глав он делает отсылки к событиям, известным из истории Древнего Рима или библейской истории. Тем самым легендарные правители [37] Британии получают у Гальфрида свое место во всемирной истории, оказываются включенными в реальный хронологический ряд.

Ученые немало потрудились, чтобы отыскать «источники» Гальфрида. Удавалось это далеко не всегда. И вот что типично для писательской манеры автора «Истории бриттов»: когда он не связан предшествующей традицией, то обычно изобретателен и даже глубок. Так, наиболее самостоятелен Гальфрид в своем рассказе о короле Леире (Лире) и его трех дочерях (гл. 31). Самостоятелен, а потому поэтичен и психологически тонок и правдив. Исследователи почти единодушны во мнении, что история Лира, рассказанная Гальфридом,— плод исключительно его собственной фантазии [38]. Действительно, ирландской мифологии знаком Лер или Лир, который является морским божеством [39]. Есть сведения, что в этом качестве почитался он и жителями Уэльса [40] В двух валлийских мабиноги (памятниках героического эпоса) упоминается некий Лир (Llyr) — отец основных персонажей цикла. Но ни морское божество древних ирландцев, ни герой валлийского эпоса не имеют ничего общего с персонажем Гальфрида. А у него эпизод этот превосходно разработан, и, видимо, именно поэтому к нему столь охотно обращались затем многие авторы, вплоть до Шекспира.

Уже здесь писатель ставит не только существенные политические вопросы, но и глубоко решает проблему человеческих взаимоотношений. Его Лир не только ошибается как государственный деятель, но совершает ошибку и чисто человеческую. Ошибка его — это плод излишней самоуверенности, вспыльчивости, даже самодурства. И поверхностности суждений. Трагическая история Лира слишком хорошо известна, чтобы ее здесь пересказывать. Но как не отметить ту психологическую глубину, с которой описаны Гальфридом переживания состарившегося царя, как не указать на разнообразие созданных писателем женских образов, особенно прелестной, искренней и по-своему честной и мудрой Кордейлы! Хотя этот эпизод занимает в книге всего лишь одну главу, но и по своим размерам, и по подробности, с какой в ней повествуется о правлении Лира и его злоключениях, он занимает в «Истории бриттов» одно из ключевых мест.

Вообще надо заметить, что Гальфрид явно выделяет в своем повествовании отдельные эпизоды и особо интересующих его персонажей. Так, он

[37] Гальфрид называет легендарных правителей Британии латинским словом rex. Это, конечно, не «король» в более позднем значении этого термина. Это и не более сниженное и нейтральное «царь». Речь идет — исторически — о племенных вождях, но писатель, вполне согласуясь с основным замыслом своей книги, хотел бы видеть их именно «королями», ибо это не просто рассказ о легендарной истории бриттов, а их возвеличивание и прославление.

[38] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 111; *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 35.

[39] См.: *Vries J de.* La religion des celtes. P.. 1977, p. 93—94.

[40] См.: *MacBain V* Celtic Myth and Religion. L., 1917, p. 93.

то заметно ускоряет ритм своего рассказа, быстро переходя от одного бриттского вождя или правителя к другому, то, напротив, задерживается на каком-либо эпизоде, которому он не обязательно посвящает так уж много страниц текста, но который получает более тщательную отделку. К таковым узловым эпизодам относятся бесспорно главы, рассказывающие о Бруте и его потомках, о Лире, затем о Белине и его брате Бренние (который осуществил победоносный поход на Рим). Довольно подробен Гальфрид и в своем рассказе о римском завоевании Британии (ведь тут у него были многочисленные и вполне надежные источники), но некоторые сообщаемые им факты расходятся с общепринятыми сведениями.

Однако полезно отметить не отдельные неточности Гальфрида, повествующего об отношениях бриттов и римлян, а тот факт, что эпизоды, описывающие покорение римлянами Британии, не окрашены в «Истории» в трагические тона. И это далеко не случайно. Начиная с этих эпизодов писатель постепенно проводит мысль об очень тесной связи бриттов с римлянами (это, например, подчеркнуто в рассказе о деятельности Клавдия и Арвирага — гл. 65—69). Нередко оказывается, что в жилах королей бриттов течет римская кровь. Таковы, например, Аврелий Амброзий и его брат Утерпендрагон — один из ключевых фигур британской истории, по представлению Гальфрида. Точно так же он делает жену Артура, Геневеру, представительницей знатного римского рода. Потомки Энея долго жили в Италии, затем они приплыли на Британские острова. Теперь кольцо замыкается: новые правители Британии (т. е. непосредственные предки и потомки короля Артура) по своим родственным связям и происхождению восходят к знатным римлянам. Хотя это, бесспорно, выдумка, появление ее из-под пера Гальфрида понятно: память о могуществе Рима была не просто жива в обществе XII столетия, представление об этом могуществе было реальностью. Вообще весь рассказ писателя об истории бриттов, о их королях преследует одну цель: показать, как рядом с великой римской империей возникает не менее великое и могущественное Британское королевство, которое оказывается и наследником этой империи, и соперником ее, и ее союзником и собратом.

Совсем иначе описывает Гальфрид взаимоотношения бриттов с представителями германских племен. Уже с 23-й главы «Истории» начинается рассказ о германских набегах. Собственно, с этого момента история Британии, как ее излагает Гальфрид, разворачивается на фоне все более усиливающегося натиска англов и саксов. История бриттов приобретает черты героического сопротивления иноземцам, сопротивления, которое растягивается не на одно столетие. Не приходится удивляться, что трактовка германских племен и их вождей (например, Хенгиста и Хорса) у Гальфрида неизменно отрицательна. В этом он отличается не только от монаха Эадмера (ум. 1124), написавшего свою «Историю нововведений в Англии («Historia novorum in Anglia») с ярко выраженных англосаксонских позиций, но и от сочинений Вильяма Мальмсберийского, стремившегося примирить англосаксов с норманнами. У Гальфрида англы и саксы непременно коварны, жестоки и подлы. Именно благодаря этим качествам им удается не раз одерживать верх над бриттами, которые обычно побеждают в откры-

том честном бою, но легко поддаются на обман. Так, во время «майских убийств» (гл. 104—105) бритты вынуждены героически защищаться от хорошо вооруженных саксов, напавших на них вопреки заключенному ранее соглашению. Немало у Гальфрида рассказов о том, как германцы подсылают к бриттам убийц, отравляют источники и т. д. Так, из-за подлого вероломства саксов гибнут Аврелий и Утерпендрагон, наиболее могущественные и смелые британские короли.

Но это не значит, что бритты и тем более их вожди изображаются Гальфридом неизменно доверчивыми и простодушными воинами, которые могут противопоставить хитрости и подлости врага лишь свою воинскую сноровку и мужество. И им ведомы сильные страсти, заставляющие их совершать роковые ошибки. И далеко не все бриттские цари изображены однозначно положительно. Здесь автор «Истории» старательно проводит одну и ту же идею. Те короли правят спокойно и долго, которые уважают интересы своего народа и чтут стародавние законы. Тот же, кто ведет себя иначе, нередко оказывается побежденным врагами или низложенным подданными. Для Гальфрида королевская власть еще не обладает непреложной святостью. Так, он сочувственно рассказывает, как притеснявший простой народ Грациан поплатился за это жизнью (гл. 89). Как полагал Джерман, Гальфрид хотел, конечно, развлечь и позабавить своих читателей, но также показать завоевателям-норманнам, что они покорили когда-то могущественную и славную страну [41]. Но не только это: рисуя правителей слабых или коварных, нерешительных или вероломных, он сознательно противопоставляет им своих положительных героев. Прежде всего, Артура, который уже в изображении Гальфрида становится вровень с такими идеальными правителями (по представлениям Средневековья), как Александр Македонский или Карл Великий. Но это еще не убеленный сединами мудрый старец, каким предстанет король Артур в произведениях ближайших продолжателей Гальфрида Монмутского. В «Истории бриттов» перед читателем проходит вся жизнь героя. Наибольшее внимание уделяется его многочисленным победоносным походам, тому, как он старательно и мудро «собирает земли» и создает обширнейшую и могущественнейшую империю. И гибнет эта империя не из-за удачливости или отважности ее врагов, а из-за человеческой доверчивости, с одной стороны, и вероломства — с другой.

Интересно отметить, что писатель вводит в свое повествование чисто романический мотив (впрочем, встречающийся и во многих мифах). Это мотив губительности женских чар, вообще деструктивной роли женщины как в жизни героя, так и всего племени или государства. Так, неодолимость женского очарования испытывает на себе Вортегирн, он не в силах устоять перед опасной привлекательностью Ронвен (Ронуэн), дочери предводителя саксов Хенгиста. Одурманенный к тому же напитками, он женится на прекрасной чужестранке, и это приносит его стране немало бед и лишений.

---

[41] См.: *Jarman A. O. H.* Op. cit., p. 99—101.

Точно так же причиной гибели могущественной Артуровой державы является в конечном счете неверность Геневеры, вступившей в любовную связь с Модредом, племянником короля. С образом Геневеры (валлийское написание — Gwenhwyfar) в книгу Гальфрида входит тема адюльтера, которая получит затем широкое распространение в романах на артуровские сюжеты. Тема эта не придумана писателем. Мы находим ей параллели в средневековой ирландской эпической литературе, где был создан образ королевы Медб. Дочь короля Коннахта, Медб не просто является обладательницей верховной власти, она есть воплощение такой власти: лишь проведя с ней ночь любви, герой может получить желаемое могущество. И таких героев, и таких ночей в жизни Медб было очень много: она охотно дарит свою любовь домогающимся ее. И этому не препятствует тот факт, что у нее есть муж Айлиль, которому не остается ничего другого, как закрывать глаза на поведение жены [42]. Точно также и Геневера, возможно, изменяет Артуру не только с Модредом, но и с другими знатными сеньерами из окружения короля — всего вероятнее с Каем или даже с Вальванием [43], хотя последний мотив у Гальфрида совершенно отсутствует, он появится в более поздней артуровской традиции.

Однако, как нам представляется, было бы ошибкой видеть в образе Геневеры переосмысление, трансформацию персонажа какого-то более раннего сказания, некое воспоминание о героине кельтской мифологии. Такая героиня наукой не зафиксирована. И толкование имени жены Артура как «Белый Призрак» (так толкуют это имя многие, в том числе Ж. Маркаль [44]) вряд ли что-либо объясняет в характере королевы.

Мы полагаем также, что для возведения другого персонажа «Истории бриттов», племянника короля Артура — Модреда, к кельтскому (ирландскому) божеству Медру́-Мидиру [45] нет достаточных оснований. Это божество является в ирландской мифологии правителем земного рая [46], т. е. иного мира (преисподней). Мидир часто изображается коварным обманщиком, и это может роднить его с персонажем Гальфрида. И хотя в данном случае генетическое тождество в известной мере совпадает с тождеством функциональным, генетические прототипы Артура и Модреда восстанавливаются на разных уровнях диахронической протяженности и поэтому входят в разные, несопоставимые системы.

Вряд ли можно толковать их любовное соперничество как переосмысление борьбы света и тьмы (если считать Артура изначально солярным божеством, а Модреда-Мидира — властителем преисподней). Думается, для Гальфрида такое архетипическое истолкование взаимоотношений этих персонажей было абсолютно чуждо. Ведь мотив любовного соперничества старика-дяди и молодого племянника относится к числу самых распространенных в мифологии, фольклоре и литературе универсалий. Подобный мотив можно, видимо, обнаружить в исключительно большом числе соответ-

---

[42] См.: *Markale J.* La femme celte. P., 1977, p. 231—233.
[43] См.: Ibid., p. 227.
[44] См.: Ibid., p. 128.
[45] См.: *Markale J.* L'épopée celtique en Bretagne, p. 256.
[46] См.: *Vries J. de.* Op. cit., p. 117—118.

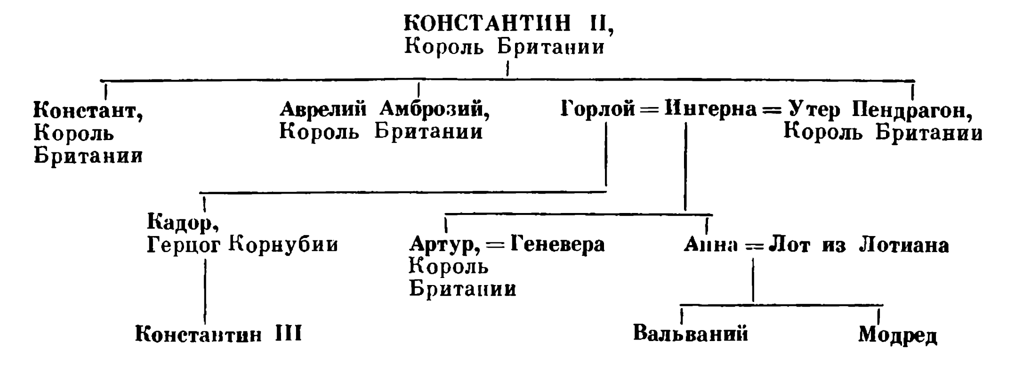
ствующих памятников. Проанализировавший этот мотив, как он манифестировался у тлинкитов, индейцев северо-западного побережья Америки, Е. М. Мелетинский писал: «...рассказ о борьбе старого вождя с сыном своей сестры определенным образом опосредствован тлинкитским социально-историческим контекстом. У тлинкитов, которые придерживаются традиций материнского рода (с учетом того, что при этом родовой строй в целом уже находится у них в стадии разложения), отношения с братом матери очень тесные и вместе с тем сложные. Дядя, особенно дядя — племенной вождь, представляет для племянника авторитет племенной власти и родовых установлений, дает ему защиту, а также материальное и магическое наследство, но одновременно он является для него и источником авторитарного насилия, патроном в трудных инициационных испытаниях (во всяком случае, в прошлом). Для дяди сын его сестры есть «надежда» рода, но также ближайший наследник, который в конечном счете сменит дядю в роли вождя и получит его имущество в ущерб его родным сыновьям. Все это не может не порождать, особенно на фоне известной деградации родового строя, амбивалентности отношений с авункулюсом — дядей по матери. Традиционное сознание мыслит естественной власть дяди над племянником и его роль патрона в обрядах посвящения, но это сознание принимает и необходимость смены поколений, власти авторитета и т. п. по линии «дядя→племянник» и осуждает попытки помешать этому процессу. Наш миф в какой-то мере отражает эти социальные отношения (конечно, с большой долей фантастики), но к ним не сводится. Заметим, что у других племен североамериканских индейцев, у которых господствует отцовский счет родства и патриархальные традиции, в аналогичных сюжетах вместо дяди и племянника выступают отец и сын» [47].

Последнее замечание о трансформации мотива при переходе от матриархата к патриархату стоит отметить, так как это можно проследить и на эволюции мотива соперничества дяди и племянника в артуровской традиции. Но ни эта эволюция (о которой мы еще скажем) ни появление самого этого мотива у Гальфрида не может быть объяснено генетически, т. е. как переосмысление старой мифологемы и ее применение к новому сюжету. Для автора «Истории бриттов» куда существеннее было переосмысление соперничества (нет, не любовного, конечно) реальных политических деятелей его времени, также связанных между собой сложными родственными отношениями,— Роберта Глостерского, незаконного сына законного короля Генриха, и Стефана Блуаского, чьи права на престол были довольно сомнительны: Стефан был лишь сыном Адели, сестры короля Генриха. Одно время он считался наследником престола (после трагической гибели законного сына короля), но затем преемницей Генриха I была объявлена его дочь Матильда, сначала жена императора Генриха V, а впоследствии анжуйского графа Жоффруа Плантагенета. Так что вопрос о престолонаследии был в это время очень остр и запутан. Отметим также, что после скоропостижной смерти Генриха I Стефан Блуаский буквально захватил английский трон (в этом ему помогли Роберт, епископ Сальсбе-

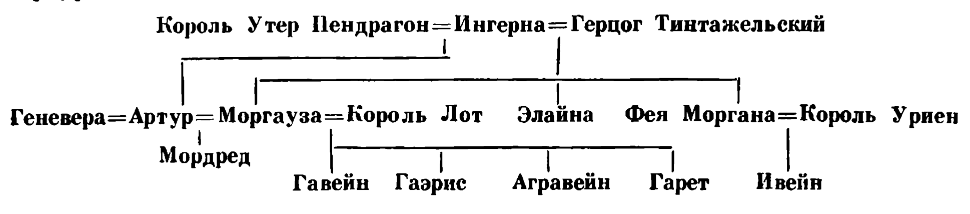
[47] *Мелетинский Е. М.* Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл ворона. М., 1979, с. 126—127.

рийский, и Генрих, епископ Винчестерский), и был момент, когда он чуть было его не лишился. Поэтому претензии Модреда в книге Гальфрида могли отразить и эту столь актуальную и напряженную политическую ситуацию. Гальфрид Монмутский лишь наложил на этот политический конфликт мотив сексуального соперничества племянника и дяди в духе универсальной архетипической мифологемы.

В связи с образом Модреда и его роковым для судеб страны конфликтом с Артуром укажем на существенную трансформацию этого персонажа, вносящую дополнительный трагический штрих в содержание этого эпизода. Родословная Артура, как она изложена у Гальфрида, такова (используем, с некоторыми изменениями, схему из работы Ричарда Кавендиша[48]):

Как видим, у Гальфрида Артур наделяется двумя племянниками, противопоставление которых очевидно: верный сподвижник короля Вальваний (Гавейн последующей традиции) здесь противостоит предателю Модреду. Последний захватывает власть и женится на королеве. Эти действия Модреда неизменны на протяжении всей артуровской традиции. Но в ходе ее развития конфликт дяди и племянника осложняется, переосмысливается в духе перехода от матриархата к патриархату (о чем мы говорили выше). Коварному вероломству и предательству Модреда находится новое, более психологически сильное и ситуационно острое обоснование. Генеалогия Артура выглядит теперь так (используем также схему Р. Кавендиша[49]):

[48] См.: *Cavendish R.* King Arthur and the Grail: The Arthurian Legends and their Meaning. L., 1978, p. 29.
[49] Ibid., p. 45.

На этот раз племянник оказывается одновременно сыном Артура от кровосмесительной связи короля с его сводной сестрой Моргаузой, женой Лота Оркнейского. Тем самым любовное соперничество племянника и дяди совмещено (а не заменено) с аналогичным соперничеством отца с сыном. Мотив инцеста (сожительство с женой дяди) значительно усилен: Мордред (Модред) посягает теперь на жену отца, являясь одновременно плодом сожительства брата с сестрой. Такая трансформация родственных отношений героев бесспорно усложняет и обостряет ситуацию, но еще дальше уводит образ Модреда от его далекого и весьма гипотетического прототипа — ирландского божества Мидира. Усложнение ситуации произошло в ходе эволюции артуровской традиции, конечно, не из-за перехода от матриархата к патриархату и не как воспоминание о таком переходе, а в результате авторского углубления и усложнения сюжетных схем.

Итак, у реки Камблан сходятся для последней решительной битвы отряды предателя Модреда (а он заключил военный союз с исконными врагами бриттов — саксами, а также скоттами и пиктами) и воинство Артура. Много славных мужей погибло в этом сражении. Был убит вероломный Модред, но погиб также и Артур. Но, как пишет Гальфрид, король лишь временно покинул наш бренный мир, он скрылся на острове Авалоне, этом своеобразном земном рае, «Яблочном Острове» валлийской мифологии, блаженном острове, где отдыхают и залечивают раны герои. Мотив этого чудесного острова интересует нас в данном случае не как отражение каких-то универсальных архетипических мифологем и не в связи с зависимостью легенды об этом острове от своеобразной «пропаганды», проводившейся Гластонберийским аббатством [50], а как отражение специфики политического и художественного мышления Гальфрида. С политической точки зрения рассказ об Авалоне — это воплощение мечты о конечном торжестве кельтов, об их реванше по отношению к англосаксам. В этой связи отметим следующее: Гальфрид писал сравнительно недавно после норманнского вторжения в Британию. Эту экспедицию Вильгельм Завоеватель готовил старательно и долго, и не только в военно-стратегическом плане. У него были предварительные контакты с представителями валлийской знати, он охотно включал в свои отряды потомков тех кельтов, которые вынуждены были переселиться в Бретань и отчасти в Нормандию, постоянно теснимые англосаксами. Так что события 1066 г. в какой-то мере возвращение кельтов на их историческую родину. Сторонники Вильгельма могли изображать и толковать эти события и так. Как бы начинала сбываться мечта о том, что король Артур очнется наконец от своего долгого сна и возглавит свой угнетенный, но не сломленный, не покоренный народ. С чисто художественной точки зрения рассказ Гальфрида об острове Авалоне — это поэтическая разработка универсального мифа о царстве мертвых, параллель острову Гесперид древних греков или, скажем, острову Фей (Caer Siddi) древних валлийцев.

---

[50] Этому легендарному острову и его роли в артуровских сказаниях посвящена обширнейшая литература. Нет возможности приводить ее всю. Сошлемся лишь на обстоятельную работу Джеффри Эша: *Ashe G.* King Arthur's Avalon. N. Y., 1958.

После гибели Артура в стране начинаются нескончаемые усобицы. В них, как полагает Гальфрид,— причина крушения государства бриттов и победы германцев. Здесь писатель как бы обуздывает свою фантазию и возвращается на историческую почву. Широко используя сочинения Беды Достопочтенного и некоторых других своих предшественников, он бегло повествует о дальнейшей судьбе бриттов, об их последних королях. И тут он выдумывает последнюю свою «басню». Он рассказывает, как англосаксы все глубже проникают на территорию бриттов, начинают возделывать их земли, строят города, возводят укрепленные замки. Но почему они побеждают? Не из-за слабости или трусости бриттов, а из-за раздиравших их раздоров и распрь и в еще большей степени из-за обрушившихся на страну голода и чумных эпидемий. К тому же разве можно считать бриттов разгромленными и уничтоженными? Ведь они сохранили за собой Уэльс, они переселились в Арморику и цивилизовали эту богатейшую благодатную страну. Важно отметить, что Гальфрид придает большое значение Малой Британии — континентальной Бретани, где сохраняются культурные и политические традиции бриттов (показательно, что легендарный прекрасный лес Броселианд помещается им в Арморике).

На рассказе о наследниках Артура Гальфрид довольно внезапно обрывает свою книгу, несколько иронически предлагая другим историкам ее продолжить. Не приходится удивляться, почему автор «Истории бриттов» прервал рассказ на событиях конца VII в.: дальше, по сути дела, должна была бы начинаться история уже англосаксонского королевства, а обращаться к ней Гальфрид не хотел. Да и задача его была иная: он проследил историю кельтского населения Британии от возникновения там государства до его гибели (хотя сами бритты не погибли) и тем самым довел свое повествование до конца.

В своей книге и особенно в связи с повествованием об Артуре Гальфрид пересказывает или придумывает немало поэтичнейших легенд. Так, он создает образ юноши-прорицателя Мерлина, имеющего мало общего с легендарным бардом VI в. Мирддином, которому традиция приписывает несколько стихотворений. Рассказывает Гальфрид и легенду о Кольце Великанов, чудесным образом перенесенном из Ирландии в Британию (и ныне существующая мегалитическая постройка Стоунхендж), и легенду о Горе́ Святого Михаила, где обитал ужасный дракон, которого сразил отважный король. В этом эпизоде писатель использует распространенные в фольклоре мотивы единоборства с чудовищем, присовокупляет придуманные им самим детали, и здесь образ Артура приобретает черты мифологического героя. Писатель в подобных эпизодах все дальше уходит от подлинной истории, да и не стремится быть историчным. Вот почему ученые хронисты его времени, даже такие талантливые и самобытные, как Гиральд Камбрейский, но лишенные необузданной поэтической фантазии автора «Истории бриттов», отзывались с явным неодобрением о его книге.

Пересказывая или сочиняя легенды, Гальфрид умеет передать свойственный им первозданный аромат народных мифологических баснословий с их интересом к загадочному и чудесному. И одновременно писатель создает более реалистические, точнее говоря, более исторически достоверные рас-

сказы о военных предприятиях Артура (тут подробно изображены обстоятельства его похода против императора Луция). И рядом с подобными батальными сценами мы находим у него эпизоды, явно навеянные укрепляющимися как раз в это время в феодальной среде куртуазными идеалами и обычаями (таково, например, изображение в гл. 157 «Истории» коронования Артура в Городе Легионов — яркой и торжественной придворной церемонии). Гальфрид умел варьировать свой стиль. Как уже говорилось, он то бесстрастно подробен или, напротив, лаконичен, то смело погружается в фантастику. Ученые отмечают также, что ему не было чуждо и ироническое пародирование некоторых характерных примет чужого стиля, в частности таких его современников, как Вильям Мальмсберийский, Генрих Хантингдонский или Карадок Лланкарванский [51].

Гальфрид был прежде всего поэтом. Вот от чего немного наивными выглядят обвинения его в недостоверности, в том, что он был лишь «сочинителем исторических сказок» [52]. Он и был создателем увлекательных баснословий. Это особенно очевидно в его стихотворной «Жизни Мерлина», прелестной маленькой поэме, соединяющей своеобразную народную фантастику, мотивы, заимствованные из архаических слоев кельтской мифологии, с элементами куртуазного осмысления взаимоотношений между людьми. Но этим соединением разнородных стилевых пластов отмечена и «История» Гальфрида.

Именно смелость и изобретательность фантазии, занимательность сюжета, разнообразие повествовательной манеры сделали его книгу, а точнее рассказанные в ней легенды, повсеместно популярной.

4

Гальфрид повествовал о многих легендарных королях Британии, следуя в этом за своим предшественником Неннием, но именно у него лишь один из них — король Артур — не только занял в их ряду безоговорочно центральное место, но и дал толчок дальнейшей разработке связанных с ним сюжетов в литературе Средневековья, а затем породил и целую отрасль медиевистики — «артурологию».

Гальфрид Монмутский короля Артура, как известно, не придумал. И не он сделал его победоносным вождем островных кельтов (уже не он), тем более основателем утопического государства, чуть ли не мировой империи, законной наследницы империи Римлян (еще не Гальфрид). До того, как быть обработанными в гальфридовой «Истории бриттов», артуровские легенды претерпели долгую эволюцию. Легендам этим посвящена огромная специальная литература, ежегодно пополняющаяся десятками новых книг и сотнями статей. Не излагая выдвигаемые на этот счет многочисленные противоречивые теории (хотя бы теории о происхождении «артурианы»), проследим все-таки самым кратким образом основные этапы эволюции этих легенд до того момента, как они были переосмыслены Гальфридом из Монмута.

---

[51] См.: *Flint V I. J.* The Historia Regum Brittaniae of Geoffrey of Monmouth: Parody and its Purpose. A Suggestion.— Speculum, 1979, t. 54, p. 447—468.

[52] См.: *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч., с. 181.

Образ короля Артура прошел сложное и многоступенчатое развитие. Бесспорно можно говорить о существовании его прототипа задолго до того момента, как этот исторический персонаж оказался в гуще политической борьбы своего времени. Точнее говоря, до того момента, как на реального Артура были перенесены некоторые черты героев или божеств кельтской мифологии.

Здесь нам помогает лишь метод аналогии. Дело в том, что у ряда кельтских племен существовал строгий запрет на запись сакральных и мифологических текстов. Поэтому мы можем лишь предположить, что у валлийцев и бриттов уже на довольно ранней стадии развития их общества существовала своя мифология и связанные с нею героические сказания. Возможно, в них говорилось о каком-то могучем герое, совершавшем подвиги «повышенной трудности». Р. Ш. Лумис считал возможным сопоставить образ Артура на архетипическом уровне с образами героев некоторых ирландских саг. Но наиболее популярный герой последних, Кухулин, как полагал ученый, сопоставим скорее с Вальванием-Гавейном[53]. Что же касается Артура, то его больше напоминает легендарный король Улада Конхобар. Действительно, он мудр, справедлив, мужествен — совсем как Артур в развитой артуровской традиции. Двор Конхобара в Эмайн-Махе напоминает двор Артура в Камелоте или Городе Легионов. Но вряд ли образ Конхобара мог оказать влияние на создание образа Артура. Гальфрид Монмутский мог просто не знать сюжетов ирландских саг, точно так же, как и авторы, писавшие до него.

Интереснее и продуктивнее другое сопоставление. Некоторые черты Артура напоминают сходные черты валлийского божества Брана. Он могучий гигант, славящийся своей отвагой и силой. Но в сказаниях, с ним связанных, рассказывается, как он страдает от раны, и этот мотив роднит этого героя скорее с персонажем поздней «артурианы» — с увечным королем, хранителем Грааля[54]. Таким образом, и здесь нет предпосылок возникновению интересующего нас мифологического персонажа.

Еще меньше их в наиболее архаических пластах кельтской мифологии, так как мы просто не располагаем никакими мало-мальски достоверными данными. Однако попытки в этом направлении предпринимались. В Артуре видели, например, какое-то аграрное божество или даже отзвуки солярных мифов[55]. Ныне это убедительно опровергнуто Р. Ш. Лумисом[56].

С большей уверенностью мы можем говорить об Артуре как о племенном вожде, или, точнее, предводителе военных отрядов. В этом качестве он упомянут в достаточно большом числе памятников. Они двух родов. Это записи кельтских мифологических сказаний или произведения, созданные на их основе, и латинские тексты хроникально-исторического и агиографического характера.

---

[53] См.: *Loomis R. S.* Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956, p. 77—78.

[54] См.: *Cavendish R.* Op. cit., p. 150—151.

[55] См.: *Rhys J.* Studies in the Arthurian Legend. L., 1891, p. 39—43.

[56] См.: *Loomis R. S.* Celtic Myth and Arthurian romance. N. Y., 1927, p. 350—355.

Как отважный военачальник упомянут Артур в поэме валлийского барда второй половины VI в. Анейрина «Гододдин»[57]. В ней рассказывается о героической гибели одного из северокельтских племен. Артуру — герою поэмы — нет равных по смелости и силе. Если это не поздняя интерполяция, то поэма Анейрина является самым ранним свидетельством реального существования Артура и сложения легенд о нем. Ведь поэма была создана в той среде, в которой не могла не сохраниться память об этом историческом деятеле. Важно отметить, что у Анейрина, как и у некоторых других валлийских поэтов VI—VII вв. Артур упоминается не только как смелый воитель и даже мудрый правитель, но и как предводитель отрядов отчаянных головорезов, в чьем характере известное благородство и честность легко сочетаются с первобытной жестокостью и даже кровожадностью. Таким образом, качества военного предводителя (бесспорно восходящие к чертам племенного вождя или героя) еще долго будут определяющими для этого персонажа.

Для этого были свои основания. Так называемые «темные века» британской истории[58] — это период непрекращающейся изнурительной кровопролитной борьбы со следующими одна за другой волнами англосаксонских вторжений, борьбы, отмеченной отдельными частными успехами и цепью непрерывных поражений. Не приходится удивляться, что она выдвинула и своих героев. А мифо-поэтическая традиция, отражавшая самосознание кельтов, нуждалась в таких героях и создавала их.

Так, живший в VI в. монах Гильдас[59] описал в книге «О разорении и завоевании Британии» («De Excidio et conquestu Britanniae») серию успешных операций бриттов, под предводительством некоего Аврелия Амброзия не раз наносивших саксам ощутимые удары. Одна из таких побед — битва на Горе Бадоне, происшедшая, вероятно, около 516 г. В результате этой победы кельты приостановили дальнейшее продвижение саксов, которые долго не могли оправиться от поражения. Вокруг этой битвы, о которой рассказал Гильдас, стали группироваться другие легенды о кельтских победах, что дало толчок возникновению образа Артура как неустрашимого и удачливого вождя. Но вот что интересно: текст Гильдаса настолько туманен и противоречив, что остается неясным, кто был предводителем кельтов в этой битве. Возможно, и не Аврелий Амброзий. Упоминает Гильдас некоего Ursus'а (т. е. медведя), и ученые справедливо предполагают, что здесь зашифровано имя Артура (ведь по-валлийски корень слова «медведь» — Atru или Matu)[60]. Лесли Олкок специально останавливается на вопросе, почему Гильдас не называет Артура и кто возглавлял кельтов в битве на Горе Бадоне[61], и приходит к выводу, что со всей уверенностью ответить на этот вопрос затруднительно. Иной точки

[57] См.: *Jackson K. H.* The Gododdin. The Oldest Scottish Poem. Edinburgh, 1969.
[58] См.: *Ker W. P.* The Dark Ages. L., 1955; *Markale J.* Le roi Arthur et la société celtique. P., 1977, p. 151—192.
[59] См. о нем: *Faral E.* Op. cit., t. 1, p. 1—39. Ср.: *Barber R.* Op. cit., p. 13—18, 29—30; *Lindsay J.* Arthur and his Times. L., 1958, p. 179—187.
[60] См.: *Markale J.* Le roi Arthur..., p. 199.
[61] См.: *Alcock L.* Arthur's Britain: History and Archaeology. L., 1971, p. 21—26.

зрения придерживается Ж. Маркаль. Проанализировав ряд памятников житийной литературы (т. е. вышедших из клерикальных кругов), созданных незадолго до 1100 г., а именно жития местных святых — Гильдаса (ум. 570), Кадока, Караннога, Падерна, он отмечает, что в их жизнеописаниях Артур неизменно изображается как предводитель полубандитских, полувоенных отрядов, сражавшихся с саксами, но и охотно занимавшихся грабежами и поборами среди местного населения, не очень соблюдая при этом неприкосновенность святых обителей. Видимо, солдатня Артура обобрала не один монастырь. «Монастырская традиция,— пишет Ж. Маркаль,— не делала из Артура ,,маленького святого", совсем наоборот. Создается впечатление, что все авторы упоминают Артура специально для того, чтобы изобразить его как злобного тирана, как выскочку, грабителя и совершенно бессовестного человека. Во всех этих текстах мы встречаем слова, отражающие ненавистное к нему отношение. Это подтверждает гипотезу о том, что у Артура были натянутые отношения с церковными деятелями его эпохи, что и объясняет молчание Гильдаса и Беды на его счет» [62].

Действительно, Беда Достопочтенный, знавший писания Гильдаса, в своем рассказе о борьбе с саксами выдвигает нового героя. Это король Нортумбрии Освальд, не раз наносивший поражения германцам. Он вряд ли мог послужить прообразом Артура и способствовать сложению мифа об этом короле.

Остановимся еще на нескольких произведениях, предшествовавших сочинениям Гальфрида, произведениях, которые он, скорее всего, хорошо знал.

Одно из них — это валлийский «роман» «Куллох и Олуэн» [63]. Время его возникновения точно не установлено, но совершенно очевидно, что он предшествует книге Гальфрида.

Это произведение зафиксировано на стадии перехода от богатырской сказки к рыцарскому роману. Но по своей тематике, образному строю и стилистике оно все-таки ближе к сказке. Это типичный эпический рассказ о героическом сватовстве, о добывании невесты. Протагонист произведения ищет помощи и поддержки у Артура и его рыцарей. Посещение юношей королевского двора описано в духе эпических сказаний; здесь присутствуют мотивы инициационных испытаний, запретов и ограничений. Эпический колорит, наличие типично фольклорных тем и мотивов начиная с основного сюжета произведения — добывания невесты посредством преодоления заранее обусловленных препятствий и выполнения во многом стандартного набора заданий, а также повторы, стереотипные эпитеты, ретардации и т. п.— все это говорит о том, что «Куллох и Олуэн» является переходным произведением, в котором очень сильны элементы фольклора. Современный французский кельтолог Жан Маркс так отозвался об этом

[62] *Markale J.* Le roi Arthur..., p. 206.

[63] См. о нем: *Mac Cana P.* The Mabinogi. Cardiff, 1977, p. 62—77; *Markale J.* L'épopée celtique en Bretagne, p. 137—151; *Foster I. L.* Culhwch and Olwen and Rhonabwy's dream.— In: Arthurian literature in the Middle Ages, p. 31—43; *Loomis R. S.* The Development of Arthurian Romance. N. Y., 1970, p. 24—27; *Cavendish R.* Op. cit., p. 17—21.

Страница рукописи «История бриттов» Ненния

произведении: «Эта сокровищница приключений, наполненная вызовами на поединок, странствиями, разыскиванием талисманов, узнаваниями, поисками заколдованных предметов, создает ту атмосферу, в которой благодаря литературным шедеврам, созданным поэтами-бриттами, несмотря на содержащиеся в их произведениях огромные лакуны, интерполяции, противоречия, можно отыскать ключ и источник чудесного, окрашивающий в неповторимые тона бретонские сюжеты»[64]. Действительно, эта атмосфера пленительной феерии отразилась и в книге Гальфрида Монмутского, и еще в большей степени — в последующей артуровской традиции. Но здесь можно было бы отметить и другое. Наряду с архаизирующими мотивами (что роднит изображенный здесь двор Артура с двором Конхобара) и чертами племенного вождя, ощутимыми в образе Артура, последний предстает тут не просто отважным и опытным военачальником, но и мудрым, убеленным сединами королем.

Он совсем не таков в двух других произведениях, к которым мы сейчас перейдем.

Первое — это анонимные «Анналы Камбрии» («Annales Cambriae»), созданные, видимо, в конце X в. и иногда включаемые в отдельные списки «Истории бриттов» Ненния (после гл. 66). Здесь дважды упоминается Артур. Под 516 г. рассказывается: «Битва при Бадоне, во время которой Артур носил на своих плечах крест господа нашего Иисуса Христа три дня и три ночи, и бритты были победителями»[65]. Под 537 г. сказано: «Битва при Камлане, во время которой Артур и Медрауд убили друг друга, и мор наступил в Британии и Ирландии»[66]. Хотя здесь появляется важ-

[64] *Marx J.* Nouvelles recherches sur la littérature arthurienne. P., 1965, p. 29.

[65] *Faral E.* Op. cit., t. 3, p. 45; «Bellum Badonis in quo Arthur portavit crucem Domini nostri Jhesu Christi tribus diebus et tribus noctibus in humeros suos et Brittones victores fuerunt».

[66] Ibid.: «Gueith Camlann, in qua Arthur et Medraut corruerunt, et mortalitas in Brittannia et in Hibernia fuit».

ный для дальнейшей артуровской традиции, в том числе и для Гальфрида, мотив вражды Артура с Модредом, ни личность Артура, ни ее трактовка автором «Анналов» остается неясной.

Иначе рассказывает об Артуре Ненний, писавший, видимо, в конце VIII в. Но в его хаотическом, многослойном произведении, в котором можно обнаружить не только следы разновременных интерполяций, но и почти механическое соединение разных в жанровом и хронологическом отношении частей, Артур остается прежде всего военным вождем. Он наделяется двенадцатью славными подвигами (как античный Геракл), самый замечательный из которых — сражение на Горе Бадоне. Но тут вот что следует отметить. Реальный Артур явно не мог совершить всех тех подвигов, о которых говорит Ненний. Географическая и временна́я локализация этих двенадцати сражений исключает это. Артур, первоначально вождь северных кельтов, мог быть причастен лишь к некоторым из них. Когда саксонские отряды устремились в Северный Уэльс и Шотландию, встала задача объединения кельтских племен для совместного отпора завоевателям. Исторический Артур, конечно, мог предпринять попытку возглавить такие объединенные силы кельтов [67], что, однако, вряд ли ему в полной мере удалось. Но это совершилось на уровне творимой о нем легенды, которая, нося компенсаторный характер, неизбежно должна была возникнуть. Возникнуть именно тогда, когда в ней появилась необходимость. Как писал Э. Фараль, «Артур, вождь северных бриттов, герой локальных сражений, приобретает в тексте „артурианы“, в том виде, в каком она дошла до нас, черты героя, чьи подвиги распространяются на всю Британию и в котором последующие поколения призваны прославлять наиболее крупного государя британской национальной истории» [68].

Ненний поведал и о далеких предшественниках Артура начиная с легендарного Брита (Брута), потомка Энея. Почва для рассказа о правителях Британии и для создания образа Артура, короля бриттов, а затем и императора Запада, была подготовлена. Гальфрид Монмутский мог писать свою «Историю». Он не во всем следовал за Неннием, привлекая и другие источники, так как был усидчив, учен, талантлив и обладал изобретательной фантазией. Но Ненний послужил ему надежной канвой. Не была ли рукопись Ненния как раз той «стариннейшей валлийской книгой», которую архидьякон Оксфордский Вальтер и передал однажды своему другу и сотруднику, попросив переделать ее на новый лад?

5

Судьба сочинений Гальфрида, и прежде всего его главной книги, его «Истории», двояка. С одной стороны, ворчливое порицание подлинных «историков», обвинения в недостоверности, в выдумках и натяжках, с другой — колоссальная популярность, выразившаяся не только в нескончаемом потоке списков и копий, но и в обработках, пересказах, подражаниях,

---

[67] См.: *Markale J.* Le roi Arthur..., p. 216—218.
[68] *Faral E.* Op. cit., t. 1, p. 147.

наконец в возникновении устойчивой артуровской традиции, столь щедро обогатившей европейскую средневековую словесность.

Мы вряд ли должны объяснять этот беспримерный успех одними литературными достоинствами книги Гальфрида Монмутского, хотя и о них забывать не стоит. Читателей (а следовательно и писателей) Средневековья увлекло далеко не все из того, о чем поведал Гальфрид. Ведь из всего псевдоисторического повествования нашего автора повышенный интерес вызвала лишь его артуровская часть. Все, что ей предшествовало и за ней следовало, уже у самого Гальфрида во многом воспринималось как необходимое дополнение к «основному», т. е. к «артуриане». Последователи Гальфрида Монмутского продолжили разработку именно этой «основной» части его книги, остальное же либо попросту отбрасывая, либо пересказывая бегло и незаинтересованно, либо же решительно переосмысляя.

Как уже говорилось, Гальфрид короля Артура не придумал. Он лишь привел в систему то, что нашел в смутных и скупых упоминаниях предшественников (главным образом у Ненния) и, видимо, в устных легендах. Широкое хождение таких легенд как на Британских островах, так и на континенте, в смешанной франко-кельтской среде в немалой мере обеспечило благожелательный прием сочинений Гальфрида. Но существовали также вполне определенные политические круги, в которых артуровские легенды были встречены с особенным энтузиазмом. Мы имеем в виду молодую династию Плантагенетов, имевшую прочные корни в Нормандии и Бретани. Для представителей этой династии, и прежде всего для короля Генриха II (чьей женой была знаменитая Альенора Аквитанская [69], страстная поклонница куртуазной лирики трубадуров и покровительница литературы), артуровские легенды обладали большой притягательной силой. Ведь они рассказывали о досаксонских властителях Британии, якобы генетически связанных с родом римских императоров. Поэтому-то Генрих проявлял повышенный интерес к личности короля Артура, дал это имя одному из своих внуков (который, став герцогом Бретонским, пытался подчинить себе континентальные владения Плантагенетов, вступив в соперничество с Ричардом Львиное Сердце) и способствовал появлению стихотворного романа-хроники Васа «Брут» [70] (1155). Вас довольно точно пересказал в стихах книгу Гальфрида, но существенно изменил трактовку образа центрального персонажа. Уже у Васа этот король приобретает черты убеленного сединами мудрого правителя, становится символом подлинной рыцарственности и благородства, как они понимались во второй половине XII столетия. Появляется у Васа и идея Круглого Стола, за которым собираются самые прославленные и достойные члены рыцарского братства, причем путь в их круг не заказан никому, если он доблестен и благороден. Следом за Васом за разработку артуровских сюжетов принялся замечательный француз-

---

[69] См. о ней: *Lejeune R.* Rôle littéraire d'Aliénor d'Aquitaine et de sa famille.— Cultura neolatina, t. 14, 1954, p. 5—57; *Markale J.* La vie, la légende, l'influence d'Aliénor contesse de Poitou, duchesse d'Aquitaine, reine de France, puis d'Angleterre, Dame des troubadours et des bardes bretons. P., 1979.

[70] См.: *Foulon Ch.* Wace.— In: Arthurian literature in the Middle ages, p. 94—103.

ский поэт Кретьен де Труа [71], который, однако, не создал подробного последовательного рассказа об артуровском королевстве, а написал пять романов не столько о самом Артуре, сколько о прославленных его рыцарях — Эреке, Ивейне, Ланселоте, Гавейне, Персевале и др.

И Вас, и Кретьен писали по-французски, хотя и были так или иначе связаны с английским двором [72]. Несколько позже стали появляться и английские пересказы книги Гальфрида, а затем и созданные на их основе самостоятельные произведения романного жанра. Среди первых английских стихотворных переработок «Истории бриттов» заслуживает упоминания обширное сочинение Лайамона [73], возникшее около 1204 г. В нашу задачу не входит давать сопоставительный анализ всех этих произведений, тем более что это уже делалось неоднократно [74]. Ниже мы скажем об одном существенном моменте эволюции «артурианы», сейчас же обратимся к интересному свидетельству популярности артуровских легенд в кругах, близких к английскому королевскому дому.

Мы имеем в виду рассказ известнейшего хрониста Гиральда Камбрейского (ок. 1146—1220), который был весьма популярным и очень плодовитым писателем своего времени. Рассказ этот настолько увлекателен, подробен и даже поэтичен, что его стоит привести целиком. В своем латинском сочинении «De principis instructione» (1192) Гиральд так рассказывает о раскопках, что производили монахи Гластонберийского аббатства в 1190 г. [75]:

«Сейчас все еще вспоминают о знаменитом короле бриттов Артуре, память о котором не угасла, ибо тесно связана с историей прославленного Гластонберийского аббатства, коего король был в свое время надежным покровителем, защитником и щедрым благодетелем. Из всех храмов своего королевства он особенно любил и почитал церковь святой девы Марии, матери Господа нашего Иисуса Христа, что в Гластонбери. Смелый воин, король повелел поместить в верхней части своего щита, с внутренней стороны, изображение Богоматери, так что во время битвы образ этот постоянно был у него перед глазами. И перед началом сражения он не забывал смиренно лобызать ее стопы. О короле Артуре рассказывают всякие сказки, будто тело его было унесено некими духами в какую-то фантастическую страну, хотя смерть его не коснулась. Так вот, тело короля, после появления совершенно чудесных знамений, было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид, с незапамятных времен

---

[71] Литература о нем огромна, поэтому укажем лишь две основные работы: *Cohen G.* Un grand romancier d'amour et d'aventure au XII siècle, Chrétien de Troyes et son oeuvre. P., 1931; *Frappier J.* Chrétien de Troyes, l'homme et l'oeuvre. P., 1968.

[72] См.: *Markale J.* Aliénor d'Aquitaine, p. 170—175.

[73] См.: *Loomis R. S.* Layamon's Brut.— In: Arthurian literature in the Middle ages, p. 104—111.

[74] Литература, посвященная артуровским легендам и их отражению в художественной словесности разных эпох и разных народов, поистине огромна. Очень удачные обзоры развития «артурианы» на протяжении Средних веков содержатся в книгах Р. Ш. Лумиса и в коллективном труде, вышедшем под его редакцией, на который мы уже неоднократно ссылались.

[75] Латинский текст см. в кн.: *Faral E.* La légende arthurienne, t. 2, p. 437—440.

воздвигнутых на кладбище. Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба. Оно было с почестями перенесено в церковь и благоговейно помещено в мраморный саркофаг. Найден был и оловянный крест, положенный по обычаю надписью вниз под камень. Я видел его и даже потрогал выбитую на нем надпись (когда камень убрали): „Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Геневерой, его второй женой, на острове Авалоне" Тут на многое следует обратить внимание. Выходит, у него было две жены. Именно вторая была погребена вместе с ним, и это ее останки были найдены одновременно с останками ее мужа. Но в гробнице их тела положены отдельно: две трети гробницы были предназначены для останков короля, а одна треть, у его ног,— для останков жены. Нашли также хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу; они несомненно принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах. Было немало указаний на то, что тело короля покоится именно здесь; одни из таких указаний содержались в сохранившихся в монастыре рукописях, другие — в полустершихся от времени надписях на каменных пирамидах, иные — в чудесных видениях и предзнаменованиях, коих сподобились некоторые благочестивые миряне и клирики. Но главную роль сыграл в этом деле король Англии Генрих Второй, услышавший от какого-то исполнителя бриттских исторических песен одно старинное предание. Это Генрих дал монахам точное указание, что глубоко под землей, на глубине по меньшей мере шестнадцати футов, они найдут тело, и не в каменной гробнице, а в выдолбленном стволе дуба. И тело оказалось лежащим именно там, зарытое как раз на такой глубине, чтобы его не могли отыскать саксы, захватившие остров после смерти Артура, который при жизни сражался с ними столь успешно, что почти всех их уничтожил. И правдивая надпись об этом, вырезанная на кресте, была закрыта камнем тоже для того, чтобы невзначай не открылось раньше срока то, о чем она повествовала, ибо открыться это должно было лишь в подходящий момент. Гластонбери, как ее называют теперь, звалась в прошлом островом Авалоном; это действительно почти остров, со всех сторон окруженный болотами. Бритты называли его Инис Аваллон, что значит „Остров Яблок" Место это и вправду в старые времена было изобильно яблоками, а яблоко на языке бриттов — аваль. Благородная Моргана, владычица и покровительница этих мест и близкая родственница Артура, после битвы при Кемелене переправила его на остров, что сейчас зовется Гластонбери, дабы он залечил там свои раны. Место это называлось в прошлом также на языке бриттов Инис Гутрин, что значит „Стеклянный Остров", и из этого названия саксы, когда они тут обосновались, и составили „Гластонбери", ибо на их языке глас значит „стекло", а бери — „крепость", „город". Да будет известно, что кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: „И богатырским костям подивится в могиле разрытой"[76]. Берцовая кость, поставленная на землю рядом с самым высоким из монахов (аббат показал мне его), оказалась на три пальца больше всей его ноги. Череп был столь

---

[76] *Вергилий*. Георгики, I, 497. Пер. С. Шервинского.

велик, что между глазницами легко помещалась ладонь. На черепе были заметны следы десяти или даже еще большего числа ранений. Все они зарубцевались, за исключением одной раны, большей, чем все остальные, оставившей глубокую открытую трещину. Вероятно, эта рана и была смертельной».

Таков этот немного наивный рассказ, ярко свидетельствующий о распространенности артуровских легенд на исходе XII столетия. В повествовании Гиральда отметим два момента. Во-первых, историк подчеркивает интерес к личности Артура и к рассказываемым о нем легендам короля Генриха II Плантагенета, который бесспорно способствовал популяризации «артурианы». Во-вторых, распространение этих легенд, в том числе легенды о нахождении тела Артура и о его перенесении с монастырского кладбища в церковь, Гиральд связывает с Гластонберийским монастырем. Это не случайно. Монастырь был не просто влиятельный и богатый. Он выполнял и определенные идеологические функции. Его географическое положение сделало аббатство местом соприкосновения нескольких национальных культурных традиций — валлийской (и корнийской, ибо Гластонбери расположен «на пороге» Корнуэльса), ирландской, саксонской и франко-норманской. В монастыре, по вполне понятным причинам, активно собирали реликвии и творили легенды. Так, утверждалось, что в монастырской церкви покоятся останки св. Бригитты и св. Патрика, наиболее почитаемых святых островных кельтов. Однако тут не обошлось без подлога: за захоронение первосвятителя Ирландии, жившего в первой половине V в. (389—461), выдали могилу «рядового» местного святого, скончавшегося в Гластонбери в 850 г. [77] Распространение легенд о короле Артуре было вполне в интересах монастыря и соот-

Страница рукописи „Анналов Камбрии“ с упоминанием короля Артура

[77] См.: *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 423.

ветствовало политическим амбициям молодой династии, лишь недавно утвердившейся на английском троне.

Со всеми этими легендами, и прежде всего с легендой о королевстве Артура как идеологическом (точнее духовном) центре Запада, вскоре соприкоснулась — опять-таки на гластонберийской почве — еще одна легенда. Речь идет о легенде о таинственном Граале, столь поэтично отозвавшейся едва ли не во всех литературах западного Средневековья. Грааль был потиром, т. е. чашей причащения на первой литургии, но этот сосуд отождествлялся также с той чашей, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. В Граале видели и магический камень алхимиков [78], и трансформированный рог изобилия народных легенд. Включенный в систему артуровских преданий (и резко видоизменив последние), Грааль стал олицетворением некоего мистического рыцарского начала, символом высшего совершенства. Стал он и своеобразной эмблемой мировой христианской империи, мечты о которой были столь характерны для XIII в., в частности для идеологов ордена Тамплиеров [79] Христианская основа легенд о Граале несомненна, на что не без основания указывал в свое время Марио Рок [80] Но было бы ошибкой не видеть в этих легендах и кельтского субстрата — мифологического сосуда изобилия, типичного для дохристианских представлений коренных жителей Британских островов. Действительно, как заметил Ж. Маркс, в основных компонентах легенд о Граале их мифологический характер «бросается в глаза» [81]. Ведь, как писал видный чешский кельтолог Ян Филип, «в Ирландии магический котелок был символом изобилия и бессмертия и часто помещался на священном месте или в здании. При торжествах, известных под названием гобния, в котле варилось магическое пиво для питания и подкрепления божеств» [82]. Таких котелков найдено археологами немало, а самый знаменитый из них, так называемый Гундеструп, представляет собой значительный памятник средневекового прикладного искусства и хранится в Национальном музее в Копенгагене.

Итак, легенды о чудесном котелке, дарующем вечную молодость и здоровье, были издавна распространены среди коренного населения Британии. Они были переосмыслены в христианском духе. Появилось предание (его упоминает Вильям Мальмсберийский), что Иосиф Аримафейский по поручению Филиппа, первого епископа Иерусалима и хранителя святых реликвий (чаши евхаристии и копья сотника Лонгина), отправился на Британские острова, где основал небольшое аббатство и построил церковь на том самом месте, где позже возник монастырь Гластонбери. Это предание охотно пересказывали местные монахи, хотя христианство распространилось в Британии значительно позже. Считалось, что Иосиф мог иметь при себе какие-нибудь святые реликвии.

---

[78] См.: *Duval P.* La pensée alchimique et le conte du Graal. P., 1979.

[79] См.: *Evola J.* Le mystère du Graal et l'idée impériale gibeline. P., 1972.

[80] См.: *Roques M.* Le Graal de Chrétien et la Demoiselle au Graal.— Romania, 1955, t. 76, p. 1—27.

[81] *Marx J.* Nouvelles recherches sur la littérature arthurienne. P., 1965, p. 87.

[82] *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Пр., 1961, с. 171.

Так «артуриана» приобрела новый смысл и новую структуру. Идейным центром утопического артуровского королевства стал уже не двор Артура, а полный чудес замок Грааля, охраняемый почти божественным воинством. «Начало» Артурова царства связывалось уже не с какими-то мифологизированными событиями «темных веков» британской истории, а с перенесением на Британские острова священных христианских реликвий. Подвиги основных персонажей артуровских сказаний приобрели иное содержание: на смену бездумным поискам приключений пришли осмысленные богоугодные деяния, ведущие к моральному совершенствованию рыцаря и к установлению справедливости и гармонии в мире. Здесь роль короля Артура претерпевает дальнейшую редукцию: этот персонаж совершенно утрачивает былую активность, превратившись даже не в верховного судью в делах доблести и чести, а в некоего бесстрастного наблюдателя, в праздности и лени проводящего свои дни в Камелоте и других замках. Артур лишается «истории»: у его королевства нет ни начала, ни конца, оно как бы существует вечно. Нет у него и четких географических границ: это уже не королевство Британия, а какая-то всемирная империя, без конца и без края.

Впрочем, подобная тенденция изображения Артура и его королевства была и не единственной, и не очень стойкой. Уже с середины XIII столетия начинают появляться книги (прежде всего во Франции), рассказывающие и о молодости Артура, и о его героических деяниях, и о коварном предательстве Мордреда. История государства Артура (которое можно отождествить с владениями Плантагенетов в пору их наибольшего могущества) снова выстраивается в последовательный ряд. На смену мифологизации истории приходит историзация мифа. Происходит, таким образом, возврат к исторической концепции и повествовательной структуре Гальфрида Монмутского. Наиболее значительное свидетельство этого процесса — знаменитая книга сэра Томаса Мэлори, великого английского писателя XV в.

Гальфрид не создал историографической традиции; как уже отмечалось, он был прежде всего писателем. Поэтому его выдумки и баснословия обогатили прежде всего литературу, а книга его по праву заняла заметное место среди других литературных памятников Средневековья.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ. ИСТОРИЯ БРИТТОВ

Сохранилось около двухсот списков «Истории» Гальфрида Монмутского, выполненных в скрипториях, начиная с XII и кончая XV в., т. е. до появления первого печатного издания. Эти списки озаглавлены по-разному; в одних сочинение Гальфрида именуется «Историей королей Британии», в других — «Историей бриттов». Мы избрали второе название как более простое.

Первое печатное издание книги Гальфрида вышло в Париже у знаменитого типографа Ж. Бадиуса в июле 1508 г. под названием: «Britanniae utriusque regum et principum origo et gesta insignia, ab Galfrido Monemutensi, ex antiquissimis Britannici sermonis monumentis in latinum sermonem traducta et ab Ascensio, cura et impendio magistri Ivonis Cavellati, in lucem edita». Оно же было переиздано в Париже в сентябре 1517 г. Второе издание вышло в Гейдельберге в 1587 г. В первом издании текст «Истории» разбит на 8 книг, во втором — на 12. Все последующие издания на латинском языке и в переводах на западноевропейские языки членились на книги и главы неодинаково.

Наш перевод сделан с латинского текста, помещенного в III томе труда крупного французского медиевиста Э. Фараля «La légende Arthurienne» (P., 1929). Автор этой книги предупреждает, что в тексте «Истории» Гальфрида деление на книги им, Фаралем, уничтожено и изложение разбито более или менее произвольно на 208 глав.

Наш текст воспроизводит рукопись, которая была выполнена, вероятно, около 1139 г. Она хранится в Кембридже, в библиотеке Колледжа Св. Троицы (№ 1125).

Известны переводы «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского:

[1] Six old English Chronicles/Ed. J. A. Giles. L., 1848.

[2] Histories of the kings of Britain by Geoffrey of Monmouth. Transl/by L. A. Paton. L.; N. Y., 1912.

Глава 1

[1] *... в обстоятельных трудах Гильдаса и Беды...* — Гильдас (510 или 516—570) — католический святой, один из реорганизаторов кельтской церкви, жил в Британии и Арморике (ныне Бретань во Франции). Автор «De excidio et conquestu Britanniae» («О разорении и завоевании Британии»). Беда — Беда Достопочтенный (673—735), англосаксонский ученый монах, выдающийся историк, автор «Historia ecclesiastica gentis anglorum» («Церковной истории народа англов»), важнейшего источника по истории Англии с I в. до н. э. по 731 г. н. э. Гальфрид Монмутский, безусловно, хорошо знал и «Historia britonum» («Историю бриттов») Ненния, однако по тем или иным причинам не упоминает ее в числе своих источников.

[2] *Артур* — см. примеч. 2 к гл. 143.

[3] *... Многие народы их помнят и о них повествуют...* — Несомненно, существовали изустные героические предания о прошлом бриттов (см. примеч. 2 к гл. 5) и их борьбе с завоевателями. Одним из главных героев легенды стал Артур; в народе многие верили, что Артур не убит и должен вернуться, чтобы освободить бриттов от чужеземного владычества (см. примеч. 2 к гл. 178).

Глава 2

[1] *... архидиакон Оксенфордский Вальтер... предложил мне некую весьма древнюю книгу на языке бриттов...* — С архидиаконом Оксфордским Вальтером Гальфрид был связан давним знакомством и, вероятно, дружбой; упоминания о Вальтере Оксфордском встречаются в церковных документах с 1115 по 1151 г.

Глава 3

1 ... *Роберт, правитель Клавдиоцестрии...* — Имеется в виду Роберт, граф Глостерский (1090—1147), внебрачный сын короля Англии Генриха I Боклерка (1100—1135), внук Вильгельма Завоевателя. После смерти Генриха I, в возникших феодальных междоусобицах, Роберт принял сторону законной наследницы Генриха, его дочери Матильды, и возглавил борьбу с узурпатором — племянником короля Стефаном Блуаским. Борьба эта продолжалась до 1153 г., а после смерти Стефана в 1154 г. завершилась восшествием на престол сына Матильды Генриха II Плантагенета. Современные Роберту Глостерскому хронисты согласны в том, что он был выдающимся человеком. Он покровительствовал писателям и ученым, в частности, видному историку Вильяму Мальмсберийскому (см. примеч. 2 к гл. 208). Клавдиоцестрия — ныне город Глостер (Великобритания).

2 *Минерва* — богиня мудрости, дочь Юпитера, отождествлялась с древнегреческой богиней Афиной; олицетворение знания и светлого разума.

3 *Англы* — германское племя, некогда обитавшее в южной части Ютландского полуострова; в V—VI вв. англы захватили юго-восток Британии. Язык, хозяйственный уклад и социальное устройство англов лишь незначительно отличались от таковых у других германских племен, завоевавших Британию (саксов и ютов). В дальнейшем под «англами» могли подразумевать всех германцев, осевших в Британии, или, как в данном случае, всех обитателей Британии.

4 *Генрих* — Генрих I Боклерк (см. примеч. 1 к гл. 3).

5 ... *философия обучила свободным наукам...* — В число так называемых свободных наук, считавшихся достойными свободного человека, входили: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Они же вместе с богословием составляли основу средневекового образования.

Глава 4

1 ... *Галеран, правитель Меллента...* — Речь идет о видном феодале Галеране (правильнее Валеране), графе Мейланском (1104—1160). Он воспитывался в Англии у короля Генриха I. После смерти Генриха примкнул к сторонникам его племянника Стефана Блуаского, претендовавшего на английский престол. В 1139 г. отошел от Стефана и вскоре отправился в Палестину.

2 ... *тебя, отпрыска знаменитейшего королевского рода Карла...* — О том, что графы Мейланские были потомками Карла Великого, написано у французского историка Ордерика Виталия (1075—1143) в его «Церковной истории». Карл — Карл Великий, король и основатель империи франков (742—814).

Глава 5

1 ... *между Галлией и Иберниeй...* — Галлия — римская провинция (Трансальпинская Галлия) по территории соответствовала примерно нынешней Франции и Бельгии, была населена кельтскими племенами — галлами. Иберния (Гиберния) — ныне Ирландия.

2 ... *обитает на острове пять народов, а именно: норманны, бритты, саксы, пикты и скотты.* — Под норманнами Гальфрид имеет в виду, вероятно, норманнских завоевателей, захвативших Британию в XI в. Эти норманны — «офранцуженные» скандинавы, предки которых ранее захватили северные области нынешней Франции. Возможно, однако, что под норманнами Гальфрид подразумевает не только недавних завоевателей, но и давних поселенцев — скандинавов. Набеги скандинавов на Британию, начавшиеся в VIII в. н. э. (или даже раньше), и неоднократные их вторжения привели к концу концов к созданию довольно многочисленного скандинавского населения, особенно в северо-восточной части острова. Бритты — кельтский народ; в настоящее время считается, что кельты переселились с материка и колонизовали острова в XIII—VII вв. до н. э. Саксы — германские племена, обитавшие в северной Европе, главным образом на территориях, прилегающих к Северному морю. В V—VI в. Британия была завоевана германскими племенами — саксами, англами и ютами. Чаще всего Гальфрид именует германских завоевателей собирательно саксами, хотя в ряде

случаев упоминает и англов. Пикты — племена, издавна населявшие север Британии и близлежащие северные острова. Об их происхождении ведутся споры. Скотты — кельтские племена, издавна населявшие Ирландию и переселившиеся затем в Британию (начиная, по-видимому, с IV в. н. э.) — в северную часть острова.

3 ... *пришлось отступить под натиском пиктов и саксов.*— Пикты с севера, саксы с востока и юга нападали на бриттов, начиная с IV в. и особенно в V—VI вв. н. э., что было связано с ослаблением и последующим распадом Римской империи. В конце концов бритты оказались оттесненными в западные и юго-западные области острова и попали под власть германцев.

Глава 6

1 ... *Эней, спасаясь после падения Трои с сыном Асканием, прибыл на корабле в Италию.*— Рассказ о странствиях Энея после падения Трои изложен Гальфридом по «Энеиде» Вергилия. В VII книге «Энеиды» повествуется о прибытии Энея в Италию к царю Латину, о его дочери Лавинии, просватанной за Турна, о вражде Турна с Энеем. В XII книге «Энеиды» рассказывается о поединке Энея с Турном и о гибели Турна, который незадолго до смерти, признав себя побежденным, говорит Энею:

... Бери Лавинию в жены — и дальше
Ненависть не простирай.
(Перевод С. Ошерова, ст. 937—938).

Латин — мифический царь Лаврента, сын Фавна и нимфы Марики.

2 *Рутулы* — народность в древнем Латии (Италия).

3 *Альба* (Лонга) — древнейший город в области Латий, к юго-востоку от Рима.

4 ... *вступил в связь с племянницей своей бабки Лавинии...*— Рассказа о связи Сильвия с племянницей Лавинии, о прорицателях и о том, что Брут, плод этой связи, случайно убил на охоте своего отца, у Вергилия нет. Большая часть этих сведений почерпнута из «Истории бриттов» Ненния. Об источниках Ненния см. примеч. к гл. 10 его «Истории бриттов».

Глава 7

1 ... *набрел на потомков Гелена...*— Гелен — сын Приама, царя Трои («Илиада»). Рассказ о Гелене содержится также в «Энеиде» Вергилия (III, 295 сл.)

2 ... *юноша по имени Ассарак...*— Имя Ассарак, вероятно, взято Гальфридом из той же «Энеиды» Вергилия (I, 284—285). По Вергилию, Ассарак был прадедом Энея.

Глава 8

1 ... *происходящим от преславного колена Дарданова...*— Дардан родоначальник троянцев.

Глава 9

1 *Спаратин* — укрепление, местоположение неизвестно.

2 *Река Акалон* — это название, по-видимому вымышлено Гальфридом. В «Географии» Страбона упоминается река Акаландр в Италии (VI, 280). Э. Фараль в своей книге («La légende Arthurienne», vol. 2, p. 73—74) высказывает предположение, что описание разгрома греков троянцами на реке Акалон позаимствовано Гальфридом из рассказа Этьена де Блуа о поражении, нанесенном крестоносцами туркам на реке, именуемой автором «Москоло», в марте 1098 г.

Глава 11

1 ... *построившись черепахой...*— Имеется в виду боевой порядок, при котором воины, держа щиты над головой, образуют сплошной защитный навес.

[2] *... принялись забрасывать осажденных греческим огнем...*— Греческий огонь — зажигательная смесь, применявшаяся византийцами («греками») и другими народами в VII—XV вв. Эта смесь состояла в основном из серы, селитры и смолы и могла гореть даже в воде, поджигая корабли. Во времена, описываемые Гальфридом (II тысячелетие до н. э.), греческий огонь не был известен.

Глава 13

[1] *... все сразу же обнажают мечи, вбегают в палатки и кидаются к ложам спящих.*— Картина, нарисованная Гальфридом, сходна с описанием ночного боя в «Энеиде» Вергилия (IX, 339—381).

Глава 15

[1] *Приам* — царь Трои (древнегреческая мифология).
[2] *Анхиз* — царь Дардана, отец Энея (греко-римская мифология).

Глава 16

[1] *Леогеция* — какой остров имел в виду автор, неизвестно.
[2] *Диана* — дочь Юпитера и Латоны, богиня Луны и охоты.
[3] *... обернув вокруг головы повязки...*— Имеются в виду ритуальные головные повязки жрецов.
[4] *... сложили... три очага, предназначенные для трех божеств.*— Обращение Брута к Диане во многом сходно с обращением Энея к Аполлону («Энеида» Вергилия, III, 80 сл., VII, 85 сл.). Сходный эпизод имеется и в «Фиваиде» Стация (IV, 419—645).

Глава 17

[1] *Затем они подошли к Алтарям Филистимлян и к Озеру Солеварен и проплыли мимо областей Руссикады и гор Азары.*— Здесь Гальфрид повторяет ошибку, содержавшуюся в его источнике — «Истории бриттов» Ненния, который в свою очередь неверно прочел Орозия (испанский историк V в.), писавшего об «Алтарях Филенов». Филен — древний город и порт в Северной Африке. Руссикада — город на территории современного Алжира; ныне Скикда. Азарские горы — горный массив в Алжире, часть Большого Атласа. Озеро Солеварен — местонахождение не установлено; вероятно, где-то в Северной Африке. У Нённия («История бриттов», гл. 15) этим путем двигались не троянцы, а предки скоттов.
[2] *Мальва* — ныне река Малойя (Марокко).
[3] *Мавритания* — здесь подразумевается западная часть средиземноморского побережья Африки.
[4] *Геркулесовы столбы* — в древности так называли гору Кальпе на европейском берегу и гору Атила на африканском берегу пролива, именуемого ныне Гибралтарским.
[5] *... морские чудища, именуемые сиренами...*— В античной мифологии сирены — сказочные морские существа, полуптицы-полуженщины (иногда полурыбы-полуженщины), обольщающие моряков сладкозвучным пением, так что те бросаются в воду и становятся их добычей (см. «Одиссея», песнь XII) или же направляют свои суда прямо на скалы. У Гальфрида сирены — морские чудовища, которые могут потопить судно.
[6] *... и вошли в Тирренское море...*— Вслед за Неннием Гальфрид ошибочно помещает Тирренское море за Геркулесовыми столбами. Тирренское море — часть Средиземного моря у западных берегов Италии.
[7] *Антенор* — в античной мифологии один из троянских вождей, спасшихся после гибели Трои. Антенор со своими спутниками приплыл в Италию и основал город Патавию (ныне Падуя). Гальфрид помещает потомков троянцев, бежавших с Антенором, на атлантическом побережье Пиренейского полуострова.
[8] *Их вождь, прозывавшийся Коринеем...*— Этот персонаж вымышлен Гальфридом; его имя, вероятно, заимствовано из «Энеиды» Вергилия (VI, 225—230) как подходящий эпоним для Корнубии (ныне Корнуолл в Великобритании).

[9] *Аквитания* — в Средневековье соответствовала примерно территории, лежащей между Луарой и Пиренеями.
[10] *Лигер* — ныне река Луара.

Глава 18

[1] *Правил тогда в Аквитании Гоффарий Пикт...* — этот правитель явно вымышлен Гальфридом. Вероятно, писатель воспользовался именем аквитанского герцога Ваифера (или Гайфье) Бордосского (725—768). Латинизированная форма этого имени — Вайофарий или Гофарий. Ваифер воевал с королем франков Пепином Коротким, упоминался в исторических хрониках и chansons de geste. Поскольку столицей современной Гальфриду Аквитании был город Пуатье (лат. Pictava), он назвал своего вымышленного короля Гоффария Пиктом.

Глава 19

[1] *... город Туронов, который как свидетельствует Гомер, он позднее выстроил.* — У Гомера рассказа об этом нет. Источник Гальфрида — «История бриттов» Нення (гл. 10) Туронов — ныне город Тур (Франция). Латинское название Тура (Caesarodunum Turonum) происходит, как считают, от названия обитавшего в этой области Галлии племени туронов (ср., напр. Париж, наименованный так по названию обитавшего в тех местах племени паризиев; Анжу — андекавов).

Глава 20

[1] *Тотонское побережье* — местность, ныне называемая Тотнес в Девоне (графство Корнуолл, Великобритания).

Глава 21

[1] *На острове, который назывался тогда Альбионом...* — Альбион (Альбания) — одно из самых ранних названий Британии (или части ее), зафиксированных в античных источниках.
[2] *... он назвал по собственному своему имени Коринеей...* — Ныне эта область Великобритании именуется графством Корнуолл; оно расположено на полуострове Корнуолл, название которого происходит, как считается, от латинского — Cornu Galliae, т. е. мыс Галлии или Галльский рог (в Трансальпинскую Галлию входила и Британия). Возможна и другая этимология, а именно cornu Galles — мыс (или рог) Уэльса.
[3] *Среди этих гигантов был один особенно отвратительный, которого звали Гоемагог.* — Гальфрид соединил в одном имени два: Гог и Магог. В библейских пророчествах неоднократно упоминаются Гог и Магог — народы, которые нападут на «народ божий» в «последние времена» (см.: Апокалипсис, XX, 7; Кн. Иезекииля, XXXVIII сл.). Впоследствии народная фантазия сделала Гога и Магога злобными великанами. В Лондоне со времен Средневековья стоят фигуры Гога и Магога (у въезда в Сити, ныне у ратуши). Хотя фигуры горели во время пожаров, на их место ставили новые. Описание битвы Коринея с Гоемагогом напоминает картину единоборства Геракла с Антеем (ср., напр., «Фарсалия» Лукана, IV, 593—660).
[4] *... и поныне именуется Прыжком Гоемагога.* — Место не установлено, возможно, это измышление Гальфрида.

Глава 22

[1] *Триновант* — ныне город Лондон. Об этимологии этого названия см. примеч. 1 к гл. 53.
[2] *Кассибеллан (Кассибелаун)* — царь Британии, который долго боролся с Юлием Цезарем, но в конце концов был побежден им.
[3] *В Иудее правил тогда священник Илий, и захваченный филистимлянами кивот Завета...* — Илий упоминается в Библии (Первая книга Царств, IV сл.). Описываемые

там события относятся, по-видимому, к XI в. до н. э. Филистимляне — народ, давший свое имя Палестине. Кивот Завета — по Библии — ларец, в котором хранились таблицы закона, данные богом пророку Моисею.

4 *В Трое... правили сыновья Гектора.*— В «Географии» Страбона можно прочесть, что в Трое, восстановленной после разрушения (Троаде), правили Скамандрий, сын Гектора, и Асканий, сын Энея (XIII, 52).

5 *В Италии правил Сильвий Эней, сын Энея...*— Сильвий Эней упоминается Вергилием в числе далеких потомков Энея («Энеида», VI, 769), однако у Гальфрида это имя появилось, вероятно, в результате неверного прочтения им соответствующего места из «Истории бриттов» Нenния или какого-нибудь другого источника. Сына Энея звали просто Сильвием.

Глава 23

1 *Локрин... владел серединой острова, которая позднее была названа по его имени Лоегрией...*— Лоегрия (Логрия) — исторически — область между реками Трентом и Северном. В «артуровских» романах и поэмах Логрия — сказочное королевство Артура, страна доблести, справедливости и рыцарственного духа, земля со своей «историей» и «географией». «Артуровская» Логрия — не столько географическое понятие, сколько средневековая моральная утопия, порою окрашивавшаяся в религиозно-мистические тона. Границы сказочной Логрии не вполне совпадали с границами Логрии исторической. Так, Карлион, сказочная столица Артура, находился в Уэльсе.

2 *... той частью его, которая лежит за рекой Сабриной и ныне зовется Валлией...*— Речь идет о современном Уэльсе. Сабрина — древнее название реки Северн.

3 *... страну, которая на нашем языке прозывается ныне Скоттией и которой он по имени своему присвоил имя Альбании.*— Скоттия — это Шотландия. Альбанией эта часть острова называлась во времена римского владычества, однако происхождение этого названия более древнее: в рукописи, приписываемой Аристотелю, остров Британия назван Альбионом. Альбионом называет Британию также Плиний Старший. Сам Гальфрид пишет, что остров до прибытия троянцев назывался Альбионом (гл. 21).

Глава 24

1 *... возле реки, ныне носящей название Хумбер.*— Хумбер — эстуарий рек Уза и Трента. Сообщение Гальфрида о вторжении гуннов в Британию не соответствует действительности. К тому же речь идет о II тысячелетии до н. э.

2 *... дочь Коринея по имени Гвендолена...*— Гвен (Gwyhn) — по-валлийски «белая». Этот же корень присутствует в имени Геневеры — жены короля Артура (см. примеч. 2 к гл. 152).

3 *... не забывая вместе с тем и о своей страсти к Эстрильде...*— Рассказ о любви Локрина к Эстрильде схож с римским мифом о легендарном царе Нуме Помпилии и нимфе Эгерии.

Глава 25

1 *Стура* — ныне река Стор (Великобритания).

2 *Эстрильду и ее дочь Хабрен она приказала бросить в реку, которая ныне зовется Сабриной...*— Кельтское название этой реки — Хабрен — было, по-видимому, искажено римлянами; придыхание, с которого начинается это название, они передавали через свистящий звук, в результате чего получилась «Сабрина».

3 *В Иудее правил тогда пророк Самуил...*— Деяния Самуила описаны в Библии (Первая книга Царств); они традиционно относятся к XI в. до н. э.

Глава 26

1 *Саул* — первый царь израильтян (ок. 1035 — ок. 1015 до н. э.). (Библия, Первая книга Царств).

2 *Лакедемония* — государство в древней Греции; то же, что Спарта.

Глава 27

[1] *Каерэбраук (Эбраук, Эборок)* — ныне город Йорк (Великобритания).
[2] *В Иудее тогда царствовал царь Давид...* — Годы жизни легендарного царя Давида — ок. 1045 — ок. 970 г. до н. э.
[3] *Алклуд* — ныне город Думбартон (Великобритания).
[4] *Гора Агнед* — один из трех холмов, на которых стоит нынешний Эдинбург (Великобритания).
[5] *Сабинянки* — женщины племени сабинов, обитавшего к северо-востоку от древнего Рима.

Глава 28

[1] *Каерлеил* — ныне город Карлайл (Великобритания).
[2] *Соломон* — сын и преемник царя Давида (970—931 г. до н. э.).
[3] *... тогда же туда прибыла... царица Савская...* — Предание об этом содержится в Библии (Третья книга Царств, X). Царица Савская — властительница древней Сабы, нынешнего Йемена.

Глава 29

[1] *Каеррейнт* (Кантуария) — ныне город Кентербери (Великобритания).
[2] *Каергвейнт* (Гвинтония) — ныне город Винчестер (Великобритания).
[3] *Сефтония* — ныне город Шафтсбери (Великобритания).
[4] *... заговорил, как рассказывают, орел...* — О пророчествах орла из Сефтонии (Цестонии) Гальфрид вспоминает еще раз, в гл. 206. Сохранился средневековый текст «пророчеств орла из Цестонии», опубликованный Сан-Мартом в приложениях к «Истории» Гальфрида Монмутского (*см.: Gottfried's von Monmouth.* Historia regum Britanniae, 1854). Этот текст датируется временем более поздним, чем «История» Гальфрида, вероятно, он возник под влиянием этой последней.
[5] *Тогда... пророчествовали Аггей, Амос, Иов, Иоиль и Азария.* — Перечислены библейские пророки, жившие в разные времена: Аггей — в VI в. до н. э., Амос — в VIII в. до н. э., Иоиль — в V в. до н. э., Иов — библейский праведник, Азария правил Иудеей с 781 до 740 г. до н. э. Как видим, указание Гальфрида лишено хронологической достоверности.

Глава 30

[1] *... Каербадум, который ныне называется Бад...* — В настоящее время широко известный курорт в Великобритании. Римляне называли его Aquae Sulis (вместо правильного Aquae Solis, что значит водяной град или Город вод), им он также служил курортом.
[2] *Илия* — библейский пророк (Третья книга Царств, XVII сл.), жил в IX в. до н. э.
[3] *... попытался, изготовив для себя крылья, воспарить высоко в небо...* — Можно вспомнить античный миф о Дедале и Икаре. Дедал сделал для себя и своего сына Икара крылья из перьев, скрепленных воском, и на этих крыльях они улетели из Лабиринта на острове Крите. Икар, однако, поднялся слишком высоко, воск на крыльях растаял, и Икар погиб. Можно вспомнить также миф о Фаэтоне, которому его отец, бог Солнца Гелиос, доверил на один день солнечную колесницу. Юноша не сумел справиться с конями, колесница заметалась по небу, а затем направилась к Земле, и Зевс поразил молнией Фаэтона, чтобы спасти Землю от невыносимого гибельного зноя (*Овидий.* Метаморфозы, II).

Глава 31

[1] *После гибели Бладуда, королем становится сын его Леир...* — Эта глава посвящена рассказу о короле Леире и трех его дочерях. Изложение Гальфрида Монмутского — первое в длинном ряду пересказов этого предания: оно встречается в стихотворных хрониках Роберта Глостерского (ок. 1300) и Джона Хардинга (1450), прозаиче-

ских — Джона Растелла (1530), Ричарда Графтона (1568), в знаменитых «Хрониках» Рафаэля Холиншеда (1577) и у Эдмунда Спенсера в «Королеве фей» (1590, кн. II, песнь 10). Что касается театра, то известна только одна анонимная пьеса с этим сюжетом, напечатанная в Лондоне в 1605 г. Первое издание шекспировского «Короля Лира» вышло в 1608 г.

2 *Сора* — ныне река Сор (Великобритания).

3 *Каерлеир* (Лерецестрия) — ныне город Лестер (Великобритания).

4 *Франки* — германское племя, захватившее Галлию в V в.

5 *Кариция* — местоположение не установлено; где-то на северном побережье Франции.

6 *... погребла отца в подземелье... под рекой Сорой, в городе Легецестрии.*— Легецестрия — ныне город Честер (Великобритания). Однако Легецестрия упомянута здесь ошибочно. На реке Соре стоит Лерецестрия, которая в начале гл. 31 упоминается как город, основанный королем Леиром.

7 *Янус* — древнеримский бог «начал и концов»; изображался двуликим: считалось, что одно лицо его смотрит в прошлое, а другое — в будущее.

Глава 32

1 *Катанезия* — область на северо-востоке Шотландии, ныне графство Кейтнесс.

2 *Тогда пророчествовали Исайя и Осия...*— Речь идет о библейских пророках, авторах соответствующих книг («Книга Исайи» и «Книга Осии»). Обе эти книги относят к VIII в. до н. э.

3 *... в одиннадцатый день от майских календ братьями-близнецами Ремом и Ромулом основан был Рим.*— Календы у древних римлян — первый день каждого месяца. Римляне считали, что основание Рима приходится на 753 г. до н. э. (по другой версии — на 754).

Глава 33

1 *... три дня сряду падал кровавый дождь и люди мерли от налетевших во множестве мух.*— Вероятно, автор имеет в виду события, описанные в Библии (Исход, VII—VIII).

Глава 34

1 *... приказал им подобрать доспехи погибших врагов и надеть их на себя.*— Уловка Дунваллона напоминает эпизод из «Энеиды» Вергилия (II, 386 сл.).

2 *Он дал бриттам законы, которые прозвали Молмутовыми и которые до сих пор блюдутся у англов.*— Все, что Гальфрид пишет о законодательной деятельности Дунваллона, Молмуция, по-видимому, является его вымыслом; все исторические источники, где говорится о законодательной деятельности Дунваллона, написаны позднее «Истории» Гальфрида и под ее влиянием. «Законы», которые Гальфрид приписывает Дунваллону, либо более позднего (англосаксонского) происхождения, либо никогда не существовали.

Глава 35

1 *Нортанумбрия* — англосаксонское королевство в северной части острова, примерно на территории нынешнего графства Нортумберленд.

2 *... удавалось оказывать стойкое сопротивление вождю морианов Хеульфу...*— Это место у Гальфрида связано, по всей вероятности, с набегами викингов на Британию. Эти набеги начались в VIII в. н. э.; в IX в. викинги завоевали значительную часть Британии. Кто такие морианы — сказать трудно; может быть, Гальфрид вспомнил о моринах — племени, обитавшем, по сообщениям античных авторов, на материковом берегу пролива, который ныне называется Па-де-Кале. Но, может быть, он имел в виду скандинавское племя морингов, упоминающееся в средневековых источниках.

3 *... дочь норвежского короля Эльсингия...*— Имя короля Эльсингия нигде больше не встречается. Вероятно, оно создано Гальфридом «на скандинавский лад». Известно название народа, обитавшего на Балтике, и множество географических названий с те-

же корнем, в том числе Хельсинки и Эльсинор (замок, где происходит действие «Гамлета» Шекспира).

4 *Норвегия* — самостоятельное государство с IX в.; долгое время Норвегию считали островом.

Глава 36

1 *... король данов Гуитлак...* — Данами Гальфрид называет скандинавов, выделяя, впрочем, норвежцев.

Глава 37

1 *Калатерий* — полагают, что имеется в виду лес возле населенного пункта Калат в нынешнем Йоркшире (Великобритания).

Глава 38

1 *Эборак* — ныне город Йорк (Великобритания).

Глава 39

1 *Меневия* — ныне город Сент-Дейвид (Великобритания).

2 *Деметское море* — пролив между Великобританией и Ирландией. Деметия — область в южном Уэльсе (Великобритания).

3 *Гавань Гамона* — ныне город Саутгемптон (Великобритания).

4 *... объявил, что ответственность за благочиние и порядок на них он берет на себя...* — По англосаксонским законам, преступления, совершенные на «королевских» дорогах, рассматривались королевским судом. Для бриттского периода такие законы неизвестны.

5 *... пусть обратится к Молмутовым законам, переведенным историком Гильдасом с бриттского на латинский язык, а королем Альфредом — с латинского на англосаксонский.* — О таких переводах ничего не известно, вероятно, они вымышлены Гальфридом. Альфред — св. Альфред Великий, англосаксонский король (849—899 г., правил с 871 по 899 г.). Он возглавил борьбу с датчанами (норманнами), вторгшимися на остров, и одержал ряд побед, после которых за датчанами осталась только северо-восточная часть острова (так называемая «область датского права»). Альфред был выдающимся законодателем («Правда короля Альфреда»), покровителем наук, искусств и просвещения. Выучив латынь, он переводил на английский язык древних авторов.

Глава 40

1 *... прибыл, наконец, к Сегину, вождю аллоброгов...* — Имя Сегина, вероятно, случайно использовано Гальфридом; Сегин — лицо отнюдь не историческое. Аллоброги — галльское (кельтское) племя; во времена Юлия Цезаря аллоброги жили на юго-востоке Трансальпинской Галлии.

2 *... обильно угощая их отменными яствами...* — Чревоугодие и гостеприимство приписывали галлам все, писавшие о них в древности.

Глава 41

1 *... подготовив флот на побережье неустрийцев...* — Неустрия в раннем Средневековье — северо-западная Галлия; теперь полуостров Нормандия.

2 *... пошатываясь и спотыкаясь, добралась она до того места, где он стоял...* — Этот эпизод напоминает соответствующую сцену из «Фиваиды» Стация (VII, 481 сл.). Сходство рассказа Гальфрида с рассказом Стация явственно говорит о том, что наш автор позаимствовал его у античного поэта.

Глава 42

1 *... они переправились в Галлию и принялись опустошать ее земли.*— Главы 42 и 43 содержат рассказ о походе Белина и Бренния в Галлию и на Рим. В этом рассказе упоминаются римские консулы Габий и Порсенна, которых римская история не знает Что же касается имени Бренния, то в нем легко угадывается имя Бренна, предводителя галлов, вторгшихся в Италию в 390 г. до н. э. (или в 387), захвативших и разграбивших Рим. На мысль сделать Бренна бриттом Гальфрида, возможно, натолкнуло созвучие (Бренн — бритт). Все повествование Гальфрида исторически недостоверно.

Глава 43

1 *... сочтя, что там находится Бренний и галлы-сеноны.*— Галлы-сеноны — так, по античным источникам, называлось галльское племя, разграбившее Рим в 390 г. до н. э. (или в 387). Здесь Гальфрид оговорился: ведь до того он писал, что Бренний был королем аллоброгов.

Глава 44

1 *Оска* — ныне река Аск (Великобритания).
2 *Сабринское море* — ныне Бристольский залив.
3 *Каеруск* (Город Легионов) — ныне Карлион в Монмутшире (Великобритания). Гальфрид Монмутский сделал этот город столицей короля Артура, что и было подхвачено последующей «артурианой». Во времена римского владычества был довольно значительным поселением; до нашего времени сохранились развалины амфитеатра и укреплений. В XII в., во времена Гальфрида Монмутского, руин было больше и выглядели они внушительно, как свидетельствует Гиральд Камбрейский («Itinerarium Cambriae», I, 5).

Глава 46

1 *Оркадские острова* — архипелаг у северного побережья Шотландии; ныне Оркнейские острова.
2 *... наткнулся на тридцать полных мужчинами и женщинами судов...*— Рассказ о заселении Ирландии позаимствован Гальфридом с некоторыми изменениями из «Истории бриттов» Ненния (гл. 13—15).

Глава 47

1 *... закон, который бритты назвали Марциевым. Король Альфред...— перевел его на англосаксонский и нарек Мерkенелаге* — Мерkенелаге (по латыни Mercianae leges) — мерсийские законы: *Мерсия* — одно из англосаксонских королевств до их объединения. Мерсийские законы действительно входили в корпус законов короля Альфреда (см. примеч. 5 к гл. 39). Воспользовавшись тем, что выражение «Lex Marciana» («Марциев закон») похоже на «Mercianae leges», Гальфрид приписал эти законы вымышленной им Марции. Имя Марции не случайно: так звали жену Катона Младшего, воспетую Луканом в «Фарсалии» и почитавшуюся в Средние века образцом мудрости.

Глава 53

1 *... город был переименован впоследствии в Каерлуд...*— Этимология названия Лондон, приводимая автором (от собственного имени Луд), несостоятельна. Античные писатели (Тацит, Аммиан Марцеллин) называют этот город Londinium или Lundinium. Подлинная этимология названия Лондона остается спорной, возможно от брит. Londun — «укрепление на холме» или от кимр. Llongdinas — «корабельная гавань»).
2 *... что случилось уже по прибытии к нам иноземцев, покоривших нашу страну.*— Под «иноземцами» Гальфрид, надо полагать, имеет в виду норманнов. Во всяком случае,

по-французски Лондон называется Londres. Именно такое произношение приписывает Гальфрид «иноземцам».

[3] *Кантия* — область, примерно соответствующая нынешнему графству Кент.

Глава 54

[1] *... как упоминается в римской истории...* — Далее следует рассказ о походах Юлия Цезаря в Британию. По данным римских историков и самого Цезаря, известны два его похода в Британию, а именно в 55 и 54 гг. до н. э. Гальфрид Монмутский сообщает о трех походах Цезаря, что не соответствует истине, причем второй поход был предпринят Цезарем якобы не через год, а через два после первого. Основными источниками, которыми (на свой лад) воспользовался Гальфрид, ему послужили «История бриттов» Ненния и «История англов» Генриха Хантингдонского (о нем см. примеч. 3 к гл. 208), где, однако, говорилось не о трех походах, а о трех больших сражениях с бриттами римлян под предводительством Цезаря.

[2] *... Юлию Цезарю... довелось оказаться на побережье рутенов. Разглядев оттуда остров Британию...* — Рутены — галльское племя, обитавшее в Аквитании (юго-запад Галлии). «Разглядеть» оттуда Британию невозможно, и рутены появились у Гальфрида по ошибке.

Глава 56

[1] *... подойдя к укреплению Доробелл...* — В «Истории бриттов» Ненния (гл. 19) упоминается Долобелл, полководец бриттов, воевавший с Юлием Цезарем. Имя Долобелла попало туда, видимо, по ошибке. У Гальфрида «полководец Долобелл» превратился в «укрепление Доробелл», возможно, потому, что город Кентербери, находящийся неподалеку от мест описываемых сражений, в римские времена назывался Дуровернум.

[2] *Венедотия* — область и королевство в северном Уэльсе.

[3] *Лабиен* — Тит Аттий Лабиен — легат у Цезаря.

Глава 57

[1] *Этот меч прозывался Желтою Смертью...* — Никакие другие источники не приписывают Цезарю обладание таким мечом. Возможно, в этом измышлении Гальфрида отразилось воспоминание об эпидемии Pestis flava — Желтой Чумы, как она называлась в те времена.

Глава 60

[1] *Однея* — вероятно, Гальфрид имел в виду башню недалеко от Булони (Франция) прозывавшуюся башней цезаря. В этой башне по повелению Гая Цезаря Калигулы был устроен маяк. Гай Цезарь Калигула (12—41) — римский император (37—41).

Глава 61

[1] *Там было принесено в жертву сорок тысяч коров...* — Описывая жертвоприношения Кассибеллана, Гальфрид, вероятно, вспомнил Библию, где, в частности, рассказывается о том, что царь Соломон принес в жертву 22 тыс. быков (Библия, Вторая книга Паралипоменон, VII).

Глава 62

[1] *Рутуп* — ныне порт Ричборо (Великобритания).

[2] *Доробернuя* (Дуровернум) — ныне город Кентербери (Великобритания).

[3] *В страхе он тыл показал британцам, к которым стремился.* — Цитата из «Фарсалии» (II, 572. Пер. Л. Е. Остроумова). Лукан — римский поэт (39—65 гг.).

Глава 63

[1] *В последующем... он отбыл в Рим, выступив против Помпея.*— Цезарь после второго похода в Британию провел в Галлии еще несколько лет, подавляя возмутившихся галлов (восстание Верцингеторикса) и лишь в 49 г. до н. э. возвратился в Италию. Помпей — римский государственный деятель и полководец (106—48 гг. до н. э.).

Глава 64

[1] *... королевской власти достиг его сын Кимбелин...*— Этот легендарный король стал героем пьесы Шекспира «Цимбелин». Историческую рамку сюжета Шекспир позаимствовал из «Хроник» Р. Холиншеда, откуда взяты имена самого Цимбелина и его сыновей, Гвидерия и Арвирага; сам же Холиншед, по-видимому, исходил из «Истории» Гальфрида Монмутского. Пьеса Шекспира была написана в 1609 или 1610 г.

Глава 65

[1] *Арвираг* — имя Арвираг до Гальфрида Монмутского ни в каких британских источниках не упоминается.
[2] *... в Британию прибыл Клавдий...*— Клавдий, римский император (41—54) в 43 г. предпринял поход в Британию.
[3] *Порцестрия* — ныне город Портчестер (Великобритания).

Глава 66

[1] *... ныне называется по имени того же Гамона Гамтонией.*— Приведенная автором этимология явно несостоятельна, ибо полководцем Клавдия был в то время Авл Плавтий, и вымышлена, очевидно, самим Гальфридом Монмутским.

Глава 67

[1] *Каерперис* — возможно город Портчестер близ Портсмута (Великобритания) (см. примеч. 3 к гл. 65).

Глава 68

[1] *Вскоре Клавдий послал в Рим за дочерью...*— Сообщение о том, что Клавдий выдал за бриттского короля свою дочь по имени Гевисса, никакими другими источниками не подтверждается. Этот рассказ, возможно, понадобился Гальфриду для того, чтобы «подтвердить» бриттское происхождение гевиссеев (см. примеч. 1 к гл. 80).
[2] *Каерглоу* (Глоуцестрия) — ныне город Глостер (Великобритания).
[3] *В это самое время апостол Петр основал антиохийскую церковь...*— Гальфрид имеет в виду ряд сообщений Библии (см. Первое послание Петра, VI, 13; Деяния апостолов, XII, 25; XIII, 13; XVI, 37—38). Основание Антиохийской церкви связывают в большей степени с деятельностью апостола Павла, нежели Петра. Появление Петра в Риме датируется 42 г.

Глава 69

[1] *... Клавдий направил в Британию Веспасиана...*— Тит Флавий Веспасиан — римский император (69—79) действительно воевал в Британии, как о том сообщают Тацит («Жизнеописание Юлия Агриколы», 13; «История», III, 44) и Светоний («Жизнь двенадцати цезарей», Веспасиан, 4). У перечисленных авторов Веспасиан в Британии — командир легиона и сражается под началом то Авла Плавтия, то самого императора Клавдия.
[2] *Каерпенхуелгойт* (Эксония) — ныне город Эксетер (Великобритания).
[3] *... сказал Нерону такие слова...*— Слова эти были обращены не к Нерону, а к Домициану, римскому императору (81—96); можно вспомнить, что одно из прозвищ Домициана было «Лысый Нерон».

4 *Ты полонишь другого царя: с колесницы британской,//Верно слетит Арвираг.*— Это строки из Ювенала (Сатира 4, 126—127, перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского); в них содержится единственное у античных авторов упоминание об Арвираге. Ювенал — Дециј Юний Ювенал, римский поэт-сатирик (ок. 60 — ок. 140).

Глава 70

1 *... король пиктов по имени Родрик, прибыв с большим флотом из Скифии...*— Скифией автор называет, по-видимому, Скандинавию (вслед за Бедой Достопочтенным). Возможно, этот эпизод, порожден воспоминанием о набегах викингов на Британию (эти набеги начались позже на несколько веков).

2 *Вестмария* (Вестмариаланда) — область на севере Британии (ныне графство Уэстморленд).

3 *... историю скоттов, которые ведут свой род от этих чужестранцев и дочерей Ибернии.*— Говоря, что скотты (шотландцы) ведут свой род от пиктов Родрика и «дочерей Ибернии», автор повторяет распространенную версию, изложенную Бедой Достопочтенным в его «Церковной истории народа англов» (I, 1).

Глава 72

1 *... отправил послание папе Элевтерию с ходатайством о принятии его в лоно христианства...*— Автор сообщает, что Луций, обратившийся к папе Элевтерию с просьбой о принятии его в лоно христианской церкви, скончался в 156 г. (гл. 73). Беда Достопочтенный в своей «Церковной истории...» называет 167 г. как дату христианизации Британии. Элевтерий, к которому, по словам Гальфрида, обратился Луций, был римским папой с 175 по 189 г. К[illegible] видим, приводимые Гальфридом и Бедою данные отличаются друг от друга.

2 *... направил к нему двух ученейших богословов, Фагана и Дувиана...*— Имена Фагана и Дувиана встречаются в некоторых письменных памятниках XII в. (не ранее), однако не исключено, что эти книги составлялись после того, как была написана «История бриттов» Гальфрида, и что имена Фагана и Дувиана заимствованы из этой последней.

3 *... там, где были жрецы, поставили на их место епископов...*— Вполне возможно, что христианство проникло в Британию во II в. как пишет Гальфрид; сохранились следы немногочисленных христианских памятников, например небольшой каменной церкви римской эпохи в Силчестере. Однако «тотальная» христианизация страны, о которой пишет Гальфрид, в римскую эпоху, при императорах-«язычниках», произойти не могла.

4 *Гламорганция* — ныне графство Гламорган в южном Уэльсе (Великобритания).

5 *Дейра* — область к северу от Хумбера, с центром в Эбораке (ныне город Йорк).

6 *... Валлии, находящейся на попечении архиепископства Города Легионов.*— Город Легионов (см. примеч. 3 к гл. 44) никогда не был резиденцией архиепископа.

7 *... в книге, написанной Гильдасом и носящей заглавие «О победе Аврелия Амброзия».*— Книга с таким названием неизвестна и, по всей вероятности, это — измышление Гальфрида.

Глава 74

1 *... в Британию был направлен сенатор Север...*— Имеется в виду римский император Септимий Север, правивший с 193 по 211 г. Ко времени похода в Британию (208 г.) он уже 15 лет владел императорской властью.

2 *... приказал насыпать между Дейрой и Альбанией вал...*— На самом деле при Севере был восстановлен и заново укреплен «вал Адриана», созданный во время правления последнего (117—138) — от устья реки Тайн на востоке до залива Солуэй-Ферт на Западе.

3 *... переправился в Скифию, чтобы, получив помощь от пиктов, восстановить свое положение.*— Вторично (см. гл. 70) Гальфрид указывает на Скандинавию («Скифию») как родину пиктов. Данными современной науки это не подтверждается.

4 *Отважно сражаясь... он был убит...*— По римским источникам, Септимий Север умер в Британии ненасильственной смертью в 211 г.

Глава 75

1 *Север оставил после себя двух сыновей, Бассиана и Гету...*— Септимий Север оставил империю двум сыновьям, Марку Аврелию Антонину, прозванному Каракаллой, и Публию Септимию Гете. Из Британии оба брата вернулись в Рим, но вскоре Гета был убит по приказу Каракаллы. Имя Бассиана, однако, также известно в римской истории: с 218 по 222 г. Римом правил император Варий Авит Бассиан (Элагабал), дальний и непрямой родственник Септимия Севера.

2 *Караузий* — галл из племени менапиев, захвативший власть над Британией; он провозгласил себя императором в 287 и правил по 293 г.

3 *... поселил пиктов в Альбании, где, смешавшись с бриттами, они навсегда и остались.*— Пикты были древним населением Альбании (территория нынешней Шотландии). В IV—V вв. сюда стали мигрировать из Ирландии скотты, которые и дали этой стране ее нынешнее название (англ. Scotland).

Глава 76

1 *Аллект* — полководец Караузия и его убийца. Был провозглашен императором в Британии в 293 и правил по 296 г. (см. примеч. 2 к гл. 75).

2 *Асклепиодот* — римский полководец, разгромивший войска Аллекта и восстановивший власть Рима над Британией.

3 *... был наречен на языке бриттов Нантгалимом, а на языке саксов — Галаброком.*— Имени Ливия Галла, якобы давшего имя потоку, история не сохранила; вероятно, он был вымышлен Гальфридом. Через Лондон протекал ручей, называвшийся Галаброк. «Брок» (brok) — по-саксонски «ручей», что такое «гала» — неизвестно. Гальфрид «перевел» это название на бриттский язык и получил «Нантгалим».

Глава 77

1 *... императором Диоклетианом было начато преследование христиан...*— Диоклетиан, римский император (284—305), старался восстановить традиционную римскую религию. В последние десятилетия III в. отношение императорской власти к христианам было терпимым, но в 303 и 304 гг. издаются четыре эдикта против христиан, после чего они были подвергнуты жесточайшим гонениям. Рассказ о преследованиях христиан заимствован Гальфридом у Гильдаса («О разорении и завоевании Британии»).

2 *Максимиан Геркулий* — (250—310), римский император, вначале соправитель Диоклетиана.

3 *... должно назвать Альбана Веруламского...*— Святой Альбан — первый из мучеников Британии, почивший около 303 г. Город, называвшийся в римские времена Вероламием, позже стал называться Сент-Олбанс.

4 *... а также Юлия и Аарона, граждан Города Легионов.*— О мучениках Юлии и Аароне упоминает Гильдас («О разорении и завоевании Британии», X). Однако Аарона среди святых католической церкви нет, а Юлий — римский воин в Нижней Мезии (северная Фракия), принявший мученичество в 302 г. за то, что отказался совершать жертвоприношения языческим богам.

5 *... укрыл у себя в доме своего исповедника Амфибала...*— Имя Амфибала появилось в результате недоразумения: амфибал — старинное священническое одеяние. Видимо, первоначально рассказ выглядел так: Альбан надел амфибал своего исповедника...

Глава 78

1 *Каерколун* (Колецестрия) — ныне город Колчестер (Великобритания).

2 *... отрядили туда сенатора Констанция...*— Речь идет о римском императоре Констанции Хлоре, правившем с 293 по 306 г., или Констанции I. Констанций Хлор воевал в Британии и умер во время похода.

3 *... взял в жены его дочь, которую звали Еленой.*— Чьей дочерью была эта Елена, историей не установлено. Она была христианкой. Согласно легенде, во время паломничества в Иерусалим она разыскала крест, на котором был распят Иисус Христос. Елена была канонизована католической церковью как святая уже в англосаксонскую эпоху.

[4] *Константин* — будущий римский император (306—337) Константин (Великий). В 313 г. Константин разрешил свободно исповедывать христианство (так называемый миланский эдикт).

Глава 79

[1] *Максенций* — сын императора Максимиана, был провозглашен в Риме императором (плебсом и войсками) в 307 г. Его борьба с Константином за власть закончилась победой Константина в 312 г. Проиграв битву у Мульвийского моста в Риме, Максенций при отступлении утонул в Тибре.

[2] *... Константин, подступив к Риму, взял его приступом...* — Константин вошел в Рим в 312 г.

[3] *... стал единоличным властителем всего мира.* — У Константина был соправитель — император Лициний. «Единоличным властителем» Константин стал только после того, как низложил Лициния в 324 г.

Глава 80

[1] *... восстал вождь гевиссеев Октавий...* — Гевиссеи по другим источникам — западные саксы; однако в начале IV в. саксов в Британии еще не было. Гальфрид считает их бриттским племенем.

[2] *... Константин отправил в Британию... Трагерна...* — Считается, что Трагерн — лицо вымышленное, как вымышлена и его война с вымышленным же Октавием.

[3] *Майзуриан* — местность близ нынешнего Винчестера (Великобритания).

[4] *... рассчитывая добиться помощи от короля Гунберта.* — По-видимому, норвежский король Гунберт — лицо, вымышленное Гальфридом.

[5] *Вольный город* (Oppidum municipii) — одно из названий Вероламия, ныне Сент-Олбанс (Великобритания).

[6] *... вплоть до времен Грациана и Валентиниана...* — Имеются в виду римский император Грациан (367—383), и римский император Валентиниан II, или Младший, сводный брат и соправитель Грациана, правивший с 375 по 392 г.

Глава 81

[1] *... Этот Максимиан наполовину был бриттом...* — Утверждение Гальфрида, что Максимиан (правильнее — Максим) был наполовину бриттом, основывается на том, что его отцом был Иоелин, приходившийся дядей императору Константину. Иоелин, по всей вероятности — лицо вымышленное; кроме того, Максимиан захватил власть в 383 г., через 77 лет после того, как Константин стал императором. Быть двоюродными братьями эти люди, скорее всего, не могли.

[2] *... между Максимианом и двумя императорами, Грацианом и его братом Валентинианом, пылала ожесточеннейшая вражда...* — Грациан был свергнут и убит узурпатором Максимом, который в свою очередь был разгромлен войсками Валентиниана и императора Феодосия и убит в 388 г.

Глава 82

[1] *Давайте скажем, что мы посланы императорами...* — т. е. Грацианом и Валентинианом.

Глава 83

[1] *... дочери коего Елене по наследственному праву... принадлежало королевство Британия.* — Во времена Гальфрида вопрос о праве женщин на престолонаследие был весьма актуален: шла борьба за английский престол между дочерью короля Генриха I Матильдой и его племянником Стефаном Блуаским. До Матильды женщины Британией не правили (только у бриттов бывали женщины-правительницы, например упоминаемая античными историками Боудикка, или Боадицея).

Глава 84

[1] *Арморика* — западная часть Галлии между устьями рек Секваны (ныне Сена) и Лигера (ныне Луара).

Глава 85

[1] *Редон* — город в древней Арморике, ныне Ренн (Франция). Во времена Гальфрида — резиденция герцогов Бретани.

Глава 86

[1] *... создав тут вторую Британию...* — Сообщение о том, что Арморика была заселена бриттами, вывезенными из Британии, содержится во всех основных источниках, которыми пользовался Гальфрид,— у Гильдаса, Беды и Ненния. Континентальные кельты жили в Арморике и до иммиграции из Британии; основной причиной переселения части бриттов на материк было нашествие германцев.

[2] *Город треверов* — ныне Трир (ФРГ). Треверы — галльское племя.

[3] *... один был им умерщвлен, а другого он принудил бежать из Рима.* — Грациан был убит во время бегства из Трира, откуда он правил западными провинциями Римской империи. Валентиниан после смерти Грациана правил из Медиоланума (ныне Милан) Италией, Иллирией и Африкой. В 387 г. он был вынужден бежать от узурпатора Максима к императору Феодосию, правившему восточными провинциями Римской империи (см. примеч. 2 к гл. 81).

Глава 88

[1] *... одиннадцать тысяч знатных девушек...* — Здесь Гальфрид включил в свое повествование фрагменты средневековой легенды о мученичестве Святой Урсулы и одиннадцати тысяч дев, сделав этих дев невестами бриттских воинов в Арморике.

[2] *Гваний был королем гуннов, Мелга — пиктов, и Грациан их... отправил в Германию...* — Грациан, как известно, погиб в 383 г., а гунны впервые появились в пределах Римской империи (на Дунае) в 405 г. Здесь Гальфрид верен своему источнику — легенде об одиннадцати тысячах дев, которая приписывает их умерщвление гуннам.

[3] *Бретань* — в древности Арморика; после того, как туда переселились бритты с Британских островов (V—VI вв.), стала называться «Малой Британией» или «Бретанью».

Глава 89

[1] *... из Ибернии вернулись вышеназванные враги...* — Имеются в виду Гваний и Мелга.

[2] *... бритты приступают к работе и заканчивают упомянутую стену.* — Возможно, это относится к реконструкции вала Траяна, предпринятой римлянами около 370 г.

Глава 90

[1] *... обратиться к ним с речью было поручено лондонскому архиепископу Гветелину...* — Этот персонаж вымышлен автором, которому нужно было дать какого-то вождя бриттам, оставшимся на острове после того, как все воины отбыли на материк с Максимианом. Лондонское архиепископство было основано в 604 г. (в то время как Гальфрид описывает события конца IV — начала V в.); ни один из лондонских архиепископов не носил имени Гветелин.

[2] *... после того, как Максимиан обнажил эту страну, начисто лишив ее воинов и молодежи.* — Настойчиво проводимая Гальфридом мысль, что причиной поражений бриттов был уход наиболее боеспособной части населения на материк, заимствована у предшественников Гальфрида — Гильдаса, Беды и Ненния.

Глава 91

1 *... римляне, распрощавшись с намерением когда-либо вернуться сюда, отплыли с острова...*— Римские войска были выведены из Британии в 407 г. В 410 г. из Британии отбыли официальные представители римской власти.

Глава 92

1 *Властвовал тогда в этой стране Альдроен...*— Речь идет, по-видимому, о лице вымышленном; имя его ни в каких источниках не упоминается.

Глава 93

1 *Константа... отослал в Винтонию, в церковь Амфибала...*— Винтония — ныне Винчестер (Великобритания) (см. примеч. 4 к гл. 77).

Глава 94

1 *... Вортегирн, глава гевиссеев...*— О гевиссеях см. примеч. 1 к гл. 80.

Глава 96

1 *... ворвавшись в опочивальню Константа, они набросились на него...*— Краткий рассказ о Константине и Константе и об убийстве последнего содержится у Беды Достопочтенного («Церковная история народа англов», I, 14), но там события происходят в Галлии и прямого отношения к британским делам не имеют.

2 *... их принял к себе король Будиций...*— В агиографической «Книге Лландафа» упоминается король Арморики по имени Будиций (в «Житии св. Удуцея» и в «Житии св. Телиава»). Однако остается неясным, когда была написана «Книга Лландафа»; не исключено, что уже после появления «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Глава 98

1 *Между тем, к побережью Кантии подошли три циулы...*— Основной источник, которым пользовался автор, рассказывая о прибытии в Британию саксов — это «Церковная история народа англов» Беды и «История бриттов» Ненния. Сообщение о братьях Хорсе и Хенгисте носит характер легенды и исторически вряд ли достоверно. Саксы, англы и юты начали колонизовать южную часть Британии после эвакуации с острова римских войск, которые отбыли в 407 г. По Беде Достопочтенному, прибытие Хорса и Хенгиста на остров приходится на 449 г., и эта дата условно принята историками Англии и Английского языка, хотя континентальные германцы высаживались на остров и раньше.

2 *... мы изгнаны с родины... потому, что этого требовал обычай нашего королевства.*— Объяснение, вложенное в уста Хенгиста — традиционно: такое можно найти у Павла Диакона в «Деяниях лангобардов» («Gesta langobardorum», I, 1) и Вильяма Мальмсберийского в «Хронике английских королей». Относительное перенаселение, толкавшее на набеги против соседей, бесспорно, имело место, но дальнейшее описание (отбор молодых воинов, изгоняемых из страны, по жребию) — вымысел.

3 *... но в особенности Меркурия, которого на своем языке называем Воденом.*— Воден — англосаксонская форма имени верховного божества германо-скандинавской мифологии Вотана или Одина. «Сфера деятельности» Меркурия (по представлениям римлян — бога торговли, крылатого вестника богов и т. д.) не совпадает с положением Водена на германо-скандинавском «Олимпе». Казалось бы, более уместным было бы отождествление Водена с Юпитером. Однако сообщение о том, что галлы «из богов более всего чтят Меркурия», содержится в «Записках о галльской войне» Юлия Цезаря (VI, 17). То же самое о германцах писал Тацит («О происхождении германцев и местоположении Германии», 9).

4 *... посвятил ему день четвертый недели, который и посейчас зовем по его имени воденесдэй.*— Во времена Гальфрида неделя начиналась не с понедельника, а с воскре-

сенья. Вот почему воденесдей (по английски Wednesday — среда) оказывается четвертым днем недели.

[5] *Фрея* — богиня красоты, любви и плодородия, могущественная супруга Водена (германо-скандинавская мифология).

[6] *... посвятили шестой день недели и по ее имени зовем его фридей.*— По-английски Friday — пятница, которая была шестым днем недели (см. примеч. 4 к этой главе).

Глава 99

[1] *Линдезея* — по-видимому, область в юго-восточной части острова.

[2] *... а на латинском языке мы зовем его Замком Ремня.*— Местоположение этого замка не установлено; вероятно, он вымышлен автором, хотя возможно, что Гальфрид опирался на какое-то изустное предание: легенды о построении укреплений на территории, окруженной ремнем, существовали в Британии; так, якобы, были построены Лондон и Йорк. Аналогичный рассказ содержится в «Энеиде» Вергилия — о том, как Дидона приобрела землю для постройки Карфагена (I, 365 сл.).

Глава 100

[1] «Lauerd king, wasseil!» — по древнеанглийски означает: «Господин король, будь здоров!» «Lauerd»=«lawrd», т. е. господин, владыка (откуда «лорд»).

[2] «*Drincheil!*» — «Пью за здоровье!»

[3] *... святой Герман, епископ Автизиодорнской... и Луп Трекаценский...*— Автизиодорнский, т. е. Оксерский (Оксер — город во Франции). Святой Герман (ок. 380—448) побывал в Британии дважды (в 428 и 446 г.) ради искоренения пелагианской ереси (см. примеч. 4) и торжества ортодоксального католицизма. Луп Трекаценский — святой католической церкви, епископ города Труа во Франции (латинское название этого города — Трикассес); он ездил в Британию вместе с Германом в 446 г. и с тою же целью. По возвращении из Британии он, по преданию, спас свой город от ярости Атиллы, которого укротил своими молитвами.

[4] *Пелагианская ересь* — еретическое учение, названное так по имени монаха Пелагия (ок. 360 — ок. 422), родом британца, широко распространилось в Британии в начале V в. Пелагианцы отрицали понятие первородного греха и считали, что сил человеческих без содействия божественной благодати достаточно для снискания вечного блаженства. Пелагианство было осуждено в 431 г. на Эфесском церковном соборе.

[5] *Чрез эти чудеса многое явил людям господь, о чем столь блистательным образом поведал в своем сочинении Гильдас.*— В действительности в своей книге «О разорении и завоевании Британии» Гильдас не уделил св. Герману ни строчки. Рассказ о чудесах св. Германа содержится в «Истории бриттов» Ненния (гл. 32—35, 47). Существует мнение, что приведенная выше фраза Гальфрида является прямым указанием на то, что Гальфрид считал книгу Ненния принадлежащей перу Гильдаса. Известный исследователь творчества Гальфрида Монмутского, Э. Фараль, категорически отвергает эту точку зрения (см. *Faral E.* Op. cit., t. 2, p. 223—224).

Глава 101

[1] *Он сразился с ними четырежды...*— Автор говорит здесь о четырех битвах Вортимера с саксами, но останавливается подробно лишь на описании трех сражений, следуя в этом своему источнику (т. е. Неннию), где названы три сражения, а четвертое только упомянуто, без указания места (гл. 44).

[2] *Дервент* — ныне река Деруэнт, приток Темзы.

[3] *Эписфорд* — брод с таким названием находился где-то на территории нынешнего графства Кент.

[4] *... в третий — битва произошла на морском берегу...*— Ненний сообщает, что эта битва разыгралась на морском берегу у lapis titulae,— по-видимому, камня с надгробной надписью; как полагают, это Стонар близ Сэндвича в графстве Кент.

[5] *Танет* (Фанет) — остров в устье реки Стор (графство Кент, Великобритания).

Глава 103

[1] *... в день майских календ...* — т. е. 1 мая.

Глава 104

[1] *«Nimed oure saxes!»* — В переводе означает «Беритесь за ваши ножи!». Рассказ о побоище, учиненном саксами (за исключением подвигов Элдола, гл. 105) позаимствован автором из «Истории бриттов» Ненния (гл. 46).
[2] *Святой Элдад* — имя Элдада Гальфрид заимствовал из «Истории бриттов» Ненния (гл. 49), однако там Элдад — не святой и не епископ (как у Гальфрида в гл. 125—127). О святом Элдаде не упоминает ни один источник до Гальфрида.
[3] *Каеркарадок* — ныне город Солсбери (Великобритания).
[4] *... на кладбище близ монастыря аббата Амбрия...* — Речь идет о монастыре Амбресбери (Амесбери) близ нынешнего г. Солсбери (Великобритания); монастырь был основан, как считают, в X в. Можно предположить, что автор локализует побоище, о котором рассказывает, именно здесь, опираясь на какие-то местные предания. Возможно, на утверждение, будто именно здесь погребены перебитые саксами вожди бриттов, Гальфрида натолкнула близость Стоунхенджа (см. примеч. 1 к гл. 130).

Глава 105

[1] *... правитель Клавдиоцестрии Элдол...* — Имя Элдола Гальфрид мог почерпнуть из «Истории бриттов» Ненния (гл. 49), где он упомянут рядом с именем Элдада, однако там этот персонаж (у Ненния — Элдок) упоминается бегло и ничего не говорится о его подвигах. Возможно, Гальфрид, сделал храбреца Элдола правителем Клавдиоцестрии (Глостера), чтобы польстить своему покровителю Роберту Глостерскому.
[2] *Линдоколин* — ныне город Линкольн (Великобритания).

Глава 106

[1] *... он прибыл, наконец, к горе Эрир...* — местоположение этой горы не установлено.
[2] *Но все, что они наработали за день, назавтра поглощала земля...* — Источник рассказа о строительстве башни, о юноше, у которого никогда не было отца — это «История бриттов» Ненния (гл. 40—42).
[3] *Каермердин* — ныне город Кармартен (Великобритания). Гальфрид связывает название города (Каермердин) — с Мерлином. Это дало основание предполагать, что, создавая этот персонаж, Гальфрид, опирался на легенды о барде Мирддине, якобы жившем в VI в.

Глава 107

[1] *... некто в облике прелестного юноши...* — Этот мотив часто встречается в средневековой литературе. По Гальфриду, отцом Мерлина был инкуб, т. е., по общераспространенным верованиям того времени, мужской демон, домогавшийся любви смертной женщины. По толкованиям некоторых христианских теологов, инкубы — падшие ангелы. Иногда они принимали человеческий облик, как в нашем случае, и порождали потомство. Инкубы особенно преследовали монахинь, а суккубы — женские демоны — монахов. Об этом рассказывает, в частности, Гонорий Августодунский (см. *Honorius Augustodunensis.* De philosophia mundi, I, 16—18).
[2] *... Ибо, говоря о божестве Сократа, Апулей сообщает...* Ссылаясь на Апулея, Гальфрид, надо полагать, его не читал, а был знаком с изложением его сочинения «De deo Socratis» по книге Блаженного Августина «О граде Божием». Страницы, где Августин оспаривал мысли и суждения Апулея, были широко известны и неоднократно излагались средневековыми авторами. Апулей в своем сочинении (гл. IX, сл.) подробно говорит о природе демонов, не называя их, правда, инкубами.

Глава 108

1 *Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием...*— У Ненния в «Истории бриттов» мага и прорицателя, пророчествовавшего перед Вортегирном (гл. 42), звали Амброзием. «Ambrosius» по-латыни означает «божественный», «бессмертный» — от греческого «αμβροσια» — пища богов, делавшая их бессмертными и вечно юными.

Глава 109

1 ... *епископ линкольнский Александр...*— Александр был возведен в сан епископа Генрихом I в 1123 г. на Пасху. Ему Гальфрид ок. 1134 г. посвятил «Пророчества Мерлина», вошедшие в дальнейшем в его «Историю бриттов», но существовавшие поначалу в виде самостоятельного произведения. Ему же посвятил свою «Historia anglorum» Генрих Хантингдонский. Александр Линкольнский, после смерти короля Генриха I примкнул к сторонникам Стефана Блуаского (см. примеч. 1 к гл. 3). Умер в 1154 г.

Глава 110

1 ... *прибегнув к розге твоих Камен...*— Камены — первоначально нимфы ручья в роще в Риме у Капенских ворот. В дальнейшем (не позже III в. до н. э.) Камены были отождествлены с музами на основании сближения их имени с латинским словом «carmen» = «песня» или с латинским же «canere» = «петь». Смысл фразы Гальфрида: «Подвергни мой труд беспощадной критике».

Глава 112

1 *«Горе дракону красному...»* — Главы 112—117 заполнены прорицаниями Мерлина, которые, по большей части, темны и загадочны. Стиль прорицаний Мерлина близок стилю библейских пророков и Сивиллиных книг. Некоторые из пророчеств Мерлина можно соотнести с событиями, о которых Гальфрид пишет в последующих главах «Истории бриттов» (в гл. 119—208); другие — с событиями, которые остались за хронологическими рамками повествования; третьи интерпретировать затруднительно или невозможно. Под «красным драконом» подразумеваются бритты, под «белым драконом» — саксы, т. е. германцы.

2 ... *и взорам предстанут развалины господних церквей...*— см. гл. 186, 189.

3 ... *вепрь из Корнубии...*— так Мерлин называет Артура.

4 *Вострепещет дом Ромулов...*— Под «Домом Ромулов» Гальфрид подразумевает Рим (см. гл. 167—176).

5 *После него будет еще шесть венценосцев...*— Мы можем насчитать их только пять: Константин (гл. 178—180), Аврелий Конан (гл. 181), Вортипорий (гл. 182), Мальгон (гл. 183) и Каретик (гл. 184). Почему Гальфрид написал о шести венценосцах, можно только гадать. В гл. 181 упоминается о том, что Аврелий Конан заточил в темницу своего дядю, «к которому должен был перейти престол Константина». Может быть, этого дядю и имеет в виду Гальфрид. Но, скорее всего, Гальфрид просто «сбился со счета»: Гильдас, у которого он позаимствовал имена королей, упоминает еще Кунегласа, пропущенного Гальфридом.

6 *Возвеличит его водный волк в сопровождении африканских лесов.*— «Водный волк» — царь африканцев Гормунд, который будет упомянут в гл. 184, 186, 191.

7 ... *седьмой эборакский пастырь будет собирать вокруг себя толпы в Арморике...*— Возможно, имеется в виду Самсон, который в гл. 130 упоминается как архиепископ Эборакский (Йоркский), а в гл. 157 назван архиепископом Дольским. Доль — ныне городок в Бретани (Доль-де-Бретань). Об изгнании Самсона из Эборака говорится в гл. 151.

8 ... *Меневия облачится в мантию Города Легионов...*— Меневия — ныне город Сент-Дейвидс (Великобритания). В Меневии был погребен архиепископ Города Легионов святой Давид, о чем рассказывается в гл. 179.

9 ... *онемеет проповедник-просветитель Ибернии...*— Этот эпизод не вошел в текст «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Святой Гильдас, по преданию, онемел во

время проповеди оттого, что в церкви находилась женщина, носившая в своем чреве будущего святого Давида. Это событие описано в «Житии святого Давида».

[10] *Погибнут семь венценосцев и один из них будет причислен к лику святых.*— По-видимому, имеются в виду вожди («короли») саксов, о гибели которых повествуется в гл. 189—199. Король Нортанумбрии Освальд, принявший христианство (о нем см. в гл. 199 «Истории» Гальфрида) почитался святым в средневековой Англии.

[11] *... того облекут бронзовым мужем...*— Речь идет о Кадваллоне, чей прах, по Гальфриду, поместили в его же бронзовое изваяние (гл. 201).

[12] *... станут засевать чужеземные пашни...*— Речь идет о переселении бриттов в Арморику (гл. 203).

[13] *... во дворце двенадцатого святителя будет сопричислен к лику святых.*— Имеется в виду Кадвалладр (см. гл. 206).

Глава 113

[1] *В течение ста пятидесяти лет он будет пребывать в тревоге и унижении...*— Это место заимствовано Гальфридом из книги Гильдаса, где приводится пророчество о том, что господство германцев в Британии — временное.

[2] *Вслед за тем на него обрушится северный ветер...*— Имеются в виду набеги скандинавов на Британию, начавшиеся в VIII в.

[3] *Неустрийцы* — норманны, захватившие Британию в 1066 г.

[4] *Появятся два дракона...*— Речь идет о сыновьях Вильгельма Завоевателя; один из них, король Вильгельм II, был убит стрелою в грудь, а другой, Роберт, окончил жизнь в заточении.

[5] *Появится лев правосудия...*— Так Гальфрид называет короля Генриха I. В последующих строках «пророчества» речь пойдет о законодательной, налоговой, финансовой деятельности этого короля.

[6] *Детеныши льва превратятся в морских рыб...*— При желании здесь можно усмотреть намек на обстоятельства гибели единственного законного сына и наследника Генриха I — принца Вильгельма, утонувшего в море.

Глава 115

[1] *Пирон* (или Перирон) — река, современное название неизвестно.

[2] *Кадвалладр призовет Конана и примет в союз Альбанию.*— В этом пророчестве — надежды бриттов на реванш и избавление от господства германцев. Надежды эти связываются с «возвращением» Кадвалладра (о нем см. гл. 202, 203, 205, 206) в союзе с вождем арморикански бриттов Кононом (о нем см. гл. 81, 82—84, 86—88) и с кельтами, населяющими север острова.

[3] *Испания Дальняя* — юго-запад Пиренейского полуострова.

[4] *Амне* — источник, местонахождение его неизвестно.

[5] *Брод Дубинки* — по-видимому, ныне Стаффорд на реке Трент (Великобритания).

Глава 116

[1] *Лес Канута* — ныне город Шафтсбери (Великобритания).

[2] *Лес Калидона* — лес в окрестностях озера Лох-Ломонд в Шотландии.

[3] *Данейский лес* — ныне город Винчестер (Великобритания).

[4] *Галаб* — ныне долина Амсбери близ города Солсбери (Великобритания).

[5] *Гора Уриана* — местоположение неизвестно.

[6] *Мальвернский змей* — Мальверния — местность на востоке Уэльса (Великобритания).

[7] *Пахайя* — горы, их местоположение неизвестно.

[8] *Вигорнийский дракон* — Вигорния — ныне город Вустер (Великобритания).

[9] *Каердубальская лисица* — местоположение Каердубаля не установлено.

Глава 117

[1] *Стильбон Аркадский* — одно из названий созвездия Большой Медведицы в античности.

[2] *Орион* — созвездие Ориона. В античной мифологии Орион — могучий охотник, убитый Артемидой и превращенный в созвездие.

[3] *Феб* — поэтический эпитет Аполлона, означающий по-древнегречески «лучезарный»; в переносном значении — Солнце.

[4] *Близнецы* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 21 мая по 21 июня; главные звезды — Кастор и Поллукс (так прозывались, согласно античному мифу, близнецы — сыновья Тиндарея и Леды).

[5] *Весы* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 23 сен. по 24 окт.

[6] *Овен* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 21 мар. по 20 апр.

[7] *Скорпион* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 24 окт. по 23 нояб.

[8] *Рак* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 22 июня по 23 июля.

[9] *Стрелец* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 23 нояб. по 22 дек.

[10] *Дева* — зодиакальное созвездие, по которому Солнце совершает свой видимый путь с 24 авг. по 24 сент.

[11] *Зодиак* — совокупность 12 созвездий, называемых зодиакальными, по которым солнце совершает свой видимый путь в течение года. Эти созвездия: Рыбы, Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей.

[12] *Плеяды* — созвездие.

[13] *Ариадна* — здесь — созвездие; это название восходит к античному миру об Ариадне, жене сначала Тезея, затем Вакха, подарившего ей ожерелье, которое после ее смерти стало созвездием.

Глава 118

[1] *«Беги огня сыновей Константина...»* — Сыновья Константина — это Аврелий Амброзий и Утерпендрагон.

Глава 119

[1] *Генореу* — крепость; местонахождение ее не установлено; видимо, она находилась где-то в Уэльсе, в верховьях Уай.

[2] *Хергинг* — местоположение неизвестно.

[3] *Вайя* — ныне река Уай (Великобритания).

[4] *Клоарций* — точное местоположение неизвестно.

Глава 120

[1] *Саксы переправились на ту сторону Хумбера.* — Никакие другие исторические источники не упоминают о том, что саксы покинули южные области Британии и ушли за Хумбер. Возможно, это измышление Гальфрида.

Глава 121

[1] *... число их не превышает десяти тысяч. Что до островных бриттов, то он почитал их за ничто...* — Здесь, как и во многих других местах, сказывается особое пристрастие Гальфрида к арморикансим бриттам и его желание представить их спасителями Британии не только в будущем (гл. 115), но и в прошлом.

[2] *Майсбели* — местоположение этой крепости не установлено, однако из последующего текста (гл. 123) можно сделать вывод, что Гальфрид помещает Майсбели неподалеку от Кунингсбурна (см. примеч. 1 к гл. 123).

[3] *Он повелел арморикансим всадникам остановиться...* — Арморикансая кавалерия славилась в Средние века своими боевыми качествами.

Глава 122

[1] *... он предательски поступил со всеми присутствовавшими...* — Элдол вспоминает о предательском избиении бриттской знати саксами (гл. 104—105).

Глава 123

1 *... устремился к крепости Каерконан, которая ныне называется Кунингебури.*— Каерконан — название, видимо, вымышлено Гальфридом.— Кунингебури — очевидно, Кунингсбурн, нынешний Конисбро в графстве Йоркшир.

Глава 124

1 *... разите окружающих вас амбронов!* — Этим именем Гальфрид неоднократно называет (в последующих главах) северных саксов из Нортанумбрии, по большей части — с насмешливым или осудительным оттенком. Амброны — германское племя, ранее обитавшее на западном побережье полуострова Ютландия.

Глава 125

1 *Город Конана* — Каерконан; см. примеч. 1 к гл. 123.
2 *... Элдад, епископ Клавдиоцестрии...*— Во времена, описываемые Гальфридом (V в.), епископства в Глочестере не было.
3 *... поступил бы не иначе, чем пророк Самуил...*— См. библейский рассказ в Первой книге Царств, XV. Упоминаемый далее Агаг — царь амаликитян, кочевого народа, жестоко враждовавшего с израильтянами.

Глава 126

1 *«Гаваониты, придя по доброй воле...»* — Рассказ об этом содержится в Библии (Книга Иисуса Навина, IX). Жители Гаваона, прослышав о том, как Иисус Навин поступил с побежденными врагами (городами Иерихоном и Гаем), не пощадив никого,— употребили хитрость. Облачившись в лохмотья, они явились к нему в стан и, сообщив, что пришли издалека, попросили заключить с ними союз. Иисус Навин поверил им; впоследствии, узнав, что они явились вовсе не издалека, а живут постоянно поблизости, он не нарушил данной им клятвы, но в наказание за обман определил им быть дровосеками и водоносами для общества.

Глава 127

1 *Там на горе Амбрия существовала обитель...*— см. примеч. 4 к гл. 104.

Глава 128

1 *... гонцы нашли Мерлина... у галабского источника...*— Здесь впервые у Гальфрида появляется мотив «отшельника Мерлина», который будет затем развернут в «Жизни Мерлина».
2 *... к Кольцу Великанов, которое находится на горе Килларао в Ибернии.*— Кольцо Великанов (или Хоровод Великанов: латинское слово chorea, употребленное Гальфридом, переводится обычно как «круговая пляска») — это, по всей вероятности, находящееся в Ирландии древнее мегалитическое сооружение в Килдаре (но там место равнинное) или же на горе Киллала (на северо-западе Ирландии).

Глава 130

1 *... Аврелий повелел Мерлину установить вокруг могил убиенных камни, привезенные им из Ибернии...*— Речь идет о знаменитом мегалитическом сооружении Стоунхендж близ города Солсбери на юге Великобритании. Со Стоунхенджем во все времена было связано множество легенд. Многие из камней Стоунхенджа были, действительно, доставлены туда по воде. Созданное приблизительно за два тысячелетия до н. э. докельтскими обитателями Британии, оно служило культовым целям, использовалось, как показали раскопки, для захоронения мертвых и, главное, было своего рода обсерваторией для наблюдения за небесными явлениями (движением светил, летним и зимним солнцестоянием). Камни и другие ориентиры в Стоунхендже расположены таким

образом, что, наблюдая (по определенным правилам) положение Солнца и Луны относительно этих камней и изменения этого положения, можно предсказывать солнечные и лунные затмения (см. кн.: *Хокинс Д., Уайт Д.* Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1973).

Глава 133

1 *... на небе показалась звезда огромной величины и яркости.*— Появление на небе кометы всегда вызывало суеверный страх. Во времена Гальфрида в народе еще была жива память о комете 1066 г., тем более, что это был год вторжения в Британию норманнов (Вильгельма Завоевателя). Известен был Гальфриду и рассказ Беды Достопочтенного о комете 721 г., которую связывали с победами сарацинов в Испании и Галлии. Появление кометы в 44 г. до н. э. якобы предвещало убийство Гая Юлия Цезаря и т. д.

Глава 136

1 *Дамен* — местоположение неизвестно.

Глава 137

1 *Тинтаголь* — ныне Тинтаджел (иначе — Тревена), деревня в Корнуолле. Здесь сохранились развалины замка. Раскопки 1933 г. обнаружили остатки древнего монастыря и церкви. По преданию Тинтаджел — место рождения Артура; в цикле легенд и романов о Тристане и Изольде — резиденция короля Марка, дяди Тристана.

2 *Димилиок* — укрепление на юге полуострова Корнуолл (Великобритания).

3 *Ридкарадок* — местоположение неизвестно.

4 *... он доверился снадобьям Мерлина и преобразился в Горлоя.*— Фантастическая история о рождении Артура, рассказанная в главах 137 и 138, напоминает античный миф о рождении Геракла: Зевс явился к смертной женщине Алкмене, приняв вид ее мужа Амфитриона, и та согрешила с богом, оставаясь верной мужу. Помощником и спутником Зевса (Юпитера) в этом приключении был Гермес (Меркурий). Можно вспомнить также, что сам Мерлин был человеком, «у которого никогда не было отца».

5 *... зачала она прославленного Артура...*— Одна из возможных этимологий имени Артур — от кельтского artos (медведь). Вероятно, имя Артур оставалось употребительным в XII в.: сам Гальфрид в некоторых документах того времени называется Galfridus Arthur, видимо «сын Артура». Артуром был назван и один из внуков Генриха II Плантагенета. О короле Артуре см. примеч. 2 к гл. 143.

Глава 139

1 *Войско бриттов препоручается Лоту из Лодонезии...*— Под Лодонезией Гальфрид имеет в виду область, территориально примерно соответствующую нынешнему графству Эдинбург в Шотландии. У Гальфрида Лот становится в дальнейшем королем Норвегии (см. гл. 155, 156, 168). В последующей традиции (романах и поэмах о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола) Лоту отводится довольно большое место, поскольку он был отцом Гавейна, прославленного рыцаря, и предателя Модреда, убийцы Артура. По другим версиям Лот был отчимом Модреда, а отцом — сам Артур (правда, в этом случае женою Лота называют не Анну, а сводную сестру Артура — Моргаузу, дочь Горлоя и Ингерны).

Глава 141

1 *... как только Титан выкатил день...*— Гелиос, божество, олицетворявшее Солнце в древнегреческой мифологии, был титаном (сын титана Гипериона и Геи — Земли). Гомер и Вергилий постоянно именуют Гелиоса — Титаном. В римской мифологии Гелиосу соответствовали Соль (Солнце) и Аполлон.

Глава 143

1 *Силецестрия* — ныне город Силчестер (Великобритания).
2 *... с просьбой увенчать королевской короной Артура...*— С гл. 143 начинается рассказ о деяниях Артура. Артур — центральная фигура «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Ко времени написания «Истории» Гальфрида существовало множество героических легенд, связанных с именем Артура. Современный Гальфриду историк Вильям Мальмсберийский оставил свидетельство об огромной популярности Артура среди валлийцев — потомков бриттов.
3 *Дуглас* — река в Шотландии, приток Клайда.
4 *... принял облик странствующего певца с кифарой в руках... играя на своей лире...*— Один и тот же музыкальный инструмент Гальфрид называет двумя разными словами, сначала кифарой, потом — лирой. Кифара и лира — струнные щипковые инструменты, известные с древнейших времен. На кифаре и на лире играли, как правило, сидя.

Глава 144

1 *Был же Хоел сыном сестры Артура, родившимся от Будиция, короля арморикансках бриттов.*— Выше, в гл. 139 было сказано, что свою дочь Анну (т. е. сестру Артура), судя по всему — единственную (см. гл. 133) Утерпендрагон отдал замуж за Лота из Лодонезии.

Глава 145

1 *... Артур выступил к городу Каерлюдкойту...*— Название Каерлюдкойта (иначе — Линдоколин, ныне Линкольн) появилось у Гальфрида по ошибке, так же, как и Колидонский лес (в нынешней Шотландии), в котором якобы продолжалась битва, начатая у стен Каерлюдкойта — Линкольна: Гальфрид неверно прочел незнакомые ему (и нам тоже) географические названия в соответствующем месте «Истории бриттов» Нення (гл. 56).

Глава 146

1 *Сомерсетская область* — ныне графство Сомерсет (Великобритания).

Глава 147

1 *... препоясывает себя Калибурном, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллона...*— В современной Гальфриду литературе мечи (а также копья, щиты и пр.) прославленных воинов часто имели собственные имена; можно вспомнить Дюрандаль — меч Роланда. Название меча Артура — Калибурн — образовано, возможно, от греческо-латинского слова «chalybs» («сталь»). Об острове Аваллона см. примеч. 2 к гл. 178.

Глава 149

1 *Мурейфа* — местность на севере Шотландии (ныне — графство Мори)
2 *Добравшись до озера Лумоной...*— Пребывание Артура в Шотландии дает Гальфриду повод пересказать в своем повествовании (гл. 149 и 150) фрагменты из «Истории бриттов» Нення, где говорится о трех чудесных озерах в Британии (гл. 67, 69 и 70).

Глава 150

1 *Линлигван* (Опер Линн Ливан) — участок эстуария реки Северн близ впадения реки Уай.

Глава 152

1 *... сестру, которая родила ему Вальвания и Модреда...*— Сестра Артура — Анна. О ее замужестве см. гл. 139 и примеч. 1 к гл. 139. Вальваний — в «артуровской» литературе — Гавейн, один из самых прославленных рыцарей Круглого Стола. Этот персо-

наж (вернее, его прототип) издавна существовал в кельтской мифологии и в фольклоре. Модред, племянник Артура (по другой версии — его сын от кровосмесительной связи с собственной сводной сестрой Моргаузой), сыграет в дальнейшем мрачную роль предателя, негодяя и убийцы Артура (гл. 164, 176—179, 191). Таким он и останется во всей средневековой «артуровской» литературе.

2 ... *сочетался браком с Геневерой...* — Геневера (по-валлийски Gwenhwyfar, что означает «Белый призрак») занимает важное место в артуровской традиции. Мотив супружеской неверности Геневеры (гл. 176, 177) был опоэтизирован и превратился в историю любви Геневеры и Ланселота Озерного — славнейшего из рыцарей Круглого Стола. Их любовь принесла гибель им обоим и всей Логрии — королевству Артура. Однако Ланселот в рыцарских романах остается благородным и доблестным рыцарем.

Глава 153

1 ... *Долдавий, король Готландии и Гунвазий, король Оркад...* — Имена королей вымышлены Гальфридом, равно как и то что они «изъявили покорность» Артуру. Готландия — остров на Балтийском море, ныне Готланд.

Глава 154

1 *Был же Лот внуком норвежского короля Сихелина...* — Весь рассказ о нападении Артура на Норвегию и Данию и завоевании этих стран вымышлен Гальфридом: он не подтверждается другими историческими источниками, которые свидетельствуют о противоположном, а именно о том, что бритты в VI в. теряли свои позиции на острове одну за другой. В главах, посвященных завоеваниям Артура, Гальфрид как бы берет реванш за те поражения, которые бритты потерпели в действительности. Говоря о вымышленных событиях, таких, как завоевание Ибернии и Оркадских островов (гл. 153), Норвегии и Дании (гл. 154) и т. д., Гальфрид избегает пользоваться именами реально существовавших правителей и награждает своих персонажей именами вымышленными. Так появились Долдавий и Гунвазий (гл. 153), Сихелин, Рикульф, папа Сульпиций (гл. 154) и ряд других, которые встретятся в дальнейшем изложении.

Глава 155

1 ... *правил ею от имени императора Льва.* — Императоров по имени Лев было шесть. Один из них правил с 457 по 474 г.; другой в 474 г.; третий — с 695 по 698 г.; остальные — позже. Гибель короля Артура Гальфрид приурочивает к 542 г., так что Артур не мог воевать ни с одним из императоров Львов, тем более, что все они правили в Восточной Римской империи.

2 *Паризий* — ныне Париж.

3 ... *Флоллон... известил Артура о своем желании сойтись с ним один на один...* — Этот Флоллон, надо полагать, лицо, вымышленное Гальфридом. Поединок вождей — мотив, неоднократно встречающийся в литературе античной и более поздней, равно как и у народов Востока. Поединок на острове — мотив, характерный для кельтского фольклора и для ряда памятников средневековой литературы (например, поединок Тристана с великаном Морхольтом также происходит на острове).

4 ... *даровал своему виночерпию Бедуеру Эструзию, которая ныне зовется Нормандией...* — Бедуер — герой валлийских народных сказаний; он упоминается в «Триадах острова Британии» (IX в.): «Три увенчанных в битвах мужа острова Британии... Но один был увенчан более, чем все эти трое: это был Бедуир, сын Бедраука» (триада XXI). Мысль сделать Бедуера виночерпием Артура, возможно, принадлежит Гальфриду Монмутскому. В этой роли Бедуер и фигурирует в романах артуровского цикла. Нормандия — северная часть современной Франции, уступленная в X в. вождю норманнов Роллону.

5 ... *а своему кравчему Каю — страну андекавов...* — Кай — тоже персонаж кельтского фольклора. В той же триаде XXI (см. выше) вторым из трех «увенчанных в битвах мужей» назван Кей, сын Кенира с Прекрасной Бородой. У Гальфрида он — кравчий Артура, в романной традиции именуется сенешалем, т. е. дворецким. В некоторых

романах, например, в «Смерти Артура» Мэлори (XV в.) Кай — молочный брат Артура, сын рыцаря Эктора, воспитавшего Артура. Образ Кая (Кэя) претерпел значительные изменения, и в некоторых, сравнительно поздних романах артуровского цикла Кэй предстает вздорным, злым и завистливым рыцарем. Страна андекавов — соответствует старой французской провинции Анжу на нижней Луаре; андекавы — галльское племя, обитавшее в этой области и давшее ей свое имя.

Глава 156

1 *Так как близился праздник Троицы...* — Праздник Троицы, или Пятидесятницы, выпадает на пятидесятый день после Пасхи. В последующей романной традиции на Троицу ко двору Артура собирались все рыцари Круглого стола.

2 *... намереваясь возложить на себя королевский венец...* — Можно вспомнить, что королевский венец уже был возложен на Артура (гл. 143). Зачем же понадобилось короновать Артура вторично? Скорее всего потому, что Гальфриду хотелось дать описание пышных коронационных торжеств и перечислить королей и знатных людей, якобы съехавшихся на эти торжества. Один список прибывших должен был дать представление о могуществе Артура и бриттской державы. Когда Артур короновался в первый раз (гл. 143), столь пышные торжества были бы неуместны: Артур был пятнадцатилетним юношей. Можно вспомнить также, что король Генрих I, современник Гальфрида, тоже был коронован дважды — первый раз в 1100 г. и вторично на Пасху 1121 г., причем вторая коронация была приурочена к его свадьбе с Аделаидой Лувенской, его второй женой.

3 *... во имя Юлия-мученика... во имя сподвижника Юлия святого Аарона...* — О Юлии и Аароне мучениках упоминалось ранее в гл. 77 (см. примеч. 3 к гл. 77).

4 *... коллегия из двухсот мудрецов...* — Не исключено, что сообщение о коллегии мудрецов — ученых и предсказателей будущего — было навеяно Гальфриду имевшимися у него сведениями о коллегии авгуров в Риме или соответствующим местом в Библии — о халдейских гадателях Навуходоносора (Книга Даниила, I и II).

5 *Итак, прибыли: Ангусель, король Альбании...* — Некоторые из имен правителей и знатных людей, прибывших на коронацию Артура, заимствованы Гальфридом из валлийских генеалогий X в. или других источников; некоторые же имена, по-видимому, вымышлены Гальфридом.

6 *Кайцестрия* — ныне город Честер (Великобритания).

7 *Ионатал Дорецестрийский* — Дорецестрия — ныне город Дорчестер (Великобритания).

8 *Ридикенский, то есть Оксенфордский* — ныне город Оксфорд (Великобритания).

9 *... Донаут мап Папо; Ханеус мап Коил...* — Указание «мап» при именах собственных (иногда писалось mab, ab или ap) означало по-валлийски «сын»: Донаут мап Папо — это Донаут, сын Папо (ср. шотландское «Мак»).

10 *Болония* — ныне город Булонь (Франция).

11 *Борелл Ценоманский* — по-видимому, предводитель ценоманов (см. примеч. 1 к гл. 162) или правитель города, ныне называемого Ле-Ман (Франция).

12 *Герин Карнотский* — Карнутес — старинное название города Шартр (Франция).

Глава 157

1 *Ландавия* — ныне город Лландаф (Великобритания).

Глава 158

1 *«Луций, правитель Римского государства...»* — Император Луций Гиберий в истории Рима неизвестен; это фигура вымышленная.

Глава 159

1 *Ведь Белин... вместе со своим братом Бреннием... захватили Рим...* — Об этом повествуется в гл. 43.

2 *И Константин, сын Елены, а также Максимиан... добились трона римского государства.* — См. гл. 79 и 86.

Глава 160

[1] *Прорицания Сивиллы.*— Сивиллы — прорицательницы у древних греков, римлян и некоторых других народов. Гальфрид, по всей вероятности имеет в виду Сивиллу Кумскую. По преданию, в Риме при царе Тарквинии Гордом (в действительности, вероятно, в первые годы республики) появились так называемые Сивиллины книги, составление которых приписывалось пророчице Сивилле Кумской. Хранение этих книг было поручено коллегии жрецов и толкователей. Прорицаний, касающихся бриттов и Британии, в них, насколько известно, не заключалось. Сивилла Кумская фигурирует и в «Энеиде» (кн. VI).

Глава 162

[1] *Из галльских земель — рутенов, портивенов, эструзенов, ценоманов, андекавов, пиктавов...*— Рутены — галльское племя, обитавшее на юго-западе Галлии (см. примеч. 1 к гл. 54). Портивены — также галльское племя. Эструзены (или неустрийцы) — обитатели северо-западной Галлии, в том числе полуострова, который ныне называется Нормандией. Ценоманы — галльское племя, обитавшее частью в Цизальпинской, частью в Трансальпинской Галлии (т. е. на территории нынешней северной Италии и Швейцарии). Андекавы — галльское племя, обитавшее на правобережье нижней Луары; по их имени получила название область Франции Анжу. Пиктавы — народность в Аквитанской Галлии; город Пиктава — ныне Пуатье.

[2] *В итоге... выходило сто восемьдесят три тысячи двести всадников...*— Из цифр, приводимых самим Гальфридом, получается больше.

[3] *Барба* — река, на которой была расположена гавань, ныне называющаяся Барфлер (Франция).

Глава 163

[1] *Парфяне* — кочевое племя, обитавшее к югу от Каспийского моря; самостоятельное парфянское государство существовало с 250 г. до н. э. по 224 г. н. э.

[2] *Мидяне* — жители Мидии, государства, занимавшего в античные времена северо-западную часть территории нынешнего Ирана.

[3] *Итурейцы* — жители Итуреи, находившейся к северо-востоку от Палестины.

[4] *Вифиния* — государство на северо-западе Малой Азии; ныне эта территория входит в состав Турции.

[5] *Фригия* — в античности государство в Малой Азии.

[6] *Беотия* — в древности одно из греческих государств; главный город — Фивы.

[7] *Без промедления прибыли Эпистроф, царь греков; Мустензар, царь африканцев... Иппо.ит — Крита...*— Страны и государства, перечисляемые Гальфридом, реально существовали в те или иные периоды истории, хотя в описываемую им эпоху (VI в.) иных уже и не было. Что касается собственных имен королей и властителей, то перед Гальфридом стояла нелегкая задача — дать имена двум десяткам королей, которых в действительности не существовало, участников мифической войны Рима с бриттами. Гальфрид либо берет исторически засвидетельствованные имена, но переносит их на другую географическую почву (не говоря уже об ином времени) — например, Серторий, Миципса, Серс (Ксеркс); либо черпает имена из греческой традиции (Политет, Ипполит и др.) или из «Энеиды» (Гиртаций, Эвандр); либо «конструирует» их «в восточном вкусе» (Мустензар, Алифатима).

Имена знатных римлян здесь и далее (гл. 166 и 170) — представляют собой, как правило мозаику из реально существовавших у римлян родовых и фамильных имен, но в произвольных сочетаниях.

Глава 164

[1] *Во сне он узрел летящего в небе медведя...*— Медведь, приснившийся Артуру — это сам Артур. Следовательно, дракон, налетевший с запада,— это Модред, племянник Артура (см. примеч. 1 к гл. 152).

Глава 165

1 *... из Испании прибыл некий великан предивных размеров...*— Многие детали рассказа о битве Артура с великаном-людоедом напоминают соответствующие эпизоды из Одиссеи (песнь IX) и Энеиды (III, 613 сл.).

2 *Гора Михаила.*— Монт-Сен-Мишель, скалистый островок на северном побережье Франции (ряд исследователей отождествляет это место с одноименным монастырем на юго-западе Корнуэльса, в заливе Маунтс-бей, рядом с портовым городом Пензанс). В XII в. на острове было построено бенедиктинское аббатство. В отлив остров соединялся с материком (позднее была насыпана дамба). Гальфрид воспользовался легендой, имевшей хождение в тех краях (см. *Faral E.* Указ. соч., т. 2, с. 286), разукрасив ее множеством подробностей и введя в нее Артура. Можно отметить, что в местной легенде отца погибшей девушки звали Хоел. Гальфрид подхватил это имя: так Хоел стал одним из важных персонажей повествования, королем армориканских бриттов, столпом артуровского королевства и продолжателем бриттского могущества на материке (см. гл. 144, 146, 148, 150, 155—157, 160, 165, 173, 177, 195).

3 *... после того, как он убил на горе Аравий великана Ритона...*— Об этом героическом деянии Артура ранее не рассказывалось. Гора Аравий упоминалась в «Пророчествах Мерлина» (гл. 113).

Глава 166

1 *Августодун* — ныне город Отен (Франция).
2 *Альба* — ныне река Об, приток Сены (Франция).
3 *Бычий Брод* — ныне город Оксфорд (Великобритания).

Глава 167

1 *Перир* — местоположение неизвестно.

Глава 168

1 *... и там дожидаться помощи от императора Льва.*— Об «императоре Льве» см. примеч. 1 к гл. 155.

2 *... он занимает со своими войсками Ленгрии.*— Именно в этих местах, между Августодуном (ныне Отеном) и Ленгриями (Лангр) Юлий Цезарь нанес в свое время крупное поражение галлам. Не исключено, что Гальфрид поместил поле боя именно здесь, чтобы бритты «взяли реванш» за то старое поражение. Источник, из которого Гальфрид мог почерпнуть сведения о кампаниях Цезаря, неизвестен; Юлий Цезарь («Записки о галльской войне, VI) приводит другие географические названия — те, что существовали в его время.

3 *Сиезия* — так называлась долина в нынешней северной Франции (между Лангром и Отеном).

Глава 170

1 *Остия* — город в устье Тибра, гавань Рима.

Глава 173

1 *Тригерия* — ныне город Трегье (Франция).
2 *... вместе с названным правителем...*— т. е. Химаркоком.

Глава 175

1 *... наместник Клавдиоцестрии Мориуд... врывается во вражеские ряды...*— Окончательно склоняет чашу весов на сторону бриттов не кто иной, как наместник Клавдиоцестрии. Возможно, Гальфрид придумал это, чтобы сделать приятное графу Роберту Глостерскому, которому он посвятил свою «Историю».

Глава 176

[1] *Байоки* — ныне город Байе (северная Франция).
[2] *Тяжело раненого Кеудона доставляют в возведенное им самим укрепление Кам...* — Кеудоном здесь назван не раз упоминавшийся в «Истории» Гальфрида Кай, кравчий Артура (Кей или Кэй в позднейшей традиции артуровских романов). Кам — ныне город Кан (Франция).
[3] *Фландрия* — ныне часть ее входит в состав Франции, часть — Бельгии.
[4] *Теривана* — ныне город Теруан (Франция).

Глава 177

[1] *Высокородный властитель!* — Это — обращение, по-видимому, к графу Роберту Глостерскому, покровительства которого домогался Гальфрид (см. гл. 3 и примеч. 1 к гл. 3).
[2] *Ангуселю наследовал сын его брата Уриана Ивен...* — Ивен (или Ивейн) в артуровских романах — один из славнейших рыцарей Круглого Стола.

Глава 178

[1] *Камблан* — по-видимому, ныне река Камел на полуострове Корнуолл (Великобритания).
[2] *... Артур... будучи переправлен для лечения на остров Аваллона...* — Остров Аваллона по кельтской мифологии — остров блаженных, потусторонний мир; его помещали «где-то на западе». Аваллон (точнее — Аваллах) — мифический предок древних кельтских династий; впоследствии, по-видимому, произошло переосмысление этого имени благодаря сходству его с валлийским словом afal — яблоко. В «Жизни Мерлина» (ст. 908) остров, куда был перенесен раненый Артур, назван «Островом Плодов» (Insula Pomorum) и дается подробное его описание, в значительной степени восходящее, впрочем, к античным традициям. У кельтов на остров Аваллона герой мог попасть не только после смерти, но и при жизни: остров мог быть местом временного отдыха. Этими представлениями, в частности, питались кельтские легенды, связанные с надеждами на возвращение Артура. Позднее остров Аваллона помещали в местности, где был расположен монастырь Гластонбери; там в 1190 г. была «обнаружена» могила Артура.

Глава 179

[1] *Бангор* — ныне город того же названия в Уэльсе (Великобритания).
[2] *Патрик* — католический святой (ок. 390—461) родом бритт, прибыл в Ирландию с проповедью христианства около 432 г. Был первым епископом острова, оставил автобиографическую «Исповедь». Считается покровителем Ирландии и высоко почитается в этой католической стране.
[3] *Лампатернская церковь.* — Лампетер — религиозный центр в Ирландии.

Глава 180

[1] *Станхенг* — Стоунхендж (см. примеч. 1 к гл. 130).

Глава 183

[1] *Содомская чума* — мужеложство.
[2] *... присоединил к своему государству шесть островов...* — Можно вспомнить, что эти земли уже были покорены Артуром (гл. 153 и 154).

Глава 184

[1] *... саксы переметнулись к Гормунду, царю африканцев...* — Возможный источник, откуда Гальфрид мог позаимствовать историю о царе Гормунде — французская chanson de geste «Гормонд и Изембард». События, о которых в ней повествуется, происходят в IX в. (у Гальфрида — в VI). В названной поэме Гормонд тоже осаждает Цирецестрию (Чичестер) и к нему прибывает племянник короля франков Лодевика, Изембард. Король Лодевик — Людовик I Благочестивый (778—840), сын Карла Великого.

Глава 185

[1] *«Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет и дом, разделившийся сам в себе, падет».* — Цитата из Евангелия от Луки XI, 17.

Глава 188

[1] *... папа святой Григорий направил в Британию Августина...* — Имеется в виду папа Григорий I Великий (539—604), который действительно послал в Британию Августина (ум. 604); последний считается «крестителем Англии» (при англосаксонских королях) и основателем епископств в Лондоне и Рочестере и Кентерберийского аббатства.

Глава 191

[1] *... предали они и Аврелия Амброзия, которому... поднесли на пиру отраву.* — Аврелий Амброзий, по Гальфриду, был отравлен иначе (см. гл. 132).

[2] *... вторжение коего лишило соплеменников наших отчизны...* — об этом рассказывается в гл. 184.

Глава 193

[1] *Гарнарея* — ныне остров Гернси (Великобритания).

Глава 194

[1] *Кидалета* — ныне город Сен-Мало (Франция).

Глава 195

[1] *... как свидетельствует историк Гильдас...* — Гильдас в своей книге «О разорении и завоевании Британии» неоднократно обрушивается на бриттов за то́, что своими пороками они сами себе приуготовили гибель. Речь Кадваллона местами буквально воспроизводит текст Гильдаса (см. также гл. 185).

Глава 196

[1] *... он увидел, как оттуда выходит его сестра с кувшином в руке...* — Э. Фараль (Указ. соч., т. 2, с. 329) высказывает предположение, что эпизод встречи Бриана с сестрой навеян автору древнегреческим мифом об Оресте. Орест и его сестра Электра встретились у ворот Аргоса и замыслили отомстить за смерть их отца Агамемнона, убитого его женой Клитемнестрой и ее возлюбленным Эгисфом («Электра», Софокла; «Хоэфоры» Эсхила).

[2] *Мерции* (мерсийцы) — жители Мерсии, одного из англосаксонских королевств в центре Британии.

Глава 197

[1] *Хедфельд* — местоположение не установлено.

Глава 199

[1] *Хевенфельд* — местоположение не установлено.
[2] *Бурне* — местоположение не установлено.
[3] ... *Пеанда кинулся на него и убил.*— По другим источникам, в битве при Хевенфельде был убит не Освальд, а Катгублаун, которого Гальфрид называет Кадваллоном (см. «История бриттов» Ненния, гл. 64). Так написано у Беды Достопочтенного в «Церковной истории народа англов» (III, 1—2). Освальд был убит в битве с Пеандой 9 лет спустя.

Глава 200

[1] *Винвед* — река, как она называется ныне — не установлено.

Глава 201

[1] *Святой Мартин* (ок. 316—397) — епископ города Тура, отличался, по преданию, милосердием и совершил множество чудес. Мартин основал монашескую коммуну отшельников близ Пуатье, первую в Галлии монашескую обитель Мармутье. Он был исключительно популярен в средневековой Англии. В «Истории бриттов» Ненния св. Мартин упомянут неоднократно (гл. 26, 29).

Глава 202

[1] ... *Кадвалладр, которого Беда называет юношею Хедвальдой...*— Действительно Беда (Указ. соч., IV, 15) писал о молодом человеке по имени Кедвалла из королевского рода гевиссеев. У Гальфрида Кедвалла стал Кадвалладром, сыном Кадваллона и властителем бриттов.

Глава 205

[1] *Этот глас также наказал Кадвалладру отправиться в Рим к папе Сергию...*— Согласно Беде Достопочтенному (Указ. соч., V, 7), в Риме папой Сергием был крещен Кедвалла, король западных саксов, в 688 г. Сергий — святой, папа римский с 687 по 701 г. Сергий овладел папским престолом в жестокой борьбе с противниками; о нем известно, что он отказывался выполнять постановления совета церквей и повиноваться императору Юстиниану II, и оказал успешное сопротивление офицерам императора, явившимся арестовать его.

Глава 206

[1] ... *собрав различные книги о пророчествах орла из Цестонии и о прорицаниях Сивиллы и Мерлина...*— Орел из Цестонии упоминается в гл. 29 «Истории» Гальфрида, Сивилла — в гл. 160, пророчества Мерлина приводятся в гл. 112—118 (см. также примеч. к этим главам).
[2] ... *отправить на остров сына своего Ивора и племянника Ини...*— Ини упоминается Бедой Достопочтенным (Указ. соч., V, 7) как преемник Кедваллы (см. примеч. 1 к гл. 202). Имя Ивора нигде, кроме «Истории» Гальфрида, не встречается.

Глава 207

[1] ... *стал называть себя не бриттами, а валлийцами... либо потому, что у них был вождь Валлон, либо по имени королевы Валаес...*— Валлон — легендарный король бриттов, муж Валаес. В действительности, часть бриттов именовали себя валлийцами, потому что область, где они обитали, издавна называлась Валлией (Galles, Уэльс).

[2] *Адельстан* (или Этельстан) — король (925—940). Одержал ряд побед над валлийцами и датчанами и объединил под своей властью большую часть Англии.

Глава 208

[1] *Карадок Ланкарбанский* — Карадок Лланкарванский, ученый клирик, автор жития святого Гильдаса и ряда исторических и агиографических сочинений, не дошедших до нашего времени.

[2] *Вильгельм Мальмсберийский* — Вильям Мальмсберийский (1090—1143), бенедиктинский монах, плодовитый писатель, автор книг «Деяния английских королей» (1125), «О древности Гластонской обители» (между 1129 и 1135) и ряда других исторических сочинений и хроник.

[3] *Генрих Хунтендонский* — Генрих Хантингдонский (1080 или 1090—1155), автор «Истории англов» (1130) и «Послания к Вальтеру о презрении к миру». Был архидиаконом в Хертфорде и Хантингдоне. Его «История англов» долгое время пользовалась репутацией ценного исторического источника.

ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ

ЖИЗНЬ МЕРЛИНА

«Жизнь Мерлина» известна лишь по единственной рукописи XIII в., хранящейся в Лондоне, в Британском музее. «Жизнь Мерлина» была издана впервые в 1830 г. в Лондоне под названием: «Gaufridi Arthurii Monemutensis, de Vita et raticiniis Merlini Calidonii carmen heroicum» и в 1837 г. переиздана Франсиском Мишелем и Томасом Райтом. Наш перевод сделан по тексту, воспроизведенному Э. Фаралем в III томе его труда «La légende Arthurienne», 1929.

[3] *... о, Роберт, украшенье священства.*— Эти слова адресованы Роберту де Чесни, епископу Линкольнскому (1148—1168).

[8–9] *... тот, чьим недавно//Ты преемником стал...*— Предшественником Роберта был епископ Линкольнский Александр, которому Гальфрид Монмутский около 1134 г. посвятил свои «Пророчества Мерлина». Посвящение это сохранилось и в «Истории бриттов», куда Гальфрид включил «Пророчества Мерлина» (гл. 110 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского).

[14–15] *... пусть бы сам Орфей с Камерином,//Пусть бы Марий и Макр с величавым Рабирием вкупе...*— Из пяти названных здесь поэтов четверо (кроме Орфея) упоминаются Овидием в «Письмах с Понта» (IV, 16). Орфей — легендарный певец, научивший людей музыке, создатель музыкальных инструментов; после смерти своей жены Евридики спускался в подземное царство — Аид (древнегреческая мифология). Овидий рассказал об Орфее в X кн. своих «Метаморфоз». Мифу об Орфее посвящены произведения античных драматургов (Эсхила, Еврипида и др.). Камерин — поэт, современник Овидия, писавший о падении Трои. Ничего из написанного им до нас не дошло. Марий — тоже современник Овидия, его произведения не сохранились. Марк Помпей — друг Овидия, по-видимому, автор поэмы о событиях, предшествовавших троянской войне; его произведения до нашего времени не дошли. Рабирий — римский поэт, тоже современник Овидия. От его поэмы, посвященной победе Октавиана Августа над Марком Антонием, сохранилось только несколько стихов.

[21] *Был он король и пророк...*— Можно вспомнить, что в «Истории бриттов» Гальфрида Мерлин — не король и не властитель, а только прорицатель и маг (есть, правда, краткое упоминание о том, что мать его была дочерью короля деметов — гл. 106).

[26] *Передур* — в «Истории бриттов» Гальфрида упоминаются два Передура (гл. 51—52, гл. 156). В дальнейшей романной традиции Передур — один из славнейших рыцарей Круглого Стола. На французской почве Передур, видимо, слился с образом Персеваля, героя романов о поисках чаши святого Грааля.

[34] *... Трое братьев вождя...*— В «Истории бриттов» Гальфрида о том, что у Мерлина были братья или сестры, ничего не сказано. В «Жизни Мерлина» упоминаются три его брата и сестра Ганеида.

[133] *... в глубине Калидонского леса...*— Калидонский лес помещают, согласно легендам, в Шотландии, у озера Лох-Ломонд.

[157] *... И Фимомела, чья песнь утешает скорбные души...*— По древнегреческому мифу, сестры Прокна и Филомела были превращены богами одна в ласточку, другая — в соловья. Филомела в поэтическом языке — соловей.

[170] *... «О безутешный стон опечаленной Гвендолоены!»* — В «Истории» Гальфрида у Мерлина жены не было. Имя «Гвендолена» упоминается в «Истории» в гл. 24—25. «Гвен» по-валлийски — «белый».

[191–192] *Так же сидонянка встарь горевала Дидона, увидя,//Как отчаливал флот, как спешил Эней удалиться...*— Сидонянка здесь — финикиянка. Дидона — дочь тирского царя Бала, основательница и царица Карфагена. Когда после гибели Трои корабли Энея прибыли к Карфаген, Дидона полюбила Энея. Эней, по велению Юпитера, отплыл в Италию, а Дидона покончила с собой (Вергилий, «Энеида» IV, 585 сл.).

193–194 ... *Или когда Демофонт в назначенный срок не вернулся,//Так же слезы лила и стонала бедняжка Филлида...*— Греческий герой Демофонт, возвращаясь из-под Трои, был занесен ветрами во Фракию, во владения юной царицы Филлиды. Демофонт и Филлида полюбили друг друга. Демофонт отплыл в Афины, пообещав вернуться. Филлида не вынесла ожидания и зачахла. Боги превратили ее в миндальное дерево. Когда Демофонт вернулся, ему показали сухое миндальное дерево. Демофонт обнял дерево, и оно покрылось зеленой листвой (древнегреческая мифология). Этот сюжет был обработан Овидием («Героиды»).

195 ... *И Брисеида так в разлуке с Ахиллом рыдала.*— Брисеида — дочь одного из царей, союзников Трои; в качестве военной добычи попала к Ахиллу. Ахилл был вынужден отдать Брисеиду вождю ахейцев Агамемнону («Илиада», I, 345 сл.). Более поздними античными авторами любовь Ахилла и Брисеиды была опоэтизирована («Овидий», «Героиды»).

235 ... *в граде Сигенском.*— Сиген — город, некогда существовавший в Уэльсе, возможно — на месте римского укрепления Сегонциум близ нынешнего Карнарвона.

373 *Стикс* — река (или озеро) в подземном царстве мертвых на границе с миром живых (античная мифология).

433 ... *погиб Константин кровавою смертью...*— Об этих событиях написано в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (гл. 180—181). Таким образом, события «Жизни Мерлина» автор приурочивает к правлению ближайших преемников короля Артура — Константина и Конана.

544 *Борей* — бог северного ветра в греческой мифологии. В переносном значении — северный ветер.

546 *Австр* (латинск.) — южный ветер. Латинские авторы часто называют этот ветер «влажным», «тученосным».

557 *Огневержец Феб* — Аполлон, бог Солнца (в античной мифологии). В переносном значении — Солнце.

569 ... *где зефиры ластятся к вязам.*— Зефир (древнегреч.) — западный весенний ветер. В переносном значении — легкий теплый ветерок.

580–680 В этих стихах Мерлин «пророчествует» о событиях, которые произойдут после смерти короля Артура, частично повторяя то, что было сказано в «Пророчествах Мерлина», включенных в текст «Истории бриттов» и в самом тексте «Истории».

580 ... *«Ярое бешенство душ британских!..»*— О смутах и междоусобицах среди бриттов, начавшихся после гибели короля Артура, см. «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского, гл. 179—181, 184, 185, 187, 195, 203, 207. Пророчества Мерлина очень темны; лишь немногие из них поддаются расшифровке.

584 *Терпят они, чтобы рушились в прах все церкви господни...*— ср. «История бриттов» Гальфрида, гл. 112, 186, 187.

586 *Смуту сеют везде Корнубийского Вепря потомки...*— В своей «Истории» Гальфрид называет «Корнубийским Вепрем» короля Артура (гл. 112, 118).

590–591 *Будет четвертый из них всех прочих злей и свирепей,//Волк Пучин в сраженье его одолеет однако...*— Четвертым после короля Артура правил, согласно Гальфриду Мальгон (гл. 183 «Истории»), однако поражение от Волка Пучин (т. е. от короля африканцев Гормунда) потерпел Каретик, шестой правитель после Артура (см. «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского, гл. 112, 184, 186, 191, а также примеч. 5 и 6 к гл. 112, примеч. 1 к гл. 184). Возможно, Каретик назван «четвертым» потому, что Мерлин пророчествует во времена Конана (см. стихи 433—434 и примеч. к ним); Конан был вторым правителем после Артура («История», гл. 181), всего же преемников Артура было шесть («История», гл. 112, 181—184 и примеч. 5 к гл. 112).

593 ... *Он же обложит тогда осадою долгою Керкер...*— Керкер — Цирецестрия (ныне Чичестер). Об осаде Цирецестрии Гормундом написано в гл. 184 «Истории» Гальфрида.

607–608 ... *погибнет вождь их, убитый//Грозной рукою того, кто в честь коня назовется...*— По Гальфриду, конная статуя Кадваллона, в которой был заключен прах умершего короля, была, в честь его побед, водружена над западными воротами Лондона (гл. 201 «Истории»). В гл. 198 «Истории» упоминается о гибели царя скоттов Эдана, убитого в битве с Кадваллоном.

612 *Акелуд* — возможно имеется в виду город Алклуд (Алклут), упоминаемый Гальфридом и Неннием.

616 *Керпер* — ныне город Думбартон (Великобритания).

620 *Рутуп* — ныне город Ричборо (Великобритания).

627—628 *Граждан изгнав, короли саксонские много столетий//Их городами владеть, и домами, и нивами будут...* — Ср. «История бриттов» Гальфрида Монмутского, гл. 112, 113, 186, 187, 204, 207.

630 *Двести монахов потом погибнут во граде Леира...* — Возможно, имеется в виду избиение монахов, о котором написано в гл. 189 «Истории» Гальфрида. Там, правда, это кровавое событие происходит в Легецестрии (ныне Честер), а не в Городе Леира (Лерецестрии, ныне Лестер), однако в «Истории» эти два города тоже перепутаны (в гл. 31) — см. примеч. 6 к гл. 31 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. В «Истории» названа другая цифра — 1200 убитых.

632 *Первый из англов, кому венец достанется Брута...* — Первым англосаксонским королем, объединившим под своей властью всю Англию, Гальфрид Монмутский называет Адельстана (Этельстана), правившего с 925 по 940 г. («История бриттов», гл. 207).

636 *Позже лишь Рим нам Христа вернет чрез монашеский куколь...* — По всей вероятности, имеется в виду деятельность св. Августина (см. «Историю» Гальфрида, гл. 188 и примеч. 1 к гл. 188). Во «вторичной» христианизации Англии большую роль сыграли ирландские монахи.

650—651 *... Даки придут на судах и, народ покорив ненадолго,//Править будут, пока их уйти не заставят, разбитых.* — Даки — датчане. В VIII—XI вв. датчане совершали набеги на Британию и в разное время владели значительными территориями на острове. С 1017 по 1035 г. датчане правили всей Англией (при короле Кануте).

652 *Двое там будет владык...* — По всей вероятности, имеются в виду сыновья Канута.

654 *После невстрийцы придут...* — Невстрийцы — норманны. Имеется в виду норманнское завоевание (1066 г.).

662 *... Будут в родных городах меж собой сограждане биться...* — По всей вероятности, речь идет о борьбе за английский престол между дочерью Генриха I Матильдой и его племянником Стефаном Блуаским (см. примеч. 1 к гл. 3 «Истории» Гальфрида).

679 *Стены Гибернии в прах шестой низринет...* — Считается, что «Жизнь Мерлина» была написана около 1148 г.; тогда Англией правил четвертый король норманнской династии Стефан Блуаский. «Шестой» король — это уже после смерти Гальфрида. Следовательно, здесь Мерлин уже действительно пророчествует о будущем. По мнению некоторых исследователей, стихи 672—680 являются непосредственным указанием на то, что «Жизнь Мерлина» написана в XIII в. и, следовательно, не Гальфридом Монмутским.

681 *Все это некогда я охотно предрек Вортегирну...* — см. «Историю бриттов» Гальфрида, гл. 111—118.

685—686 *... а Тельгесину//В дом мой явиться вели...* У Гальфрида Тельгесин — молодой человек, посланный Мерлином в Арморику для обучения наукам и искусствам у св. Гильдаса. Тельгесин (Талиессин) упоминается в «Истории бриттов» Ненния в числе пяти бриттских бардов (гл. 62). В XIII или XIV в. был переписан сборник творений кельтских бардов, названный «Книгой Тельгесина» и восходящий к VI в. Авторство Тельгесина и само существование этого поэта некоторыми исследователями подвергается сомнению.

688 *... Гильдаса мудрого там поучений сладость вкусивший.* — Речь идет о св. Гильдасе, жившем в VI в. (см. примеч. 1 к гл. 1 «Истории» Гальфрида). Современник Гальфрида Монмутского Карадок Лланкарванский, автор «Жития святого Гильдаса», писал, что Гильдас целых семь лет изучал в Галлии семь свободных наук (о семи свободных науках, см. примеч. 5 к гл. 3 «Истории» Гальфрида).

689 *В дом королева идет, где находит усопшим супруга...* — Смерть Родарха была предсказана Мерлином (ст. 596).

724 *... высокие стены и лары...* — лары у римлян — духи, хранители домашнего очага.

737—940 Источники эрудиции Тельгесина разнообразны; в большинстве своем они восходят к античным авторам, хотя не всегда ясно, читал ли автор «Жизни Мерлина» того или иного античного писателя или воспользовался более поздним пересказом или компиляцией.

737 ... *«Из ничего произвел четыре начала создатель...»* — Картина мироздания во многом позаимствована автором у Овидия («Метаморфозы», I).

773 ... *Рати духов живут, которые нам сострадают...* Содержание стихов 764—787 восходит, по-видимому, к Апулею (De deo Socratis, 9, сл.), однако можно думать, что с трактатом Апулея автор был знаком не непосредственно, а через святого Августина («De civitate Dei») или Гонория Отенского («De philosophia mundi»).

783 ... *К женщинам даже порой приходят они...* — Можно вспомнить, что в «Истории» Гальфрида Мерлин был сыном именно такого демона (гл. 107).

802 *Светило Дионы* — Венера.

804 *В них самоцветы родит, как о том повествуют арабы.* — Гальфрид имеет в виду знаменитое в Средневековье письмо, приписывавшееся арабскому «королю Эваксу». Содержание этого письма пересказывается в «Этимологиях» (Etymologiae) Исидора Севильского.

825—854 Все, что сказано в этих стихах о рыбах, содержится в «Этимологиях» (кн. XII, гл. VI) Исидора Севильского. Исидор Севильский (ок. 560—636) — католический святой, ученый-эрудит. Источники «Этимологий» — античные и средневековые писатели. Сведения о рыбах, использованные автором «Жизни Мерлина», были почерпнуты Исидором Севильским главным образом из «Естественной Истории» («Historia naturalis») Плиния Старшего.

825 *Краснобородка* — иначе султанка (Mallus barbatus).

827 *Тимал* — хариус, рыба рода Thymallus.

830 *Пола женского все, вопреки закону, мурены...* — Так думали в античности. Римский писатель Элиан (II—III в.) сообщает, что у знатного римлянина Красса была прирученная им мурена, которую он украшал и наряжал и смертью которой был глубоко опечален («О природе животных», 8, 4). Можно вспомнить, что в «Пророчествах Мерлина» (гл. 116 «Истории бриттов» Гальфрида) написано: «В водной хляби будет создана рыба, которая, будучи призвана свистом змеи, с нею соединится».

837 *Еж морской, к кораблю прицепившись...* — В «Жизни Мерлина» написано echinus, т. е. еж. Однако в «Этимологиях» Исидора Севильского (XII, VI, 34) речь идет о рыбе — прилипало (по-латыни — echeneis); эта рыба, действительно, может прикрепиться к кораблю, но, конечно, не может его удержать.

840—841 ... *рыба, что зовется мечом...* — Меч-рыба, Xiphias gladius, действительно, может представлять опасность для небольших судов.

844 *Рыба-пила* — скат семейства Pristidae.

847 ... *дракон водяной...* — морской дракончик, рыба рода Trachinus.

850 *Скат* — электрический скат (семейство Torpedinidae).

856—914 Почти все, что сказано в «Жизни Мерлина» об островах, почерпнуто из упоминавшихся выше «Этимологий» (кн. XIV, гл. VI) Исидора Севильского. Основными источниками Исидора Севильского в этом случае были «Historia naturalis» Плиния Старшего, «De situ orbis» Помпония Мелы (I в.), «Collectanea rerum memorabilium» — компиляция Юлия Солина, римского писателя III в.

871 *Бани построил Бладуд...* — Речь идет о Баде (ныне английский курорт Бат) —, см. «Историю бриттов» Гальфрида, гл. 30 и примеч. 1 к гл. 30.

875 *Фанат* — остров Танет, упоминающийся в «Историях» Ненния (гл. 31, 36, 43) и Гальфрида (гл. 101 и 148) и в «Жизни Мерлина» (ст. 1026). Остров Танет лежит при впадении реки Стор (графство Кент) в пролив Па-де-Кале.

878 *Орхадские земли* — ныне — Оркнейские острова. У Исидора Севильского («Etymologiae», XIV, VI, 5) сказано, что островов всего тридцать три, из них двадцать — пустынны, а тринадцать — обрабатываются.

881 *Фула* — остров Фула (Тула, Туле) был открыт греческим мореплавателем Пифеем Массилийским (IV в. до н. э.) на крайнем севере известного в античности мира. Местоположение этого острова всегда вызывало споры. Тацит в «Жизнеописании Юлия Агриколы» (гл. 10) писал, что когда римский флот огибал Британию (с Оркнейски-

ми островами) с севера, «уже виднелась и Фула». В том описании Фулы, которое воспроизвел автор «Жизни Мерлина», можно усмотреть ряд указаний на то, что Фула лежит за полярным кругом.

887 *Гиберния* — имеется в виду Ирландия. Утверждение, что этот остров обширней Британии, не соответствует действительности: площадь Ирландии около 84 тыс. кв. км, Британии — около 230 тыс. У Исидора Севильского («Etymologiae», XIV, VI, 6) сказано, что Гиберния меньше Британии, но превосходит ее плодородием. Что касается отсутствия змей в Ирландии — считается, что они там не водятся; легенда разъясняет, что их изгнал оттуда святой Патрик (см. примеч. 2 к гл. 179 «Истории бриттов» Гальфрида).

893 *Близ Геркулесовых Гад есть остров по имени Гады...*— Имеется в виду остров и город Гадес (ныне Кадис, Испания).

893 *Геспериды* — согласно легендам, хранительницы золотых яблок, произраставших на дереве, которое Гея подарила Гере в день ее свадьбы с Зевсом. Геспериды жили в саду на крайнем западе круга земного. Геракл убил дракона, стерегшего сад, и унес золотые яблоки — одиннадцатый подвиг Геракла (греческая мифология). Остров Гесперид в древности обычно помещали примерно там, где находятся Канарские острова.

898 *Горгады* — острова, где жили Горгоны, сестры Горгоны Медузы, убитой Персеем (греческая мифология). Другое их название — Горгоны.

900 *Аргира и Крисса.*— Аргюрос по-гречески — серебро, хрюсос — золото. Речь идет о мифических островах в устье Ганга (по другим источниам — Инда), богатых серебром и золотом.

901 *Коринф* — город в древней Греции, славившийся величественными постройками.

902 *Тапробана* — так в античном мире называли остров Цейлон.

906 *Тил* (Тилос) — остров в Эгейском море (архипелаг Южные Спорады).

908 *Остров Плодов, который еще именуют Счастливым...*— У нашего автора это тот же остров Аваллона, куда был перевезен король Артур, получивший смертельную рану в битве при Камблане (см. «Историю бриттов» Гальфрида, гл. 178 и примеч. 2 к гл. 178). Описание этого острова, имеющееся в «Этимологиях» Исидора Севильского (XIV, VI, 8), автором «Жизни Мерлина» было значительно расширено и дополнено. У Исидора этот земной рай лежит в Океане «слева от Мавритании»; возможно, это Канарские острова.

920 *Моргана* — в кельтской мифологии богиню войны и смерти звали Морриген. В более поздние времена сходное имя носило женское водное божество. В «артуровских» романах Морганой стали называть фею, сводную сестру короля Артура.

923 *Дедал* — афинянин, строитель Критского лабиринта; когда царь Минос заточил Дедала в лабиринте, Дедал бежал из него по воздуху, сделав себе крылья из птичьих перьев и воска (древнегреческая мифология).

924 *... Если захочет, летит в Бристиду, в Карнот иль в Папию...*— Бристида — ныне город Брест (Франция). Карнот — ныне город Шартр (Франция). Папия — ныне город Павия (Италия).

926 *Той же волшбе, говорят, и другие обучены сестры...*— Все, сказанное автором о девяти девах — сестрах, правящих островом, об их искусстве исцелять, об их даре прорицания — восходит к сочинению римского писателя I в. н. э. Помпония Мелы «De situ orbis» (III, 16). Имен девяти дев (несколько далее, в ст. 1124, автор назовет их «нимфами») у Мелы нет. Возможно, они измышлены автором «Жизни Мерлина» или заимствованы из устных преданий.

929—930 *Нами туда был Артур, у Камблана раненный в битве,//После войны отвезен, а путь Баринт указал нам...*— Об этом было написано в гл. 178 «Истории» Гальфрида. Имя Баринта здесь появляется впервые; оно содержится в латинском тексте XI в. «Плаванье святого Брендана».

962 *Трое из нашей среды им противиться доблестно будут...*— Здесь автор, очевидно, имеет в виду Вортипория («История» Гальфрида Монмутского, гл. 182), Мальгона (там же, гл. 183) и Кадваллона (там же, гл. 190—191).

967—968 *... К ним не прибудут доколь от Армориканского дышла//Камбров почтенный вождь Кадваладр с могучим Кананом...*— Кадваладр — по Гальфриду — король бриттов, умерший в Риме и причисленный к лику святых («История бриттов», гл. 112, 115, 202, 203, 205). Конан — Конан Мериадок, король армориканских бриттов, упо-

минается в «Истории» Гальфрида неоднократно (гл. 81, 82—84, 86—88, 115, 194). О том, что бритты вернут себе самостоятельность, когда в Британию вернется Кадвалладр (т. е. когда в Британию будут перенесены его останки), написано в гл. 115 и 205 «Истории»; о том, что для этого бритты должны объединиться с другими кельтскими народами — скоттами и арморикансними бриттами, см. «пророчество» в гл. 115. Возможно, легенда о возвращении Артура была слишком одиозной в глазах тогдашних правителей Англии, и Гальфрид заменил Артура «святым» Кадвалладром — персонажем, которого он, по всей вероятности, сам и измыслил.

982 *Помню злодейство доселъ...* — Речь идет об убийстве Константина, которое было коварно подстроено Вортегирном и о бегстве в Арморику малолетних братьев Константина — Утера (Утр) и Аврелия Амброзия (Амвросий) — см. «История бриттов» Гальфрида, гл. 96.

986 *Войско повел против всех Вортигерн...* — В «Истории» Гальфрида он именуется Вортегирном. О том, как он захватил царский венец, см. гл. 97 «Истории».

997—998 *... решил для войны призвать издалека//Воинов...* — Можно отметить, что в «Истории» Гальфрида Вортегирн не призвал саксов — они приплыли сами и были использованы Вортегирном поначалу не против мятежных бриттов, а против пиктов, напавших с севера (см. гл. 98).

1004 *Хорс и Хенгист* — согласно легенде, так звали двух братьев — вождей саксов, впервые высадившихся на острове. Легенда эта, по-видимому, исторически недостоверна (см. примеч. 1 к гл. 98 «Истории» Гальфрида). О том, как саксы прибыли в Британию и закрепились на острове, написано в гл. 98—105 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

1010—1011 *... заранее задумав измену,//Знатных убили...* — Об устроенном саксами вероломном избиении бриттской знати написано в гл. 104—105 «Истории» Гальфрида.

1017—1018 *Но Вортимер, увидав, что в великой беде королевство//Что вероломно отец из дома Брутова изгнан...* — В «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского написано, что Вортимера, сына Вортегирна, посадили на престол бритты, недовольные правлением его отца, а именно его союзом с саксами (гл. 101).

1033 *... сестра Хенгиста Ронвена...* — В «Истории» Гальфрида Ронвена (Ронуэн) не сестра, а дочь Хенгиста (гл. 100). Рассказ о том, как Ронуэн, жена Вортегирна, отравила своего пасынка Вортимера, содержится в гл. 102 «Истории». После смерти Вортимера на престол снова взошел Вортегирн (гл. 103).

1052 *... Но, осажденный, сожжен был братьями в собственном замке.* — В «Истории» Гальфрида сообщается о том, что братья Аврелий Амброзий и Утерпендрагон сожгли башню, в которой укрылся Вортегирн (гл. 119). Такой конец был предсказан Вортегирну Мерлином (гл. 118).

1063 *... Умер, предан врачом, из рук его выпив отраву.* — Аврелий Амброзий, будучи болен, был отравлен, по поручению саксонских вождей, неким саксом по имени Эопа, который проник к больному королю под видом врача (гл. 132 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского).

1066 *... Ибо кровавый род, домой возвращаться привыкший...* — Кровавый род — саксы. По «Истории» Гальфрида саксов неоднократно изгоняли из Британии, но они возвращались (см. напр. гл. 103).

1073 *Сына звали Артур...* — Артур — центральная фигура «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Ему посвящены главы с 143 по 179, где рассказывается о его доблести и бесчисленных подвигах. Так, в гл. 145 описывается его победа над саксами при Линдоколине, в гл. 147 сообщается, что в битве при Алклуде (ныне Думбартон) он собственноручно истребил 470 саксов. О покорении скоттов сообщается в гл. 149, Гибернии (Ирландии), Исландии, Оркад (Оркнейских островов) — в гл. 153, Норвегии и Дании — в гл. 154, о завоевании романизированной Галлии — в гл. 155, о войне с Римом — в гл. 166—176.

1103 *... наместник Луций Гиберий...* — В «Истории» Гальфрида Луций Гиберий неоднократно назван императором (гл. 166, 167, 173, 175); однако в гл. 158 он назван так же, как в «Жизни Мерлина» — procurator.

1108 *... Страж неверный Модред...* — О предательстве Модреда и супружеской измене Геневеры сообщается в гл. 176—178 «Истории».

1125—1126 *Тою порой сыновья Модреда, каждый желая//Власть получить для себя, пошли друг на друга войною.*— Об этом в «Истории» Гальфрида ничего не написано. Вообще, весь эпизод изложен в «Истории» несколько по-другому: Константин был коронован как преемник Артура; против него восстали сыновья Модреда. Победив их, он убил обоих (гл. 179—180). Насчет того, что Константин «избивал и мучил народы», в «Истории» ничего не сказано.

1134 *... умертвив короля, себе присвоил владенья...*— Об убийстве Константина его племянником Конаном сообщается в гл. 180—181 «Истории».

1175 *... испивши ее, себе вернул я здоровье.*— Вера в то, что вода целебных источников может вернуть здоровье человеку с помутившимся рассудком, была широко распространена (см. «Etymologiae» Исидора Севильского, XIII, XIII, 4).

1184—1242 Все эти стихи представляют собою сплошное заимствование из «Этимологий» (кн. XIII, гл. XIII) Исидора Севильского. Источники Исидора Севильского — те же, что и в главе «Рыбы». откуда заимствовано содержание стихов 825—854, и «Острова», откуда автор «Жизни Мерлина» позаимствовал большую часть сведений, приведенных в стихах 875—914: Плиний Старший, Помпоний Мела, Вергилий, Овидий, Юлий Солин.

1184 *Альбула* — древнее название реки Тибр, на которой стоит Рим.

1186 *Ключ... Цицерона имя носящий...*— где он находится, не установлено.

1188 *Эфиопский край* — Эфиопией в древности называли всю восточную Африку.

1190 *Зема* — сведения об этом источнике заимствованы из Витрувия, «Десять книг об архитектуре», VIII, 3.

1192 *Клиторий* — автор «Жизни Мерлина» считает Клиторий озером в Италии; по преданию, однако, это — источник в Греции.

1193 *Хиосский ключ.*— Остров Хиос лежит в Эгейском море; ныне принадлежит Греции.

1198 *Кизикский ключ* — город Кизик стоял на южном берегу Пропонтиды — Мраморного моря.

1199 *Кампанский край.*— Кампания — область на западном побережье Италии.

1207 *Две фессалийских реки обладают обильною силой...* Фессалия — область в северной Греции.

1210 *В Умбрии озеро есть Клитумн...* Умбрия — область в средней Италии. Клитумн — не озеро, а река, приток одного из притоков Тибра.

1212 *Реатинские болота* — близ древней сабинской столицы Реаты (ныне Риети, Италия).

1216 *... в Индийской земле, в болоте Сигенском...*— У Исидора Севильского (XIII, XIII, 7) и у Плиния Старшего (VI, 4) не «Сиген», а «Сиден».

1218 *Озеро есть, что Алоэ зовут: ничего в нем не тонет...*— У Исидора Севильского озеро с такими свойствами называется Апусцеданское («Этимологии», XIII, XIII, 7).

1220 *Марсидийские воды.*— Марсидий — так в античности называлась одна из рек, протекающих по территории нынешней Сирии.

1222 *Ахадия* (Ахея, Ахайя) — область в древней Греции; часто под Ахайей подразумевали всю Грецию.

1223 *Идумейский родник.*— Идумея — область в Палестине.

1229 *Озеро есть Роготида: вода в нем становится горькой...*— У Исидора Севильского («Этимологии», XIII, XIII, 9) озеро с подобными свойствами находится в «стране Троглодитов». Страну Троглодитов античные авторы помещали в Африке (см. Плиний Старший, «Historia naturalis», V; VII; VIII).

1231 *Эпир* — область на северо-западе древней Греции.

1233 *Гарамантский край.*— Гараманты — народ, живший к югу от Нумидии (северная Африка).

1283 *Таг* — река на Пиренейском полуострове, ныне Тахо по-испански и Тежу по-португальски.

1286 *... в блеске одежд, что от тирского снадобья рдеют.*— Тирское снадобье — пурпур, в древности добывавшийся из раковин средиземноморских моллюсков сем. Murecidae. Торговля пурпуром шла главным образом через финикийские города, в том числе — Тир.

1298—1385 — снова сплошное заимствование из «Этимологий» (кн. XII, гл. XII) Исидора Севильского.

1311 *Имя свое ради острых очей орлы получили...*— По-видимому, пример «ложной этимологии»: орел по-латыни «аквила», а острый — «акер».

1320—1321 ... *не приняв в соитии семени мужа,//Коршуна самка зачать и принесть потомство способна.*— Такое представление было распространено в Средние века. Разумеется, оно не соответствует действительности, равно, как и вера в то, что коршун разыскивает трупы по запаху и может учуять добычу даже «из-за моря».

1336 *Гиперборейские просторы.*— Гипербореи — мифический народ, обитавший на крайнем севере в безмятежном счастье и покое. Здесь «гиперборейские» — северные.

1370 *Диомедовы птицы* — спутники героя Троянской войны Диомеда, ранившего своим копьем богиню Афродиту, были превращены в птиц (некоторые источники уточняют: в цапель).

1378 *Мемноновы птицы.*— Один из героев Троянской войны, Мемнон, сын богини утренней зари Эос, сражавшийся на стороне троянцев, пал от руки Ахилла. По преданию, его спутники обратились в птиц и прилетели на могилу Мемнона оплакивать его.

1402 *Аргустлийские холмы* — горная цепь в Уэльсе (Великобритания).

1474—1517 ... *«Вижу я град Радихену — и в нем шлемоносное племя...»* — По мнению исследователей творчества Гальфрида Монмутского и, в частности, Э. Фараля (Указ. соч.), эти темные пророчества сестры Мерлина Ганеиды относятся уже к смутам во время царствования короля Стефана Блуаского (1135—1147), современника Гальфрида Монмутского. Подробная интерпретация этих пророчеств дана в книге Фараля, т. 2, с. 34—36.

1499 *Угренийский холм* — местоположение не установлено.

1526 *Монемута* — ныне город Монмут в Уэльсе (Великобритания)

ДОПОЛНЕНИЯ

НЕННИЙ

ИСТОРИЯ БРИТТОВ

Известно более 30 рукописей «Истории бриттов». Наиболее ранние датируются IX или X в., самые поздние — XIII или даже XIV в. В ряде рукописей авторство приписано Гильдасу. Ненний как автор этого сочинения называется редко. Перед нами, видимо,— компиляция. В тексте можно выделить ряд интерполяций и добавлений, автором которых был скорее всего Ненний. Первоначальный текст до нас не дошел, но существует его ирландский перевод XI в.

В 1884 г. «Историю бриттов» опубликовал Т. Моммзен, в 1929 г.— Э. Фараль.

Настоящий перевод сделан с латинского текста, опубликованного известным французским медиевистом Ф. Лотом в его книге «Nennius et l'Historia brittonum». P., 1934). В основу публикации Ф. Лотом были положены рукописи, хранящиеся в Лондоне, в Британском музее («Harleianus 3859» и «Cotton, Vesp. DXXI — «H», «K»); добавлены «предисловие» Ненния и стихи из одной поздней рукописи (Cantabrigensis, Corpus Christi college, N 139).

Известен перевод «Истории бриттов» на английский язык: «Six Old English Chronicles/Ed. by J. A. Giles. L., 1848.

[1] *Наикратчайшее описание острова Британии...*— Это «предисловие» Ненния имеется только в некоторых списках «Истории бриттов».

[2] *Эльводуг* (по другим источникам Эльводгу) — епископ в городе Бангоре (Уэльс). В «Анналах Камбрии» Эльводуг упоминается дважды: под 768 г. как реформатор валлийского богослужения; под 809 г. сообщается о его кончине.

[3] *... из анналов римлян...*— В «Истории бриттов» нигде не уточняется, какими именно античными источниками пользовался автор (или авторы). Вероятнее всего — компиляциями и пересказами средневековых писателей-эрудитов.

[4] *Иероним Евсевий* — св. Иероним, один из «отцов» католической церкви (347—420), переводчик Библии на латинский язык («Вульгата»). Иероним перевел на латынь и продолжил «Хроники», начатые греческим историком Евсевием из Цезареи (ок. 265 — ок. 340).

[5] *Исидор* — Исидор Севильский, святой католической церкви, плодовитый писатель, составивший «Хронику» от «сотворения мира» до 626 г., автор «Этимологий».

[6] *Проспер* — св. Проспер Аквитанский (ок. 390 — ок. 460), историк, поэт и теолог, автор «Хроники».

[7] *... из анналов скоттов и саксов...*— Автор, скорее всего, имеет в виду не какие-то конкретные «анналы», а совокупность известных ему источников.

[8] *Стихи Ненния к Самуилу, сыну наставника его Беулана...*— Эти стихи содержатся только в нескольких поздних списках «Истории бриттов» и являются, по-видимому, позднейшим прибавлением. «Заглавие» («Стихи Ненния к Самуилу...») появилось только в самом позднем из списков, так же как и «пояснение» к ст. 7—9 («Стихи того же Ненния»). Ф. Лот (Указ. соч., с. 124—127) приводит доказательства того, что эти стихи не могут принадлежать Реннию. Ф. Лот (там же, с. 11) считает, что Самуил — не сын Беулана, а его ученик, один из «редакторов» «Истории бриттов», внесший туда ряд изменений и добавлений.

Стихи 1—6 написаны на неудобопонятной латыни и могут быть переведены лишь предположительно.

Стихи 7—9 принадлежат скорее всего переписчику, которого звали, как он сам написал, Эубен (или Эуген).

О шести веках мира

[1] Хронология, содержащаяся в гл. 1—6, составлена по нескольким источникам (труды Августина, Иеронима, Исидора и Беды). В ней есть противоречия и неверно рассчитанные даты, появившиеся отчасти в результате попыток совместить данные из различных источников, отчасти в ходе вычислений, предпринятых самим составителем хронологии. Августин (354—430) — святой, один из «отцов» католической церкви, и крупнейших писателей раннего средневековья. Беда (Беда Достопочтенный) — см. примеч. 1 к гл. 1 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Глава 1

[1] *Авраам* — древнееврейский патриарх (Библия, книга «Бытие»); согласно легенде — прародитель израильтян и арабов. События, связанные с Авраамом, относят к XIX в. до н. э.
[2] *Моисей* — вождь иудеев (VIII в. до н. э.). По Библии, вывел иудеев из египетского плена и дал им свод религиозных и гражданских законов (Библия, Пятикнижие Моисея: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие).

Глава 2

[1] *Навуходоносор* — царь Вавилонии (605—562 г. до н. э.).
[2] *Вавилонское пленение* — по Библии, продолжавшееся 70 лет рабство иудеев, уведенных в Вавилонию при Навуходоносоре (VI в. до н. э.) (Библия, Книга пророка Иеремии).

Глава 5

[1] *Ной* — библейский патриарх, спасшийся со своим семейством при всемирном потопе (Библия, Бытие).
[2] *Даниил* (VI в. до н. э.) — составитель входящей в Библию «Книги пророка Даниила».

[История бриттов]

Глава 7

[1] *Остров Британия назван так по имени Бритта* — В «Истории бриттов» Ненния впервые назван Бритт (Брит, Брут) — эпоним, мифический родоначальник бриттов; впервые же содержится указание на то, что он, возможно, был римлянином (т. е. потомком троянцев). В языке валлийцев имена Brito и Bruto должны были звучать одинаково. Мысль возвести происхождение бриттов к римлянам и троянцам не вполне оригинальна: уже в VI в. франкские властители возводили свой род к троянцам («Хроника» Фредегария).
[2] *Изиокон* (Хессицион) — см. примеч. 3 к гл. 17.
[3] *Алан* — см. примеч. 3 к гл. 17.
[4] *Иафет* — по Библии, сын Ноя (Библия, «Бытие», V сл.).
[5] ... *Брута, римского консула...* — В римской истории известно несколько Брутов.
[6] ... *обитают четыре народа: скотты, пикты, саксы, и бритты.* — См. примеч. 2 к гл. 5 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Глава 8

[1] *Инис Гвейт* — ныне остров Уайт (Великобритания). «Инис» по-валлийски — «остров».
[2] *Эвбония или Манау* — ныне остров Мэн (Великобритания).
[3] *Орк* — Оркадские (Оркнейские) острова (Великобритания).

Глава 10

[1] *Если кто пожелает узнать, в какое время после потопа заселен наш остров...*— По-видимому, после этой фразы должен был идти текст главы 17, где говорится о расселении людей после библейского потопа. Таким образом, «библейская» родословная Бритта (Брута) первоначально, по-видимому, предшествовала «троянской».

[2] *Фавн* — древнеримский бог полей и лесов, покровитель стад.

[3] *... породил сына по имени Сильвий.*— До этой фразы (включительно) автор «Истории бриттов» следует Вергилию («Энеида») или, вернее, хронике св. Иеронима, где события излагаются примерно теми же словами, что и в «Истории бриттов» (год 838 века Авраама).

[4] *Когда Энею стало известно, что невестка его беременна...*— Всего последующего рассказа о рождении Бритта и его изгнании у Вергилия нет. Ф. Лот (указ. соч., с. 17) указывает на сходство этой истории с ирландским сказанием о страннике Партоломе, первом, кто прибыл на остров Ибернию (Ирландию). О Партоломе автор «Истории бриттов» упоминает в гл. 13.

[5] *Вот родословная этого ненавистного Бритта...*— Еще одна родословная того же Бритта (или Брута), в которой сделана попытка совместить «классическую» родословную Энея с библейской традицией: так появился «Юпитер из рода Хама, сына Ноя». Эта генеалогия является позднейшим добавлением. Можно отметить, что Сильвий, который был сыном Энея (как об этом и написано в тексте несколькими строками выше), становится сыном Аскания и внуком Энея. Эту версию (обогатив ее, по своему обыкновению, деталями) принял Гальфрид Монмутский в своей «Истории бриттов» (гл. 6).

[6] *Хам* — сын Ноя. Увидев нагим своего захмелевшего и заснувшего отца, Хам рассказал об этом своим братьям, которые, прихватив одежду Ноя и подойдя к нему так, чтобы не видеть его, прикрыли его наготу. Проснувшись, Ной проклял Хама и потомство его (Библия, «Бытие», IX, 20—27).

[7] *Илион* — Троя.

[8] *... основал город туронов, который ныне называется Турн.*— Имеется в виду город Тур (Франция). См. также примеч. 1 к гл. 19 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

О царствовании Энея, Аскания, Сильвия, Бритта и Постума

Глава 11

[1] *... и тридцать девять лет — Постум.*— По римским легендам Постум — это тот же Сильвий, прозванный Постумом, так как родился у Энея последним (posthumus означает по-латыни «последний» или «родившийся после смерти отца»).

[2] *Первосвященник Илий* — см. примеч. 3 к гл. 22 «История бриттов» Гальфрида Монмутского.

[3] *Кивот Завета* — см. примеч. 3 к гл. 22 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Об испытанном скоттами, или о том, когда они завладели Иберниeй

Глава 13

[1] *... прибыли скотты в Ибернию из испанских земель.*— О том, что Ирландия была заселена выходцами из Испании, сообщают многие источники ирландского происхождения. Возможно, эта версия возникла из-за сходства слов «Иберния» (Ирландия) и «иберы» (древнее население Пиренейского полуострова, Корсики, Сардинии; в этих

краях до сих пор сохранились географические названия, включающие корень «ибер»). Каким путем и откуда заселялась Иберния, не установлено. Возможно, что в ирландских сказаниях, повествующих о прибытии людей из Испании, содержится доля правды.

[2] *Циулы* — так Гильдас («De excidio et conquestu Britanniae», 23) называет суда, в которых прибыли в Британию саксонские завоеватели.

[3] *... увидели посреди моря стеклянную башню...* — Стеклянная башня — отзвук древних кельтских представлений о царстве мертвых, которое помещали на стеклянном острове. Позднее эти представления легли в основу средневековой легенды, связавшей Гластонберийское аббатство в Сомерсетшире (glass по-английски — стекло) с островом Авалона, куда был перевезен смертельно раненый король Артур.

Глава 14

[1] *Дальриета* — область на северо-западе нынешней Шотландии.

[2] *Сыновья Льстана* — одно из ирландских племен.

[3] *Цетгвели* — ныне Кидвели, область в южном Уэльсе (Великобритания).

Глава 15

[1] *... когда по Чермному морю шли чада израилевы...* — Рассказ об этом содержится в Библии («Исход», XIV, 15—27). Чермное море — Красное море. Уходя из египетского пленения, израильтяне прошли по Чермному морю, воды которого отступили перед ними. Эти события приурочиваются к XIII в. до н. э.

[2] *Был у египтян муж знатный из Скифии...* — Какая Скифия имеется в виду? Беда Достопочтенный называет «Скифией» Скандинавию. Версия о «скифском» происхождении скоттов, возможно, возникла благодаря сходству слов «Scithia» (Скифия) и «Scottia» (Скоттия, т. е. Шотландия).

[3] *Мальва* — ныне река Малойя (Марокко).

[4] *... миновав Озеро Солеварен... достигли Геркулесовых Столбов.* — Весь маршрут, которым двигался «муж знатный из Скифии», заимствован из Павла Орозия, испанского историка V в. Гальфрид Монмутский в своей «Истории бриттов» отправит этим же путем своего Брута, родоначальника бриттов (гл. 17). О географических названиях, упоминаемых в гл. 15, см. примеч. 1 и 4 к гл. 17 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

[5] *... в плаванье по Тирренскому морю...* — Автор помещает Тирренское море за Геркулесовыми Столбами, т. е. в Атлантике.

[6] *... Брут, вручивший власть консулам...* — имеется в виду Луций Юний Брут (ум. ок. 508 г. до н. э.), считающийся основателем республиканского строя в древнем Риме.

[7] *И консулы в течение четырехсот сорока семи лет правили государством.* — Это указание не точно: по римской исторической традиции дата установления республики — 509 г. до н. э., дата установления империи — 27 г. до н. э. Таким образом, республиканский строй в древнем Риме существовал 482 г.

[8] *... в третьем веке божьего мира...* — т. е. во II тыс. до н. э. (см. гл. 1—6, «О шести веках мира»).

[9] *... Скотты же завладели Иберниeй в четвертом.* — Т. е. в I пол. I тыс. до н. э.

Глава 16

[1] *Мермин* (Мервин) — король Сев. Уэльса; согласно валлийским источникам, королем стал в 818 г. Четвертый год его правления, таким образом,— 822 г. Получается, что прибытие саксов в Британию датируется 393 г. (822 минус 429=393). Эта дата отличается от той, что приводит Беда Достопочтенный (449 г.; см. примеч. 1 к гл. 98 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского).

[2] *Патрик* (ок. 390—461) — католический святой, покровитель Ирландии. Уроженец Британии, он в детстве был похищен и продан в рабство в Ибернию (Ирландию), бежал оттуда в Галлию, стал духовным лицом, а затем вернулся в Ибернию для проповеди христианства и борьбы с пелагианской ересью (см. примеч. 4 к гл. 100 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского). Считается крестителем Ирландии. Ос-

тавил автобиографическую «Исповедь». О Патрике ходило великое множество легенд. Одна из них — о «Чистилище святого Патрика» — была переложена латинскими стихами Марией Французской (поэтессой, жившей в Англии во второй половине XII в.) и легла в основу одноименной пьесы великого испанского поэта и драматурга Педро Кальдерона. В легенде рассказывалось, что по молитве св. Патрика было сотворено чудо: стены одной из пещер в Ирландии покрылись, в назидание грешникам, изображениями Чистилища и мук, которым подвергаются там души грешников. 17 марта — день св. Патрика — национальный праздник Ирландии. Очень популярен Патрик и в Испании, где его называют Сан Патрисио.

3 ... *от Рождества Господа нашего до прибытия к скоттам Патрика — четыреста пять.*— Патрик прибыл в Ирландию в 432 г.; таким образом, хронологическое указание автора неверно. Оно стало бы точнее, если бы счет велся не от Рождества Христова, а от Страстей Господних (28 или 29 г.) — даты, которая тоже часто использовалась составителями средневековых хронологий.

4 *От смерти Патрика до кончины святой Бригиды — шестьдесят.*— Бригида (Бригитта) — католическая святая (ок. 453—523), настоятельница монастыря в Кильдаре (Ирландия).

5 *Колумба* (521—597) — католический святой, ирландский миссионер, крестивший пиктов, обитателей севера Британии и Оркадских (Оркнейских) островов.

6 ... *двадцать три круга по девятнадцати лет...*— Девятнадцатилетние циклы впервые были вычислены древнекитайскими астрономами, чтобы согласовать солнечный календарь с лунным: 19 лет почти точно соответствуют 235 лунным месяцам. В европейский календарь 19-летние циклы («круги») были введены древнегреческими астрономами Метоном и Калиппом (V в. до н. э.). Из 19 лунных лет в 12 было по 12 месяцев и в 7 по 13 месяцев. В разные эпохи существовали различные модификации этого принципа деления времени.

7 ... *составляют четыреста тридцать восемь лет...*— Число 438 (правильней — 437) более соответствует дате прибытия Патрика в Ирландию, принятой современными историками — 432 г. (см. примеч. 3). Можно думать, что у главы 16 был не один автор.

8 ... *от прибытия Патрика до девятнадцатилетнего круга, в котором мы пребываем, миновало... четыреста двадцать один год.*— Получается, что эти строки написаны между 853 и 859 г. Однако это позволяет датировать не основной текст «Истории бриттов», а только данную вставку.

Глава 17

1 *Другие сведения о вышеупомянутом Бритте...*— Можно вспомнить, что в начале гл. 10 автор пишет: «... в какое время после потопа был заселен наш остров, на этот счет я располагаю противоречивыми сведениями». Первая «версия» излагается в гл. 10, вторая — в гл. 17, которая является непосредственным продолжением гл. 10. Гл. 11—16 являются, видимо, позднейшей вставкой.

2 *Сим свои пределы распространил в Азии, Хам — в Африке, Иафет — в Европе.*— В Библии (Бытие, X) рассказывается, что после потопа у сыновей Ноя, спасшихся вместе с ним, родились дети и заселили Землю; приводятся имена их потомков. Некоторые из этих имен можно «привязать» к определенным народам и, следовательно, территориям. Однако «классическая» средневековая трактовка этой главы Библии принадлежит св. Иерониму («Quaestiones in Genesim») и является достаточно произвольной. Этой трактовки придерживается и автор «Истории бриттов».

3 *Из рода Иафетова первым прибыл в Европу Алан с тремя сыновьями, имена коих были: Хессицион, Арменон и Ногве.*— В Средние века имел широкое распространение так называемый «Перечень народов Европы», составленный в начале VI в. В этом документе народы тогдашней Европы возводились к мифическим эпонимам Хессициону, Арменону и Ногве. В первой части гл. 17 автор «Истории бриттов» следует одному из вариантов этого «Перечня» (в полном соответствии с рукописью, хранящейся в Рейхенау и датируемой приблизительно 800 г.). В своем сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии» Тацит пишет, что германцы «в своих древних песнопениях... славят порожденного Землей бога Туистона. Его сын Манн — прародитель и праотец их народа; Манну они приписывают трех сыновей,

по именам которых обитающие близ Океана прозываются ингевонами, посередине — гермионами, все прочие — истевоны» (гл. 2). В ингевонах, гермионах и истевонах можно узнать имена «сыновей» мифического Алана — Ногве, Арменона и Хессициона.

4 *Аламанны* — германское племя алеманы.

5 *Готы* — германское племя.

6 *Валаготы* — сведений о них не сохранилось.

7 *Гепиды* — германское племя, истребленное в VI в. лангобардами.

8 *Бургунды* — германское племя, осевшее в восточной Галлии.

9 *Лангобарды* — германское племя, осевшее в северной Италии.

10 *Богвары* — кельтское племя, заселявшее некогда территорию нынешней Баварии (ФРГ), по имени которого она и называется.

11 *Туринги* — германское племя, населявшее некогда нынешнюю Тюрингию (ГДР).

12 *Алан, как говорят, был сыном Фетебира...* — Здесь сделана попытка соединить мифическую родословную, почерпнутую из «Перечня народов» (см. примеч. 3 к гл. 17) с родословной библейской. Имена от Фетебира до Иовабата восходят, в основном, к библейской традиции, однако никакой конкретной библейской родословной не соответствуют. Начиная же с Иована, сына Иафета, родословная находится в полном соответствии с Библией.

Глава 18

1 *... Алан был сыном Реи Сильвии...* — В гл. 18 делается попытка объединить не две (как в гл. 17), а три «родословные» — средневековую, восходящую к «Перечню» (см. примеч. 3 к гл. 17), римско-троянскую и библейскую. Рея Сильвия — мать Ромула и Рема, легендарных основателей Рима.

2 *... Нумы Помпилия, сына Аскания...* — Нума Помпилий — второй царь древнего Рима (715—672 гг. до н. э.), преемник Ромула. О потомках Аскания в древнеримской мифологии не говорится. По римской традиции, Асканий должен был жить значительно раньше Нумы Помпилия.

3 *Асканий был сыном Энея... сына Иафета.* — Родословная Энея сильно укорочена по сравнению с древнеримскими источниками и смыкается с библейской: Дардан становится сыном не Юпитера, а библейского персонажа.

4 *У Иафета было семь сыновей...* — Имена сыновей Иафета перечислены в полном соответствии с Библией (Бытие, X). По этой «родословной» бритты («потомки Иувана») возводятся к «грекам», которые «произошли от Иувана».

5 *Мидяне* — жители Мидии, могущественного в VII—VI вв. до н. э. государства в Передней Азии.

6 *Иберы* — народ, живший в древности на Пиренейском полуострове, Корсике, Сардинии и Балеарских островах.

7 *Каппадокийцы* — жители Каппадокии в юго-восточной части Малой Азии.

8 *... первого звали Гомером, и от него произошли галлы... седьмого — Тирасом, и от него — фракийцы.* — Эти сведения о происхождении народов почерпнуты из сочинения св. Иеронима «Questiones in Genesim» (X, 2). Фракийцы — обитатели Фракии, области на востоке Балканского полуострова.

Глава 19

1 *... Юлий Цезарь, который первым получил в свои руки единоличную власть...* — Первый поход в Британию Цезарь предпринял в 55 г. до н. э., не будучи еще обладателем единоличной власти, которую он сосредоточил в своих руках лишь по окончании гражданской войны (45 г. до н. э.).

2 *Долобелл* — это имя попало в «Историю бриттов» по ошибке. Так звали известного римского деятеля эпохи Юлия Цезаря (Публий Корнелий Долабелла).

3 *Беллин, сын Миноканна.* — Известный французский медиевист Ф. Лот (указ. соч., с. 54—55) полагает, что эти имена попали в «Историю бриттов» по ошибке: автор гл. 19 неверно прочел и неверно понял текст испанского историка Павла Орозия (V в.) «Historia adversus paganos» (I, VII, 5), где говорится о походе Гая Цезаря (Калигулы).

Глава 20

[1] *Спустя три года он вторично... прибыл сюда...*— По данным римских историков и самого Цезаря, второй поход в Британию состоялся через год после первого, т. е. в 54 г. до н. э.

[2] *Цетилоу* — по-бриттски означает «посев войны».

[3] ... *Цезарь стал властвовать над бриттским народом за сорок семь лет до Рождества Христова...*— Это — ошибка, о происхождении которой можно, в лучшем случае, строить догадки. Как было написано выше (см. примеч. 1), второй и последний поход в Британию был предпринят Цезарем в 54 г. до н. э. Поход этот был успешным, но под римское владычество Британия попала значительно позднее, при императоре Клавдии (см. гл. 21 «Истории бриттов» Нения).

[4] ... *переименовать в его честь месяц Квинтилий и называть его впредь Июлем.*— Квинтилий (quintus по-латыни — пятый) — пятый месяц римского календаря; год у римлян начинался 1 марта. В 44 г. до н. э. Квинтилий был переименован в честь Юлия Цезаря, родившегося в этом месяце.

[5] ... *в мартовские иды Гая Юлия Цезаря убивают в сенате...*— Иды по римскому календарю — пятнадцатый день в марте, мае, июле и октябре, тринадцатый в остальные месяцы. Цезарь был убит 15 марта 44 г. до н. э.

[6] *Вергилий* — Публий Вергилий Марон (70—19 г. до н. э.), римский поэт, автор Энеиды, Георгик, Буколик.

[7] *Пурпурный занавес вверх британнами тканными вздернут.*— Это — цитата из Вергилия («Георгики», III, 25, пер. С. Шервинского), явно не понятая автором «Истории» и потому неуместная.

Глава 21

[1] ... *прибыл на остров Британию император Клавдий и в сорок восьмом году по Рождестве Христовом его захватил.*— Поход Клавдия в Британию состоялся в 43 г.

[2] ... *Британия перестала выплачивать римлянам дань, каковую вернули бриттским властителям.*— Это утверждение не соответствует действительности. Британия вошла в состав Римской империи, и римские императоры стали править Британией.

[3] *Памятник ему показывают в Моганции у лангобардов; там, направляясь в Рим, он и умер.*— Моганция (Мауганция) — ныне город Майнц (ФРГ); указание «у лангобардов» — ошибочно: лангобарды жили на севере современной Италии. В Мауганции стоял памятник Друзу, отцу Клавдия. Клавдий был отравлен своей женой Агриппиной и умер в Риме в 54 г.

Глава 22

[1] ... *король бриттов Луций... принял крещение от послов, направленных к нему императором римлян и римским папою Эваристом.*— У Беды Достопочтенного («Церковная история народа англов», 1, 5) написано следующее: «В году от Воплощения Господня сто шестьдесят седьмом Элевтерий стал первосвященником в Риме; король бриттов Луций направил ему письмо, в котором просил и велел, чтобы его (Луция) обратили в христианство». Как видим, «История бриттов» воспроизводит сообщение Беды с множеством искажений. Что касается имени римского папы, к понтификату которого приурочивается это событие, то в большинстве рукописей «Истории бриттов» Нения он назван так же, как у Беды — Элевтерием. Однако Элевтерий принял звание первосвященника не в 167 г., а в 175. Эварист был римским папой с 97 по 105 г., т. е. значительно раньше.

Глава 23

[1] *Император Север* — Септимий Север, римский император с 193 по 211 г. В Британию прибыл в 208 г.

[2] ... *Он возвел оборонительную стену и насыпал вал...*— При Септимии Севере был восстановлен и заново укреплен «вал Адриана», сооруженный во времена правления этого последнего (117—137) — от устья реки Тайн на востоке до залива Солуэй-Ферт на западе.

[3] *... скотты с запада, а пикты с севера... совместно нападали на бриттов.*— От нападения с запада вал Адриана защищать, естественно, не мог. Нападения скоттов начались позднее — в IV в.

[4] *... Север, возвратившись в Эборак, был там убит...*— По римским источникам, Север умер в Британии ненасильственной смертью в 211 г.

Глава 24

[1] *Кариций* — Караузий, римский военачальник, галл из племени менапиев, провозглашенный императором в Британии в 286 г. Его власть были вынуждены признать и в Риме; умер в 293 г.

Глава 25

[1] *... прибыл в Британию Константин, сын Константина Великого. Он тут и умер...*— У римского императора Константина I Великого (306—337) был сын Константин, император западной Римской империи (337—340). Однако воевал и умер в Британии (306) не сын Константина Великого, а его отец Констанций Хлор, император (293—306).

[2] *Каир Сегейнт* — ныне не существующий город в северном Уэльсе — бывшее римское укрепление Сегонциум. В Сегонциуме был провозглашен императором узурпатор Константин III (407 г.), последний римский правитель Британии.

Глава 26

[1] *Максим* — самозванный римский император Магн Максим, который властвовал в Испании, Галлии и Британии с 383 по 388 г.

[2] *После него римской державой стали управлять консулы...*— О событиях того времени автор «Истории бриттов» мог узнать из «Хроники» Проспера, продолжившей «Хронику» Иеронима (см. примеч. 4 и 5 к «предисловию» Ненния). У Проспера императоры (цезари) не упоминаются, а только консулы, что и ввело в заблуждение нашего автора.

[3] *Святой Мартин* — см. примеч. 1 к гл. 201 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

Глава 27

[1] *Седьмым в Британии царствовал император Максимиан.*— Речь идет все о том же Максиме, что и в гл. 26 (см. примеч. 1 к гл. 26), который «раздвоился» на Максима и Максимиана. В гл. 29 «Истории бриттов» он будет назван один раз Максимианом, а второй — Максимом.

[2] *... убив Грациана, повелителя Рима, подчинил себе всю Европу.*— Грациан — император западной Римской империи с 367 по 383 г.; был свергнут и убит узурпатором Максимом.

[3] *... земли, простирающиеся от озера, что находится на верху горы Юпитера, вплоть до города, который называется Кант Гвик и до мыса на западе, то есть Крук Окидиент.*— По мнению Ф. Лота (указ. соч., с. 60), приведенные выше географические названия расшифровываются следующим образом: Гора Юпитера — это Большой Сен-Бернар, перевал между нынешней Швейцарией и Италией. На некотором расстоянии от перевала есть озеро и развалины храма Юпитера. Кант Гвик — ныне Этайль, городок на побережье Ла-Манша, при впадении реки Канш. Крук Окидиент — возможно, мыс Финистерре на северо-западе Пиренейского полуострова.

[4] *Восьмым был якобы некий второй Север... девятым... Констанций.*— Скорее всего, это те же Септимий Север и Констанций Хлор, о которых сообщалось выше (см. гл. 23 и 25 и примеч. 1 к гл. 23 и 1 к гл. 25).

Глава 28

[1] *... римляне властвовали над бриттами четыреста девять лет.*— В «Церковной истории народа англов» Беды Достопочтенного (V, 24) сказано: «В четыреста девятом году Рим был разрушен готами, и с этого времени римляне перестали властвовать над Британией». По всей вероятности, сообщение Беды было неправильно понято автором гл. 28 «Истории бриттов».

Глава 29

[1] *Грациан с братом Валентинианом царствовал шесть лет.*— О Грациане — см. примеч. 2 к гл. 27. Валентиниан — это Валентиниан II (младший), сводный брат и соправитель Грациана, император западной Римской империи (375—392).

[2] *Медиоланский епископ Амброзий* — св. Амвросий (ок. 340—397), плодовитый христианский писатель, один из «отцов» католической церкви. Медиоланум — ныне город Милан (Италия).

[3] *Валентиниан с Феодосием царствовал восемь лет.*— После убийства Грациана Максимом (см. гл. 27 и примеч. 1 и 2 к гл. 27) Валентиниан II бежал к императору восточной Римской империи Феодосию I (379—395), который оказал ему помощь в борьбе с Максимом. Максим был разгромлен и убит в 388 г.

[4] *... Константинопольский собор, осудивший все ереси...*— Константинопольский церковный собор состоялся в 381 г. На нем, в частности, было осуждено арианство.

[5] *... вифлеемский пресвитер Иероним прославился на весь мир.*— Речь идет о св. Иерониме (см. примеч. 4 к «предисловию» Ненния). Вифлеем (Бейт-Лахм) — город в нынешней Иордании, где, по преданию, родился Иисус Христос. Последние годы жизни Иероним провел в монастыре в Вифлееме.

[6] *Лугдун* (Лугдунум) — ныне город Лион (Франция).

[7] *Турский епископ Мартин* — св. Мартин (см. примеч. 1 к гл. 201 «История бриттов» Гальфрида Монмутского).

[8] *... по повелению Валентиниана и Феодосия, консулов...*— Римские императоры (цезари) часто занимали должность консула. О том, почему Валентиниан и Феодосий названы здесь «консулами», см. примеч. 2 к гл. 26.

[9] *... Максима хватают у третьего мильного камня от Аквилеи... и предают казни.*— Аквилея — это город на северном побережье Адриатического моря. Мильный камень — на больших римских дорогах через каждую милю стоял каменный столб. Римская миля — 1,48 км. (тысяча двойных шагов римского легионера). Максим, разгромленный войсками Феодосия и Валентиниана II, был схвачен и казнен (388 г.).

Глава 30

[1] *Бритты трижды умерщвляли в Британии римских правителей.*— Рассказ о коварстве, неблагодарности и воинской беспомощности бриттов вдохновлен сочинением Гильдаса «О разорении и завоевании Британии (гл. 14—20).

[2] *Так бывало неоднократно на протяжении трехсот сорока восьми лет.*— В гл. 6 сочинения Гильдаса (см. примеч. 1) рассказано о вероломном убийстве бриттами римских начальников в Британии, что произошло в 61 г. (по хронологии Гильдаса). Датой ухода римлян из Британии автор «Истории бриттов» считает 409 г.; 409 минус 61=348.

Глава 31

[1] *... после вышеупомянутой войны... между бриттами и римлянами...*— Неясно, о каких событиях в данном случае идет речь.

[2] *... бритты в течение сорока лет жили в страхе.*— По Беде Достопочтенному (указ. соч., V, 24) римляне ушли из Британии в 409, а саксы прибыли в 449 г. Следовательно, прошло 40 лет. Однако Максим был убит в 388 г. 388 плюс 40=428 г.

[3] *... страшился Амброзия и римлян.*— Гильдас в своем сочинении «О разорении и завоевании Британии» (гл. 25) рассказывает о том, что бритты, теснимые саксами, объединились вокруг Амброзия Аурелиана, одного из немногих оставшихся на острове знатных римлян, «и Господь даровал им победу». Поскольку тот же Гильдас много

писал о коварстве и неблагодарности бриттов и их столкновениях с римлянами, автор «Истории бриттов» решил, что храбрый воитель римлянин Амброзий был врагом бриттов и, следовательно, Гвортигирн должен был его бояться. Впоследствии Гальфрид Монмутский сделал Аврелия Амброзия непобедимым королем бриттов («История бриттов», гл. 72, 93—99, 118—123, 125—134, 136, 142, 152, 191).

4 *... два брата, Хорс и Хенгист...* — см. примеч. 1 к гл. 98 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

5 *Остров Танет* (Танат, Фанет, Фанат) — находится в устье реки Стор (графство Кент, Великобритания).

6 *Саксы были приняты Гвортигирном в правление Грациана Второго с Эквицием в году от Страстей Господних триста сорок седьмом.* — Автор «Истории бриттов» мог прочесть в своем источнике, «Хронике» Проспера, что консулами в Риме в 347 и 348 г. от Страстей Господних были Грациан и Эквиций (возможно, это было второе консульство императора Грациана). Насчет того, как и почему эта дата оказалась связанной с прибытием саксов в Британию, существует множество догадок (см. *Лот Ф.* Указ. соч., с. 41—42).

Глава 32

1 *Святой Герман* (ок. 378—446) — епископ Оксерский; дважды (в 428 и 446 г.) приезжал в Британию для борьбы с пелагианской ересью (см. примеч. 4 к гл. 100 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского). В гл. 47 «Истории бриттов» Ненния содержится ссылка на «Книгу святого Германа». Известны несколько житий св. Германа, однако рассказы Ненния о деяниях св. Германа (гл. 32—35, 39, 47, 51) не восходят ни к одному из этих житий. Ф. Лот (Указ. соч., с. 86) высказывает мнение, что автором этих историй (или «Книги святого Германа») был сам Ненний.

Глава 34

1 *... тою же ночью на крепость пал небесный огонь и испепелил ее...* — Многие элементы истории о добром человеке, приютившем Германа, и нечестивом короле, которого покарал небесный огонь, восходят к библейскому рассказу о праведнике Лоте и нечестивых городах Содоме и Гоморре (Бытие, XIX).

Глава 35

1 *«Из праха подъемлет Он бедного, из брения возвышает нищего...»* — Это цитата из Библии (Первая книга Царств, II, 8). Брение — по-старославянски — распущенная глина, грязь.

2 *... доныне правят всей областью Поуис.* — Речь идет об области в центральном Уэльсе.

Глава 37

1 *... переправились через хлябь Фетиды.* — Это выражение заимствовано нашим автором у Гильдаса («О разорении и завоевании Британии», 19). Фетида — морская богиня, мать Ахилла (древнегреческая мифология).

2 *Сикера* — забродившая смесь меда с водой.

3 *Остров Огигуль* — имеется в виду полуостров Ютландия, откуда прибыли германцы. У Беды Достопочтенного этот полуостров назван «angulus», что по-латыни означает «угол».

Глава 38

1 *... на севере, близ стены, что зовется Гвауль.* — Гвауль — от латинского «vallum» — вал, стена. В гл. 23 упоминается «гвауль» — оборонительное сооружение, возведенное якобы Септимием Севером (см. примеч. 2 к гл. 23). Однако имелся еще один, более северный защитный вал — от залива Ферт-оф-Форт на востоке до устья реди Клайд на западе. Это сооружение было возведено в правление императора Антонина Пия (138—161). Следующее несколько ниже сообщение, что саксы «заняли многие земли по ту сторону Френесикского моря», говорит, как будто, в пользу того, что на сей раз имелся в виду «гвауль» Антонина Пия.

2 *Френесикское море* — ныне залив Ферт-оф-Форт (Великобритания).

Глава 40

1 *... народ, который ты поселил в твоем королевстве...*— Имеются в виду саксы.
2 *Гвинед* (Венедотия) — область (в дальнейшем — королевство) в сев. Уэльсе.
3 *Хререрские горы* — горный массив в Уэльсе, ныне называющийся Сноудон.

Глава 41

1 *Равнина Эллети* — местоположение не установлено.
2 *Глегвиссинг* — область в Южном Уэльсе, в нижнем течении реки Аск.

Глава 42

1 *А змии принялись гнать друг друга...*— Битва мифических существ, олицетворяющих враждующие народы или отдельных людей — достаточно распространенный фольклорный мотив (см. например, Библия, Книга Есфири, I и X; можно вспомнить также сон короля Артура в гл. 164 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского).
2 *... поднимется наш народ и вышвырнет народ англов за море.*— Германцы-интервенты названы здесь «англами», в то время как ранее (гл. 31—37) и далее они называются «саксами». Это объясняется тем, что англы и саксы — родственные германские племена, вторгшиеся в Британию примерно в одно и то же время.
3 *«Мое имя Амброзий, или, говоря по-иному, Эмбреис Гулетик».*— «Гулетик» по-бриттски — «вождь», «глава». Можно предположить, что это — тот же Амброзий, который упоминался в гл. 31 и о котором писал Гильдас (см. примеч. 3 к гл. 31). У подножья Херерских гор (Сноудона), там, где хотел выстроить свой замок Гвортигирн, некогда существовало римское укрепление, которое бритты называли «Dinas Emrys» — «Крепость Амброзия». Таким образом, место встречи Амброзия с Гвортигирном (который передал ему власть над окружающей местностью) приурочено автором к известному в его время топониму.
4 *«Мой отец — консул и происходит из римлян».*— Этот ответ находится в полном противоречии с тем, что говорилось выше о происхождении Амброзия (гл. 42), но это соответствует тому, что писал об Амброзии Гильдас (см. примеч. 3 к гл. 31).
5 *Гвунесси* — не установленная местность на севере Британии.

Глава 44

1 *Дергвентид* — ныне река Деруэнт, приток Темзы (Великобритания).
2 *Эписфорд* — место не установлено.
3 *... близ камня с могильною надписью на берегу Галльского моря...*— Полагают, что это Стонар близ Сэндвича (графство Кент). Галльское море — средневековое название пролива Ла-Манш.

Глава 46

1 *«энимит саксас»* — в переводе с языка саксов означает «хватайтесь за ножи».
2 *Эстсакс* — ныне графство Эссекс (Великобритания).
3 *Сутсакс* — ныне графство Суссекс (Великобритания).
4 *Мидельсекс* — ныне графство Мидлсекс (Великобритания).

Глава 47

1 *... пресечь свою преступную связь...*— см. гл. 39.
2 *Гвортигирниаун* — область в Уэльсе, в нынешнем графстве Раднор (Великобритания).
3 *Край деметов* — Деметия, область в Южном Уэльсе, (Великобритания).
4 *Тейби* — ныне река Тейви (Великобритания).
5 *... в книге святого Германа.*— См. примеч. 1 к гл. 32.

Глава 48

1 *Буелт* — область в Южном Уэльсе.
2 *Фавст* — в V в. настоятелем монастыря в Рьезе (Riez. Южная Франция) был Фавст, родом бритт. Вероятно, именно его имеет в виду наш автор. То, что Фавст был сыном Гвортигирна,— останется на совести автора.
3 *Ренис* — какая река имеется в виду, неизвестно.

Глава 49

1 *Фернмайл ныне царствует...* — Король Фернмайл царствовал в Буелте и Гвортигирниауне в конце VIII — начале IX в.
2 *Гвортенеу* — что означает это слово — неизвестно.

Глава 50

1 *Святой Патрик был в то время пленником скоттов...* — Главы 50—55 являются компиляцией из двух ирландских житий св. Патрика, одно из которых датируется приблизительно 650 г., другое было составлено около 700 г.
2 *Целестин* — папа римский Целестин I (422—432) (святой католической церкви).

Глава 54

1 *Конахта* — ныне Коннахт, область Ирландии (Эйре).
2 *Холм Эйле* — местоположение неизвестно.

Глава 55

1 *... беседа с ангелом, вещавшим из неопалимой купины...* — см. Библия, Исход, III.
2 *... пост на горе в течение сорока дней и сорока ночей...* — см. Библия, Исход XXIV, 18.
3 *... оба они достигли ста двадцати лет...* — О том, что Моисей умер ста двадцати лет, сообщается в Библии (Второзаконие, XXXIV, 7).
4 *... никто не знает, где их могилы...* — О том, что место погребения Моисея неизвестно, сообщается в Библии (Второзаконие, XXXIV, 6).

Глава 56

1 *... Окта передвинулся с левой стороны Британии к королевству кантов...* — У кельтов «левой стороной» назывался север. О том, что Окта, сын Хенгиста (по другим источникам — внук) обосновался первоначально в северной части острова, сообщалось в гл. 38. Кантия — ныне графство Кент на юге Британии. Однако все перечисляющиеся ниже битвы Артура с германцами происходят в северной и средней части острова.
2 *Глейн* — по-видимому, ныне Глен, река, впадающая в залив Уош (Великобритания).
3 *Дубглас* — ныне река Дуглас, приток Клайда (Великобритания).
4 *Линнуис* — ныне область Леннокс в Шотландии (Великобритания).
5 *Бассас* — возможно, ныне Бассентвайт, река и озеро в графстве Уэстморленд (Великобритания).
6 *Целидонский лес* — вероятно, Калидонский лес, у озера Лох-Ломонд в Шотландии (Великобритания).
7 *Замок Гвиннион* — ныне Бинчестер в графстве Дарем (Великобритания).
8 *Город Легиона* — ныне город Честер (Великобритания).
9 *Трибруит* — вероятно, имеется в виду залив Ферт-оф-Форт.
10 *Гора Агнед* — возможно, Бругхэм в графстве Уэстморленд; однако, так же назывался и один из трех холмов, на которых ныне стоит Эдинбург.
11 *Гора Бадона* — ее точное местоположение не установлено. Некоторые ученые (например, Э. Фараль) полагают, что это возвышенность возле современного города Бат. О победе над саксами у горы Бадона сообщает Гильдас («О разорении и завоевании Британии», 26), однако имя Артура Гильдасом в этом случае не упоминается.
12 *Беорника* (Берника) — область на севере Британии.

Глава 57

[1] *Воден породил Бельдега...*— Родословная королей Беорники (так же, как и других династий германских правителей на территории Британии) возводится, как видим, к Водену — верховному божеству германцев (Вотан, Один).
[2] *Гвейт Лин Гаран* — по-бриттски «битва у Озера Журавлей». Местоположение этого озера неизвестно.

Глава 60

[1] *Мерсия* — область в центральной части острова Британия.
[2] *Эгфрид* — о нем известно, что он был королем всего несколько месяцев в 796 г.

Глава 61

[1] *Дейра* — область к северу от эстуария Уза и Трента со столицей в Эбораке (ныне Йорк).
[2] *Битва при Мейцене* (Хедфельде).— Эта битва произошла в 633 г.
[3] *Катгублаун* — это — Кадваллон «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (гл. 2, 190—193, 195—202). В битве при Хедфельде (Мейцене) союзником Кадваллона был Пенда (Пеанда), король Мерсии.
[4] *Эгфрид Элгвин* — Элгвин — прозвище: «белые брови».
[5] *Эгберт* — церковный деятель (ум. в 766 г.); стал епископом в 735 г.
[6] *Гвейрм* — Ф. Лот считает, что это Беббанбург, ныне Бамборо (Великобритания).

Глава 62

[1] *Тальгерн Татагвен* — о нем неизвестно ничего определенного.
[2] *Анейрин* — известна «Книга Анейрина»; рукопись датируется XIII в., но произведения восходят к VI в. Героические поэмы, приписываемые Анейрину (самая известная из них — «Y Gododdin»), написаны простым и выразительным языком. Этот памятник интересен и для лингвистов, ибо VI в.— переломная эпоха в развитии валлийского языка, который из «синтетического» языка бриттов быстро становился «аналитическим».
[3] *Талиессин* — см. примеч. к ст. 685 «Жизни Мерлина».
[4] *Блухбард* — Ф. Лот (Указ. соч., с. 74) полагает, что в «Истории бриттов» так назван Лливарх Хен («хен» — «древний»). Лливарху приписывается так называемая «Черная книга Кармартена»; рукопись датируется IX в., однако входящие в нее произведения были написаны раньше.
[5] *Циан* — о нем ничего неизвестно.
[6] *Майлгун* — это Мальгон «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (гл. 183, 191, 195). Майлгун умер в 547 или 550 г.
[7] *Кунедаг... передвинулся сюда с левой стороны...*— см. примеч. 1 к гл. 56.
[8] *Манау Гвотодин* — область на юго-востоке нынешней Шотландии.

Глава 63

[1] *... королевство кантиев приняло святое крещение от посланцев папы Григория.*— См. гл. 188 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и примеч. 1 к гл. 188.
[2] *Урбген* — герой поэм Талиессина и Лливарха (см. примеч. 3 и 4 к гл. 62), так же, как упоминающийся ниже Гвалаук.
[3] *Ридерхен* — Ридерх Хен, т. е. Ридерх Старый или Старший, по другим источникам Ридерх Хаель, т. е. Великодушный жил в середине VI в.
[4] *Метхауд* — ныне остров Холи-Айленд в Северном проливе (Ирландское море) близ устья Клайда.
[5] *Эдльфред Флезаур* — кличка «Флезаур» значит по-валлийски «Опустошитель».
[6] *Дин Гварой* (Беббанбург) — ныне Бамборо (Великобритания).
[7] *Элмет* — бриттское государство на территории нынешнего графства Йоркшир (Великобритания).
[8] *Эдвин же был окрещен позднее...*— Это произошло в 627 г.
[9] *Эльбобд* (Эльводуг) — имеется в виду епископ Эльводгу (см. примеч. 2 к «предисловию» Ненния).

[10] *... Рун меп Урбеген, иначе говоря — архиепископ Павлин Эборакский...*— Беда Достопочтенный («Церковная история народа англов», II, 14) сообщает, что Нортумбрию крестил епископ Павлин. Павлин был послан в Британию (вместе с Августином) папою Григорием I (см. примеч. 1 к гл. 188 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского), стал первым епископом Нортумбрии, крестил короля Эдвина (627 г.) и после гибели последнего (633 г.) перебрался в Эборак (Йорк); умер в 644 г. Рун меп Урбген (сын Урбгена) — судя по имени, бритт. Скорее всего, Рун и Павлин не могут быть одним и тем же лицом.

[11] *Альдсаксы* — очевидно, это слово следует перевести как «древние саксы» (староангл.); однако, почему так названы амброны, обитатели северной Англии, неясно.

[12] *Пресвитер Беулан* — ранее Беулан упоминается в посвящении к стихам, предпосланным «Истории бриттов».

Глава 64

[1] *Освальд Ламнгвин* — король Освальд принял христианство и почитался святым в средневековой Англии. Ламнгвин — «Белая рука» по-валлийски.

[2] *Катскауль* — ныне Роулид Риджис (Великобритания).

[3] *Катгуалатр* — это Кадвалладр «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (гл. 2, 115, 202, 203, 205, 206).

[4] *Гай* — местоположение точно не установлено. Э. Фараль полагал, что этот лагерь находился в долине реки Уорф (Центральная Англия).

[5] *Иудеу* — так, по-видимому, называлось укрепленное поселение на одном из островов в заливе Ферт-оф-форт.

Глава 65

[1] *Именно тогда Осгид передал все богатства... то есть атбрет Иудеу, в руки Пенды...*— В конце гл. 64 было сказано, что Пенда и его союзники — бриттские короли — были перебиты. Следовательно, речь идет о событиях более ранних. Атбрет — по-валлийски «выкуп».

[2] *Катгабайл Катгвомед* — Катгабайл — «Ищущий битвы» по-валлийски. Катгвомед — «Избегающий битвы».

[3] *Кутберт* — святой католической церкви (ум. в 687 г.).

[4] *Кокбой* — место, где произошла эта битва, находится, по всей вероятности, в нынешнем графстве Шропшайр (Великобритания).

Глава 66

[1] *Стилихон* — римский полководец, вандал родом, одно время был фактическим правителем западной Римской империи. Был убит в 408 г.

[2] *... в консульство Феодосия и Валентиниана...*— Речь идет о римских императорах Феодосии II и Валентиниане III; консулами они были в 425 г.

[3] *... в Британию прибыли саксы, что произошло в консульство Феликса и Тавра в четыреста первом году от Воплощения... Иисуса Христа.*— Феликс и Тавр были консулами в 428—429 г. Следовательно, автор гл. 66 ошибочно написал «четыреста первом году от Воплощения»: правильнее было бы «от Страстей». Таким образом, хронологические выкладки гл. 66 указывают 428 г. как дату начала проникновения германцев в Британию.

[4] *... до Деция и Валериана...*— Такое консульство историческими источниками не засвидетельствовано.

Глава 66а

[1] В некоторых рукописях «Истории бриттов» за главой 65 идут листы из «Анналов Камбрии» («Annales Cambriae») — рукописи, составленной ок. 954 г. В листах, попавших в «Историю бриттов», кратко перечислены по годам важнейшие события с 453 по 954 г. «Анналы» охватывают не только Камбрию (область, соответствующую нынешнему Уэльсу), но, в той или иной мере, и другие области Британии. Следом за «Анналами Камбрии» в тех же рукописях «Истории бриттов» идут генеалогии некоторых бриттских династий; эти генеалогии были составлены в X в.

[2] *Вот названия всех городов, какие существуют в Британии и которых всего двадцать восемь.*— О том, что в Британии 28 городов, писали Гильдас (Указ. соч., с. 2) и автор «Истории бриттов» в гл. 7. Некоторые из городов, перечисленных в гл. 66(а), существуют поныне, другие давно разрушены; некоторые названия не поддаются идентификации.

[3] *Каир* — по-бриттски «город». Все названия городов приводятся автором в «бриттском» варианте. Вот их список с указанием современных названий (если они известны). 1. *Каир Гвортигирн* — местоположение точно неизвестно. 2. *Каир Гвинтгвик* — ныне Винчестер (но, возможно, Кервент). 3. *Каир Минцип* — возможно, ныне Сент-Олбанс. 4. *Каир Лигвалид* — ныне Карлайл. 5. *Каир Мегвайд* — возможно, ныне Мейводен. 6. *Каир Колун* — ныне Линкольн (но, возможно, Колчестер). 7. *Каир Эбраук* — ныне Йорк. 8. *Каир Кустоейнт* — местоположение не установлено. 9. *Каир Каратаук* — ныне Каттерик. 10. *Каир Граут* (Грант) — ныне Кэмбридж. 11. *Каир Маунгвид* — возможно, ныне Манчестер. 12. *Каир Лундем* — ныне Лондон. 13. *Каир Кейнет* — ныне Кентербери. 14. *Каир Гвирагон* — ныне Ворчестер. 15. *Каир Перис* — ныне Портчестер. 16. *Каир Даун* — ныне Донкастер. 17. *Каир Легион* — ныне Честер. 18. *Каир Гурикон* — ныне Роксетер. 19. *Каир Сегейнт* — ныне не существует; он стоял на месте римского укрепления Сегонциум. 20. *Каир Легион гвар Узик* — ныне Карлион. 21. *Каир Гвент* — ныне Кервент (но, возможно, Винчестер). 22. *Каир Бритон* — ныне Думбартон. 23. *Каир Лерион* — возможно, ныне Лейчестер. 24. *Каир Драйтоу* — ныне не существует; это была крепость на полуострове Корнуолл. 25. *Каир Пенса (или Койт)* — местоположение неизвестно. 26. *Каир Урнарк* — местоположение неизвестно. 27. *Каир Целемион* — местоположение неизвестно. 28. *Каир Луит Койт* — ныне Личфильд.

О дивах дивных Британии

Глава 67

[1] *Первое диво — это озеро Ломонд.*— Это «диво» пересказывается в гл. 149 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Озеро Ломонд — Лох Ломонд в Шотландии.

[2] *Лемн* — ныне река Левен, приток реки Клайд.

[3] *Траханнон* — ныне река Трент (Великобритания).

[4] *... пруд с теплой водой...*— Речь идет о теплых источниках Бата (см. примеч. 1 к гл. 30 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского).

[5] *Хвикке* — область центральной части южной Британии.

Глава 68

[1] *... в той же области...*— т. е. в области Хвикке.

Глава 69

[1] *Еще одно диво — это Опер Линн Ливан...*— Это «диво» пересказывается в гл. 150 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Опер Линн Ливан (Линлингван) — участок эстуария реки Северн близ впадения реки Уай.

Глава 70

[1] *Существует другое диво в области Цинлипиук...*— Это «диво» пересказывается в гл. 150 «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского. Цинлипиук — местоположение не установлено.

[2] *Финнаун Гуур Хелик* — местоположение не установлено. «Финнаун» — по-бриттски «источник».

Глава 70а

[1] *Гвой* — ныне Уай, приток реки Северн, вернее, река, впадающая в эстуарий Северн.

Глава 70б

[1] *Гвент* — область, соответствующая примерно нынешнему графству Монмутшир.

Глава 71

[1] *Гвир* — ныне Говер, область в южном Уэльсе.
[2] *Лоингарт* — какая местность имеется в виду — не установлено.
[3] *Святой Ильтуд* — видимо, местный святой. В Уэльсе (в нынешнем графстве Гламорган) существовал монастырь св. Ильтуда.

Глава 72

[1] *Путеи Моурик* — местоположение не установлено.

Глава 73

[1] ... *Кабал, пес Артура воина, гнался за вепрем Тройнтом...* — Кабал (Кавалл), пес Артура, упоминается в «Мабиногион» — своде валлийских эпических сказаний, записанных в XIII в., но восходящих, в значительной части, к более ранней эпохе. Охота на вепря — мотив кельтского, особенно ирландского фольклора. Вепрь Тройнт (Трвит), мифическое чудовище, упоминается в одном из ирландских источников IX в. Охота на Трвита, в которой участвовал Артур, описана в «мабиноги» «Куллох и Олуэн». Рассказ, приведенный в гл. 73, свидетельствует о большой популярности легенд об Артуре (так же, как и «диво» гл. 73а).

Глава 73а

[1] *Эркинг* — ныне город Эрхенфильд в графстве Херефорд (Великобритания).
[2] *Ликат Анир* (Глаз Анира) — ручей, ныне называющийся Гамбер.
[3] ... *он был сыном воина Артура, который на этом месте его убил...* — Мотив убийства отцом сына часто встречается в кельтском фольклоре.

Глава 74

[1] *Церетикаун* — ныне графство Кардиган (Великобритания).
[2] *Крук Маур* — по-бриттски «Большой холм»; местоположение неизвестно.
[3] *Локоть* — мера длины, около 50 см.

О дивах дивных острова Моны

Глава 75

[1] *Остров Мона* — ныне остров Англси в Ирландском море.
[2] *Долина Цитейн* — местоположение не установлено.
[3] ... *посреди моря, носящего название Мен...* — Речь идет о проливе Менай Стрит между островом Англси и побережьем Британии.

О дивах дивных Ибернии

Глава 76

[1] *Озеро Лухлейн* — местоположение не установлено.
[2] *Лух Эхах* — «Озеро Лошади»; местоположение не установлено.

МАДОК ИЗ ЭДЕЙРНА
НА СОЧИНЕНИЕ ГАЛЬФРИДА

Это стихотворение находится в рукописи «Версии-варианта» «Истории» Гальфрида Монмутского, хранящейся в Публичной библиотеке Кардиффа. Рукопись датируется приблизительно 1300 г. Она изготовлена на границе Франции и Германии, возможно, в Метце. Стихотворение переведено по изданию Дж. Хаммера.

[1] *Мадок* — о личности этого монаха, возможного переписчика (или даже редактора) «Истории» Гальфрида, достоверных сведений не имеется.

[2] ... *из обители Эдеирнийской.* — Этот монастырь находился в Сев. Уэльсе, в Карнарвоншире, почти у самого берега пролива Св. Георга. В истории английской церкви монастырь этот ничем не знаменит.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Вклейки между стр. 64—65

СОДЕРЖАНИЕ

ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ

ИСТОРИЯ БРИТТОВ
ЖИЗНЬ МЕРЛИНА

Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Литературные памятники»

Редакторы
Д. П. Лбова, Г. П. Шиманская

Художник
В. Г Виноградов

Художественный редактор
Т П. Поленова

Технический редактор
Э. Л. Кунина

Корректоры
Н. А. Несмеева, Е. Л. Сысоева

ИБ № 26711

Сдано в набор 06.10.83.
Подписано к печати 05.01.84.
Формат 70×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 21,352. Уч.-изд. л. 23,5. Усл. кр. отт. 22,5
Тираж 100 000 экз. 1 завод (1—50 000). Тип. зак. 3301

Цена 3 р. 20 к.

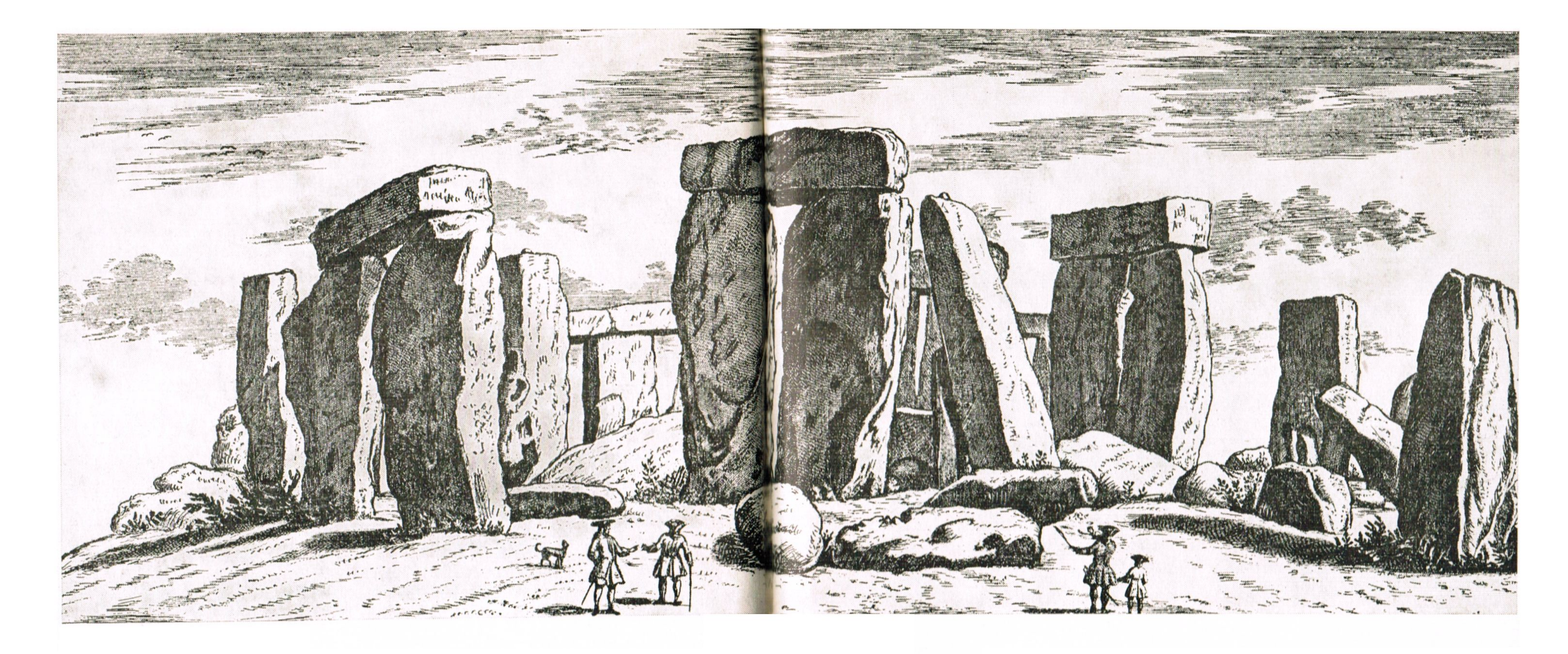
Издательство «Наука»
117864 ГСП-7. Москва В-485. Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99. Шубинский пер., 10

Юноша Мерлин и король Вортегирн

Миниатюра из рукописи XIII в.

Вид Стоунхенджа в XVII в.

Рисунок Иниго Джонса

Вид Стоунхенджа в XVII в.

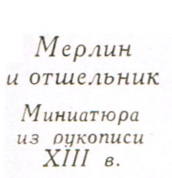
Рисунок Иниго Джонса

Король Артур сражается с гигантом

Миниатюра из рукописи конца XII в.

*Мерлин
и отшельник*

*Миниатюра
из рукописи
XIII в.*

Развалины аббатства Гластонбери

Изображение креста на гробнице Артура

Иллюстрация из книги Вильяма Кэмдона «Британия», 1607 г.